

1913.

Годъ 21.

УЧЕБНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ЮРЬЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

АСТА

ET

COMMENTATIONES

IMP. UNIVERSITATIS JURIEVENSIS

(OLIM DORPATENSIS).

№ 6.

ЮРЬЕВЪ.

Типографія К. Маттисена.

1913.

1913.

Годъ 21.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ЮРЬЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

№ 6.

ЮРЬЕВЪ.

Типографія К. Маттисена.

1913

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Юрьевскаго
Университета.

Юрьевъ, 16 мая 1913 г.

№ 2027.

Ректоръ: **В. Аленсѣвъ.**

СОДЕРЖАНІЕ.

Приложенія.

Стр.

Д. Н. Кудрявскій. Введеніе въ языкознание	I—X и 1—130
Проф. Л. А. Шалландъ. Имунитетъ Народныхъ Представителей. Томъ I	97—224
Списокъ книгъ, поступившихъ въ Библіотеку Императорскаго Юрьевскаго Университета съ 1 декабря 1911 года . .	17—32

Д. Н. Кудрявскій.

Введеніе въ языкознаніе.

Посвящается

Александръ Алексѣевнѣ

Шалиной.

Предисловіе.

Выпускаемое мною „Введеніе въ языкознаніе“ сложилось изъ тѣхъ курсовъ, которые мнѣ неоднократно приходилось читать въ Юрьевскомъ Университетѣ и на Юрьевскихъ Высшихъ Женскихъ Курсахъ. Не гонясь за подробностями и ограничивая исторію языкознанія лишь самымъ необходимымъ, въ своемъ изложеніи я старался представить по возможности цѣльный и связный обликъ современнаго языкознанія. Насколько мнѣ удалось выполнить эту трудную задачу, судить не мнѣ. Но я признаю себя вполне удовлетвореннымъ, если мое изложеніе нѣкоторыхъ вопросовъ, продуманныхъ мною самостоятельно, будетъ признано нелишнимъ дополненіемъ къ уже существующей литературѣ.

Юрьевъ (Дерптъ),
12 марта 1912 г.

Д. Кудрявскій.

Содержаніе.

	СТР.
Введеніе	1— 11
„Введеніе въ языкознаніе“ — лингвистическая пропедевтика. Неопредѣленность содержанія (1). Литературныя указанія (2). Прикладное значеніе языкознанія (2): Незнакомство съ языкознаніемъ нашего образованнаго общества. Возникновеніе языкознанія (3): изобрѣтеніе письма, толкованіе старыхъ текстовъ, школы ученыхъ (4). Обученіе родному языку. Методы преподаванія языка (5): переводы на иностранныя языки (6). Общеобразовательное значеніе языкознанія: языкъ — орудіе мысли (7); необходимо знать природу этого орудія (8); безсознательное пользованіе языкомъ; злоупотребленія словомъ: въ спорахъ (9), въ философскихъ трактатахъ. Точность математики (10). Значеніе языкознанія при изученіи историческихъ памятниковъ. Выводы (11).	
§ 1. Выясненіе термина „языкъ“	12— 13
Различныя значенія слова „языкъ“ въ обыденномъ употребленіи. Въ языкознаніи: языкъ отдѣльнаго человѣка, — писателя, — народа, человѣческой языкъ вообще (12); языкъ животныхъ; языкъ жестовъ (13).	
§ 2. Опредѣленіе человѣческаго языка	13— 18
Предварительное опредѣленіе языка по Габеленцу: 1) Значеніе термина „мысль“; 2) „Членораздѣльный звукъ“; Буславское толкованіе его (14); непослѣдовательность этого толкованія; у животныхъ есть членораздѣльные звуки (15). „Членораздѣльность выраженія мысли“ въ Габеленцовскомъ смыслѣ: звуки животныхъ и междометія человѣка (16) противуполагаются членораздѣльному языку. 3) Языкъ долженъ быть звуковой: жесты непригодны для членораздѣльнаго выраженія мысли; нечленораздѣльность языка глухонѣмыхъ (17).	
§ 3. Грамматика и логика	18— 26
Вопросъ объ отношеніи языка къ мысли (18). Основныя посылки логическаго толкованія явленій языка. Мнѣніе Буславова (19). Разборъ его (20). Отношеніе грамматики къ логикѣ: логическая форма мысли (21); языковая форма мысли; звуковое выраженіе мысли не существенно для логики. Трудность отдѣленія мысли отъ языкового ея выраженія (22). Случаи возможнаго отдѣленія мысли отъ словеснаго ея выраженія. Сравненіе грамматическихъ и логическихъ категорій: 1) Слово и понятіе: слово —	

- знакъ понятія; синонимы (23); положительная форма словъ — отрицательныя понятія, отрицательныя слова — положительныя понятія. 2) Предложеніе и сужденіе: несоотвѣтствіе въ выраженіи сужденія предложеніемъ и въ дѣленіи предложеній и сужденій. 3) Части предложенія и элементы сужденія: двучленное дѣленіе сужденія и многочленность предложенія (24). Несоотвѣтствіе между частями сужденія и главными частями предложенія. 4) Одночленные предложенія. Грамматическія и логическія формы различны по существу (25): логика совершенно не приложима къ объясненію явленій языка. Методологическая ошибка логическаго направленія въ грамматикѣ (26).
- § 4. Языкъ — дѣятельность . . . . . 26— 28
Мертвые и живые языки. Живое и мертвое въ языкѣ. Языкъ — дѣятельность. Явленія, заставляющія забывать объ этомъ: наблюденія явленій языка (27); письменность и установленіе грамматическихъ правилъ. Общественная сторона языковой дѣятельности (28).
- § 5. Языкъ и звуки животныхъ . . . . . 28— 32
Инстинктъ животныхъ. Рефлективный характеръ звуковъ животныхъ. Инстинктъ въ человѣкѣ (29). Умъ животныхъ и сознательное, разумное пользованіе звуками. Пониманіе звуковъ. Дрессировка (30). Усвоеніе значенія словъ говорящими птицами (31). Неспособность къ усвоенію членораздѣльности человѣческой рѣчи (32).
- § 6. Междометіе и слово . . . . . 32— 35
Сходство междометій и звуковъ животныхъ (32). Отсутствіе значенія въ междометіи. Его общепонятность (38) и связь съ сильнымъ душевнымъ движеніемъ. Отсутствіе постоянной связи между звукомъ и значеніемъ въ словѣ (34). Опредѣленность значенія въ словѣ. Историческое развитіе слова. Ослабленіе чувства.
- § 7. Природа слова . . . . . 35— 44
Отвлеченность слова (35) предполагаетъ долгій опытъ и классифицирующую работу ума (36). Созданіе новыхъ значеній словъ (37). Символь. Три элемента въ словѣ (38). Внутренняя форма (39). Важная роль сопоставленія представлений и словъ въ созданіи новыхъ значеній (40). Названія цвѣтовъ (41). Преимущества заимствованныхъ словъ. Значеніе сопоставленій для развитія мысли (42). Сравненіе съ математикой. Языкъ поэзіи и его образность (43). Польза забвенія внутренней формы. Освобожденіе отъ вліянія слова (44).
- § 8. Морфологическая классификація языковъ. 44— 48
Вопросъ о происхожденіи языка. Эволюціонная точка зрѣнія на развитіе формъ языка. Языки корневые (45), агглютинирующіе, флексирующіе (46). Гипотеза трехъ ступеней развитія языка. Паденіе этой гипотезы. Агглютинація (47).

- § 9. Генеалогическая классификація языковъ. 48— 52
Родство языковъ. Индо-европейскіе языки (48—51). Семитскіе языки. Угро-финскіе языки. Другія группы родственныхъ языковъ (51). Родство между собою отдѣльныхъ группъ. Отношеніе къ вопросу о происхожденіи языка (52).
- § 10. Постановка вопроса о происхожденіи языка. 52— 55
Теоріи звукоподражанія (52). Звуковой жестъ. Теоріи междометій (53). Общая ошибка этихъ теорій. Сбивчивость въ пониманіи термина „языкъ“ (54). Постановка вопроса о происхожденіи языка (55).
- § 11. Посильный отвѣтъ на вопросъ о происхожденіи языка . . . . . 55— 60
Сложность вопроса (55). Головной мозгъ. Органы рѣчи человѣка. Способность обобщенія. Пониженіе впечатлительности (56). Превращеніе междометія въ символъ. Членораздѣльность (57) и ея возникновеніе (58). Установленіе этаповъ перехода отъ междометія къ слову. Общественныя условія. Вертикальное положеніе человѣка (59) и его значеніе (60).
- § 12. Вспомогательныя дисциплины языкознанія . 60— 62
Физиологія звука (60). Экспериментальная фонетика. Семасиологія, или семантика (61). Психологія (62).
- § 13. Физиологія звука . . . . . 62— 88
Звукъ: музыкальный, шумъ (62). Условія возникновенія звуковъ человѣческой рѣчи. Органы рѣчи (63). Голось, его высота (64), сила и тембръ. Фальсесь (65). Шопоть. Придыханіе. Небная занавѣска. Полость носа. Полость рта (66): губы, зубы, альвеолы, твердое небо, мягкое небо (небная занавѣска) (67), языкъ, надгортанникъ. Движенія языка: интердентальная артикуляція, альвеолярная артикуляція (68), церебральная артикуляція. Спиранты. Палатальная и велярная артикуляція (69). Увулярное р. Отдѣльные звуки. Переходные звуки (70). Паузы. Взрывные звуки (71). Классификація отдѣльныхъ звуковъ (72). Звонкіе и глухіе звуки. Лабіализація. Губо - губные звуки (73). Палатализація. Альвеолярные звуки. Церебральные звуки. Палатальные звуки. Велярные звуки (74). Спиранты губо-зубные, интердентальные, альвеолярные (свистящіе и шипящіе) (75), церебральные, палатальные, велярные. Носовые спиранты. Плавные (76): р (77) и л. Гласные: и (78), е, э, а, о, у, ы. Сложные звуки (79): придыхательные, аффрикаты (80). Комбинаціи звуковъ. Принципъ экономіи движеній органовъ рѣчи (81). Фаукальный и латеральный взрывъ. Уподобленіе (82). Двойные согласные. Палатализація и лабіализація. Переходные звуки: байня (83), ндравитьсь (84). Слогъ (85). Слогообразующіе носовые и плавные. Двугласные. Уда-

реніе (86): экспираторное и музыкальное. Вліяніе экспираторнаго ударенія на конечные слоги словъ (87). Значеніе музыкальнаго ударенія (88).

§ 14. Психологическій факторъ въ языкѣ . . . . . 88— 97

Сложность строенія нервной системы, завѣдующей механизмомъ рѣчи (88). Ассоціаціи: слова и значенія (90), словъ стоящихъ рядомъ, сходныхъ словъ (91): народная этимологія. Типы склоненій и спряженій (92). Склоненіе иностранныхъ словъ. Созданіе новыхъ формъ по аналогіи (93). Ассоціаціи группъ словъ и предложеній. Атракція (94). Созданіе новыхъ формъ и оборотовъ: причастіе будущаго времени (95), причастіе прош. вр. съ частицею „бы“ (96), дѣепричастіе съ частицею „бы“ (97).

§ 15. Грамматическій строй индоевропейскихъ языковъ . . . . . 97—130

Предложеніе (97); его школьное (логическое) опредѣленіе; психологическое опредѣленіе Пауля и Вундта (98). Опредѣленіе Дельбрюка. Игнорированіе формальной стороны — причина неудачи опредѣленій (99). Двойное значеніе слова „предложеніе“. Историко-сравнительная точка зрѣнія Поттебни (100). Именное и глагольное предложеніе. Части рѣчи: глаголь и имя (существительное и прилагательное). Школьные опредѣленія ихъ (101). Научная характеристика (102). Исторія индоевропейскаго глагола: виды (103), возникновеніе временъ: прошедшаго, настоящаго (104) и будущаго (105—106). Системы грамматическихъ временъ. Происхожденіе категоріи грамматическаго рода (107). Части предложенія: главныя и второстепенныя (108). Подлежащее, именное сказуемое (109—110). Безличныя предложенія. Сказуемое — глаголь. Связка и ея происхожденіе (111—112). Предложеніе безъ сказуемаго (113): латинск. *infinitivus historicus*. Второстепенные члены предложенія: опредѣленіе (114), дополненіе (115), обстоятельство (116—118). Нарѣчіе (119). Дѣепричастіе (120). Предлогъ (121). Синтаксисъ сложнаго предложенія: Слитное предложеніе (122). Главныя и придаточныя предложенія (123). Школьная классификація придаточныхъ предложеній (124). Мѣстоименіе относительное и его возникновеніе (125). Союзы. Сокращенныя придаточныя предложенія (126—127). Выводы: части предложенія и части рѣчи (128). Числительныя и мѣстоименія (129). Заключеніе (130).

Объясненіе нѣкоторыхъ знаковъ.

Въ санскритскихъ словахъ с произносится, какъ русск. ч, j — какъ дж, џ — какъ шь, ѣ — какъ х. Звѣздочка * передъ словомъ, частью слова или звукомъ обозначаетъ, что существованіе этого слова, части слова или звука лишь теоретически предполагается въ доисторическое время.

Введеніе.

„Введеніе въ языкознаніе“ не представляет изъ себя особой научной дисциплины. Курсы введенія въ языкознаніе, читаемые въ нашихъ университетахъ, вызваны исключительно практическими требованіями преподаванія. Лица, которыя имѣють въ виду заниматься сравнительною грамматикою индо-европейскихъ языковъ, должны предварительно ознакомиться съ нѣкоторыми общими вопросами языкознанія и усвоить основныя положенія нѣкоторыхъ дисциплинъ, находящихся приложеніе въ сравнительной грамматикѣ. Такова, напримѣръ, фізіологія звука, рассматривающая физическія условія произношенія и воспріятія звуковъ человѣческой рѣчи. Съ этой точки зрѣнія содержаніе „Введенія въ языкознаніе“ можетъ быть охарактеризовано, какъ лингвистическая пропедевтика.

Но тѣ же самыя общіе вопросы языкознанія имѣють и общеобразовательное значеніе, и знакомство съ ними необходимо всѣмъ, занимающимся филологіей въ широкомъ смыслѣ этого слова, т. е. историкамъ, интересующимся языкомъ обыкновенно только, какъ средствомъ для ознакомленія съ содержаніемъ изучаемыхъ ими памятниковъ.

Эти обстоятельства и заставляютъ выдѣлять изъ обширной области языкознанія особый курсъ введенія въ эту науку. Но тѣ же самыя обстоятельства обусловливають и нѣкоторую неопредѣленность содержанія такого введенія. Одинъ предпочитаетъ излагать въ общемъ курсъ введенія въ языкознаніе тѣ вопросы, которые другой разбираетъ въ курсѣ сравнительной грамматики. Такой субъективизмъ въ выборѣ матеріала неизбѣженъ и нерѣдко вызывается практическими требованіями экономіи времени.

Изъ такихъ введеній, не вполне совпадающихъ, а взаимно дополняющихъ другъ друга, можно назвать слѣдующія книги:

В. Поржезинскій (Профессоръ Университета и Высшихъ Женскихъ Курсовъ въ Москвѣ). Введение въ языковѣдѣніе. Пособіе къ лекціямъ. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. Москва 1910.

А. И. Томсонъ (ордин. профессоръ сравнительнаго языковѣдѣнія и санскрита Императорскаго Новороссійскаго Университета). Общее языковѣдѣніе. Второе переработанное и дополненное изданіе со многими рисунками въ текстѣ. Одесса 1910.

С. М. Кульбакинъ. Языкъ и языки (Въ VII томѣ „Народной Энциклопедіи научныхъ и прикладныхъ знаній“. Изд. Харьковскаго Общества распространенія въ народѣ грамотности. Москва 1911).

Изъ сочиненій на нѣмецкомъ языкѣ можно указать слѣдующія работы:

В. Delbrück. Einleitung in das Studium der indogermanischen Sprachen. Ein Beitrag zur Geschichte und Methodik der vergleichenden Sprachforschung. 5. Auflage. Leipzig 1908. — Есть русскій переводъ, сдѣланный подъ редакціей проф. С. К. Булича съ третьяго нѣмецкаго изданія, носившаго и нѣсколько иное заглавіе „Введение въ изученіе языка“, см. С. К. Буличъ. Очеркъ исторіи языкознанія въ Россіи, т. 1. СПб. 1904 г.

Hermann Paul. Prinzipien der Sprachgeschichte 4. Auflage. Halle a. S. 1909.

Georg von der Gabelentz. Die Sprachwissenschaft, ihre Aufgaben, Methoden und bisherigen Ergebnisse. Zweite, vermehrte und verbesserte Auflage herausgegeben von Dr. Albrecht Graf von der Schulenburg. Leipzig 1901.

Прикладное значеніе языкознанія¹⁾. — Всякій, приступающій къ изученію какой-либо науки, обыкновенно имѣетъ вполне законное желаніе узнать, какое значеніе имѣетъ данная наука, для чего она нужна. Если при изложеніи другихъ областей знанія по большей части не приходится

1) Ср. мою статью подъ тѣмъ же заглавіемъ въ „Русской Школѣ“ за 1904 г. № 2 (февраль) стр. 116—125.

говорить о пользѣ данной науки, то это происходитъ отъ того, что польза другихъ наукъ, въ особенности естественныхъ и математическихъ, извѣстна всѣмъ и говорить на эту тему значить повторять избитыя, общеизвѣстныя истины. Обыкновенно и самъ избирающій ту или другую специальность сознательно преслѣдуетъ извѣстную практическую цѣль.

Съ языкознаніемъ дѣло обстоитъ нѣсколько иначе. Въ наше время гораздо чаще слышишь рѣчи о ненужности изученія различныхъ языковъ: ненуженъ греческій языкъ, ненуженъ латинскій языкъ; для практическихъ цѣлей нужны только новые языки; изученіе древнихъ языковъ снисходительно разрѣшается только чужакамъ-любителямъ. Правда, трудно услышать отрицательное отношеніе къ наукѣ языкознанія вообще; но это объясняется только тѣмъ, что наше образованное общество не имѣетъ никакого представленія объ этой наукѣ. Обыкновенно отъ языковѣдовъ требуютъ только разрѣшенія вопросовъ правописанія, и если языковѣдъ не сумѣетъ объяснить поставленнаго ему вопроса (а по большей части такъ и случается), то это обстоятельство лишь подкрѣпляетъ убѣжденіе въ совершенной ненужности языкознанія: оно не можетъ разъяснить даже вопросовъ правописанія. Однимъ словомъ, съ обывательской точки зрѣнія языкознаніе — наука совершенно чуждая жизни, совершенно къ ней неприложимая.

Языковѣдъ подходитъ къ вопросу о пользѣ языкознанія совершенно съ другой стороны. Прежде всего онъ знаетъ исторію своей науки, и знаетъ, что ни одна наука не возникла изъ одной только любознательности по прихоти мечтателей и чужаковъ. И дѣйствительно, зачатки языкознанія восходятъ къ глубокой древности и возникаютъ изъ насущныхъ, жизненныхъ потребностей человѣка.

Надъ вопросами языкознанія люди задумывались еще до изобрѣтенія письменности. Объ этомъ свидѣлствуютъ очень древніе миѳы о возникновеніи языка или языковъ, въ родѣ, напримѣръ, еврейскаго сказанія о Вавилонскомъ столпотвореніи. Очевидно самый фактъ существованія у людей различныхъ языковъ старались такъ или иначе объяснить. Но эта задача, трудная даже и для современнаго языкознанія, конечно, не могла быть разрѣшена научно въ тѣ далекія времена: въ этихъ миѳахъ мы можемъ видѣть только дока-

зательство того, что жизнь ставила человѣку и тогда вѣчный неразрѣшимый вопросъ о происхожденіи языка.

Изобрѣтеніе письма указываетъ на то, что къ этому времени накопился уже значительный запасъ наблюденій надъ строемъ языка: на письмѣ человѣческая рѣчь является уже разложенною на составные элементы. Если и мы въ настоящее время нерѣдко затрудняемся, какъ нужно раздѣлить нашу рѣчь на слова, то мы можемъ себѣ представить сколькохъ усилій стоилъ тотъ первоначальный анализъ рѣчи, на основѣ котораго только и могла возникнуть письменность.

Съ появленіемъ письменности задачи все болѣе и болѣе усложняются. Языкъ постоянно измѣняется, и записанное на немъ становится все менѣе и менѣе понятнымъ. Между тѣмъ сохраненіе старинныхъ текстовъ и правильное ихъ пониманіе составляло насущную потребность народа: записывались обыкновенно либо священные тексты, либо тексты историческаго содержанія; и тѣ и другіе были одинаково дороги народу. Такимъ образомъ появляются лица, умѣющія читать и толковать данные тексты: это — первые языковѣды. На этой почвѣ съ дальнѣйшимъ усложненіемъ дѣла создаются пособія для толкованія текстовъ: пишутся комментаріи, составляются словари и грамматики. Такъ было въ Греціи, гдѣ толковались творенія Гомера; такъ было и въ Индіи, гдѣ брахманы (индійскіе жрецы) должны были толковать священные ведическіе гимны, которые пѣлись при богослуженіи. Припомнимъ, что и у насъ грамотность соединялась съ обученіемъ чтенію Священнаго Писанія, и первая книга для чтенія обыкновенно была Псалтирь.

Рука объ руку съ этой работой толкованія старинныхъ текстовъ идетъ и развивается и педагогическая дѣятельность ученыхъ. Вокругъ нихъ группируется кружокъ учениковъ, которые наслѣдуютъ и продолжаютъ работу своихъ учителей. Мало-по-малу новая наука перестаетъ быть привилегіей ограниченнаго класса ученыхъ, и становится общимъ достояніемъ народа. Всякій желающій обыкновенно находитъ возможность ознакомиться съ элементами грамотности, и ему такимъ образомъ дѣлаются доступными произведенія родной письменности. Организуется систематическое обученіе дѣтей чтенію и письму, и обученіе родному языку становится основой всего дальнѣйшаго обученія.

Въ этомъ отношеніи дѣло не измѣнилось и до настоящаго времени. Кругъ элементарныхъ наукъ, правда, значительно расширился, но вмѣстѣ съ тѣмъ расширились и требованія въ области родного языка и литературы. Мы не можемъ себѣ представить, чтобы когда-либо въ будущемъ дѣло могло итти иначе. Обученіе родному языку всегда будетъ лежать въ основѣ образованія, и многимъ изъ тѣхъ, кто избираетъ своею спеціальностью изученіе языка, несомнѣнно придется посвятить себя этому дѣлу.

Для будущаго преподавателя языка знакомство съ основами языкознанія, съ явленіями жизни языка, съ силами, вызывающими эти явленія безусловно необходимо. Преподавать языкъ безъ знакомства съ общими вопросами языкознанія можно только ошупью, бессознательно. Особенно даровитый преподаватель, конечно, иногда можетъ достигнуть очень хорошихъ результатовъ и безъ знакомства съ языкознаніемъ, только благодаря своей природной чуткости, дающей возможность бессознательно пользоваться силами дѣйствующими въ языкѣ. Но такой преподаватель — исключеніе, и ему не далеко до самостоятельнаго открытія уже открытыхъ истинъ языкознанія.

Гораздо чаще приходится встрѣчать такихъ преподавателей языка, которые, желая облегчить ученикамъ усвоеніе предмета, стараются дать явленіямъ свое толкованіе, чаще всего невѣрное. А ученики, усвоивъ объясненіе преподавателя, съ теченіемъ времени убѣждаются въ его неправильности и выносятъ твердое убѣжденіе въ томъ, что въ языкѣ ничего нельзя объяснить, что правила устанавливаются для того, чтобы изъ нихъ были исключенія, и что вообще всѣ существующія объясненія — празднаа измышленія, придуманныя ad hoc. Это печальное явленіе, поддерживающее то отрицательное отношеніе къ языкознанію, которое господствуетъ въ нашемъ обществѣ, вызывается недостаточнымъ знакомствомъ съ наукою объ языкѣ.

Нигдѣ практика не находится въ такой тѣсной зависимости отъ теоріи, какъ именно въ дѣлѣ обученія языку. Не говоря уже о томъ, что преподаватель языка всегда долженъ хоть отчасти познакомить своихъ учениковъ и съ теоріею, часто даже незначительная теоретическая подробность можетъ облегчить ученикамъ усвоеніе предмета. Неуспѣхъ

преподаванія языка часто зависить, напрімѣрь, отъ того, что преподаватель слишкомъ повышаетъ требованія въ области теоретическихъ свѣдѣній въ ущербъ практикѣ: если бы онъ зналъ, какимъ путемъ усваивается языкъ, то онъ легко понялъ бы свою ошибку. Языкознаніе научаетъ сознательно пользоваться тѣми бессознательно дѣйствующими силами, которыя играютъ роль въ усвоеніи языка. Трудно перечислить всѣ тѣ услуги, которыя языкознаніе можетъ оказать дѣлу преподаванія. Если-бы у насъ было больше свѣдѣній изъ этой области, если-бы нашъ интересъ къ ней не ограничивался вопросами правописанія, если-бы мы понимали хотя бы отношеніе звуковъ слова къ ихъ графическому, весьма несовершенному изображенію; то, вѣроятно, и вопросы орѳографіи были бы разрѣшены у насъ съ болѣею легкостью, и не ставили бы мы судьбу молодыхъ людей въ зависимость отъ такъ называемаго „правильнаго“ употребленія буквы Ѣ и другихъ условностей традиціонной орѳографіи.

Для примѣра обратимъ вниманіе на господствующую у насъ систему преподаванія языковъ. Обыкновенно она основывается на переводахъ съ изучаемаго языка на родной языкъ и обратно. Между тѣмъ, вотъ что говоритъ нѣмецкій языковѣдъ Георгъ фонъ-деръ-Габеленцъ, знавшій много языковъ земного шара († 1893 г.): „Всякая метода преподаванія языка должна по возможности ограничивать переводы. Мы естественно пользуемся роднымъ языкомъ, какъ средствомъ преподаванія чужого; но это посредничество всегда есть зло, хотя и необходимое зло. Чѣмъ чаще напоминаютъ намъ родное, тѣмъ труднѣе намъ на чужбинѣ чувствовать себя какъ дома... Во многихъ мѣстахъ еще до сихъ поръ злоупотребляютъ переводами и экстемпораліями. Преподавателю они болѣе нужны, чѣмъ ученику, который долженъ доказать, что онъ хорошо усвоилъ выученныя правила и слова и умѣетъ ихъ правильно примѣнять. Но ученикъ долженъ при этомъ совершать удивительную гимнастику, постоянно перепрыгивая съ одного языка на другой и нигдѣ не находя покоя. Это можетъ служить прекраснымъ упражненіемъ какихъ-либо другихъ способностей ума, но для изученія языка успѣхъ этого занятія сомнителен“¹⁾. Только

1) Die Sprachwissenschaft² S. 71—72.

въ самое послѣднее время стали примѣнять другіе методы преподаванія языка, правда, не всегда съ успѣхомъ. Но вѣдь надо помнить, что тутъ необходимо пользоваться всѣми силами, дѣйствующими при усвоеніи языка, а правильное соотношеніе различныхъ методовъ преподаванія можетъ быть оцѣнено только на основаніи данныхъ науки о языкѣ.

Такимъ образомъ языкознаніе служитъ дѣлу преподаванія родного и чужихъ языковъ, и можетъ и должно принести въ этой области много пользы, если только будетъ пользоваться бѣльшимъ вниманіемъ въ средѣ преподавателей. Я нарочно подчеркиваю эту педагогическую сторону прикладного значенія языкознанія, хотя она и очевидна сама по себѣ, такъ какъ все же на эту сторону обращаютъ слишкомъ мало вниманія. Чѣмъ глубже преподаватель будетъ вдумываться въ явленія языка, чѣмъ яснѣе будетъ видѣть и понимать систему движущихъ языкъ силъ, тѣмъ плодотворнѣе будетъ его педагогическая дѣятельность.

Но кромѣ этого прикладного значенія языкознаніе имѣетъ еще и другое, болѣе общее. Языкъ служитъ выраженію нашихъ мыслей и является средствомъ общенія людей между собою. Мысль только тогда пріобрѣтаетъ ясность и опредѣленность, когда она выражена словомъ. Слово, закрѣпляя мысль, даетъ возможность развивать еѣ далѣе. Слово играетъ такую же роль, какъ условные знаки въ математикѣ. Какъ невозможно себѣ представить развитіе математики безъ этихъ условныхъ знаковъ, слагающихся въ математическія формулы, такъ невозможно представить себѣ и развитіе мысли безъ языка. Языкъ въ свое время далъ великій толчекъ развитію культуры, сросся съ существомъ человѣка и сдѣлался, какъ бы органомъ общенія людей между собою. Обладаніе языкомъ сдѣлалось настолько естественнымъ, что мы пользуемся его услугами безсознательно, играемъ словомъ, находимъ удовольствіе въ упражненіи этой нашей способности безъ всякой опредѣленной сознаваемой цѣли, точно такъ же, какъ мы находимъ удовольствіе въ прогулкахъ и гимнастикѣ. Поэтому мы обыкновенно и не замѣчаемъ, какую услугу оказываетъ намъ языкъ. Нужны особенныя условія, чтобы пробудить наше сознательное отношеніе къ языку.

Уже первыя попытки изложенія мыслей на письмѣ показываютъ, какое значеніе имѣетъ словесное ихъ выраженіе.

Часто только изложивъ свои мысли, замѣчаешь въ нихъ ошибки, противорѣчія, неточности и видишь, что самый процессъ облеченія мыслей въ форму слова оказываетъ дисциплинирующее вліяніе на нихъ. Такъ бываетъ всегда: орудіе, увеличивающее наши естественныя данныя природою силы, оказываетъ обратное вліяніе на органъ, работающій при помощи этого орудія. Языкъ, какъ орудіе нашей мысли, оказываетъ обратное вліяніе на мысль, увеличиваетъ ея силы, изошряетъ её.

Особенность языка, какъ орудія мысли, заключается только въ томъ, что здѣсь человѣкъ превращаетъ въ орудіе не внѣ его лежащія силы, а свои собственные органы. Этимъ обстоятельствомъ и объясняется, почему мы гораздо меньше обращаемъ вниманія на языкъ, чѣмъ на техническія открытія послѣдняго времени: они болѣе бросаются въ глаза, болѣе доступны наблюденію, чѣмъ въ насъ самихъ происходящіе физическіе, фізіологическіе и психическіе процессы, сопровождающіе нашу рѣчь. Но это обстоятельство, конечно, не можетъ служить оправданіемъ невнимательнаго отношенія къ вопросамъ языкознанія. Напротивъ, чѣмъ труднѣе изучить языковые процессы, тѣмъ болѣе усилій необходимо употребить, чтобы ихъ понять. Я говорю „необходимо“ не въ томъ только смыслѣ, что всякій желающій ознакомиться съ языкознаніемъ не долженъ щадить своихъ силъ, но также и въ томъ смыслѣ, что существуетъ потребность въ изученіи языка, которую необходимо принять во вниманіе.

Языкомъ, какъ орудіемъ мысли, пользуются всѣ; ни одна наука, даже математика, изобрѣтшая свой собственный языкъ знаковъ, не можетъ обойтись безъ языка. Какъ всеобщее орудіе мысли языкъ долженъ привлечь къ себѣ вниманіе всякаго, кто имъ пользуется. Физикъ, прежде чѣмъ производить изслѣдованія долженъ познакомиться съ тѣми приборами, которыми онъ пользуется, узнать даже индивидуальныя ихъ особенности, измѣрить степень ихъ точности, чтобы внести необходимыя поправки въ результаты своихъ изслѣдованій. То же дѣлаетъ и естествоиспытатель и математикъ, опредѣляющій степень точности своихъ вычисленій. Только по отношенію къ языку это почему то считается ненужнымъ. Характеръ этого орудія мысли почему то считается уже всякому извѣстнымъ; а между тѣмъ языкъ является

До нѣкоторой степени, конечно, всякій владѣющей языкомъ имѣеть извѣстное представленіе о силахъ, дѣйствующихъ въ немъ. Но бѣда въ томъ, что человѣкъ владѣеть языкомъ безсознательно; между предметами и ихъ именами устанавливается до такой степени тѣсная и прочная ассоціація, что мы часто довольствуемся словомъ тамъ, гдѣ слѣдовало-бы быть понятію. Мѣткія слова Гёте, вложенныя въ уста Мефистофеля, имѣють глубокій смыслъ и весьма широкую область примѣненія: „Гдѣ нѣтъ понятій, тамъ всегда во-время является къ услугамъ нашимъ слово. Словами удобно можно спорить, на словахъ удобно строить философскую систему...“¹⁾. Въ этихъ словахъ удачно отмѣчены два главнѣйшихъ злоупотребленія словомъ: во-первыхъ, многочисленные, всякому хорошо знакомые споры о словахъ; и во-вторыхъ философскія системы, построенныя на словахъ. Послѣдній упрекъ выраженъ здѣсь, быть можетъ, слишкомъ рѣзко, но въ существѣ дѣла онъ совершенно правиленъ. Быть можетъ, когда философскія системы будутъ подробнѣе разобраны съ точки зрѣнія языка, окажется, что они всѣ грѣшили, въ большей или меньшей степени играя словами. Эта игра словъ обыкновенно сводится къ нарушенію основнаго закона логики, закона тождества. Всѣ слова въ языкѣ употребляются довольно свободно: одно и то же слово въ различныхъ сочетаніяхъ имѣеть и различныя значенія. Достаточно немного уклониться въ сторону, и то же самое слово приметъ уже другое значеніе, и только съ виду будетъ казаться, что мы говоримъ о томъ же, а на самомъ дѣлѣ наша мысль уже перескочитъ на другой предметъ. Такіе скачки обычно совершаютъ наши споры, то же происходитъ нерѣдко и въ философскихъ трактатахъ.

Что это дѣйствительно такъ, обыкновенно показываютъ сами философы, опровергая другъ друга и доказывая, что какой-либо философскій терминъ въ различныхъ случаяхъ

1) Goethe, Faust I:

Denn eben, wo Begriffe fehlen,
Da stellt ein Wort zur rechten Zeit sich.
Mit Worten lässt sich trefflich streiten,
Mit Worten ein System bereiten...

имѣть неодинаковое значеніе. Чтобы не быть голословнымъ, я приведу только два примѣра изъ области древней философіи. Извѣстно, что Аристотель не имѣлъ понятія пространства, но временами подходилъ къ нему, смѣшивая его съ понятіемъ мѣста, занимаемого какимъ-либо тѣломъ. Это смѣшеніе объясняется, повидимому, въ значительной мѣрѣ тѣмъ, что для обозначенія обоихъ понятій Аристотель имѣлъ одно только слово *τόπος*. Едва онъ доходилъ до понятія „пространства“, какъ обыденное значеніе слова *τόπος* снова низводило его къ понятію „мѣста“. — Другой примѣръ, болѣе наивный, я возьму изъ Цицероновыхъ Тускуланскихъ бесѣдъ¹⁾. Въ первой бесѣдѣ — на тему „о презрѣннѣ къ смерти“ — Цицеронъ вынуждаетъ своего собесѣдника признать, что мертвые „должны существовать, если они несчастны“ (*Sint enim oportet, si miseri sunt*). Вся сила этого доказательства заключается въ томъ, что латинское *esse* имѣетъ два значенія: въ первомъ случаѣ (*sint*) Цицеронъ употребляетъ этотъ глаголъ въ значеніи „существовать“, а во второмъ (*sunt*) — въ значеніи связи. Въ русскомъ переводѣ вся сила доказательства пропадаетъ, такъ какъ по-русски связка опускается и въ русскомъ выраженіи „они несчастны“ нѣтъ ничего, что соотвѣтствовало бы латинскому глаголу *sunt*. Это философское доказательство сводится, слѣдовательно, къ каламбуру, который невозможно передать на русскій языкъ. Здѣсь особенно ясно выступаетъ нарушеніе закона тождества: въ одномъ случаѣ глаголу *sunt* придается значеніе „существуютъ“, а въ другомъ — значеніе связи; хотя одно значеніе и развивается, какъ мы увидимъ, изъ другого, но они, очевидно, не совпадаютъ. Если русская пословица говоритъ, что „денежка покатна живетъ“, то отсюда едва-ли кто-нибудь выведетъ заключеніе, что денежка — живое существо.

Если бы проанализировать всѣ философскія системы съ этой точки зрѣнія, то, я увѣренъ, нашлось бы немало такихъ же примѣровъ. Если математика рѣзко выдѣляется изъ числа другихъ наукъ необыкновенной точностью своихъ выводовъ, то это въ значительной мѣрѣ объясняется тѣмъ, что она выработала особую систему обозначеній, почти вполне

1) Cic. Tusc. disp. I, 12.

гарантирующую её отъ подобныхъ ошибокъ. Неудивительно, что и другія науки стремятся достигъ такой-же точности выводовъ; но, вынужденныя работать надъ своими объектами при помощи языка и не сознавая того, насколько уклоняется слово отъ мысли, выражаемой имъ, онъ нерѣдко впадаютъ въ ошибки, сводящіяся къ простой игрѣ словъ¹⁾. Чаше всего грѣшатъ въ этомъ отношеніи науки историческія, имѣющія дѣло съ древними памятниками письменности и вообще съ произведеніями человѣческаго слова. Какъ часто историки вкладываютъ въ древній терминъ современное значеніе! Чѣмъ древнѣе памятникъ, надъ которымъ мы работаемъ, тѣмъ болѣе чуждъ намъ его языкъ. Чтобы ясно, отчетливо понять этотъ памятникъ, намъ нужно разобраться въ его языкѣ. И недостаточно для этого такого знакомства съ языкомъ, которое даетъ возможность уловить общій смыслъ и связь мыслей между собою. Зачастую приходится обращаться къ разбору употребленія отдѣльных словъ и цѣлыхъ выраженій и къ другимъ даже чисто грамматическимъ вопросамъ.

Такимъ образомъ языкознаніе имѣетъ широкое практическое значеніе, но практическое не въ смыслѣ служенія матеріальнымъ удобствамъ жизни, а въ смыслѣ удовлетворенія столь же дѣйствительныхъ, какъ и матеріальныя, потребностей жизни. Вкратцѣ мы можемъ слѣдующимъ образомъ резюмировать наши выводы: 1) Языкознаніе служитъ дѣлу преподаванія какъ родного, такъ и всякаго другого языка. 2) Знакомство съ наукой о языкѣ, какъ о всеобщемъ орудіи мысли, важно для всякаго, кто пользуется этимъ орудіемъ. Это знакомство, давая возможность сознательно пользоваться языкомъ, можетъ предостеречь и уберечь насъ отъ многихъ ошибокъ во всякой научной работѣ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи я постоянно буду обращать вниманіе на эту практическую сторону языкознанія, чтобы показать, что въ приведенныхъ двухъ пунктахъ содержится гораздо болѣе, чѣмъ можетъ показаться съ перваго взгляда.

---

1) Стоитъ обратить вниманіе на то, что большинство математическихъ софизмовъ основано на двойномъ значеніи квадратнаго корня, которое даетъ возможность, при извѣстной ловкости, подсунуть одно его значеніе вмѣсто другого: $\sqrt{a^2} = \pm a$, то-же нарушеніе закона тождества.

§ 1. Выясненіе термина „языкъ“.

Каждое слово въ языкѣ, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, имѣетъ не одно, а нѣсколько значеній¹⁾. Поэтому, приступая къ изложенію общихъ вопросовъ языкознанія, или науки о языкѣ, мы должны прежде всего выяснить, въ какомъ значеніи или въ какихъ значеніяхъ мы будемъ употреблять терминъ „языкъ“.

Если мы заглянемъ въ словарь Даля, то увидить, что слово „языкъ“ имѣетъ очень много значеній: языкомъ называется и „мясистый снарядъ во рту, служащій для подкладки зубамъ пищи“ и для другихъ цѣлей; языкомъ же называется „желѣзный пестъ, привѣшиваемый внутри подъ шеломъ колокола, для звону“; мы говоримъ иногда о языкахъ пламени и часто называемъ языкомъ все, что по внѣшнему виду намъ напоминаетъ языкъ: лоскутъ ткани или часть невода, въ которую заходитъ рыба. Но все разнообразіе этихъ значеній слова „языкъ“ не входитъ въ область языкознанія. Мы встрѣтимся только еще съ языкомъ въ смыслѣ органа, принимающаго весьма дѣятельное участіе въ произнесеніи звуковъ человѣческой рѣчи.

Но и въ области языкознанія слово „языкъ“ имѣетъ много различныхъ значеній. Мы говоримъ о языкѣ отдѣльнаго человѣка, отдѣльнаго писателя, разумѣя подъ этимъ совокупность словъ и оборотовъ рѣчи, которые употребляетъ данное лицо. Въ томъ же смыслѣ мы говоримъ о языкѣ народа; только здѣсь мы принимаемъ во вниманіе совокупность словъ и оборотовъ, встрѣчающихся въ рѣчи значительной группы лицъ, свободно понимающихъ другъ друга: они говорятъ на одномъ языкѣ. Если мы употребляемъ слово „языкъ“ и въ еще болѣе широкомъ смыслѣ, говоря о человѣческомъ языкѣ вообще, то мы должны подъ этимъ терминомъ разумѣть нѣчто иное, такъ какъ нѣтъ ни одного языка, который бы составлялъ достояніе всѣхъ людей, и который бы всѣ понимали. Въ этомъ случаѣ

1) По поводу различныхъ значеній одного и того же слова см. очень интересную книгу К. О. Erdmann'a *Die Bedeutung des Wortes*. 2. Aufl. Leipzig 1910.

подъ именемъ „языкъ“ мы разумѣемъ общую всѣмъ людямъ способность рѣчи независимо отъ той формы, которою обладаетъ каждый отдѣльный языкъ.

Въ иномъ, переносномъ смыслѣ мы говоримъ иногда о языкѣ животныхъ: обезьянъ, птицъ, муравьевъ. По нѣкоторымъ чертамъ сходства мы предполагаемъ и у животныхъ нѣчто подобное человѣческой рѣчи. Такое распространѣніе языка на животныхъ было бы вполне допустимо, если бы при этомъ проводилась строгая граница между языкомъ людей и животныхъ. Къ сожалѣнію, мы замѣчаемъ обратное явленіе: такъ какъ подобіе человѣческой рѣчи у животныхъ мы называемъ языкомъ, то языку вообще дается слишкомъ широкое опредѣленіе, сглаживающее различіе между языкомъ людей и животныхъ. Такъ поступаетъ напр. Вундтъ, опредѣляя языкъ, какъ „выразительныя движенія“. Съ этой точки зрѣнія „языкомъ“ называетъ Вундтъ и языкъ жестовъ, хотя мы и здѣсь имѣемъ дѣло съ такимъ же подобіемъ языка, какъ и въ языкѣ животныхъ. Иногда мы говоримъ о языкѣ музыки, языкѣ цвѣтовъ, но никому не придетъ въ голову поэтому измѣнять объемъ научнаго значенія термина „языкъ“.

Такимъ образомъ языкознаніе имѣетъ дѣло съ человѣческимъ языкомъ въ смыслѣ человѣческой рѣчи во всѣхъ тѣхъ различныхъ значеніяхъ, которыя были выше перечислены. Особыхъ терминовъ для всѣхъ этихъ значеній въ языкознаніи нѣтъ, но тѣмъ не менѣе оно должно строго различать эти значенія, что бы не впасть въ ошибку, подставляя въ иныхъ случаяхъ одно значеніе вмѣсто другого. Мы увидимъ, что такія ошибки бывали.

§ 2. Опредѣленіе человѣческаго языка.

Опредѣлять человѣческій языкъ можно съ различныхъ точекъ зрѣнія, и каждое опредѣленіе будетъ справедливо только отчасти. Полное опредѣленіе въ сущности должно совпадать съ содержаніемъ всей науки языкознанія. Поэтому общее опредѣленіе языка должно пока ограничиться только такими признаками языка, которые устанавливають его границы и исключаютъ тѣ „языки“, которые только похожи на языкъ въ собственномъ смыслѣ. Такое опредѣленіе языка

мы находимъ у Габеленца¹⁾. „Человѣческій языкъ — говоритъ онъ — есть членораздѣльное выраженіе мысли при помощи звуковъ“. Остановимся на нѣкоторыхъ пунктахъ этого опредѣленія.

1., Говоря о „выраженіи мысли“, Габеленецъ разумѣтъ здѣсь мысль въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Языкомъ мы выражаемъ и свои впечатлѣнія, и душевыя движенія. Слѣдовательно, мы должны въ данномъ случаѣ разумѣть мысль не только въ логическомъ смыслѣ (сужденіе), но и въ психологическомъ. Далѣе мы увидимъ, что психологическое значеніе этого термина охватываетъ собою и логическое.

2., Мы такъ привыкли къ выраженію „членораздѣльный звукъ“, что даже не представляемъ себѣ, чтобы что-нибудь, кромѣ звука, могло быть членораздѣльно. Поэтому на первый взглядъ можетъ показаться страннымъ, что Габеленецъ говоритъ о „членораздѣльномъ выраженіи мысли при помощи звуковъ“, а не о выраженіи мысли при помощи членораздѣльных звуковъ. Но это вовсе не случайно. Поэтому намъ нужно остановиться на вопросѣ о томъ, что такое членораздѣльность.

Буслаевъ въ своей „Исторической грамматикѣ русскаго языка“ (§ 20) говоритъ о членораздѣльности звуковъ слѣдующее: „Звуки человѣческой рѣчи отличаются отъ крика животныхъ, отъ пѣнья птицъ и вообще отъ всякаго звука въ окружающей природѣ, особеннымъ свойствомъ, извѣстнымъ подъ именемъ членораздѣльности. Звуки, составляющіе языкъ, называются членораздѣльными потому, что могутъ раздѣляться на члены или мельчайшія части, извѣстныя подъ именемъ звуковъ гласныхъ и согласныхъ. Такъ напр. въ словѣ *громъ*, собственно слышится одинъ звукъ, произнесенный мгновенно; однако этотъ одинъ звукъ можемъ раздѣлить на его простѣйшія, уже недѣлимые составныя части, т. е. членораздѣльные звуки *г, р, о, м*“. Отсюда видно, что подъ „звуками, составляющими языкъ“ Буслаевъ разумѣетъ слова или, по крайней мѣрѣ, слоги, которые по его мнѣнію произносятся „мгновенно“, а подъ членораздѣльными звуками то, что обыкновенно называется просто звуками и „означается въ азбукѣ особымъ начертаніемъ“ (§ 21).

1) G. v. d. Gabelentz. Die Sprachwissenschaft² S. 3.

Мы увидимъ однако, что Буслаевъ ошибается, приписывая „членораздѣльнымъ звукамъ“ недѣлимость: они могутъ тоже разлагаться. Но это пока для насъ не важно. Гораздо важнѣе другая непослѣдовательность: Буслаевъ опредѣляетъ членораздѣльность звуковъ, какъ способность „раздѣляться на члены, или мельчайшія части“ и называетъ членораздѣльными звуками „недѣлимые составныя части“ звука. Оказывается, слѣдовательно, что звукъ долженъ быть дѣлимъ, чтобы обладать членораздѣльностью, и недѣлимъ, чтобы быть членораздѣльнымъ. Эта непослѣдовательность показываетъ, что самое понятіе членораздѣльности неясно. Дѣйствительно, членораздѣльность можно понять только, какъ расчлененіе, раздѣленіе; но въ такомъ случаѣ членораздѣльность должна быть приписана не отдѣльнымъ звукамъ, что ведетъ, какъ видимъ, къ путаницѣ, а звуковому составу рѣчи вообще. Въ этомъ смыслѣ, очевидно, понимаетъ членораздѣльность и Буслаевъ; только выражено это у него крайне неудачно.

Въ тѣхъ же словахъ Буслаева выраженъ и другой ходящій взглядъ, будто членораздѣльность звуковъ составляетъ исключительное свойство человѣческаго языка. Несомнѣнно, что звуки, издаваемые другими животными никогда не достигаютъ такой степени членораздѣльности: ни у одного животного, кромѣ человѣка, мы не найдемъ такого большого количества и такого разнообразія звуковъ. Но невозможно утверждаясь, что звуки, издаваемые другими животными нечленораздѣльны. Блеяніе овцы уже давно довольно точно передается даже на письмѣ буквами (бэ, въ греч. βῆ); въ мычаніи коровы всѣ находятъ звукъ м, и если трудно утверждать, что слѣдующій гласный непременно — у, то это не должно насъ смущать: вспомнимъ, что и въ русскомъ языкѣ существуетъ цѣлый рядъ звуковъ, которые трудно точно передать на письмѣ. Говорящія птицы, напр. попугаи, какъ извѣстно, способны произносить цѣлыя слова и даже фразы и при томъ настолько ясно, что рѣшительно нельзя отрицать значительной гибкости ихъ органовъ произношенія.

Если, такимъ образомъ, не подлежитъ сомнѣнію, что и животныя обладаютъ нѣкоторыми звуками, существующими и въ человѣческомъ языкѣ, то изъ этого мы можемъ заключить, что и они произносятъ эти звуки подобно тому, какъ

произносить ихъ человѣкъ. Слѣдовательно, членораздѣльность звукового состава рѣчи не можетъ быть признана спеціальнымъ признакомъ человѣческаго языка.

Такъ какъ эти факты были давно извѣстны, и нельзя было не замѣтить, что они говорятъ противъ членораздѣльности, какъ признака спеціально человѣческой рѣчи; то нужно поискать причины, почему же всетаки это мнѣніе такъ упорно держалось и даже держится до сихъ поръ. Причина этого заключается въ томъ, что въ членораздѣльности видѣли не только особую гибкость человѣческихъ органовъ рѣчи, но и особенную способность ума, отличающую человѣка отъ другихъ животныхъ. Членораздѣльность, какъ способность ума, не можетъ заключаться въ звукахъ, и Габеленцъ совершенно справедливо отмѣчаетъ въ человѣческой рѣчи другую членораздѣльность, именно членораздѣльность выраженія мысли.

И животное часто звукомъ выражаетъ свои ощущенія: нерѣдко существуетъ у животнаго нѣсколько звуковъ, выражающихъ различныя впечатлѣнія. И эти звуки понимаютъ не только животныя, но и люди. Мы узнаемъ по лаю собаки, радуется ли она, сердится или испугана; опытные охотники узнаютъ по лаю гончихъ, гонятъ ли онѣ зайца, лисицу или волка. Но эти звуки животныхъ выражаютъ ихъ впечатлѣнія безъ всякаго анализа, нечленораздѣльно. Между тѣмъ въ человѣческой рѣчи мысль или впечатлѣніе являются разложенными на части, анализированными, и отдѣльныя части оказываются поставленными въ извѣстныя отношенія другъ къ другу. Даже самое простое выраженіе въ языкѣ обыкновенно состоитъ по крайней мѣрѣ изъ двухъ частей; такъ напр. въ выраженіи „трава зеленѣетъ“ зеленый цвѣтъ отдѣленъ отъ травы и представленъ какъ бы производимымъ самою травою. Этого анализа впечатлѣній въ звукахъ животныхъ мы не наблюдаемъ: онъ является существеннымъ признакомъ человѣческаго языка. Въ этомъ и заключается членораздѣльность выраженія мысли въ языкѣ.

Но и въ человѣческомъ языкѣ встрѣчаются нечленораздѣльныя выраженія впечатлѣній: это — междометія. Междометія выражаютъ неанализированныя впечатлѣнія, и потому такъ трудно передать или объяснить значеніе такихъ словъ, какъ „ай“, „ой“, „охъ“ и т. п. Мы можемъ только

сказать, что междометія обыкновенно указываютъ на сильное и внезапное душевное движеніе, но далеко не всегда мы можемъ опредѣлить, какого рода впечатлѣніе кроется за этимъ звукомъ. Такъ какъ звуки животныхъ отличаются тою же неопредѣленностью, нерасчлененностью, то и ихъ мы могли бы назвать междометіями. Можно сказать, что животныя въ выраженіи своихъ впечатлѣній не пошли дальше междометій, между тѣмъ какъ въ человѣческой рѣчи междометія не представляютъ ничего существеннаго и могутъ быть разсматриваемы, какъ остатки того состоянія, когда и человѣкъ издавалъ только нечленораздѣльныя восклицанія. Въ человѣческомъ языкѣ междометія обыкновенно поясняются словами: „ахъ, какъ я радъ!“, „ахъ, какъ мнѣ скучно!“ и т. д.

Такимъ образомъ мы видимъ, что человѣческая мысль лишь тогда находитъ выраженіе въ языкѣ, когда она достигнетъ извѣстной степени ясности, благодаря аналитической работѣ ума. Этотъ анализъ и закрѣпляется въ формѣ членораздѣльнаго выраженія мысли при помощи звуковъ.

3. Наконецъ, обратимъ вниманіе на послѣднія слова опредѣленія человѣческаго языка. Мы говоримъ о выраженіи мысли при помощи звуковъ, потому что кромѣ звуковъ существуютъ и другіе знаки, способные въ той или другой мѣрѣ выражать наши мысли и впечатлѣнія. Жесты и мимику можно развить до такой степени, чтобы при ихъ помощи передавать довольно сложныя мысли. Поэтому иногда говорятъ о языкѣ жестовъ. Но, какъ мы видѣли, это только фигуральное выраженіе, и по существу своему языкъ жестовъ отличается тою же нерасчлененностью, какъ и звуки животныхъ. Интересныя свѣдѣнія по этому вопросу можно почерпнуть изъ наблюденій надъ языкомъ глухонѣмыхъ¹⁾. Лишенные возможности пользоваться звукомъ для выраженія своихъ мыслей, глухонѣмыя могутъ пользоваться для этой цѣли только жестами, т. е. разнообразными движеніями главнымъ образомъ рукъ и пальцевъ. Для того, чтобы движенія эти были понятны, необходимо стараться передать движеніемъ по возможности точно внѣшнюю форму предмета, который

1) См. H. Steintal. Ueber die Sprache der Taubstummen. Gesammelte kleine Schriften, I, S. 21—45. Berlin 1880.

нужно обозначить. Понятно, что движенья слишком блѣдны для этой цѣли, и потому приходится часто, чтобы указать на опредѣленный предметъ, вмѣстѣ съ тѣмъ описывать и его обстановку. Такъ на примѣръ, чтобы обозначить яблоко, глухонѣмой дѣлаетъ движенье, какъ будто онъ хочетъ укусить свой кулакъ, и при этомъ старается возбудить представленіе дерева, показывая, какъ его трясуть, чтобы съ него упало яблоко. Этотъ примѣръ показываетъ, насколько языкъ жестовъ неспособенъ къ той членораздѣльности, о которой мы только что говорили. Вмѣсто того, чтобы давать возможность анализировать мысль, онъ заставляетъ нагромождать цѣлый рядъ картинъ, которыя только затрудняютъ дѣло анализа. Кромѣ того жестъ совершенно не можетъ выразить множества отвлеченныхъ понятій, и потому глухонѣмые самостоятельно не могутъ дойти до такихъ понятій, какъ „могу, долженъ, быть“. Съ большимъ трудомъ они доходятъ до понятій „хорошій, злой“ и т. под.

Насколько недостаточенъ языкъ жестовъ для выраженія и развитія мыслей, видно уже изъ того, что развитіе глухонѣмыхъ только тогда подвигается значительно впередъ, когда они либо выучиваются языку звуковъ при помощи особаго алфавита, гдѣ каждая буква обозначается опредѣленнымъ движеніемъ пальцевъ, либо научаются говорить и понимать по движенію губъ нормально говорящихъ людей. Но даже и въ этомъ случаѣ глухонѣмые значительно отстаютъ въ своемъ развитіи отъ нормальныхъ людей. Самъ Вундтъ признаетъ, что скудные признаки развитія языка жестовъ стоятъ въ зависимости отъ развитія звукового языка.

Такимъ образомъ изъ всего этого видно, что только въ звукахъ находитъ человѣческая мысль наиболѣе совершенное выраженіе, а потому только звуковой языкъ мы будемъ называть языкомъ въ собственномъ смыслѣ этого слова.

§ 3. Грамматика и логика.

Мы опредѣлили языкъ, какъ членораздѣльное выраженіе мысли при помощи звуковъ. Это опредѣленіе ведетъ насъ къ вопросу объ отношеніи языка къ мысли. Съ разбора этого вопроса лучше всего начать изложеніе науки о языкѣ, такъ какъ при этомъ удобнѣе всего выяснить и от-

ношеніе нашей науки къ другимъ областямъ знанія, съ которыми она ближе всего соприкасается.

Прежде всего намъ нужно разрушить одинъ предрасудокъ, который и до сихъ поръ продолжаетъ существовать въ особенности въ школьной грамматикѣ. Это — объясненіе явленій языка логикой.

Въ основаніи этого предразсудка лежитъ слѣдующее разсужденіе: логика есть наука о мышленіи; мысль выражается языкомъ; слѣдовательно, въ языкѣ должны отражаться законы логики. Тѣсная связь языка съ мыслью только поддерживала это мнѣніе. Если трудно себѣ представить мысль безъ слова, точно такъ же какъ и слово безъ мысли, то мы приходимъ какъ бы къ полному совпаденію языка съ мыслью, а отсюда уже недалеко и до отождествленія законовъ языка съ законами логики. Конечно, въ такой оголенной формѣ это теченіе мыслей нигдѣ не высказывается, такъ какъ въ такомъ случаѣ ничего бы не осталось на долю грамматики, а разница между грамматикой и логикой ощущалась слишкомъ сильно. Но эти отступленія грамматики отъ логики объяснялись требованіями формы выраженія мысли.

Какъ типичнаго представителя логическаго направленія грамматики мы возьмемъ Буслаева. Въ своемъ введеніи къ синтаксису (Историческая грамматика русскаго языка §§ 106—118) онъ говоритъ: „Языкъ служить намъ для взаимной передачи мыслей, т. е. представленій, понятій и сужденій. Поэтому должно знать: 1) что есть представленіе, понятіе и сужденіе и 2) какъ выражаются они въ словѣ для взаимнаго сообщенія мыслей между говорящими. Свѣдѣнія о первомъ предметѣ заимствуются изъ науки о мышленіи, или изъ Логики; свѣдѣнія же о второмъ собственно принадлежатъ Грамматикѣ и касаются того, чѣмъ языкъ отличается отъ мышленія и Грамматика отъ Логики“. Поэтому далѣе Буслаевъ даетъ краткія свѣдѣнія по логикѣ и затѣмъ продолжаетъ (§ 115, 1): „Языкъ есть выраженіе мысли помощью членораздѣльныхъ звуковъ: потому, сверхъ законовъ мысли, опредѣляемыхъ въ логикѣ, подчиняется онъ еще законамъ самаго выраженія, т. е. законамъ сочетанія членораздѣльныхъ звуковъ“ . . . „Самое сочетаніе членораздѣльныхъ звуковъ, подчиняясь своимъ собственнымъ звуковымъ законамъ, весьма часто требуетъ уступокъ со стороны законовъ Ло-

гики“ (Приводится примѣръ изъ области согласованія словъ)... „Слѣдую своимъ собственнымъ законамъ при выраженіи мысли, языкъ иногда становится въ видимое противорѣчіе съ законами Логики“ (Опять приводится примѣръ изъ области согласованія)... „Каждый языкъ пользуется своими собственными средствами для выраженія мысли, усвоивая себѣ особенный, только ему одному свойственный, складъ рѣчи, въ которомъ онъ значительно видоизмѣняетъ общіе всѣмъ языкамъ, основные законы логическіе“. (Какъ примѣръ, приводятся различные выраженія понятія сходства въ русск. „лиса походитъ на собаку“ и нѣмецкомъ „der Fuchs ist einem Hunde ähnlich“).

Я привелъ эти выдержки изъ Грамматики Буслаева, чтобы на нихъ показать всю неосновательность такого логическаго взгляда на языкъ. По словамъ Буслаева оказывается, что, хотя языкъ и имѣетъ въ своей основѣ логику, тѣмъ не менѣе онъ „требуется уступокъ со стороны законовъ логики“, „становится въ видимое противорѣчіе“ съ ними и даже „значительно видоизмѣняетъ... основные законы логическіе“. Но, вѣдь, логика не можетъ сдѣлать языку никакой уступки и не можетъ допустить ни малѣйшаго видоизмѣненія своихъ законовъ. Что же осталось бы отъ законовъ логики, если бы каждый языкъ въ угоду своему „складу рѣчи“ сталъ требовать измѣненія логическихъ законовъ? Не выигралъ бы отъ этого ни одинъ языкъ, такъ какъ люди, говорящіе на немъ, утратили бы способность логически мыслить, постоянно нарушая законы логики; да и логика потеряла бы всякое значеніе, превратившись въ простую игрушку.

Но, къ счастью, этого нѣтъ, и уже изъ примѣровъ, приведенныхъ Буслаевымъ видно, что грамматика не оказываетъ на логику такого вліянія. Дѣйствительно, два примѣра, приводимые имъ, взяты изъ области согласованія, а третій указываетъ различныя конструкціи словъ, обозначающихъ сходство. Но гдѣ же здѣсь нарушеніе или видоизмѣненіе законовъ логики? Развѣ логика учитъ правиламъ согласованія? Развѣ она указываетъ, какой падежъ долженъ стоять при словахъ, обозначающихъ сходство? Нѣтъ. Логика этихъ вопросовъ и не касается вовсе. Слѣдовательно, если въ приведенныхъ примѣрахъ есть нарушеніе какихъ либо законовъ, то эти законы могутъ быть только грамматическими,

такъ какъ и вопросы согласованія и вопросы сочетанія словъ разсматриваются въ грамматикѣ; а потому эти примѣры могутъ показывать только, что грамматическія правила бываютъ различны. Такимъ образомъ уже этотъ краткій разборъ вскрываетъ въ логическомъ взглядѣ на языкъ цѣлый рядъ противорѣчій. Естественно является сомнѣніе въ справедливости основного взгляда на логику, какъ на основу языка. Поэтому мы должны нѣсколько подробнѣе разобрать этотъ вопросъ и выяснить отношеніе грамматики, какъ науки о формѣ языка, къ логикѣ, какъ наукѣ о мысли.

Вопросъ этотъ былъ разобранъ подробно еще въ 1855 г. Штейнталемъ въ его книгѣ „Грамматика, логика и психологія. Ихъ принципы и отношеніе другъ къ другу“ ¹⁾. Мысли, высказанные впервые Штейнталемъ, нашли всеобщее признаніе, и его книга не утратила своего значенія и до настоящаго времени, особенно въ виду того, что старые взгляды продолжаютъ еще существовать, внося, какъ мы видѣли, нѣкоторую путаницу въ науку о языкѣ.

Логика разсматриваетъ законы нашего мышленія. Она не задается вопросомъ, откуда и какъ возникла наша мысль. Она беретъ мысль уже готовою и разбираетъ, правильна ли она сама по себѣ или нѣтъ. При этомъ логика не интересуется и самымъ содержаніемъ мысли: ей безразлично, изъ какой сферы нашего знанія взята данная мысль. Она разсматриваетъ только форму мысли и разбираетъ, какія условія должны быть соблюдены, чтобы въ ней не было внутреннихъ противорѣчій. Возьмемъ для примѣра логическій законъ тождества. Онъ требуетъ, чтобы какое-либо понятіе А всегда оставалось равнымъ самому себѣ, чтобы мы ничего не прибавляли къ его содержанію и ничего не отнимали отъ него. Но логикѣ все равно, какое это будетъ понятіе, будетъ ли оно взято изъ области зоологіи, ботаники, химіи, физики или какой-либо другой науки. Законы логики одинаково приложимы ко всѣмъ областямъ знанія, такъ какъ они касаются только формальной стороны нашей мысли, почему и сама логика носитъ названіе формальной.

Но вѣдь и языкъ есть форма нашей мысли. Не со-

---

1) H. Steinthal. Grammatik, Logik und Psychologie, ihre Principien und ihr Verhältniss zu einander. Berlin 1855.

впадаетъ ли логическая форма мысли съ тою формою мысли, въ которую облакаетъ её языкъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ долженъ быть отрицательный, и намъ необходимо показать, насколько эти двѣ формы различны.

Прежде всего нужно обратить вниманіе на то, что языкъ звуками выражаетъ наши мысли, а логика рассматриваетъ форму мысли независимо отъ ея звукового выраженія. Правда, наши мысли всегда по необходимости облакаются въ форму слова, но на эту форму логика смотритъ какъ на неизбежное зло, и ею вовсе не занимается. Сказать ли „трава зеленѣетъ“ или „трава имѣетъ зеленый цвѣтъ“ или „трава — зелена“, — для логики въ этихъ трехъ предложеніяхъ нѣтъ никакой разницы: всѣ они одинаково соединяють представленіе „травы“ съ представленіемъ „зеленаго цвѣта“. Но наука о языкѣ къ этому относится совершенно иначе. То, что для логики — безразлично, то для языкознанія — крайне важно. Если логика въ этихъ трехъ предложеніяхъ находитъ только одно сужденіе, то языкознаніе не можетъ ихъ отождествлять, именно потому, что словесная форма ихъ различна.

Но можно было бы объяснить несовершенствомъ логики то обстоятельство, что она не дѣлаетъ различія между такими оттѣнками выраженія мысли, какъ тѣ, которые я иллюстрировалъ приведенными выше примѣрами. Въдѣ логическое сужденіе непременно выражается словомъ. Если наше мышленіе всегда сопровождается рѣчью, то не указываетъ ли это обстоятельство на тождество того и другого? Дѣйствительно, отдѣлить процессъ мысли отъ процесса рѣчи намъ очень трудно. Если намъ кажется иногда, что мы думаемъ безъ словъ, то это не совсѣмъ справедливо: отсутствуетъ въ такомъ случаѣ только самый звукъ, но наши органы рѣчи обыкновенно продѣлываютъ при этомъ, только гораздо быстрее, все то, что требуется для произнесенія соотвѣтствующихъ словъ. Такимъ образомъ не подлежитъ сомнѣнію, что мысль всегда сопровождается словомъ; всегда опирается на него. На практикѣ отдѣлить свою мысль отъ слова намъ, поэтому, невозможно.

Для доказательства того, что мысль и рѣчь не совпадаютъ, мы должны подыскать такіе случаи, когда самое словесное выраженіе мысли даетъ возможность отдѣлить отъ него мысль. Такіе случаи бываютъ. Такъ на примѣръ, когда

мы имѣемъ возможность употребить два выраженія въ одномъ и томъ же смыслѣ, то уже самая эта возможность доказываетъ отдѣлимость нашей мысли отъ слова, доказываетъ, что мысль и языкъ не совпадаютъ. Мало того, человѣкъ обладаетъ способностью усваивать чуждый ему языкъ и на немъ выражать свои мысли, и это обстоятельство показываетъ, что человѣкъ можетъ отрѣшиться отъ привычной словесной формы своихъ мыслей и усвоить другую форму, хотя тоже словесную, но первоначально вовсе не связанную съ его мыслями. Наконецъ, глухонѣмые, не имѣя возможности пользоваться языкомъ, тѣмъ не менѣе мыслятъ, какъ бы ни была слаба ихъ мысль; а потому на ихъ примѣрѣ мы яснѣ всего видимъ, что мысль и языкъ не тождественны.

То, что мы называемъ логическою формою мысли, тоже не совпадаетъ съ тою формою мысли, въ которую её облачаетъ языкъ, и которую мы называемъ грамматическою формою. Чтобы убѣдиться въ этомъ, сравнимъ логическія категоріи съ тѣми грамматическими категоріями, которыя признаются обычно соотвѣтствующими другъ другу.

1) Слово и понятіе. Сравнимъ прежде всего слово и понятіе: они далеко не совпадаютъ. Это видно изъ того, что одно и то-же слово можетъ обозначать въ различныя времена и въ одно и то же время у различныхъ лицъ — различныя понятія. Такъ напр. слово „солнце“ у древнихъ обозначало божество, которое свѣтитъ и оживляетъ все существующее; а съ развитіемъ знаній оно же стало обозначать особое небесное тѣло, въ которомъ мы открываемъ даже присутствіе извѣстныхъ химическихъ элементовъ, и для насъ понятіе „солнце“ настолько расширилось, что въ астрономіи мы говоримъ уже не объ одномъ солнцѣ, а о безчисленномъ множествѣ солнцъ, что показалось бы совершенной нелѣпостью хотя бы напр. современному крестьянину. Изъ этого мы видимъ, что слово не тождественно съ понятіемъ: оно есть только знакъ понятія, символъ, которымъ мысль пользуется для облегченія своей работы, точно такъ же, какъ математика пользуется своими символами для тѣхъ же цѣлей.

Если бы понятіе совпадало со словомъ, то каждому понятію въ языкѣ соотвѣтствовало бы только одно слово, и невозможно было-бы существованіе синонимовъ, т. е. нѣсколькихъ словъ, обозначающихъ то же понятіе; а между

тѣмъ мы не знаемъ языка, въ которомъ бы синонимовъ не встрѣчалось.

Далѣе, мы часто встрѣчаемъ въ языкѣ отрицательныя слова, которыя обозначаютъ положительныя понятія, и наоборотъ, отрицательныя понятія выражаются нерѣдко словами, неимѣющими отрицательной формы. Такъ напр., недурной (отрицательное слово) значить „хорошій, красивый“ (понятіе положительное); а глухой, слѣпой (слова, неимѣющія отрицательной формы) означать „неимѣющій слуха, — зрѣнія“. Такое несоотвѣтствіе было-бы невозможно, если бы слово совпадало съ понятіемъ.

2) Предложеніе и сужденіе. Уже изъ того обстоятельства, что слово не совпадаетъ съ понятіемъ, можно заключить, что и предложеніе не совпадаетъ съ сужденіемъ. Но здѣсь это несоотвѣтствіе выступаетъ еще яснѣе. Одно сужденіе можетъ быть выражено двумя или нѣсколькими предложеніями, и наоборотъ въ одномъ предложеніи можетъ заключаться нѣсколько сужденій. Напр. сужденіе „дождь бываетъ при западномъ вѣтрѣ“ можетъ быть выражено и двумя предложеніями „дождь бываетъ тогда, когда вѣтеръ дуетъ съ запада“. Нѣкоторые виды сужденій даже трудно выразить однимъ предложеніемъ: таковы сужденія гипотетическія, или условныя и раздѣлительныя. Гипотетическія сужденія обыкновенно выражаются условными періодами, слѣдовательно, соединеніемъ двухъ предложеній — главнаго и придаточнаго условнаго.

Есть цѣлый рядъ видовъ предложеній, которымъ нельзя подыскать соотвѣтствующихъ видовъ сужденій. Такъ напр. грамматика знаетъ предложенія вопросительныя, желательныя, повелительныя, между тѣмъ какъ логика не знаетъ соотвѣтствующихъ сужденій, да ихъ и не можетъ быть по существу. Точно также логика не знаетъ ничего такого, чтобы можно было поставить въ соотвѣтствіе съ грамматическимъ дѣленіемъ предложеній на главныя и придаточныя.

3) Части предложенія и элементы сужденія. Логика различаетъ во всякомъ сужденіи двѣ части: субъектъ и предикатъ, и дальше этого дѣленія на-двое логика не идетъ и не можетъ идти. Отсюда новое несоотвѣтствіе съ грамматикой, которая отличаетъ въ предложеніи кромѣ подлежащаго и сказуемаго еще опредѣленіе, дополненіе и об-

стоятельство. Соответствующихъ категорій въ логикѣ не существуетъ. Два различныя понятія, какъ „столъ“ и „круглый столъ“ въ сужденіи представляются одинаково цѣльными, не смотря на то, что первое выражено однимъ существительнымъ, а второе существительнымъ съ опредѣленіемъ.

Мало того, даже грамматическое подлежащее и грамматическое сказуемое далеко не всегда соответствуютъ логическому субъекту и предикату. Такъ на примѣръ, въ сужденіи „топоромъ рубятъ“ съ логической точки зрѣнія субъектомъ служить понятіе „топоръ“, несмотря на то, что грамматически это — дополненіе, выраженное творительнымъ падежомъ. Съ грамматической же точки зрѣнія въ этомъ предложеніи вовсе нѣтъ подлежащаго.

4) Одночленные предложенія. Несоответствіе между грамматикой и логикой выражается еще и въ томъ обстоятельстве, что въ языкѣ существуютъ одночленные предложенія, между тѣмъ какъ логика не знаетъ одночленныхъ сужденій. Къ такимъ одночленнымъ предложеніямъ относятся, на примѣръ, предложенія безличныя, какъ „смеркается“, „свѣтаетъ“, „прогромыхиваетъ“ и т. п. Если логика можетъ признать ихъ сужденіями, то она по необходимости должна разсматривать ихъ, какъ двухчленные, т. е. должна предварительно разложить ихъ на два понятія, изъ которыхъ одно должно представлять логическій субъектъ, а другое — логическій предикатъ. Но въ большинствѣ случаевъ такія предложенія отличаются именно своею неразложимостью, тѣмъ, что въ нихъ подлежащее не отдѣлено отъ сказуемаго, дѣйствіе не отдѣлено отъ его носителя, отъ причины, его вызывающей; а потому съ логической точки зрѣнія это не сужденія, а только выраженія смутныхъ, еще не разложенныхъ, не анализированныхъ впечатлѣній.

Различіе между логикой и грамматикой можно было бы иллюстрировать еще и многими другими примѣрами, но и сказаннаго вполне достаточно для нашей цѣли. Изъ сравненія грамматики съ логикой видно, что различіе между ними нельзя объяснять уступками, которыя логика дѣлаетъ языку, или видоизмѣненіями логическихъ законовъ подъ вліяніемъ своеобразнаго строя языка. Различіе это идетъ гораздо глубже: оно сказывается во всѣхъ подробностяхъ грамматическихъ и логическихъ формъ мысли. Отсюда ясно, что ло-

гика не можетъ объяснить природу языка. Мало того, мы не можемъ признать логику приложимой къ объясненію даже тѣхъ явленій языка, которыя на первый взглядъ такое объясненіе допускаютъ. Мы видѣли, что логика по существу своему не имѣетъ съ грамматикой никакихъ точекъ соприкосновенія; слѣдовательно, даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ грамматика близко подходитъ къ логикѣ, совпаденіе можетъ быть только случайнымъ. Логика для всѣхъ людей только одна, а языковъ — множество, и каждый изъ нихъ имѣетъ свою грамматику; слѣдовательно, если бы логика могла объяснить явленія языка, то такой языкъ могъ бы быть только одинъ. Но она не можетъ объяснить ни одного языка, слѣдовательно объясненія явленій языка нельзя искать въ логикѣ.

Вообще, неудивительно, что логическое толкованіе языка оказалось несостоятельнымъ: оно допустило крупную методологическую ошибку. Чтобы объяснить какое-бы то ни было явленіе, мы должны его изслѣдовать, должны въ немъ самомъ искать указаній на причины, его вызывающія и обусловливающія. Если мы вмѣсто такого пути изслѣдованія предположимъ для даннаго явленія какую либо причину, которая покажется намъ наиболѣе вѣроятной, и изъ нея станемъ это явленіе объяснять, то мы почти навѣрное впадемъ въ ошибку. Только случайно наше объясненіе можетъ оказаться правильнымъ. Въ изслѣдованіи явленій мы всегда должны отъ извѣстнаго заключать къ неизвѣстному, а не наоборотъ. Точно такъ же мы должны изслѣдовать и явленія языка. Современное языкознаніе обязано своими успѣхами именно тому, что оно строго держалось этого принципа. Только внимательное изученіе явленій языка дало возможность вскрыть тѣ силы, которыя дѣйствуютъ во всякомъ языкѣ, созидаютъ его и поддерживаютъ его существованіе.

§ 4. Языкъ — дѣятельность.

Такимъ образомъ чтобы вскрыть истинную природу языка, мы должны обратиться къ нему самому и изучить дѣйствующія въ немъ силы.

Прежде всего обратимъ вниманіе на то различіе, какое мы дѣлаемъ между языками мертвыми и живыми. Мертвыми мы называемъ тѣ языки, на которыхъ въ настоящее

время уже не говорятъ, и противоположаемъ ихъ дѣйствующимъ языкамъ, которые мы называемъ живыми. Но это различіе не проводится строго: мы не называемъ мертвымъ языкомъ, напр., русскій языкъ XVI вѣка, хотя на немъ тоже уже не говорятъ. Подъ мертвыми языками мы разумѣемъ, слѣдовательно, такіе языки, которые перестали служить орудіемъ общенія людей между собою и стали вполнѣ непонятными безъ предварительнаго изученія. Выраженія „мертвый“ и „живой“ языкъ нельзя отнести къ научнымъ терминамъ, а потому нѣтъ надобности устанавливать особенно точно ихъ значеніе. Гораздо важнѣе обратить вниманіе на совершенно вѣрную мысль, лежащую въ основѣ этихъ метафорическихъ выраженій. Живымъ языкомъ мы можемъ назвать только такой языкъ, который служитъ общенію людей, который находится въ употребленіи. Языкъ можетъ жить только въ устахъ людей. Живъ тотъ языкъ, который переходитъ изъ устъ въ уста, и живо въ языкѣ только то, что поддерживается живою рѣчью. Что вышло изъ живого употребленія, то умерло и не можетъ вернуться къ жизни. Языкъ не представляетъ изъ себя чего-либо неподвижнаго, даннаго, неизмѣннаго; онъ есть непрерывная дѣятельность, и съ прекращеніемъ этой дѣятельности прекращается и существованіе языка. Мертво въ языкѣ все то, что не поддерживается наличной дѣятельностью рѣчи. Умираютъ слова, выходящія изъ употребленія, умираютъ обороты, умираютъ формы. Но, если при этомъ языкъ продолжаетъ существовать, то этому процессу постоянного умиранія соотвѣтствуетъ и процессъ постоянного возрожденія языка: на мѣсто отжившихъ формъ, словъ и оборотовъ являются новые живые элементы языка.

Для правильнаго пониманія природы языка очень важно постоянно помнить это его свойство. Во многихъ случаяхъ только эта точка зрѣнія на языкъ, какъ на дѣятельность, даетъ возможность правильно истолковать явленія языка. Между тѣмъ есть не мало такихъ обстоятельствъ, которыя заставляютъ насъ забывать объ этомъ. Чтобы остановить свое вниманіе на какомъ-нибудь явленіи языка, мы естественно вырываемъ его изъ живой рѣчи и такъ или иначе его закрѣпляемъ. Мы не замѣчаемъ при этомъ, что такое закрѣпленіе живого факта равносильно его умерщвленію. Мы рассматриваемъ такимъ образомъ уже не живое явленіе,

а мертвый препаратъ, принимая его за явленіе языка. Если взятый нами фактъ есть явленіе нашего родного языка, то мы имѣемъ еще возможность его оживить, повторяя его и воспроизводя всѣ условія его дѣйствительнаго существованія; но если мы разбираемъ какое-либо явленіе мертваго языка, сохраненнаго намъ только нѣмыми памятниками, то оживить вполне это явленіе мы не въ состояніи. Однако и въ такомъ случаѣ мы должны всячески стараться возможно полно воспроизвести условія дѣйствительной жизни такого мертваго языка, начиная съ произношенія отдѣльных звуковъ, интонаціи словъ и кончая самыми тонкими оттѣнками значенія синтаксическихъ сочетаній. Понятно, насколько трудно такое оживленіе: оно никогда не можетъ быть полнымъ.

Самое закрѣпленіе фактовъ языка на письмѣ ведетъ къ тому же взгляду на языкъ, какъ на нѣчто неподвижное. Мы изучаемъ языкъ, главнымъ образомъ опираясь на письменность его, и нерѣдко требуемъ прочныхъ и опредѣленныхъ грамматическихъ правилъ даннаго языка; слѣдовательно, смотримъ на языкъ не какъ на живую дѣятельность, а какъ на неподвижный фактъ. Только постоянное нарушеніе живою рѣчью устанавливаемыхъ правилъ напоминаетъ намъ о томъ, что языкъ живетъ, что онъ не можетъ мириться съ тѣми рамками, которыя искусственно хотятъ ему навязать: изученіе языка никогда не можетъ поспѣть за его движеніемъ и только для мертвыхъ языковъ могутъ быть установлены твердыя грамматическія правила.

Живой языкъ мы не можемъ также себѣ представить внѣ человѣческаго общенія. Непрерывная дѣятельность, лежащая въ основѣ языка, есть дѣятельность общественная: говорящій предполагаетъ слушающаго, облекающій свои мысли въ форму слова предполагаетъ другого, который умѣетъ толковать словесную форму, понимать смыслъ рѣчи. Обѣ эти стороны языка стоятъ во взаимной зависимости другъ отъ друга.

§ 5. Языкъ и звуки животныхъ.

Чтобы лучше уяснить себѣ особенности человѣческаго языка, мы начнемъ со сравненія его съ такъ называемымъ „языкомъ животныхъ“, или вѣрнѣе, со звуками, издаваемыми

животными. Такое сравненіе дастъ намъ возможность провести болѣе опредѣленную границу человѣческаго языка со стороны зоологической: мы увидимъ съ одной стороны, чего нехватало животнымъ для развитія языка, съ другой стороны выяснятся особенности человѣческой рѣчи, отличающія её отъ звуковъ животныхъ.

Мы видѣли, что и животныя пользуются звуками для выраженія своихъ впечатлѣній. Нерѣдко при этомъ различіе звуковъ соотвѣтствуетъ и различію впечатлѣній. Обыкновенно говорятъ, что животныя пользуются своими звуками инстинктивно, т. е. безъ контроля разума. Дѣйствительно, звукъ у животныхъ часто является непосредственнымъ отраженіемъ извѣстнаго впечатлѣнія. Такое непосредственное отраженіе на языкѣ фізіологіи называется рефлексомъ. Подъ этимъ терминомъ разумѣютъ различнаго рода движенія, происходящія подъ вліяніемъ внѣшняго раздраженія. Суженіе зрачка подъ вліяніемъ сильнаго свѣта, закрытіе вѣкъ отъ попавшаго въ глазъ посторонняго тѣла, кашель, чиханіе и т. д. — все это рефлекторныя или рефлективныя движенія. Такимъ рефлективнымъ характеромъ отличаются обыкновенно и звуки животныхъ. Между извѣстнаго рода раздраженіемъ чувствъ, извѣстнымъ впечатлѣніемъ и звукомъ существуетъ у животныхъ настолько постоянная и неизмѣнная зависимость, что всегда при тѣхъ же условіяхъ у даннаго вида животныхъ возникаетъ одинъ и тотъ-же звукъ. Собака всегда и вездѣ лаетъ, визжитъ или воетъ и этимъ звукамъ она не выучивается отъ другихъ собакъ, а обладаетъ ими, какъ говорятъ, отъ природы.

Сравнивая эти звуки со звуками человѣческой рѣчи, находили, что человѣческое слово отличается отъ такого звука именно тѣмъ, что словомъ люди пользуются сознательно, разумно, между тѣмъ какъ въ животномъ дѣйствуетъ такъ называемый инстинктъ. Но понятіе инстинкта очень неясно: мы подъ нимъ разумѣемъ, быть можетъ, только низшую ступень разума, или, лучше сказать, ту же способность разума только въ примѣненіи къ такъ называемымъ низшимъ жизненнымъ отправленіямъ. Такимъ образомъ границу между инстинктомъ и разумомъ провести очень трудно. И человѣкъ несомнѣнно обладаетъ инстинктами, хотя бы напримѣръ инстинктомъ самосохраненія, и, когда человѣкъ въ опасности

кричить „караулъ!“, „горимъ“, „пожаръ!“ и т. п., можно съ полнымъ правомъ сказать, что онъ пользуется своимъ словомъ настолько же инстинктивно, какъ и собака своимъ лаемъ, если её что-либо испугало.

Съ другой стороны и животнымъ нельзя отказать въ разумѣ. Существуетъ даже довольно большая литература объ умѣ животныхъ. Невозможно, чтобы ихъ умъ не проявлялся въ пользованіи звуками, и факты подтверждаютъ это. Собака, царапающаяся въ дверь, желая попасть въ домъ, нерѣдко при этомъ лаетъ, и въ этомъ лаѣ, рѣзкомъ и отрывистомъ, слышится и нетерпѣніе и просьба, и невозможно предположить, чтобы эти дѣйствія собака совершала безсознательно, инстинктивно. Въ этомъ и подобныхъ случаяхъ несомнѣнно проявляется умъ животного и, что для насъ важнѣе всего, сознательное пользованіе звукомъ съ опредѣленною цѣлью.

Мало того, животное не только звукомъ выражаетъ свои впечатлѣнія, но и понимаетъ звуки своихъ собратьевъ. Оно, слѣдовательно, слыша звукъ, толкуетъ его и видитъ въ немъ знакъ тѣхъ же впечатлѣній, которыя оно само испытываетъ, когда издаетъ тотъ же звукъ. Такимъ образомъ, если для животного, издающаго звукъ, онъ настолько непосредственно связанъ съ ощущеніемъ, что является неизбѣжнымъ его результатомъ и неотдѣлимъ отъ него, то животное, слышащее звукъ, узнаетъ въ немъ радостный или печальный звукъ, и по нему воспроизводитъ, вспоминаетъ тѣ ощущенія, которыя вызывали такой же звукъ въ немъ самомъ. Этотъ процессъ толкованія воспринимаемыхъ звуковъ съ одной стороны требуетъ уже нѣкотораго ума, а съ другой — самъ содѣйствуетъ развитію этой способности животныхъ. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что животныя дѣйствительно способны къ такому толкованію звуковъ. Это доказывается еще и тѣмъ, что многія изъ нихъ поддаются дрессировкѣ. Человѣкъ заставляеть животное соединять съ опредѣленнымъ словомъ опредѣленное дѣйствіе. Такимъ образомъ у животного искусственно создается новая ассоціація звука съ дѣйствіемъ, и, слыша привычное слово, оно производитъ то дѣйствіе, котораго отъ него требуютъ. Все это — факты, всѣмъ хорошо извѣстные. Мы говоримъ въ подобныхъ случаяхъ, что животное понимаетъ наши слова, и въ этомъ выраженіи есть

доля истины. Конечно, животное не такъ понимаетъ слова человѣческой рѣчи, какъ человѣкъ, не соединяетъ съ ними тѣхъ же представлений и понятій, которыя человѣкъ привыкъ съ ними соединять; но не подлежитъ сомнѣнiю, что хотя и очень незначительная часть значенiя слова можетъ быть усвоена животнымъ. Нѣкоторые интересные примѣры такого усвоенiя значенiя словъ приведены у Дарвина въ его „Происхожденiи человѣка“¹⁾.

Мы постоянно сравниваемъ человѣка, безъ смысла повторяющаго чужiя слова, съ попугаемъ. Оказывается, что попугай вовсе не такъ бессмысленно выучивается произносить слова. Вотъ что говоритъ по этому поводу Дарвинъ: „досто-вѣрно извѣстно, что нѣкоторые попугаи, умѣющiе говорить, безошибочно связывали извѣстныя слова съ опредѣленными предметами, лицами и дѣйствiями. Мнѣ прислали нѣсколько подробныхъ рассказовъ объ этомъ. Адмиралъ сэръ Сюзливанъ, котораго я знаю за хорошаго наблюдателя, увѣряетъ меня, что одинъ африканскiй попугай, долго жившiй въ домѣ его отца, безошибочно звалъ по именамъ домашнихъ, а также и гостей. Къ завтраку онъ говорилъ „доброе утро“, а вечеромъ „доброй ночи“, и никогда не путалъ этихъ привѣтствiй. Здороваясь съ Сюзливаномъ отцомъ, онъ обыкновенно прибавлялъ къ привѣтствiю короткую фразу, которую послѣ смерти старика никогда болѣе не повторялъ. Онъ жестоко обругалъ разъ чужую собаку, вскочившую въ комнату черезъ окно; онъ обругалъ также другаго попугая (словами „ты дрянной попугайшко“), который вылетѣлъ изъ клѣтки и сталъ клевать яблоки въ кухнѣ на столѣ. Д-ръ Мошкау сообщаетъ мнѣ, что онъ зналъ скворца, который безошибочно привѣтствовалъ приходящихъ словами „доброе утро“, а уходящихъ — „прощай старина“. Я могъ бы привести много подобныхъ примѣровъ“. Изъ этихъ примѣровъ мы видимъ, что слово усваивается говорящими птицами съ нѣкоторой степенью его пониманiя: собственныя имена ассоцируются съ лицами, ихъ носящими; привѣтствiя правильно соединяются съ временами дня — утромъ и вечеромъ; точно также и привѣтствiя приходящихъ не смѣшиваются съ привѣтствiями уходящихъ и т. д. Мы видимъ, слѣдовательно, не только частичное пони-

---

1) Т. II стр. 58 русск. перевода изд. Поповой 1896 г.

маніе словъ, но и соотвѣтственное такому пониманію разумное ихъ употребленіе. Особенно поразителенъ въ этихъ примѣрахъ тотъ фактъ, что попугай сумѣлъ кстати примѣнить брань: слѣдовательно, онъ чувствовалъ въ бранныхъ словахъ нѣчто неодобряющее и примѣнимое къ нѣкоторой категоріи поступковъ, за которые его самого, очевидно, бранили. Все это, очевидно, усвоено изъ человѣческой рѣчи, но усвоено далеко не точно. Короткая фраза, на примѣръ, которою попугай привѣтствовалъ только Сюлливана-отца, очевидно была имъ ассоціирована съ нимъ однимъ и понималась такъ же, какъ собственное имя: послѣ смерти Сюлливана попугай ея не произносилъ.

Изъ бѣглаго обзора того, что даютъ намъ факты такъ называемаго „языка животныхъ“, мы видимъ, что звуки животныхъ не имѣютъ того качества, которое составляетъ отличительный признакъ человѣческаго языка: мы не находимъ въ нихъ членораздѣльности. Конечно, психологію животнаго мы можемъ представить только по аналогіи со своею и потому съ полною достовѣрностію мы не могли бы отрицать всякую членораздѣльность выраженія впечатлѣній у животныхъ только на основаніи наблюденія надъ ихъ звуками. Но особенно сильнымъ подтвержденіемъ такого вывода являются наблюденія надъ результатами дрессировки и говорящими птицами. Мы видѣли, что говорящіе попугаи не усваиваютъ именно членораздѣльности человѣческой рѣчи: даже цѣлая фраза усваивается, какъ нѣчто недѣлимое, и ассоціируется съ однимъ человѣкомъ. Слѣдовательно, если даже при искусственномъ расширеніи области звуковъ животное все же не усваиваетъ членораздѣльности человѣческой рѣчи, то мы имѣемъ полное право отсюда выводить, что и въ области своихъ звуковъ животныя не знаютъ членораздѣльности, а это значить, что они не имѣютъ звукового языка.

§ 6. Междометіе и слово.

Мы уже видѣли, что и въ человѣческой рѣчи сохранились нечленораздѣльныя выраженія впечатлѣній: это — такъ называемыя междометія. Своею нерасчлененностію междометія напоминаютъ намъ звуки животныхъ, а потому сравненія междометія со словомъ можетъ еще болѣе выяснить

разницу между звуками животныхъ и человѣческимъ языкомъ. О значеніи звуковъ животныхъ мы можемъ только догадываться, а съ междометіями мы знакомы по собственному опыту.

Строго говоря, подставляя вмѣсто звуковъ животныхъ междометія человѣческаго языка, мы рискуемъ сдѣлать ошибку, такъ какъ мы не можемъ доказать тождества междометій со звуками животныхъ. Но для нашей цѣли — для установленія границы между звуками животныхъ и человѣческимъ языкомъ — такая замѣна допустима: если даже междометія человѣческаго языка и не совпадаютъ по своему характеру со звуками животныхъ, если даже допустить, что они совершеннѣе звуковъ животныхъ, все равно ихъ приходится отнести къ періоду, до появленія человѣческаго языка; слѣдовательно, искомая граница должна лежать между междометіемъ и словомъ¹⁾.

Какъ непосредственныя выраженія нашихъ ощущеній, междометія отличаются нѣкоторыми характерными особенностями. Прежде всего они не имѣютъ того, что въ словѣ мы называемъ значеніемъ. Даже и чувства они обозначаютъ очень неопредѣленно. Чтобы понять междометіе, мы должны опереться кромѣ него на что-либо болѣе опредѣленное. Слыша стоны, мы не можемъ опредѣлить ихъ значенія, пока не увидимъ положенія стонущаго человѣка. Междометіе всегда требуетъ для понятности какого-либо поясненія — словомъ или жестомъ. Эта неясность междометія объясняется тѣмъ, что мы употребляемъ его произвольно и обыкновенно не имѣемъ при этомъ въ виду сообщенія своихъ чувствъ другому.

Но съ другой стороны междометіе обладаетъ и общепонятностью, которая объясняется также его непосредственной связью съ чувствомъ. Вызванный какимъ либо сильнымъ душевнымъ движеніемъ междометія уже въ самомъ звукѣ отражаютъ его; поэтому междометія такъ сходны въ различныхъ языкахъ. При этомъ надо замѣтить, что въ звукѣ междометія главную роль играетъ интонація, съ которою оно произносится, и эта-то интонація и дѣлаетъ его общепонятнымъ. Насколько существенна въ междометіи ин-

1) Параллель между междометіемъ и словомъ см. у Потебни „Мысль и языкъ“, 2 изд. Харьковъ 1892, стр. 90—111.

тонація, видно изъ того, что прочитанное безъ всякой интонаціи, оно утрачиваетъ смыслъ, между тѣмъ какъ монотонная рѣчь все же остается понятою.

Междометіе вызывается какимъ либо сильнымъ или внезапнымъ впечатлѣніемъ, которое какъ бы подавляетъ человѣка и не даетъ ему возможности разобраться въ вызванномъ чувствѣ. Каждый разъ какъ человѣкъ испытываетъ подобное чувство, оно вызываетъ въ немъ соотвѣтственный звукъ, и этотъ звукъ не повторяется человѣкомъ по памяти (въ подобныхъ случаяхъ ему некогда вспоминать что-либо), а какъ бы создается каждый разъ снова. Этимъ и объясняется неизмѣнность междометія. Оно въ языкѣ не имѣетъ исторіи, такъ какъ настолько сростается съ впечатлѣніемъ, его вызывающимъ, что отдѣлить одно отъ другого совершенно невозможно.

Слово отличается какъ разъ противоположными свойствами. Само по себѣ, какъ звукъ или сочетаніе звуковъ, оно не можетъ быть понято, какъ бы выразительно оно ни произносилось. Между значеніемъ слова и его формою нѣтъ непосредственной связи, которая бы давала возможность его понять. Это видно уже изъ разнообразія существующихъ языковъ, которые одно и то же представленіе или понятіе обозначаютъ различными звуковыми сочетаніями. Если намъ иногда и кажется, будто извѣстное названіе, такъ хорошо живописуетъ предметъ, что другого имени у него и быть не можетъ, то это впечатлѣніе есть результатъ привычки, результатъ постоянной ассоціаціи между словомъ и обозначаемымъ имъ представленіемъ. Даже свой родной языкъ мы знаемъ не отъ природы: мы ему выучиваемся, т. е. усваиваемъ постепенно ту условную связь, какая существуетъ между звукомъ и его значеніемъ въ данномъ языкѣ ¹⁾).

1) Эта привычная связь можетъ представляться наивному уму, какъ нѣчто, лежащее въ природѣ вещей. Малороссъ говоритъ: „не даромъ Богъ свиню свиньею прозавъ: сказано свиня“. Но иногда подобныя мнѣнія можно услышать и изъ устъ образованнаго человѣка. Такъ напр. у С. Аксакова мы читаемъ: „Имя ерша, очевидно, происходитъ отъ его наружности; вся его спина, почти отъ головы и до хвоста, вооружена острыми, крѣпкими иглами, соединенными между собой тонкою, пестрою перепонкою; щеки, покрывающія его жабры, имѣютъ также по одной острой иглѣ, и, когда вытащишь его изъ воды, то онъ имѣетъ способность такъ растопы-

Хотя слово, какъ звукъ, и непонятно само по себѣ, тѣмъ не менѣе оно всегда имѣетъ гораздо болѣе опредѣленное значеніе, нежели междометіе. Слово выражаетъ не смутное чувство, а обозначаетъ опредѣленное представленіе или понятіе.

Между тѣмъ какъ междометіе остается всегда неизмѣннымъ, слово мѣняетъ съ теченіемъ времени не только свою форму, но и значеніе. Каждое слово понимается нами въ различное время различно, хотя мы часто и не замѣчаемъ этого измѣненія значенія слова. Оно становится для насъ яснымъ только по прошествіи значительнаго промежутка времени, когда мы, на примѣръ, замѣчаемъ, что раньше понимали слово иначе, чѣмъ теперь. Такимъ образомъ, въ противоположность междометію, слово имѣетъ свою исторію.

Междометіе вызывается сильнымъ или неожиданнымъ впечатлѣніемъ, а слово, наоборотъ, обыкновенно сопровождается гораздо болѣе слабыми чувствами. Сильное чувство даже служить помѣхою слову: для того чтобы человѣкъ могъ говорить, необходимо ослабленіе чувства, которое только при этомъ условіи можетъ не подавлять дѣятельности ума, проявляющейся въ нашей рѣчи.

Итакъ слово отличается отъ междометія: 1) условностью связи между звукомъ и значеніемъ, 2) значительною опредѣленностью значенія, 3) способностью къ измѣненію какъ въ звуковой формѣ, такъ и въ значеніи и 4) преобладаніемъ анализирующаго ума надъ чувствомъ.

§ 7. Природа слова.

Установивши различія между междометіемъ и словомъ, мы должны теперь подробнѣе разсмотрѣть природу слова.

Первое, на что намъ слѣдуетъ обратить вниманіе, это — отвлеченность слова. Нѣтъ ни одного слова, которое бы обозначало отдѣльный предметъ въ природѣ, кромѣ, конечно, тѣхъ случаевъ, когда словомъ обозначается какой-либо

речь свои жабры, такъ взъерошить свой спинной хребетъ и загнуть хвостъ, что названіе ерша, вѣроятно, было ему дано въ ту же минуту, какъ только въ первый разъ увидѣлъ его человѣкъ“. Полн. Собр. Соч. С. Т. Аксакова, т. V, стр. 73 сл. Спб. 1886 г.

единственный въ природѣ предметъ, какъ напр. „солнце“, „луна“ и т. п. Но такихъ случаевъ очень немного, и мы видѣли, что даже слово „солнце“ въ настоящее время имѣетъ болѣе широкое значеніе, обозначая въ астрономіи всякую звѣзду, имѣющую самостоятельный свѣтъ. Какъ бы то ни было, чтобы понять природу слова, мы не должны обращаться къ такимъ исключительнымъ случаямъ. Если же мы рассмотримъ большинство словъ въ языкѣ, то увидимъ, что каждое слово обозначаетъ не единичный предметъ, а цѣлую категорію однородныхъ предметовъ. Когда мы говоримъ „дерево“, „рыба“, „столъ“ и т. д., то мы разумѣемъ подъ этими словами не данное дерево, данную рыбу, данный столъ, а цѣлый рядъ предметовъ, каждый изъ которыхъ мы можемъ назвать деревомъ, рыбою, столомъ и т. д. Мы даже не можемъ представить себѣ такого языка, который бы для каждаго отдѣльнаго предмета имѣлъ особое названіе. Такой языкъ есть нелѣпость: никакая человѣческая память не могла бы удержать такого количества названій, да и самъ языкъ утратилъ бы все свое значеніе, если бы каждому новому предмету нужно было давать и новое имя. Если даже личныхъ собственныхъ именъ въ языкѣ бываетъ весьма ограниченное количество, и въ названіяхъ лицъ постоянно повторяются тѣ же самыя имена, то въ наименованіи предметовъ приходится соблюдать такую же, если не болѣшую экономію. Такимъ образомъ каждое слово обозначаетъ общее представленіе или понятіе предмета, а не самый предметъ.

Эта отвлеченность слова предполагаетъ многократное повтореніе однородныхъ воспріятій, которыя человѣкъ научился отождествлять. Общее представленіе можетъ быть создано только тогда, когда человѣкъ уже научился въ каждомъ новомъ воспріятіи, напр. даннаго дерева, находить общее со всѣми прежними воспріятіями другихъ деревьевъ. Общее представленіе всегда является сознательнымъ или безсознательнымъ выводомъ изъ цѣлаго ряда однородныхъ воспріятій. Все это съ несомнѣнностью указываетъ на то, что созданію слова предшествуетъ 1) долгій опытъ и 2) классифицирующая работа ума.

Дѣйствительно, благодаря словамъ, обозначающимъ общія понятія, весь міръ явленій у всякаго человѣка, обладающаго языкомъ, является уже до нѣкоторой степени ана-

лизированнымъ, разбитымъ на болѣе или менѣе крупныя группы. Такимъ образомъ уже изъ этихъ соображеній видно, что въ словѣ отражаются первые зачатки своего рода научной мысли. Вѣдь всякая наука работаетъ въ томъ же направленіи. Поэтому интересно прослѣдить процессъ созданія новыхъ наименованій предметовъ и процессъ измѣненія значеній словъ, такъ какъ мы можемъ надѣяться, что по этимъ процессамъ мы сможемъ до извѣстной степени уловить ходъ работы человѣческаго ума и понять такимъ образомъ отношеніе слова къ мысли.

Первоначальнаго созданія словъ мы, конечно, не можемъ наблюдать и потому должны обратиться къ тѣмъ случаямъ, когда уже въ историческое время на нашихъ глазахъ создаются названія для новыхъ, прежде неизвѣстныхъ предметовъ. Такихъ случаевъ много. Обыкновенно человѣкъ не выдумываетъ для новаго предмета совершенно новаго слова, а старается воспользоваться уже существующимъ въ языкѣ запасомъ словъ и такъ или иначе примѣнить его къ данному случаю. Очень часто мы наблюдаемъ, что при этомъ въ значеніи новаго представленія употребляется уже существующее старое слово, которое такимъ образомъ получаетъ новое, такъ называемое переносное значеніе. Процессъ такого перенесенія значенія объясняется совершенно случайнымъ сравненіемъ одного предмета съ другимъ, сравненіемъ часто очень неполнымъ; но достаточно того, что такое сравненіе было сдѣлано и въ данный моментъ было понято: новое слово, постоянно повторяясь, завоевываетъ себѣ право гражданства, подавшее поводъ къ сравненію сходство забывается, и часто стоитъ большаго труда возстановить забытое сравненіе.

Нѣсколько примѣровъ пояснятъ сказанное. Быками мы называемъ устои моста: мостъ на быкахъ; бѣлую пѣну на гребняхъ волнъ мы называемъ зайчиками, и то же имя даемъ отраженію свѣта, играющему на стѣнѣ; корешки мы находимъ не только въ супѣ, но и у переплетовъ книгъ; у ружья мы находимъ собачку и курокъ (курокъ значитъ собственно маленькій пѣтухъ, пѣтушокъ); на языкѣ охотниковъ волчій хвостъ называется полѣномъ; подошва есть не только у сапога, но и у горы; у колокола есть языкъ; хребтомъ мы называемъ не только позвоночникъ, но и горную цѣпь (и слово цѣпь здѣсь примѣнено къ горамъ

въ переносномъ смыслѣ). Много бранныхъ и ласкательныхъ словъ представляютъ изъ себя названія животныхъ: мы называемъ иногда человѣка осломъ, свиньею, вороною, медвѣдемъ, лисою, змѣею..., а другой разъ соколомъ яснымъ, орломъ, голубчикомъ и т. д.

Во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ слово вмѣстѣ со своимъ значеніемъ является знакомъ, символомъ другого представленія, и мы ясно понимаемъ и значеніе символа и новое значеніе, имъ обозначенное. Но во многихъ случаяхъ значеніе символа уже забылось, и намъ приходится устанавливать его путемъ историко-сравнительнаго анализа слова. Такъ уже и въ приведенныхъ примѣрахъ мы встрѣтились со словомъ куро́къ, которое уже не существуетъ въ настоящее время въ значеніи „пѣтушокъ“. Точно также слово пиръ значитъ собственно попойка (отъ одного корня съ глаголомъ пить); слово чанъ, древнее д(ъ)щанъ значитъ собственно „дощаный“ отъ слова доска; слова островъ и струя восходятъ къ одному корню *sru-, который мы находимъ и въ санскритскомъ srávati „течетъ“; дитя (древнеслав. дѣтѣ) значитъ собственно „сосунецъ“: лат. fēlāre „сосать“; выдра родственно греческому ὕδρα „морская змѣя, гидра“ и ὕδωρ „вода“ и первоначально означало „водяное животное“.

Такъ какъ большинство словъ поддается такому этимологическому толкованію, то мы имѣемъ полное право допустить, что и всѣ вообще слова въ языкѣ такимъ именно путемъ измѣняютъ и развиваютъ свое первоначальное значеніе. Каждое слово въ языкѣ способно такимъ образомъ мѣнять свое значеніе, и обыкновенно мы находимъ въ языкѣ только слова съ этими уже вторичными значеніями. Первоначальныя значенія словъ для насъ совершенно недоступны: я разумѣю здѣсь тѣ первоначальныя значенія, которыя имѣли слова въ доисторическій періодъ созданія языка.

Изъ всѣхъ приведенныхъ примѣровъ мы можемъ видѣть, что слово всегда можетъ быть разложено на три составныя части: 1) звуковая форма, т. е. извѣстное сочетаніе звуковъ, 2) символъ, т. е. предшествующее значеніе слова, употребляемое, какъ знакъ другого значенія и, наконецъ, 3) самое значеніе слова, т. е. представленіе или понятіе, соединяемое съ нимъ. Особенно важенъ въ развитіи

слова символъ, который является живымъ связующимъ звеномъ между звуковымъ составомъ слова и его значеніемъ. Иногда этотъ элементъ слова называютъ внутренней формою слова ¹⁾. Дѣйствительно, если мы будемъ разсматривать слово въ цѣломъ, то на значеніе его мы можемъ смотрѣть, какъ на содержаніе. Это значеніе всегда облечено въ форму звука, т. е. во внѣшнюю, воспринимаемую слухомъ форму. Второй элементъ слова, символъ, является тоже формальнымъ элементомъ, но его формальность совсѣмъ иного характера. Здѣсь уже не звукъ, а представленіе является знакомъ другого представленія, символомъ значенія слова. Это уже не внѣшняя, а внутренняя форма слова.

Поясимъ нашъ анализъ слова разборомъ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ примѣровъ, которые были приведены выше. Когда мы произносимъ слово „быкъ“ въ смыслѣ устоя моста, то мы соединяемъ данное звуковое сочетаніе (первый элементъ) съ представленіемъ устоя моста, со значеніемъ этого слова (третій элементъ); но звукъ и значеніе соединены въ этомъ словѣ не произвольно, а черезъ посредство представленія быка-животнаго, съ которымъ устоя моста сравнивается, очевидно, какъ нѣчто массивное, тучное, прочное, какъ быкъ. Представленіе быка является знакомъ, символомъ представленія устоя моста (это второй элементъ, символъ, внутренняя форма слова). Точно такъ же, когда мы человѣка называемъ „медвѣдемъ“, то это слово (первый элементъ) соединяется съ представленіемъ неуклюжаго человѣка (значеніе слова — третій элементъ) при посредствѣ представленія неуклюжаго звѣря, медвѣдя (символъ, внутренняя форма слова). Подобнымъ образомъ могутъ быть расчленены всѣ приведенные выше примѣры. Само собою разумѣется, что каждое значеніе слова можетъ само сдѣлаться символомъ новаго значенія, и практически такихъ случаевъ мы встрѣчаемъ очень много; такъ напр. и слово „медвѣдь“ получило значеніе звѣря при посредствѣ представленія любителя меда („медвѣдь“ значитъ „поѣдатель меда“). Такимъ образомъ представленіе любителя меда, является символомъ медвѣдя, а медвѣдь является въ свою

1) „Внутренняя форма“ — терминъ, введенный Вильгельмомъ Гумбольдтомъ, но онъ его понимаетъ значительно шире. И символическій элементъ слова входитъ въ Гумбольтовское пониманіе „внутренней формы“; но къ внутренней формѣ онъ относитъ и многое другое.

очередь символомъ неуклюжаго человѣка. Въ этомъ постоянномъ перенесеніи значенія и заключается жизнь и развитіе слова.

Изъ выясненія природы слова вытекаетъ, что слово есть явленіе довольно сложное. Даже рассматривая отдѣльное слово само по себѣ, мы находимъ въ немъ слѣды долгой и сложной работы человѣческой мысли. Мы различили въ словѣ три элемента, изъ которыхъ два непосредственно отражаютъ процессъ сопоставленія уже извѣстнаго представленія съ новымъ представленіемъ, требовавшимъ извѣстнаго объясненія. Процессъ образованія новаго значенія слова основывается на сопоставленіи двухъ представленій, изъ которыхъ одно должно характеризовать другое. Каждое слово такимъ образомъ проходитъ послѣдовательно черезъ цѣлую цѣпь различныхъ значеній, изъ которыхъ каждое послѣдующее вытекаетъ изъ предыдущаго, благодаря новому сопоставленію представленій.

Конечно, не случайно сопоставленіе представленій играетъ такую важную роль въ исторіи слова. Отдѣльныя слова, которыя мы разбирали, были нами вырваны изъ живой человѣческой рѣчи, гдѣ они встрѣчаются не по одиночкѣ, а въ различныхъ сочетаніяхъ, въ различныхъ сопоставленіяхъ. Такъ слово „медвѣдь“ никогда не могло бы получить значеніе неуклюжаго человѣка, если бы оно въ живой рѣчи не сочеталось съ названіями людей. Языкъ характеризуется не отдѣльнымъ словомъ, а сочетаніемъ словъ, предложеніемъ. Въ большинствѣ случаевъ, даже выдѣленное изъ рѣчи, слово носить на себѣ слѣды связи съ предложеніемъ. Такъ напр. слово „языкъ“ есть не только знакъ извѣстнаго представленія, но въ то же время это — имя существительное, мужескаго рода, именительный или винительный падежъ единственнаго числа, т. е. уже этими признаками опредѣляется та роль, которую это слово можетъ играть въ предложеніи: оно могло бы быть въ предложеніи только либо подлежащимъ, либо прямымъ дополненіемъ; а грамматическій родъ указываетъ на форму прилагательнаго, могущаго стоять при этомъ словѣ. Никогда не слѣдуетъ забывать, что атмосфера, въ которой живетъ и измѣняется слово, есть атмосфера связной рѣчи, и не принимая ея во вниманіе, мы не можемъ уяснить себѣ природу слова. Если даже въ отдѣльномъ

словѣ мы нашли слѣды сопоставленія понятій, то это обстоятельство указываетъ также и на то, что рядомъ съ сопоставленіемъ понятій шло и сопоставленіе словъ: одно не мыслимо безъ другого. Поэтому, чтобы уяснить себѣ природу слова, его значеніе въ процессѣ мысли и вообще связь мысли съ языкомъ, намъ слѣдуетъ разсмотрѣть оба процесса: и процессъ сопоставленія словъ и процессъ сопоставленія представленій.

Возьмемъ для примѣра слово „голубой“. Оно обозначаетъ извѣстный цвѣтъ, но обозначаетъ его, указывая на предметъ, обладающій этимъ цвѣтомъ, на голубя. Это — внутренняя форма слова „голубой“. Такимъ образомъ въ самомъ словѣ цвѣтъ еще сливается съ предметомъ, обладающимъ этимъ цвѣтомъ. Но когда это слово начинаетъ сочетаться съ другими словами, когда появляются такія сочетанія, какъ „голубое небо“, „голубой цвѣтокъ“, то мы, естественно, уже не можемъ съ небомъ и цвѣткомъ соединять представленіе голубя, первоначальнаго носителя этого цвѣта. Только вслѣдствіе такихъ сочетаній цвѣтъ окончательно отдѣляется отъ предмета, и у насъ складывается представленіе „голубого“, независимо отъ голубя. При этомъ и самое значеніе „голубого“ цвѣта значительно расширяется по содержанію: „голубой“ начинаетъ обозначать множество различныхъ оттѣнковъ, которые настолько отличаются отъ цвѣта голубя, что въ настоящее время врядъ-ли кто назоветъ голубя голубымъ. Это отвлеченіе цвѣта отъ предмета ведетъ къ забвенію внутренней формы слова: мы употребляемъ теперь это слово, нисколько не представляя при его произнесеніи цвѣта голубя, хотя связь словъ „голубой“ — „голубь“ въ языкѣ совершенно ясна. Такимъ образомъ мы видимъ, что самый процессъ отвлеченія понятія, или созданія общаго представленія, обозначаемого словомъ, находится въ связи съ сопоставленіемъ различныхъ словъ въ рѣчи.

Повидимому, названія всѣхъ цвѣтовъ произошли тѣмъ же путемъ, какъ и названіе голубого цвѣта. Такъ „розовый“ происходитъ отъ слова „роза“ и обозначаетъ первоначально цвѣтъ розы, „малиновый“ происходитъ отъ „малины“, „коричневый“ — отъ „корицы“ и т. д. Названія „фіолетовый“ и „оранжевый“ — слова заимствованныя въ русское языкѣ, но по первоначальному своему значенію указываютъ на

цвѣтъ фіалки и апельсина (франц. *violette* „фіалка“, *orange* „апельсинъ“). Какъ заимствованныя слова, „фіолетовый“ и „оранжевый“ не могутъ имѣть внутренней формы, такъ какъ они стоятъ внѣ этимологической связи съ другими словами языка. Это обстоятельство выгодно ихъ отличаетъ отъ словъ, созданныхъ языкомъ самостоятельно: послѣднія утрачиваютъ внутреннюю форму только постепенно, тогда какъ заимствованныя слова уже съ самаго начала ея не имѣютъ. А утрата внутренней формы, какъ мы видѣли, сопровождается выясненіемъ значенія слова, слѣдовательно, представляетъ выгоду для языка: мысль, а вмѣстѣ и языкъ дѣлается точнѣе. Во многихъ случаяхъ старанія пуристовъ изгнать иностранное слово именно потому и не увѣнчиваются успѣхомъ, что на мѣсто простого представленія (напр. калоши) хотятъ поставить тяжеловѣсный образъ (мокроступы).

Когда мы одно и то же понятіе сопоставляемъ съ различными другими понятіями, то этимъ самымъ сопоставленіемъ мы выясняемъ и различныя стороны даннаго понятія, анализируемъ его, отыскиваемъ въ немъ различные признаки. Примѣръ нагляднѣе всего представитъ намъ этотъ процессъ. Когда мы говоримъ „вода прозрачна“, „вода течетъ“, „вода высыхаетъ“, „вода замерзаетъ“, то мы соединяемъ съ понятіемъ воды понятія прозрачности, текучести, высыхания, замерзания. Съ этимъ вмѣстѣ понятіе воды разлагается, анализируется. Мы находимъ въ немъ новыя стороны, которыя скрывались въ понятіи воды. Первоначально съ этимъ словомъ мы не соединяли представленій объ этихъ признакахъ воды. Путемъ сопоставленія мы анализировали понятіе воды, оно стало для насъ болѣе содержательнымъ.

Этотъ процессъ немыслимъ безъ языка. Въ жизни мы никогда не встрѣчаемся съ отдѣльными воспріятіями. Даже то, что мы называемъ воспріятіемъ отдѣльнаго предмета, всегда есть явленіе сложное, прежде всего уже потому, что одинъ и тотъ же предметъ можетъ дѣйствовать одновременно на всѣ наши чувства: и на зрѣніе, и на слухъ, и на обоняніе, и на осязаніе, и на вкусъ, и на мускульное чувство. Кромѣ того и на отдѣльное чувство предметъ можетъ производить сразу различныя впечатлѣнія; такъ напр. зрѣніемъ мы воспринимаемъ и цвѣтъ предмета, и его очертанія, и его величину, и его рельефъ. Въ этой массѣ различныхъ

воспріятій чловѣкъ не могъ бы разобратъся, если бы на помощь не приходило слово. Совершенно случайный признакъ предмета, какъ внутренняя форма слова, становится знакомъ цѣлаго сложнаго воспріятія предмета. Этотъ знакъ, облеченный въ форму слова, даетъ первую точку опоры въ анализѣ даннаго воспріятія. Первоначально слово обращаетъ вниманіе только на одинъ признакъ предмета, но, превращаясь въ знакъ опредѣленнаго понятія, слово объединяетъ все разнообразіе признаковъ предмета, не только замѣченныхъ, но и тѣхъ, которые ускользнули первоначально отъ нашего вниманія. Указывая только на одинъ признакъ предмета, слово облегчаетъ дѣло чловѣческой памяти, а превращаясь въ знакъ отдѣльнаго понятія, оно даетъ достаточно простора для дальнѣйшаго приобрѣтенія знаній. Такимъ образомъ самая бессодержательность слова оказывается весьма важна: она-то и дѣлаетъ слово могучимъ орудіемъ мысли. Чтобы еще яснѣе понять это, обратимъ вниманіе на математику, которая довела точность своихъ выводовъ до необыкновенно высокой степени. Математика достигла этого благодаря своему особенному языку знаковъ. Буквенныя обозначенія величинъ совершенно бессодержательны и произвольны сами по себѣ, но они въ то же время, именно благодаря этой условности и бессодержательности, позволяютъ влагать въ нихъ весьма точно опредѣленное содержаніе. Языкъ, конечно, не можетъ достигнуть такого состоянія, но въ немъ мы замѣчаемъ ту же зависимость: языкъ становится тѣмъ точнѣе, чѣмъ бессодержательнѣе сами по себѣ становятся слова, утрачивая свою внутреннюю форму, чѣмъ ближе они приближаются къ простому знаку, къ символу.

Если мы сравнимъ языкъ поэзіи съ языкомъ научнымъ, то найдемъ между ними именно ту разницу, что поэтическій языкъ описываетъ явленіе образами, т. е. въ немъ господствуетъ внутренняя форма слова, между тѣмъ какъ научный языкъ борется противъ этой внутренней формы и старается на ея мѣсто поставить точно опредѣленное значеніе. Если мы рассмотримъ для примѣра начало стихотворенія Кольцова „Урожай“, то замѣтимъ, что образы чередуются со словами точнаго значенія чуть ли не на половину (я подчеркиваю образныя слова):

Краснымъ полымемъ	Разгорѣлся день
Заря вспыхнула,	Огнемъ солнечнымъ,
По лицу земли	Подобраль туманъ
Туманъ стелется;	Выше темя горъ.

Въ поэтическомъ языкѣ господствуетъ сравненіе. Оно же, какъ мы видѣли, создаетъ внутреннюю форму слова. Внутренняя форма, напоминая образы чуждыя по существу значенію слова, можетъ только препятствовать выясненію понятія. Чѣмъ яснѣе для насъ значеніе слова, тѣмъ туманнѣе внутренняя форма, и наоборотъ. Самыми точными словами являются тѣ, въ которыхъ внутренняя форма совсѣмъ забыта.

Часто можно слышать сожалѣнія объ утратѣ первоначальной картинности стараго или народнаго языка. При этомъ не слѣдуетъ однако забывать, что, утрачивая старую картинность, языкъ всегда создаетъ новую: мы видѣли, что безъ внутренней формы невозможно измѣненіе значенія слова; слѣдовательно, процессъ этотъ продолжается и въ наше время. Едва-ли возможно утверждать, что въ новомъ языкѣ меньше образовъ, чѣмъ въ старомъ. Но дѣло все-таки значительно мѣняется. Можно съ увѣренностью сказать, что первобытнаго наивнаго человѣка слово подавляло своими образами. Оно вызывало въ немъ суевѣрный страхъ и поклоненіе его силѣ. На этомъ основывается вѣра въ силу заговоровъ, заклинаній и увѣренность въ томъ, что колдуны „слово знаютъ“. Современный культурный человѣкъ самъ овладѣваетъ словомъ и начинаетъ понимать, что слово есть его собственное созданіе. Это освобожденіе человѣка отъ подавляющаго вліянія собственнаго слова непременно должно сопровождаться утратою старой внутренней формы слова, которая является главною носительницею образовъ. Старая картинность языка, конечно, утрачивается и языкъ становится трезвѣе. Но слѣдуетъ ли сожалѣть о томъ, что человѣкъ освобождается отъ чаръ колдовства своего собственнаго слова?

§ 8. Морфологическая классификація языковъ.

Изученіе природы слова сравнительно съ междометіемъ устанавливаетъ значительную разницу между тѣмъ и другимъ.

Если при этомъ междометіе оказывается во многихъ отношеніяхъ сходнымъ со звуками животныхъ, то мы въ правѣ смотрѣть на междометія, какъ на остатки того состоянія, когда и человѣкъ, подобно животнымъ, не имѣлъ языка. Что такое состояніе было, въ этомъ мы не можемъ сомнѣваться, такъ какъ человѣкъ и до настоящаго времени не имѣетъ языка въ первый періодъ своей жизни: онъ ему выучивается только начиная со второго года жизни. Эти соображенія естественно ставятъ передъ нами вопросъ о происхожденіи языка.

Вопросъ этотъ имѣетъ долгую исторію и очень богатую литературу; но намъ придется ограничиться только современною его постановкою и лишь намѣтить путь его возможнаго разрѣшенія.

Эволюціонная теорія, такъ блестяще оправдывающаяся въ области естественныхъ наукъ, естественно побудила изслѣдователей искать разрѣшенія вопроса о происхожденіи языка въ томъ же направленіи. Они надѣялись среди многочисленныхъ и разнообразныхъ языковъ земного шара найти языки, представляющіе различныя историческія ступени человѣческаго языка. Представлялось возможнымъ, расположивъ эти ступени въ хронологическомъ порядкѣ перехода языка отъ одной ступени къ другой, получить такую картину развитія человѣческаго языка, которая могла бы бросить свѣтъ и на самое возникновеніе языка. Прежде всего было обращено вниманіе на различіе въ формальномъ строѣ языковъ. Мы видѣли уже, что слова, вступая въ рѣчи въ различныя отношенія другъ къ другу, обыкновенно тѣмъ или другимъ внѣшнимъ образомъ обозначаютъ эти ихъ взаимныя отношенія. Въ нашихъ индо-европейскихъ языкахъ обозначенія такихъ отношеній выражаются различными грамматическими категоріями, на которыя указываютъ тѣ или иныя внѣшнія звуковыя измѣненія обыкновенно конечныхъ элементовъ слова. Эти измѣненія носятъ названіе морфологическихъ, такъ какъ они касаются формы словъ.

Съ этой морфологической точки зрѣнія языки земного шара выказываютъ очень большое разнообразіе. Особенно оригинальнымъ строемъ отличаются такъ называемые корневые языки, самымъ типичнымъ представителемъ которыхъ является китайскій языкъ. Въ китайскомъ языкѣ всѣ слова

односложныя. Такъ какъ изслѣдователи думали, что эти односложныя слова подобны тѣмъ односложнымъ элементамъ, которые они называли корнями въ индо-европейскихъ языкахъ, то и языки, подобные китайскому, были названы корневыми языками. Иногда ихъ называютъ также изолирующими языками. Односложныя слова китайскаго языка не подвергаются никакимъ измѣненіямъ, и отношеніе ихъ другъ къ другу выражается порядкомъ словъ, который нельзя измѣнить, не мѣняя смысла фразы; такъ напр. *wāng* *rao* *mīn* значитъ по китайскій „царь охраняетъ народъ“, *mīn* *rao* значитъ „народъ охраняемъ“, а *mīn* *rao* *iū* *wāng* — „народъ охраняемъ царемъ“. Кромѣ того существуютъ и отдѣльныя слова, служащія для обозначенія того, что мы называемъ грамматическими категоріями.

Другая обширная группа языковъ носить названіе агглютинирующихъ. Это названіе они получили потому, что грамматическія формы образуются въ нихъ простою прибавкою къ основѣ суффиксовъ, не имѣющихъ самостоятельнаго значенія; но эти суффиксы оказываются какъ-бы приклеенными къ основѣ (*agglutinare* „приклеивать“), при чемъ слѣды такой склейки совершенно ясны, и форма безъ труда разлагается на составныя части.

Между агглютинирующими и флексирующими языками, къ которымъ относятся языки семитскіе и индо-европейскіе, въ сущности нѣтъ принципиальнаго различія: флексирующие языки отличаются отъ агглютинирующихъ только тѣмъ, что отдѣльныя составныя части слова слиты въ одно цѣлое гораздо прочнѣе, такъ что разложеніе слова на составныя части оказывается очень труднымъ.

Эти три морфологическихъ типа изслѣдователи одно время были склонны разсматривать, какъ три послѣдовательныя стадіи въ развитіи языка. На низшей ступени стоитъ китайскій языкъ, знающій одни только односложныя слова, которыя еще не далеко ушли отъ односложныхъ междометій-восклицаній. При сочетаніи этихъ односложныхъ словъ между собою одни слова становились носителями главнаго смысла рѣчи, другія брали на себя роль указателей извѣстныхъ отношеній. Чѣмъ ближе соприкасались эти два вида словъ между собою, тѣмъ прочнѣе становились составленныя изъ нихъ сочетанія. Съ теченіемъ времени эти сочетанія пре-

вращались въ новыя слова, но уже не односложныя, а многосложныя, въ зависимости отъ количества вошедшихъ въ нихъ составныхъ элементовъ. Первоначально эти новыя слова сохраняютъ слѣды своего происхожденія изъ сложенія односложныхъ элементовъ; это состояніе мы наблюдаемъ въ языкахъ агглютинирующихъ. Затѣмъ спайка составныхъ элементовъ слова достигаетъ наивысшей прочности въ типѣ флексирующихъ языковъ, который, по этому воззрѣнію, является высшимъ, наиболѣе совершеннымъ типомъ человѣческаго языка.

Однако эта стройная на первый взглядъ теорія наткнулась на цѣлый рядъ затрудненій, которыя разрушили всю стройность системы. Прежде всего оказалось, что существуютъ на земномъ шарѣ языки, которые не находятъ себѣ мѣста въ этой системѣ. Съ другой стороны оказался произвольнымъ самый порядокъ расположенія ступеней развитія языка. Въ китайскомъ языкѣ были найдены слѣды болѣе древняго состоянія, когда въ немъ были многосложныя слова; такимъ образомъ односложность китайскаго языка оказалась вовсе не первоначальною. Наоборотъ, въ англійскомъ языкѣ была подмѣчена тенденція сокращать свои слова, по возможности до одного слога, такъ что здѣсь языкъ флексирующий стремится достигнуть состоянія односложнаго китайскаго языка: съ высшей ступени языкъ падаетъ снова на самую низшую. Эти факты привели къ заключенію, что общая система развитія языка была построена слишкомъ поспѣшно на основаніи теоретическихъ соображеній, а не на основаніи внимательнаго изученія самыхъ языковъ. Европейскіе языки были поставлены на высшую ступень, какъ языки наиболѣе культурныхъ народовъ, а китайскій, не взирая на его многовѣковую культуру, низведенъ на самую низкую ступень, въ угоду предвзятой теоріи. Въ настоящее время языки земного шара изучены еще слишкомъ мало, такъ что установленіе ихъ научной классификаціи еще совершенно невозможно.

Во всей этой классификаціи правильно подмѣченъ только одинъ фактъ, это — агглютинація въ самомъ широкомъ смыслѣ слова. Но и её мы наблюдаемъ и въ индо-европейскихъ, слѣдовательно, флексирующихъ языкахъ. Извѣстно, наприкладъ, что суффиксъ латинскихъ нарѣчій *-iter* восходитъ къ

слову *iter* „путь“, такъ что нарѣчіе *breviter* „коротко“ собственно значить *breve iter* „короткимъ путемъ“. Но такая агглютинація вовсе не является признакомъ, характеризующимъ какую-либо стадію развитія языка: она можетъ встрѣчаться въ различныхъ періодахъ развитія даже одного и того же языка.

§ 9. Генеалогическая классификація языковъ.

Сравнительная грамматика индо-европейскихъ языковъ выдвинула другой признакъ, на основаніи котораго всѣ языки земного шара можно распредѣлить по крупнымъ группамъ. Это — родство языковъ между собою. Родственными языками мы называемъ такіе языки, которые представляютъ изъ себя болѣе или менѣе измѣненныя формы одного первоначальнаго языка. Иначе говоря, родственные языки восходятъ къ одному первоначальному языку. Признакомъ такого родства обыкновенно является большее или меньшее сходство языковъ, какъ въ звуковой системѣ, такъ особенно въ морфологическомъ строѣ словъ и въ синтаксическомъ складѣ предложенія. Сравнительная грамматика индо-европейскихъ языковъ построена на признаніи родства обширной группы языковъ, которую мы называемъ обыкновенно индо-европейской (иногда аrio-европейской). Въ Германіи эти языки называютъ индо-германскими. Иногда еще и до сихъ поръ можно встрѣтить въ томъ же смыслѣ названіе „арійскіе языки“, которое, однако, какъ мы сейчасъ увидимъ, употребляется обыкновенно въ другомъ смыслѣ.

Индо-европейскіе языки распространены почти по всей Европѣ и въ значительной части Азіи. Они дробятся на множество мелкихъ нарѣчій и говоровъ, которые составляютъ восемь крупныхъ группъ. Мы начнемъ обзоръ ихъ съ востока, съ Индіи.

1) Индо-иранская группа языковъ, иначе называемая арійской, состоитъ изъ двухъ близко-родственныхъ вѣтвей: индійской и иранской.

Языки Индіи извѣстны намъ съ очень древняго времени. Древнѣйшій памятникъ индійской литературы, сборникъ гимновъ въ честь различныхъ божествъ, извѣстный подъ именемъ Ригведы (*Rgvēdah*), восходитъ ко второму

тысячелѣтію до Р. Х. Языкѣ, на которомъ написанъ какъ этотъ памятникъ, такъ и нѣкоторые другіе, близкіе къ нему по времени, называется ведическимъ. Болѣе позднія формы того же языка обыкновенно принято называть санскритомъ. Слово санскритъ значить „(языкъ) обработанный, литературный“; онъ противопоставляется обыкновенно различнымъ живымъ говорамъ, носящимъ общее названіе пракрита, т. е. „простого языка“. Тотъ санскритъ, на которомъ написаны эпическія поэмы Махабхárата и Рамáяна, называютъ эпическимъ санскритомъ, въ отличіе отъ классическаго санскрита — языка позднѣйшей искусственной литературы, канонизованнаго знаменитымъ индійскимъ грамматикомъ Пáнини, лѣтъ за 300 до Р. Х. Съ этого времени и до нашихъ дней санскритъ существуетъ въ Индіи, какъ языкъ науки и литературы подобно средневѣковому латинскому языку. Нѣкоторые другіе живые говоры, выдвинутые религіозными движеніями, также стали литературными языками. Такъ секта джайновъ подняла на степень литературнаго языка пракритское нарѣчіе махарáштри, а южный буддизмъ имѣетъ богатую литературу на языкѣ пáли. Многочисленныя современныя индійскія нарѣчія восходятъ къ старымъ пракритскимъ, но подъ вліяніемъ ислама они заимствовали много арабскихъ элементовъ. Къ индійскимъ нарѣчіямъ относится также и цыганскій языкъ.

Древнѣйшимъ иранскимъ нарѣчіемъ является древне-персидскій языкъ клинообразныхъ надписей Дарія, Ксеркса и Артаксеркса (VI—V вв. до Р. Х.). Рядомъ съ этимъ языкомъ сохранилось другое нарѣчіе, на которомъ написаны священныя книги поклонниковъ Ахурамазды (Ормузда), связанныя съ именемъ Заратуштры (Зороастра). Этотъ языкъ, восходящій въ древнѣйшей своей части, повидимому, ко времени раньше VII в. до Р. Х., носитъ названіе зендскаго языка, или языка Авесты, по имени сборника этихъ священныхъ книгъ. Ко времени царствованія Сассанидовъ (III в. по Р. Х.) относится нѣкоторое количество памятниковъ, по большей части переводовъ Авесты или комментаріевъ къ ней, написанныхъ на языкѣ того времени, носящемъ названіе пѣхлеви. Со времени водворенія въ Персіи ислама (IX в. по Р. Х.) начинается періодъ ново-

персидскаго языка, который дробится въ настоящее время на множество различныхъ нарѣчій.

2) Армянская группа. Древній армянскій языкъ извѣстенъ намъ съ V в. по Р. Х. Въ настоящее время армянскій языкъ раздѣляется на нѣсколько нарѣчій и содержитъ много заимствованій изъ персидскаго языка.

3) Греческая группа состоитъ изъ многочисленныхъ и разнообразныхъ говоровъ, извѣстныхъ намъ изъ надписей. Эти говоры можно объединить въ нѣсколько нарѣчій, изъ которыхъ самыми важными являются іоническо-аттическое, дорическое, сѣверо-западное (Эпира, Этоліи и др. областей), аркадско-кипрское и эолическое. Въ промежутокъ времени между III столѣтіемъ до Р. Х. и III вѣкомъ послѣ Р. Х. аттический литературный языкъ вытѣснилъ изъ употребленія мѣстныя нарѣчія и легъ въ основу обще-греческаго живого языка (т. наз. *κοινή*), изъ котораго съ теченіемъ времени развились современныя новогреческія нарѣчія.

4) Албанскую группу составляютъ нарѣчія албанскаго языка, извѣстнаго намъ только съ XVII вѣка. Албанскій языкъ отличается большимъ количествомъ заимствованій изъ романскихъ, славянскихъ, турецкаго и ново-греческаго языковъ, такъ что собственно албанскія слова составляютъ не болѣе $\frac{1}{10}$ всего его словаря.

5) Главнымъ представителемъ италійской группы является латинскій языкъ. Рядомъ съ нимъ существовали и другія нарѣчія, сохранившіяся въ немногочисленныхъ осскихъ и умбрскихъ надписяхъ. Съ распространеніемъ римскаго владычества латинскій языкъ распространился въ провинціяхъ западной римской имперіи и далъ начало новымъ романскимъ языкамъ: итальянскому, румынскому, провансальскому, французскому, испанскому, португальскому и другимъ.

6) Кельтская группа. На кельтскихъ нарѣчіяхъ говорили въ древности не только въ Галліи, но и въ Испаніи, на Британскихъ островахъ, въ области Альпъ и сѣверной Италіи. Въ настоящее время остались только нарѣчія ирландское, шотландское, кимрское и бретонское. Первые два составляютъ такъ называемую гэльскую группу, а вторыя называются общимъ именемъ британскихъ

нарѣчій. Отъ древнихъ нарѣчій континента остались только собственныя имена и нѣкоторыя слова, сохраненныя греческими и римскими писателями; всѣ эти данныя касаются языка Галліи.

7) Германская группа обыкновенно раздѣляется на три вѣтви: восточную, сѣверную и западную. Къ восточной вѣтви относится готскій языкъ: до насъ дошла часть перевода Библии на готскій языкъ, исполненнаго вестготскимъ епископомъ Вульфилою въ IV вѣкѣ. Къ сѣверной вѣтви относятся языки: исландскій, норвежскій, шведскій и датскій; а западная вѣтвь состоитъ изъ англо-саксонскаго, фризскаго, ниже-франкскаго, ниже-нѣмецкаго и выше-нѣмецкаго. Изъ англо-саксонскаго развился современный англійскій языкъ, изъ ниже-франкскаго — голландскій, а изъ выше-нѣмецкаго — современный нѣмецкій языкъ.

8) Балтійско-славянская группа состоитъ изъ балтійской и славянской вѣтви. Къ балтійской вѣтви принадлежатъ языки: литовскій, латышскій и вымершій уже древне-прускій. Славянская вѣтвь обыкновенно раздѣляется на три группы: восточную (нарѣчія великорусскія, малорусскія и бѣлорусскія), южную (болгарскій и сербскій языки) и западную (языки чешскій и польскій).

Подобно индо-европейскимъ языкамъ группу родственныхъ языковъ составляютъ также языки семитскіе. Къ нимъ относятся языки: древній ассирійскій, ханаанскій, еврейскій, финикійскій, арамейскій, сирійскій, арабскій и эѳіопскій. Вѣроятно, и древне-египетскій языкъ, вмѣстѣ съ языками берберовъ и кушитовъ, принадлежитъ къ тому же семитскому семейству.

Далѣе, установлено родство такъ называемыхъ угрофинскихъ языковъ, т. е. мадьярскаго (венгерскаго), вогульскаго, остяцкаго, зырянскаго, вотяцкаго, черемисскаго, мордовскаго, финскаго (суоми), эстонскаго и лапландскаго.

Кромѣ того родственными признаются языки турецко-татарской группы, многочисленные языки южной Африки, носящіе общее названіе „банту“ и др. Менѣе точно обслѣ-

довано родство языковъ американскихъ краснокожихъ, австралійскихъ негровъ, полинезійцевъ и др. языковъ.

Въ настоящее время далеко не всѣ языки земного шара сведены въ такія группы родственныхъ языковъ; но и научно установленныя семейства языковъ ставятъ передъ нами вопросъ о возможномъ родствѣ этихъ семействъ между собою. Въ настоящее время высказываются предположенія о родствѣ индо-европейскихъ языковъ съ семитскими и угрофинскими; но пока въ наукѣ нѣтъ достаточныхъ данныхъ ни для того, чтобы признать такое родство, ни для того, чтобы категорически отрицать его возможность. Пока, слѣдовательно, такое родство не доказано.

По отношенію къ вопросу о происхожденіи языка, генеалогическая классификація языковъ даетъ, такимъ образомъ, очень мало. Мы не можемъ ожидать въ скоромъ времени даже полного распредѣленія всѣхъ языковъ земного шара по генеалогическимъ семействамъ; а чтобы приготовить почву къ такому рѣшенію вопроса о происхожденіи языка, нужно было-бы сравненіе языковъ распространить и на сравненіе семействъ между собою. Такимъ образомъ и этотъ путь едва-ли приведетъ насъ къ разрѣшенію вопроса о происхожденіи языка.

§ 10. Постановка вопроса о происхожденіи языка.

Существующія теоріи происхожденія языка обыкновенно дѣлятся на двѣ группы: 1) теоріи звукоподражанія и 2) теоріи междометій. Теоріи звукоподражанія объясняютъ возникновеніе языка изъ тѣхъ звуковъ, которые человѣкъ произносилъ, стараясь воспроизвести звуки, издаваемые предметами или животными. Эти звукоподражанія становились естественными знаками представленій предметовъ, издающихъ данные звуки, и такимъ образомъ становились словами. Такъ какъ такая теорія можетъ объяснить очень ограниченное количество словъ въ языкѣ, то самое понятіе звукоподражанія старались нѣсколько расширить. Одни указывали на то, что звуками мы иногда стараемся живописать даже предметы, не издающіе звуковъ; такимъ образомъ понятіе звукоподражанія расширялось настолько, что всякое

слово въ языкѣ могло найти звукоподражательное объясненіе. Другіе указывали на то, что элементъ подражанія заключался при созданіи слова не въ самомъ звукѣ, а въ движеніи органовъ рѣчи, главнымъ образомъ языка, такъ что звуковой эффектъ при такомъ „звуковомъ жестѣ“ могъ далеко не соответствовать звуку, издаваемому самимъ предметомъ. Этотъ „звуковой жестъ“, повидимому, дѣйствительно встрѣчается въ различныхъ языкахъ, но преимущественно для обозначенія самыхъ органовъ произношенія или звуковъ человѣческой рѣчи: такъ въ греческомъ языкѣ „болтать“ обозначается глаголомъ *λάλειν*, въ которомъ дважды повторяется звукъ *λ*, производимый энергичнымъ движеніемъ языка.

Но, какъ видно, обѣ эти попытки расширить область звукоподражанія все же не давали удовлетворительнаго отвѣта на вопросъ о происхожденіи языка. Они только нѣсколько оправдывали авторовъ этихъ теорій, когда они ставили въ своей теоріи слова „и такъ далѣе“ или „мало-помалу“ именно тамъ, гдѣ начиналась трудность. Вѣдь не трудно объяснить, что „кукушка“ названа по ея крику „ку-ку“; трудность начинается именно тамъ, гдѣ мы встрѣчаемся съ отвлеченными представленіями, не имѣющими ничего общаго со звукомъ; а такихъ представленій въ языкѣ множество, можно даже сказать, что такія слова составляютъ главную массу словаря каждаго языка.

Другія теоріи, объясняющія возникновеніе языка изъ междометій, исходили изъ той мысли, что первыми звуками у человѣка были произвольныя, рефлекторныя восклицанія, вырывавшіяся изъ его груди непосредственно подъ вліяніемъ сильныхъ впечатлѣній, полученныхъ отъ предметовъ. Эти восклицанія при повтореніи становились знаками представленій тѣхъ предметовъ, которые эти восклицанія вызывали, и такимъ образомъ превращались въ слова.

Послѣ того какъ мы уже разсмотрѣли разницу между словомъ и междометіемъ, намъ нѣтъ надобности долго останавливаться на разборѣ этой теоріи. Для того, чтобы объяснить происхожденіе языка, она должна была бы выяснитъ, какимъ образомъ совершился переходъ отъ междометія къ слову во всѣхъ подробностяхъ; между тѣмъ она этого не дѣлала, ограничиваясь картинами того, какъ какой-нибудь крикъ ужаса могъ служить знакомъ, предупреждающимъ обѣ

опасности. Но мы видѣли, что это еще не языкъ. Однимъ словомъ и эта теорія не разрѣшала главныхъ трудностей, а указывала лишь на одинъ изъ источниковъ, откуда во время возникновенія языка могли братья слова.

Но важнѣе всего обратить вниманіе на общій недостатокъ всѣхъ этихъ гипотезъ, коренящійся въ самой постановкѣ вопроса. И теоріи междометій и теоріи звукоподражанія стараются разъяснить связь звукового состава слова съ даннымъ значеніемъ. Этотъ именно вопросъ кажется имъ наиболѣе труднымъ и требующимъ разъясненія. Онѣ, слѣдовательно, ищутъ естественной связи между словомъ и значеніемъ. А мы видѣли, что слово именно тѣмъ и отличается отъ междометія, что не имѣетъ этой связи. Поэтому для объясненія возникновенія языка скорѣе слѣдовало-бы указать путь утраты этой связи, которая существовала въ междометіи и исчезла въ словѣ. Съ этой точки зрѣнія звукоподражательныя слова слѣдовало-бы считать менѣе приспособленными къ историческому развитію, такъ какъ живая связь звука со значеніемъ препятствуетъ переходу одного значенія въ другое. На практикѣ же мы обыкновенно находимъ, что и звукоподражательныя слова захватываются общимъ теченіемъ и развиваются наравнѣ съ другими, т. е. очень рано утрачиваютъ въ сознаніи говорящихъ непосредственную связь звука со значеніемъ.

Кромѣ этой ошибки, которая вытекаетъ изъ неправильнаго пониманія природы слова, мы замѣчаемъ еще и другую: непослѣдовательность въ употребленіи слова „языкъ“. Дѣйствительно, когда мы ставимъ вопросъ о происхожденіи языка вообще, мы не можемъ понимать подъ словомъ языкъ какую-либо звуковую форму языка. Мы не говоримъ въ такомъ случаѣ ни о русскомъ, ни о французскомъ, ни о нѣмецкомъ, ни о какомъ-бы то ни было другомъ языкѣ, слѣдовательно отвлекаемся отъ всякой звуковой формы и говоримъ о языкѣ въ смыслѣ способности человѣка къ созданію звукового языка. Между тѣмъ въ своихъ отвѣтахъ всѣ эти теоріи имѣютъ въ виду объяснить связь звука со значеніемъ, слѣдовательно именно звуковую форму языка. Здѣсь мы имѣемъ прекрасный примѣръ того, какъ слово можетъ насъ обманывать: ставя вопросъ о происхожденіи языка, мы употребляемъ слово „языкъ“ въ одномъ значеніи,

а въ своемъ отвѣтѣ употребляемъ то-же слово въ другомъ. Если бы вопросъ шелъ о происхожденіи той или другой формы языка, напр. о происхожденіи французскаго языка, то намъ не было бы нужды строить ни теорію звукоподражанія, ни теорію междометія: мы знаемъ, что французскій языкъ развился изъ народной латыни, и мы можемъ указать, какія измѣненія должны были совершиться для этого перехода. Если же вопросъ ставится о способности человѣка къ рѣчи, то ни звукоподражаніе, ни междометіе не могутъ объяснить намъ развитія этой способности: попугаи необыкновенно способны къ звукоподражанію, а языка не развили; точно также и междометія представляютъ общую съ животными ступень, предшествующую развитію языка. Такимъ образомъ мы видимъ, что неудача, постигшая обѣ наши теоріи, произошла отъ неясности въ самой постановкѣ вопроса.

Мы видимъ изъ этого разбора, что есть два вопроса о происхожденіи языка, соотвѣтственно двумъ значеніямъ слова „языкъ“. На вопросъ о происхожденіи языка въ смыслѣ определенной звуковой формы можетъ отвѣтить только генеалогическая классификація языковъ, которая именно и имѣетъ въ виду прослѣдить переходы отъ одной звуковой формы языка къ другой. Въ этой практической области вопросъ о происхожденіи даннаго языка зачастую можетъ быть разрѣшенъ съ большою точностью. Но когда мы говоримъ о происхожденіи языка вообще, то мы разумѣемъ, конечно, не это. Для того чтобы правильно отвѣтить на этотъ вопросъ, мы ни на минуту не должны забывать, что въ этомъ послѣднемъ случаѣ рѣчь идетъ о развитіи въ человѣкѣ способности къ звуковому языку.

§ 11. Посильный отвѣтъ на вопросъ о происхожденіи языка.

Въ той постановкѣ, которую мы дали вопросу о происхожденіи языка, онъ является уже поддающимся рѣшенію, хотя, конечно, отъ этого онъ не становится проще. Сложность вопроса заключается уже въ томъ, что мы по возможности должны указать всѣ условія, которыя такъ или иначе способствовали развитію въ человѣкѣ способности къ созданію звукового языка, и здѣсь можетъ сказать свое слово не

только языковѣдъ, но также и зоологъ, и сравнительный анатомъ, и физиологъ, и психологъ.

Мы видѣли, что языкъ есть орудіе нашей мысли, и при томъ такое орудіе, какого не создало себѣ ни одно животное, кромѣ человѣка. Поэтому, насколько наша мысль зависитъ отъ развитія головного мозга, уже самое строеніе его является условіемъ, необходимымъ для созданія языка. Дѣло сравнительнаго анатома выяснить, какое строеніе головного мозга является необходимымъ для развитія способности языка. Мы знаемъ, что въ человѣческомъ мозгу есть нѣсколько центровъ, завѣдывающихъ сложнымъ процессомъ рѣчи. Нужно помнить только при этомъ, что самое развитіе головного мозга должно находиться въ нѣкоторой зависимости отъ языка, который не могъ не вліять на развитіе органа, работающаго при его помощи.

То же самое можно замѣтить и относительно развитія органовъ рѣчи. Конечно, звуковой языкъ не могъ бы появиться у человѣка, если бы онъ не обладалъ такими гибкими органами рѣчи, и они, несомнѣнно, тоже являются необходимымъ условіемъ, для возникновенія звукового языка. Но и здѣсь нужно помнить, что современное строеніе органовъ рѣчи человѣка, несомнѣнно, создано и подъ вліяніемъ языка, такъ что въ моментъ возникновенія языка эта гибкость органовъ рѣчи могла быть меньше, сравнительно съ теперешней.

Далѣе, разсмотрѣніе свойствъ слова и сравненіе его съ междометіемъ и звуками животныхъ даетъ намъ указаніе на то, какія условія необходимо должны были прибавиться для возникновенія языка. Мы уже указывали на то, что уже самая отвлеченность слова предполагаетъ въ человѣкѣ долгій опытъ: словомъ человѣкъ обозначаетъ не отдѣльное явленіе, а общее представленіе о цѣломъ рядѣ однородныхъ явленій. Эта способность къ отвлеченію, несомнѣнно, существуетъ и у животныхъ, но у нихъ она не достигаетъ такой высокой степени развитія, какъ у человѣка.

Мы видѣли также, что въ междометіи отражается непосредственно сильное душевное движеніе, которое даже можетъ являться препятствіемъ для произнесенія слова, между тѣмъ какъ въ словѣ проявляется спокойная работа ума и, слѣдовательно, значительное ослабленіе чувства. Это пока-

зывается, что для развитія языка необходимо было наряду съ развитіемъ ума и ослабленіе впечатлительности. Мы замѣчаемъ, дѣйствительно, что животныя выказываютъ значительно большую впечатлительность, нежели человѣкъ. Быть можетъ, это происходитъ отъ большаго развитія у человѣка задерживающихъ центровъ; но кромѣ того, эта меньшая впечатлительность, несомнѣнно, является результатомъ большаго знакомства съ окружающимъ міромъ, болѣе глубокаго его знанія. Съ этой точки зрѣнія развитію языка способствовало все то, что заставляло человѣка внимательно присматриваться къ окружающимъ его явленіямъ.

Далѣе является естественно вопросъ, какимъ образомъ при ослабленіи чувства междометія могли превратиться въ слова. Первымъ этапомъ въ этомъ процессѣ является превращеніе междометія, какъ выраженія сильнаго душевнаго движенія, въ символъ, въ знакъ этого ощущенія. Этотъ переходъ мы наблюдаемъ и въ звукахъ животныхъ. Мы видѣли, что животныя способны правильно толковать звуки своихъ собратьевъ: если при этомъ звукъ, издаваемый животнымъ, является еще рефлекторнымъ выраженіемъ сильнаго впечатлѣнія, то для животного, воспринимающаго этотъ звукъ, онъ превращается въ знакъ того впечатлѣнія, которое испытываетъ кричащее животное. На этомъ и основано пониманіе звука. Но мы видѣли также, что животныя способны издавать звуки болѣе сознательно, имѣя въ виду звукомъ дать знать о себѣ своимъ собратьямъ или человѣку, съ цѣлью этимъ звукомъ обратить на себя вниманіе. При этомъ звукъ уже утрачиваетъ характеръ непосредственнаго выраженія ощущенія и превращается въ символъ, въ знакъ этого ощущенія: животное кричитъ не отъ боли, а издаетъ крикъ боли, чтобы вызвать въ своемъ собратѣ представленіе, будто оно ощущаетъ боль. Понятно, что уже въ этомъ процессѣ произнесеніе звука должно сопровождаться ослабленіемъ чувства и усиленіемъ спокойной работы разума.

Мы видѣли, что самымъ важнымъ отличіемъ человѣческаго языка отъ звуковъ животныхъ является членораздѣльность выраженія мысли въ языкѣ. Мы видѣли, что животныя не знаютъ этой членораздѣльности и не могутъ ея усвоить даже при дрессировкѣ. Естественно является вопросъ, какъ могло возникнуть это свойство: очевидно, оно и соз-

даетъ человѣческій языкъ изъ нечленораздѣльныхъ звуковъ или междометій. Мы видѣли, что членораздѣльность рѣчи стоитъ въ связи съ ея сложнымъ составомъ; она возникаетъ только въ предложении и въ немъ находитъ свое естественное выраженіе. Въ самомъ общемъ смыслѣ предложение есть сочетаніе словъ, и потому въ сочетаніи первоначальныхъ звуковъ, служившихъ символами какихъ-либо еще не выяснившихся представленій, намъ слѣдуетъ искать источника членораздѣльности. Простое сопоставленіе двухъ словъ и соотвѣтствующихъ имъ представленій непосредственно ведетъ къ анализу сопоставляемыхъ представленій и къ выясненію значенія сопоставленныхъ словъ. Если въ выраженіи „малиновая рубаха“ мы сопоставляемъ представленіе малины съ рубахой (мы не обращаемъ здѣсь вниманія на то, что „малиновый“ есть прилагательное: есть языки въ которыхъ тоже представленіе можетъ быть выражено простымъ сопоставленіемъ основъ), то съ одной стороны изъ представленія „малины“ выдѣляется то, что можно соединить съ представленіемъ „рубахи“, т. е. малиновый цвѣтъ, а съ другой стороны тотъ же цвѣтъ выдѣляется и въ представленіи „рубахи“. Такое сопоставленіе, слѣдовательно, какъ оно ни просто кажется на первый взглядъ, ведетъ къ взаимному анализу сопоставляемыхъ представленій и къ выясненію значеній сопоставляемыхъ словъ.

Конечно, такое сопоставленіе словъ не даетъ полнаго представленія о томъ первоначальномъ сопоставленіи звуковыхъ символовъ еще не выяснившихся вполнѣ, смутныхъ представленій: словъ въ то время еще не могло существовать, такъ какъ выясненіе значенія слова, а слѣдовательно и самое созданіе его могло произойти только въ процессѣ сопоставленія. Мы должны, слѣдовательно, представить себѣ, что тѣ звуковые символы, которыми обладалъ въ то время человѣкъ, обозначали смутныя, нерасчлененныя, сложные представленія. Процессъ анализа этихъ представленій начинается только съ ихъ сопоставленія при помощи звуковыхъ символовъ, и это сопоставленіе и есть начало языка: появляется членораздѣльная рѣчь, смутные звуковые символы превращаются въ слова, въ процессѣ сопоставленія слова мѣняють безконечно свое значеніе, однимъ словомъ начинается та дѣятельность, которую мы называемъ языкомъ.

Конечно, многимъ можетъ показаться недостаточнымъ такой отвѣтъ на вопросъ о происхожденіи языка: естественно можетъ явиться желаніе представить себѣ этотъ процессъ въ болѣе конкретныхъ образахъ, въ картинѣ, гдѣ были бы сведены и должнымъ образомъ скомбинированы всѣ условія возникновенія языка. Но такой задачи наука на себя взять не можетъ. Ученые часто грѣшили въ этомъ отношеніи, и никогда картины, создаваемые ими, не оказывались удовлетворительными. Всѣхъ условій жизни первобытнаго человѣка мы не знаемъ, и какъ бы удачны ни были наши предположенія о нихъ, все же предположенія никогда не могутъ превратиться въ достовѣрные выводы, и потому наши картины всегда будутъ гадательны. Мы должны, слѣдовательно, ограничиться только указаніемъ этаповъ въ развитіи языка изъ звуковъ животныхъ и междометій. Такими этапами являются слѣдующіе моменты: 1) звуки являются непосредственнымъ отраженіемъ впечатлѣній внѣшняго міра; 2) звуки становятся символами воспринятыхъ впечатлѣній и 3) сопоставленіе звуковыхъ символовъ и соотвѣтствующихъ сложныхъ представленій ведетъ къ обоюдному анализу и вырабатываетъ слово съ его значеніемъ.

Нужно добавить только, что сопоставленіе звуковыхъ символовъ, которое и является собственно началомъ языка, мы не можемъ объяснять, какъ изобрѣтеніе какого-нибудь гениальнаго человѣка. Языкъ есть дѣятельность, проявляющаяся только въ обществѣ, и его возникновеніе можетъ быть объяснено только на почвѣ взаимодѣйствія многихъ лицъ. Появленіе языка предполагаетъ, что до него доросла не какая-либо гениальная личность, а все общество людей. Гениальный человѣкъ, заговорившій языкомъ, предполагаетъ столь же гениальныхъ слушателей, которые стали понимать языкъ.

Обзоръ условій возникновенія языка былъ бы не полонъ, если бы я не упомянулъ объ одной особенноти строенія человѣческаго тѣла, которая, повидимому, во многихъ отношеніяхъ оказалась полезной человѣку: я имѣю въ виду вертикальное положеніе человѣческаго тѣла. Уже давно было обращено вниманіе на многочисленныя преимущества, которыя даетъ человѣку вертикальное положеніе сравнительно съ горизонтальнымъ положеніемъ другихъ животныхъ. Прежде

всего оно освобождаетъ грудь, которая у другихъ животныхъ стѣснена передними конечностями. Руки освобождаются отъ работы несенія тяжести тѣла и приспособляются специально къ хватательнымъ движеніямъ, при чемъ берутъ на себя и дѣло защиты противъ враговъ, которая у другихъ животныхъ выполняется преимущественно органами, такъ или иначе связанными съ головою: клыками, зубами, рогами. Вслѣдствіе этого освобождаются у человѣка отъ труда защиты органы рѣчи, безъ развитія которыхъ немыслимъ человѣчскій языкъ. Что въ развитіи языка вертикальное положеніе человѣка играло значительную роль, видно уже изъ того, что между всѣми животными къ перениманію звуковъ человѣческой рѣчи самыми способными оказываются птицы: и у нихъ крылья, соотвѣтствующія нашимъ рукамъ, даютъ большую свободу груди и органамъ, образующимъ звуки. Вертикальное положеніе косвенно оказывало благотѣльное вліяніе и на развитіе въ человѣкѣ ума: онъ могъ, двигаясь на ногахъ, руками брать различные предметы и разсматривать ихъ, расширяя такимъ образомъ сферу своего опыта; а опытъ и спокойное изученіе окружающаго, какъ мы видѣли, есть необходимое условіе возникновенія слова. Въ виду этого очень вѣроятнымъ является предположеніе, что именно вертикальное положеніе особенно выдвинуло человѣка изъ ряда другихъ животныхъ.

§ 12. Вспомогательныя дисциплины языкознанія.

Анализируя человѣческое слово, мы нашли въ немъ три элемента: звуковой составъ, символъ и значеніе. Этотъ анализъ указываетъ намъ, въ какомъ направленіи должны мы производить наши дальнѣйшія разысканія, изучая человѣческую рѣчь. Первая наша задача заключается въ изученіи звукового состава человѣческой рѣчи. Эта область стала систематически разрабатываться лишь во второй половинѣ 19-го вѣка, когда совершенно ясно было сознано, что въ исторіи измѣненія звуковъ въ языкѣ играютъ важную роль самыя физическія условія образованія звука при помощи человѣческихъ органовъ рѣчи. На почвѣ изученія этихъ условій создалась новая дисциплина, которую называютъ

физиологією звука, общею фонетикою или просто фонетикою, а иногда антропофонию, т. е. ученіемъ о человѣческихъ звукахъ. Сначала новая дисциплина въ изслѣдованіи фонетическихъ вопросовъ пользовалась только методами наблюденія и самонаблюденія и лишь отчасти примѣняла экспериментъ, преимущественно въ областяхъ, соприкасающихся съ физикою (ученіе о звукѣ). Конечно, въ дѣлѣ изученія строенія органовъ рѣчи и ихъ движеній, фонетика пользовалась данными анатоміи и физиологіи. Но въ послѣднее время замѣтно проявляется новое теченіе, которое ставитъ себѣ цѣлью возможно точное изученіе фонетическихъ явленій. Для этой цѣли изобрѣтаются особые приборы, записывающіе либо движенія различныхъ органовъ рѣчи, либо взаимное ихъ расположеніе. Эти записи дають возможность иногда съ большою точностью выразить числами тѣ отношенія, которыя при помощи самонаблюденія опредѣляются лишь приблизительно. Экспериментальная фонетика — такъ обыкновенно называютъ это теченіе въ области физиологіи звука — въ настоящее время уже сумѣла выяснить нѣкоторые фонетическіе вопросы, и отъ нея мы ждемъ въ дальнѣйшемъ еще большихъ успѣховъ, особенно когда будутъ изобрѣтены способы регистраціи движенія внутреннихъ органовъ рѣчи (напр. голосовыхъ связокъ), до сихъ поръ трудно поддающихся экспериментальному изученію.

Другіе два элемента слова — символъ и значеніе — связаны со звукомъ лишь условною ассоціаціею. Та дисциплина, которая занимается изученіемъ движенія значеній слова называется семазіологіей, или семантикой. Эта область до сихъ поръ разработана очень слабо: пока мы еще не вышли изъ періода собиранія матеріала. Попытки установить общіе законы перехода значеній до сихъ поръ нельзя назвать удачными: не удастся даже найти принципа для классификаціи наблюдаемыхъ переходовъ. Уже изъ тѣхъ примѣровъ измѣненія значенія слова, которые были приведены выше, видно, насколько прихотливы эти измѣненія: причины ихъ часто лежатъ въ культурныхъ условіяхъ жизни человѣка, а потому и изученіе этихъ явленій выходитъ за предѣлы науки о языкѣ въ тѣсномъ смыслѣ слова. Но, какъ-бы ни объяснялись переходы значеній въ отдѣльныхъ случаяхъ, мы не можемъ сомнѣваться въ томъ, что въ основѣ

всѣхъ этихъ явленій лежитъ ассоціація звука съ представленіемъ; иначе говоря, всѣ эти явленія имѣютъ психологическую основу. Отсюда понятно, какое значеніе должна имѣть для языковѣда психологія, и въ особенности тотъ отдѣлъ ея, который занимается ассоціаціями. Языковѣду весьма важно установить ту сѣть ассоціацій, которая лежитъ въ основѣ каждого отдѣльнаго языка, и эта задача отличаетъ языковѣда отъ психолога, интересующагося общими законами ассоціацій.

Такимъ образомъ двѣ науки оказываютъ языковѣду важныя услуги въ изученіи языка: фізіологія звука и психологія. Фізіологія звука изучаетъ внѣшнюю звуковую форму нашей рѣчи, а психологія уясняетъ ея внутреннюю сторону, ассоціаціи, лежащія въ основѣ той дѣятельности человека, которую мы называемъ рѣчью, или языкомъ. Прежде всего, поэтому, необходимо познакомиться съ основами фізіологіи звука. Ознакомленіе съ психологіей не входитъ въ нашу задачу: намъ придется ограничиться только изложеніемъ фактовъ психологіи языка.

§ 13. Фізіологія звука ¹⁾.

Звуками называются тѣ слуховыя впечатлѣнія, которыя воспринимаетъ наше ухо изъ окружающаго насъ воздуха. Для возникновенія звука необходимо, чтобы воздухъ былъ приведенъ въ колебательное движеніе: колебанія воздуха, достигая барабанной перепонки нашего уха, приводятъ её въ движеніе; эти движенія передаются слуховому нерву, и мы получаемъ впечатлѣніе звука. Периодически-правильныя колебанія воздуха, вызываемыя обыкновенно дрожаніемъ какого-либо эластичнаго тѣла, производятъ на наше ухо впечатлѣніе музыкальнаго звука; наоборотъ, шумомъ мы называемъ всякій такой звукъ, который вызывается неправильнымъ, беспорядочнымъ колебаніемъ воздуха.

1) Для первоначальнаго ознакомленія съ фізіологіей звука можно рекомендовать слѣдующія пособія: Проф. В. А. Богородицкій, Опытъ фізіологіи общерусскаго произношенія въ связи съ экспериментально-фонетическими данными (съ рисунками). Казань 1909. О. Брокъ, Очеркъ фізіологіи славянской рѣчи. СПб. 1910 (Энциклопедія слав. филол. V. 2). Проф. А. И. Томсонъ, Общее языковѣдніе. 2-ое изд. Одесса 1910, стр. 102—240. Otto Jespersen, Lehrbuch der Phonetik. Leipzig und Berlin. 1904.

Въ человѣческой рѣчи мы наблюдаемъ какъ музыкальные звуки, такъ и шумы. При этомъ обыкновенно человѣкъ пользуется тѣмъ потокомъ воздуха, который выталкивается изъ легкихъ, послѣ того какъ онъ отдалъ крови свой кислородъ. Хотя мы и можемъ производить различные звуки, вдыхая воздухъ, но обыкновенно звуки нашей рѣчи производятся вмѣстѣ съ выдохомъ. Выдохъ, производящій звуки нашей рѣчи, отличается отъ выдыха при свободномъ дыханіи только тѣмъ, что запасъ воздуха, забранный легкими при вдохѣ, расходуется не сразу, а раздѣляется по мѣрѣ надобности на части, которыя выходятъ изъ легкихъ нѣсколькими толчками.

Для возникновенія звука необходимо, чтобы воздухъ, выходящій изъ легкихъ, встрѣчалъ на своемъ пути какія-либо препятствія: при свободномъ дыханіи мы не слышимъ почти никакого звука, кромѣ слабаго шороха, происходящаго отъ тренія воздуха о стѣнки дыхательныхъ путей. Механизмъ возникновенія звука человѣческой рѣчи заключается въ томъ, что органы произношенія ставятъ на пути выдыхаемаго воздуха тѣ или иныя препятствія, которыя приводятъ проходящій воздухъ въ колебательныя движенія. Поэтому прежде всего необходимо разсмотрѣть устройство органовъ рѣчи человѣка.

Органы рѣчи человѣка состоятъ изъ 1) дыхательнаго аппарата, 2) гортани и 3) надставной трубы, состоящей въ свою очередь изъ двухъ частей: а) полости рта и б) полости носа.

Внѣшній воздухъ попадаетъ въ наши легкія черезъ дыхательные пути, представляющіе цѣлую систему различной величины трубокъ съ упругими стѣнками, называемыхъ бронхами. Бронхи представляютъ изъ себя развѣтвленія дыхательнаго горла или трахеи, которая раздѣляется сначала на два бронха, идущихъ одинъ въ правое, другой въ лѣвое легкое; эти бронхи въ свою очередь развѣтвляются въ цѣлую систему многочисленныхъ, все утончающихся бронховъ, которые пронизываютъ легкія по всѣмъ направленіямъ и распределяютъ въ нихъ вдыхаемый воздухъ.

Верхняя часть трахеи, нѣсколько расширенная, носить названіе гортани. Она состоитъ изъ системы различной формы хрящей, представляющихъ ея твердую основу. Въ

гортани лежать голосовыя связки; онѣ состоятъ изъ покрытыхъ слизистой оболочкой мускуловъ, симметрично расположенныхъ горизонтально съ правой и съ лѣвой стороны внутри гортани, которая вслѣдствіе этого оказывается нѣсколько суженной. Голосовыя связки могутъ либо сближаться между собою, образуя полный затворъ или болѣе или менѣе широкую щель, либо расходиться, давая свободный проходъ воздуху. Вслѣдствіе своей эластичности и большой подвижности голосовыя связки способны производить довольно большое разнообразіе звуковъ.

Когда голосовая щель совершенно закрыта и голосовыя связки крѣпко сдвинуты между собою, то воздухъ черезъ гортань проходить не можетъ, и, слѣдовательно, при этихъ условіяхъ не можетъ существовать никакого звука. Но, если при этомъ воздухъ, выходящій изъ легкихъ, силою своего давленія заставитъ голосовыя связки раздвинуться, то мы слышимъ болѣе или менѣе рѣзкій взрывъ. Звукъ такого взрыва рѣзче всего слышится при кашлѣ, но здѣсь онъ сопровождается еще и звукомъ, происходящимъ отъ дрожанія голосовыхъ связокъ. Слабѣе, но за то чище слышится онъ при произвольномъ покашливаніи. Въ рѣчи взрывъ голосовой щели слышится часто передъ начальнымъ гласнымъ слова. Повидимому, этотъ звукъ обозначали греки знакомъ легкаго придыханія '. Въ нѣкоторыхъ языкахъ, какъ напр. въ датскомъ и латышскомъ, закрытіе голосовой щели со слѣдующимъ взрывомъ ея встрѣчается въ серединѣ слова при произнесеніи гласнаго звука. Такое произнесеніе гласнаго иногда называется прерывистымъ удареніемъ его; напр. датск. *del* [de'l] „часть“, латышск. *tā* [ta'] „такъ“.

Если голосовыя связки сближены, но не плотно прижаты другъ къ другу, то потокъ воздуха, выходящій изъ легкихъ, раздвигаетъ ихъ, нѣсколько приподымая ихъ кверху; но въ слѣдующій же моментъ, вслѣдствіе своей эластичности, онѣ снова принимаютъ то-же положеніе, пока воздухъ снова не подыметъ ихъ кверху; такимъ образомъ голосовыя связки приводятся въ дрожаніе и начинаютъ звучать. Этотъ звукъ мы называемъ голосомъ.

Голосъ представляетъ наиболѣе звучную сторону нашей рѣчи. Въ немъ, какъ и во всякомъ музыкальномъ звукѣ, мы различаемъ высоту, силу и окраску, или тембръ. Высота

голоса зависят отъ частоты колебанія голосовыхъ связокъ: чѣмъ большее количество колебаній совершаютъ въ одну секунду, тѣмъ тонѣ голоса выше. На высоту голоса вліяетъ природная величина голосовыхъ связокъ: у мужчинъ и у взрослыхъ голосовыя связки длиннѣе, чѣмъ у женщинъ и дѣтей, и потому голоса взрослыхъ и мужчинъ ниже дѣтскихъ голосовъ. Но кромѣ того голосовыя связки обладаютъ способностью въ различной степени напрягаться или ослабляться, вслѣдствіе чего въ предѣлахъ нормальнаго голоса возможны многочисленныя тоны различной высоты: чѣмъ болѣе напряжены голосовыя связки, тѣмъ выше тонъ голоса.

Сила голоса зависитъ отъ величины размаха (амплитуды) колебаній голосовыхъ связокъ: чѣмъ больше ихъ размахъ, тѣмъ громче звучитъ голосъ. Понятно, что это зависитъ главнымъ образомъ отъ силы выдыха: чѣмъ сильнѣе потокъ воздуха, тѣмъ энергичнѣе онъ колеблетъ голосовыя связки, тѣмъ, слѣдовательно, и громче звукъ.

Тембръ, или окраска звука зависитъ отъ размѣровъ и формы того пространства, въ которомъ распространяются звуковыя волны, т. е. отъ тѣхъ полостей, которыя лежатъ выше гортани. Звукъ голоса резонируется въ полости рта и въ полости носа, и вслѣдствіе этого получаетъ различную окраску, смотря по положенію органовъ рѣчи въ этихъ полостяхъ. По аналогіи съ духовыми инструментами, эти полости носятъ названіе надставной трубы.

Разсмотрѣніе этихъ условій, вліяющихъ на измѣненіе звука голоса, показываетъ, какое разнообразіе звуковъ могутъ дать голосовыя связки. Въ рѣчи мы мѣняемъ тонъ нашего голоса, придавая словамъ различныя оттѣнки смысла, мѣняемъ силу звука, оттѣняя этимъ различныя части нашей рѣчи, наконецъ, мѣняя расположеніе органовъ рѣчи, модифицируемъ звукъ голоса и создаемъ цѣлый рядъ разнообразныхъ гласныхъ и согласныхъ звуковъ.

Но голосовыя связки, кромѣ голоса, могутъ производить еще и другіе звуки. Если онѣ дрожатъ не по всей своей длинѣ, а въ одной части остаются неподвижны, то получается особый видъ голоса, называемый фальсетомъ: фальсетъ, конечно, долженъ быть выше грудного голоса, производимаго тѣми же голосовыми связками.

Если голосовыя связки образуютъ небольшое отверстіе и при томъ сами напряжены настолько сильно, что потокъ воздуха не приводитъ ихъ въ колебаніе, то получается шорохъ, который мы называемъ шопотомъ. Такъ какъ шопотомъ мы можемъ произнести всѣ звуки, произносимые и обыкновеннымъ голосомъ, то, очевидно, и шопоть допускаетъ всѣ тѣ модификаціи, которыя мы наблюдаемъ въ голосѣ; только измѣненія тона при этихъ условіяхъ, конечно, значительно ограничены.

Далѣе, голосовыя связки могутъ быть настолько широко раздвинуты, что потокъ воздуха, проходя между ними, производитъ лишь слабый шорохъ, который мы называемъ придыханіемъ.

Другія положенія голосовыхъ связокъ, при которыхъ воздухъ не производитъ почти никакого звука, въ нашей рѣчи никакой роли не играютъ.

Надставная труба раздѣляется на двѣ части: полость рта и полость носа. Границу между ними составляетъ мягкое небо, или небная занавѣска, которая способна подыматься и опускаться. Когда небная занавѣска свободно опущена, то она оставляетъ открытою полость носа, куда изъ легкихъ свободно можетъ проходить выдыхаемый воздухъ. Если же небная занавѣска поднята, то она, прикасаясь къ задней стѣнкѣ зѣва, закрываетъ полость носа, и тогда воздухъ можетъ выходить только черезъ полость рта. Такъ какъ полость носа не имѣетъ подвижныхъ частей и не можетъ поэтому произвольно измѣнять своей формы, то она участвуетъ въ созданіи звука только вся цѣликомъ, и участіе ея заключается только въ томъ, что волны звука проходятъ черезъ неѣ и въ ней получаютъ особую окраску; тѣ звуки, которые производятся при участіи носовой полости, называются носовыми. Для возникновенія носовыхъ звуковъ необходимо, слѣдовательно, чтобы небная занавѣска была опущена.

Полость рта заключаетъ въ себѣ нѣсколько подвижныхъ частей, которыя даютъ возможность въ различныхъ отношеніяхъ мѣнять ея объемъ и форму, и такимъ путемъ образовывать большое разнообразіе звуковъ. Прежде всего нижняя челюсть, подымаясь и опускаясь, въ значительныхъ предѣлахъ можетъ мѣнять объемъ полости рта, но эти дви-

женія она совершаетъ обыкновенно въ связи съ движеніями другихъ органовъ, напр. губъ и языка.

Губы, верхняя и нижняя, обыкновенно двигаются одновременно и симметрично; но нижняя губа иногда артикулируетъ и самостоятельно. Прежде всего губы могутъ образовывать полный затворъ, если онѣ прижимаются одна къ другой. Такой затворъ мы наблюдаемъ, напр., при произнесеніи звука *м*. Если губы раздвинуты, то онѣ могутъ принимать различныя положенія, которыя можно отличать по образуемому ими отверстию рта: оно можетъ быть круглымъ, когда обѣ губы сложены симметрично желобомъ, или представлять изъ себя щель, когда углы губъ растянуты въ стороны. Въ первомъ случаѣ губы не только складываются желобомъ, но и вытягиваются впередъ; во второмъ, онѣ обыкновенно стоятъ ближе къ зубамъ. Вытянутыя и округленныя губы мы наблюдаемъ при произнесеніи звука *у*, наоборотъ, при звукѣ *и* углы губъ растянуты въ стороны. Легче всего замѣтить эту разницу въ положеніи губъ, если произносить рядомъ звукъ *у* и звукъ *и*.

Нижняя губа, болѣе свободная въ своихъ движеніяхъ, можетъ прикладываться также къ верхнимъ зубамъ. Такое положеніе ея мы наблюдаемъ при произнесеніи звука *в*. Въ такомъ случаѣ полного затвора полости рта произвести невозможно, такъ какъ между зубами всегда есть отверстія, черезъ которыя проходитъ воздухъ. Обыкновенно при такой артикуляціи шорохъ проходящаго воздуха и составляетъ существенную сторону производимаго звука.

Непосредственно за губами, внутри полости рта, находятся два ряда зубовъ: верхніе и нижніе. Если мы будемъ двигать кончикомъ языка по верхней внутренней стѣнкѣ полости рта, начиная отъ зубовъ, то прежде всего встрѣтимъ десну, соотвѣтствующую тому мѣсту, гдѣ находятся корни зубовъ: это область альвеолъ, въ которыхъ сидятъ своими корнями верхніе зубы. Далѣе мы встрѣчаемся съ небольшимъ возвышеніемъ, которое составляетъ границу между областью альвеолъ и твердымъ небомъ. Твердое небо далѣе переходитъ въ мягкое небо, или небную занавѣску, которая двумя дугами опускается къ корню языка и заканчивается въ средней своей части язычкомъ, называемымъ по-латыни *uvula* („виноградинка“). Всю нижнюю челюсть, отъ нижнихъ зубовъ

до гортани заполняетъ языкъ, органъ состоящій изъ цѣлой системы мускуловъ, которые придаютъ ему большую подвижность и позволяютъ принимать разнообразныя формы. У корня языка лежитъ надгортанникъ, хрящъ, который закрываетъ отверстіе гортани въ то время, когда при глотаніи пища проходитъ въ пищеводъ, лежащій позади дыхательнаго горла (трахеи). Надгортанникъ въ произнесеніи звуковъ не играетъ никакой роли.

Такимъ образомъ объемъ и форма полости рта можетъ измѣняться въ зависимости отъ движенія нижней челюсти, языка и небной занавѣски. Движенія нижней челюсти, какъ уже было упомянуто, обыкновенно стоятъ въ связи съ движеніями языка: когда языкъ долженъ занять низкое положеніе, то при этомъ обыкновенно нѣсколько опускается и нижняя челюсть, и наоборотъ, она нѣсколько подымается, когда языкъ подымается всею своею массою кверху.

Наибольшую подвижностью отличается языкъ. Обыкновенно для разсмотрѣнія движеній языка, его дѣлятъ на три области: переднюю, среднюю и заднюю. Передняя часть языка отличается наибольшою подвижностью: она можетъ далеко выдвигаться впередъ изъ рта, при чемъ кончикъ языка можетъ либо заостряться, либо расплываться тонкимъ слоемъ, либо ложкою загигаться кверху или книзу. Разнообразіе движеній кончика языка знакомо каждому изъ насъ по тѣмъ положеніямъ языка, которыя онъ принимаетъ, стараясь удалить застрявшія между зубами частицы пищи: въ такихъ случаяхъ языкъ распоряжается и справа, и слѣва, обходя зубы и съ наружной и съ внутренней стороны. Но изъ всѣхъ этихъ движеній для насъ важны только тѣ, которыя языкъ совершаетъ, участвуя въ произношеніи звуковъ. Кончикъ языка, прежде всего, можетъ занимать положеніе между зубами (интердентальная артикуляція); такъ какъ между зубами всегда есть отверстія, то полного затвора при этомъ не образуется и шорохъ проходящаго воздуха является характерной чертою происходящаго звука. Такъ артикулируется иногда англійское *th*. Гораздо обыченѣе то положеніе языка, когда кончикъ его прикладывается къ задней поверхности зубовъ (зубные звуки) или нѣсколько дальше къ корнямъ зубовъ, иначе къ области альвеоль (альвеолярная артикуляція). Такую артикуляцію

мы наблюдаемъ обыкновенно при произнесеніи звука н. Кончикъ языка можетъ подыматься и выше прикладываясь къ тому возвышенію, которое составляетъ границу между альвеолами и твердымъ небомъ. Въ этомъ положеніи кончикъ языка потокомъ воздуха можетъ быть приведенъ въ дрожаніе: воздухъ отбрасываетъ его впередъ, но онъ снова приходитъ въ прежнее положеніе до новаго толчка. Это колебаніе кончика языка производитъ рокоть, который является существенной характеристикой нашего обычного р. Если кончикъ языка подымается еще выше и прикладывается къ твердому небу, то производимые такой артикуляціей звуки по своимъ акустическимъ свойствамъ нѣсколько отличаются отъ зубныхъ и альвеолярныхъ; ихъ называютъ церебральными, а иногда какуминальными звуками. Эти звуки существуютъ въ санскритскомъ языкѣ (*ṭ, ḍ, n̄*), а иногда наблюдаются и въ англійскомъ. Надо замѣтить, что языкъ во всѣхъ этихъ положеніяхъ можетъ не производить полного затвора, а только приближаться къ указаннымъ неподвижнымъ частямъ полости рта. Въ такихъ случаяхъ звуки характеризуются тѣми шорохами, которые производитъ воздухъ въ узкихъ промежуткахъ между языкомъ и неподвижною частью полости рта. Такіе звуки носятъ названіе спирантовъ. Если кончикъ языка въ средней своей части складывается желобкомъ и приближается къ альвеоламъ, то образуется звукъ с [*s*]. Если отверстіе, образуемое языкомъ, болѣе похоже на щель и языкъ приближается къ границѣ твердаго неба, то просходящій шорохъ характеризуетъ звукъ ш [*ʃ*]. Звуки с и ш могутъ образовываться въ разныхъ мѣстахъ полости рта и соотвѣтственно мѣнять свой акустическій характеръ, но всегда сохраняется разница въ положеніи языка — желобокъ при с и продолговатая щель при ш.

Средняя и задняя часть языка менѣ подвижны и обыкновенно артикулируютъ, приближаясь или прикладываясь къ противулежащимъ частямъ полости рта. Средняя часть языка подымается или прикладывается къ твердому небу, а корень языка — къ мягкому небу, или небной занавѣскѣ. Въ послѣднемъ случаѣ, такъ какъ небная занавѣска сама способна двигаться, то мы встрѣчаемся съ координаціей движеній этихъ двухъ органовъ. Если небная занавѣска должна быть еще и опущена, то корень языка подымается настолько,

чтобы небная занавѣска могла лечь на него. Такую артикуляцію мы наблюдаемъ при произношеніи того нѣмецкаго *n*, которое стоитъ передъ звуками *k* или *g* (Enkel, Engel). Если же небная занавѣска должна быть поднята, чтобы закрыть полость носа, то корень языка долженъ подняться еще выше и прижать небную занавѣску къ задней стѣнкѣ зѣва. Такая артикуляція наблюдается при произнесеніи звука *k*.

Наконецъ, маленькій язычекъ, которымъ оканчивается небная занавѣска, тоже можетъ участвовать вмѣстѣ съ языкомъ въ артикуляціи одного звука, именно такъ называемаго увулярнаго *p* (отъ *uvula* „язычекъ“): корень языка подымается кверху, въ средней части его образуется желобокъ, въ который и ложится язычекъ; выдыхаемый воздухъ приводитъ язычекъ въ дрожаніе и происходящій отъ этого рокотъ напоминаетъ нѣсколько рокотъ нашего обычнаго *p*. Есть лица, которыя не могутъ произнести наше обыкновенное *p* и замѣняютъ его увулярнымъ. Но въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи, Франціи увулярное *p* является нормальномъ типомъ звука *p*.

Ознакомившись въ общихъ чертахъ со строеніемъ органовъ рѣчи и ихъ движеніями, мы должны перейти теперь къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ звуковъ человѣческой рѣчи.

Прежде всего нужно замѣтить, что провести границу между отдѣльными звуками нашей рѣчи не всегда возможно: положеніе органовъ рѣчи, когда мы говоримъ, непрерывно мѣняется, и теоретически каждому положенію соответствуетъ и особый звукъ; теоретически, слѣдовательно, звуковъ въ нашей рѣчи безконечное, необозримое множество. Однако въ каждомъ языкѣ существуетъ своя система звуковъ, которые каждый говорящій привыкъ воспринимать, какъ отдѣльные звуки, не останавливаясь на переходныхъ звукахъ, стоящихъ въ полной зависимости отъ движеній органовъ рѣчи, необходимыхъ при переходѣ отъ одной артикуляціи къ другой. Отдѣльные звуки отличаются такимъ образомъ отъ переходныхъ только своей большей длительностью, между тѣмъ какъ переходные звуки непрерывно мѣняются. Тѣмъ не менѣе бываютъ такіе случаи, когда переходные звуки даютъ поводъ къ возникновенію отчетливо артикулируемыхъ отдѣльныхъ звуковъ.

Далѣе, хотя наша рѣчь и состоитъ главнымъ образомъ изъ звуковъ, но въ ней встрѣчаются и полныя остановки

потока воздуха, когда звука никакого быть не можетъ. Такія паузы, противопоставляясь звукамъ, играютъ въ нашей рѣчи существенную роль наравнѣ со звуками, такъ что мы могли бы назвать паузы звуками нулевой звучности. Это до такой степени справедливо, что удлинённая пауза обыкновенно передается на письмѣ удвоеніемъ буквы; такъ напр. если мы сравнимъ русское слово от́ава со словомъ оттоѓо, то увидимъ, что двойное написаніе буквы т обозначаетъ только удлинёніе паузы. Кромѣ того такія паузы имѣютъ и различную звуковую окраску въ зависимости отъ того, какія органы производятъ остановку потока воздуха, Если, напр., пауза производится затворомъ губъ, то мы обыкновенно на слухъ отличаемъ, что эта пауза губная; это объясняется тѣмъ, что мы слышимъ тѣ переходные звуки, которые необходимы для артикуляціи губной паузы.

Послѣ паузы мы обыкновенно слышимъ такъ называемый взрывной звукъ. Такъ какъ потокъ воздуха обыкновенно не прерывается въ теченіе нашей рѣчи, то затворъ, останавливающий воздухъ, увеличиваетъ его давленіе на стѣнку затвора и, когда затворъ устраняется, воздухъ устремляется впередъ нѣсколько болѣе энергичнымъ толчкомъ. Звукъ этого толчка мы называемъ взрывомъ. Онъ мѣняетъ свой акустическій характеръ въ зависимости отъ мѣста образованія затвора: взрывъ можетъ быть гортанный, если затворъ образуютъ голосовыя связки (это — греческое легкое придыханіе, см. выше стр. 64), губной, альвеолярный и т. д.

Разсматривая движенія органовъ рѣчи, мы видѣли, что они, производя звукъ, могутъ либо образовывать полный затворъ, либо только суженіе, либо широко расходиться, оставляя свободный проходъ воздуху. Эти положенія органовъ рѣчи особенно характерны для полости рта. Если полость рта широко открыта, то она можетъ служить только резонирующимъ пространствомъ, и оказывать вліяніе на окраску звука; самый звукъ при этомъ обыкновенно производится дрожаніемъ голосовыхъ связокъ, иначе слышится только слабый звукъ дыханія. Когда въ полости рта образуется суженіе, то воздухъ проходя черезъ него производитъ шорохъ: звукъ, возникающій такимъ образомъ, называется спирантомъ (ср. выше стр. 69). Если же въ полости рта гдѣ-нибудь образуется полный затворъ, то наступаютъ тѣ условія, кото-

рыя необходимы для образованія паузы. Но пауза можетъ произойти только въ томъ случаѣ, если и полость носа закрыта; если же она открыта (т. е. небная занавѣска опущена), то потокъ воздуха находитъ свободный выходъ черезъ носъ и паузы не бываетъ. Такимъ образомъ полный затворъ полости рта можетъ произвести звукъ только при опущенной небной занавѣскѣ; но тотъ же затворъ, при поднятой небной занавѣскѣ, является необходимымъ условіемъ возникновенія взрывнаго звука.

Такъ какъ небная занавѣска имѣетъ движенія, независимыя отъ движенія языка и нижней челюсти, то при всякой артикуляціи полости рта, она можетъ быть поднята или опущена. Въ послѣднемъ случаѣ она увеличиваетъ резонирующую область, давая доступъ воздуху въ полость носа; всѣ звуки, произносимые при участіи полости носа, т. е. при опущенной небной занавѣскѣ, носятъ названіе носовыхъ.

Такимъ образомъ, если принять во вниманіе тройкую артикуляцію полости рта: 1) открытое положеніе ея, 2) суженіе и 3) затворъ и двоякое положеніе небной занавѣски, когда она бываетъ 1) поднята или 2) опущена, при чемъ мы оставляемъ пока въ сторонѣ артикуляцію гортани и губъ, то мы получимъ шесть разрядовъ звуковъ, которые можно наглядно размѣстить въ слѣдующей таблицѣ:

Полость рта	Небная занавѣска	
	опущена	поднята
открыта	гласные, плавные	носовые гласные носовые плавные
сужена	спиранты	носовые спиранты
закрыта	взрывные	носовые смычные

Звуки, произносимые при широкомъ проходѣ воздуха, почти всегда сопровождаются голосомъ, такъ какъ безъ участія голоса потокъ воздуха проходитъ почти беззвучно. Однако такъ какъ при плавныхъ полость рта сужена болѣе, чѣмъ при гласныхъ, то плавные уже могутъ быть слышны и безъ участія голоса. Такіе глухіе плавные *г* и *л* встрѣчаются довольно часто, особенно въ сосѣдствѣ съ другими глухими

звуками. Но вообще какъ правило можно принять, что гласные, плавные и носовые смычные сопровождаются звучаніемъ голоса, т. е. обыкновенно бываютъ звонкими. Остальные звуки, спиранты и взрывные, могутъ сопровождаться звучаніемъ голоса, и тогда они называются звонкими, но могутъ произноситься, и безъ участія голосовыхъ связокъ, и тогда ихъ называютъ глухими.

Въ нашей таблицѣ оставлена также въ сторонѣ артикуляція губъ, которая могутъ двигаться въ значительной мѣрѣ независимо отъ движеній другихъ органовъ рѣчи. Особенно важную роль играютъ губы при произнесеніи гласныхъ звуковъ: вытягиваясь впередъ и округляясь, онѣ придаютъ звуку особую окраску, которая яснѣ всего слышна въ гласныхъ звукахъ; но и другіе звуки, допускающіе артикуляцію губъ, тоже способны принимать такую губную окраску, или лабиализоваться. Лабиализація особенно ясно слышна при произнесеніи звука *с*, если при этомъ двигать губы, то выпячивая ихъ впередъ и округляя, то растягивая углы губъ.

Обзоръ отдѣльныхъ звуковъ мы начнемъ съ согласныхъ, образуемыхъ при закрытой полости рта, т. е. съ взрывныхъ звуковъ. Такъ какъ во время затвора полости рта, при поднятой небной занавѣскѣ, воздухъ не можетъ вовсе выходить наружу, то и голосъ при этомъ не можетъ звучать такъ свободно и ясно, какъ при открытой полости рта. Поэтому при взрывныхъ звонкихъ звукахъ голосъ имѣетъ глухой, притупленный звукъ: голосовыя связки приводятся въ колебаніе притекающимъ къ мѣсту затвора воздухомъ, давленіе котораго повышается передъ моментомъ взрыва.

Губо-губной затворъ при поднятой небной занавѣскѣ даетъ глухой взрывной звукъ *п* и звонкій — *б*; они обыкновенно называются для простоты губными звуками. Если небная занавѣска при тѣхъ же условіяхъ опущена, то воздухъ свободно проходитъ черезъ полость носа, губного взрыва при этомъ не бываетъ и получается губной носовой звукъ *м*. Глухой звукъ *м* встрѣчается очень рѣдко, такъ какъ онъ почти не слышенъ; обычная форма звука *м* есть звонкая его разновидность. Надо замѣтить вообще относительно всѣхъ губныхъ звуковъ, что ихъ оттѣнокъ можетъ значительно мѣняться въ зависимости отъ положенія языка въ полости рта: если языкъ занимаетъ высокое положеніе,

приближаясь къ твердому небу, то губные звуки принимаютъ особый оттѣнокъ, который называютъ палатальностью, или мягкостью; а самый процессъ такого измѣненія называютъ палатализаціею, или смягченіемъ. Въ нашемъ случаѣ получаютъ палатализованные (или смягченные) губные звуки: **п', б', м'**, которые слышатся ясно въ слогахъ: **пи, би, ми**. Палатализація, какъ увидимъ, встрѣчается и въ другихъ звукахъ, артикуляція которыхъ допускаетъ поднятіе спинки языка къ твердому небу.

Альвеолярный затворъ, образуемый кончикомъ языка съ корнями верхнихъ зубовъ, даетъ два взрывныхъ альвеолярныхъ, или зубныхъ звука: глухой **т** и звонкій **д**. При опущенной небной занавѣскѣ получается альвеолярный, или зубной носовой **н**. И здѣсь возможно смягченіе: **т', д', н'**, ясно слышное въ слогахъ: **ти, ди, ни**. При этомъ надо замѣтить, что языкъ, подымаясь къ твердому небу, естественно увеличиваетъ и ту область затвора, которую онъ же образуетъ своимъ кончикомъ съ альвеолами.

Если кончикъ языка образуетъ полный затворъ еще выше, въ началѣ твердаго неба, то при взрывѣ такого затвора образуются такъ называемые церебральные взрывные звуки: глухой **ṭ** и звонкій **ḍ**. Звуки эти извѣстны изъ санскритскаго языка и индійскихъ нарѣчій и очень рѣдки въ европейскихъ языкахъ. Носовой звукъ образуемый при томъ же затворѣ **ṇ** встрѣчается также въ санскритѣ.

Если средняя часть спинки языка образуетъ затворъ съ твердымъ небомъ, то получаютъ палатальные звуки: два взрывныхъ — глухой **к'** и звонкій **г'** и соотвѣтствующій носовой **ñ**. Взрывные палатальные звуки ясно слышатся въ сочетаніяхъ **ки, ги**. Палатальнаго **ñ** русскій языкъ не знаетъ; по акустическимъ своимъ качествамъ онъ очень близокъ къ палатализованному **н'**.

Наконецъ, корень языка можетъ образовать съ небной занавѣской велярный затворъ, который даетъ два велярныхъ взрывныхъ звука: глухой **к** и звонкій **г**, и велярный носовой **ṅ**. Послѣдній звукъ въ русскомъ не встрѣчается, но онъ слышится въ нѣмецкомъ передъ **к** и **г**, напр., въ словахъ **Enkel, Engel** (ср. стр. 70).

Въ тѣхъ же мѣстахъ, въ которыхъ образуется затворъ полости рта, можетъ быть образовано тѣми-же органами и

суженіе. Воздухъ проходящій черезъ такое суженіе производитъ шорохъ, и такіе шороховые звуки обыкновенно называются спира н та м и (см. стр. 69 и 71). Спиранты могутъ быть также глухими и звонкими: въ послѣднемъ случаѣ потокъ воздуха сначала долженъ привести въ дрожаніе голосовыя связки и потому достигаетъ мѣста суженія уже нѣсколько ослабленный; по этому при прочихъ равныхъ условіяхъ шорохъ глухого спиранта сильнѣе шороха звонкаго спиранта.

Губо-губные спиранты **ф** и **в** встрѣчаются сравнительно рѣдко; обыкновенно губо-губная артикуляція замѣняется губо-зубной, какъ болѣе легкой и удобной, такъ какъ обыкновенно верхніе зубы нѣсколько выдвигаются сравнительно съ нижними зубами, и самага незначительнаго движенія достаточно, чтобы нижняя губа прикоснулась къ верхнимъ зубамъ. Наши **ф** и **в** — губо-зубные спиранты; они способны также палатализироваться или смягчаться въ **ф'** и **в'**; мягкіе **ф** и **в** ясно слышатся въ слогахъ **фи** и **ви**.

Интердентальными спира н та м и называются шороховые звуки, происходящіе въ томъ случаѣ, если кончикъ языка лежитъ между верхними и нижними зубами: такъ произносится иногда англійское **th**, при чемъ звукъ обозначаемый этими двумя знаками въ однихъ случаяхъ бываетъ глухой (**ṭ**), въ другихъ звонкій (**ḍ**).

Альвеолярные спиранты по мѣсту образованія суженія соотвѣтствуютъ альвеолярнымъ взрывнымъ звукамъ, съ тою только разницею, что для образованія суженія кончикъ языка можетъ и не подыматься такъ высоко, какъ онъ подымается образуя затворъ. Но здѣсь нужно различать еще и форму, въ какую складывается языкъ. Если онъ приближается къ альвеоламъ равномерно на всемъ ихъ протяженіи, то получаютъ зубные спиранты **ṭ** (глухой) и **ḍ** (звонкій), очень похожіе на интердентальные спиранты. Если же языкъ при этомъ складывается желобомъ, то получаютъ свистящіе спиранты **с** (глухой) и **з** (звонкій). Если, наконецъ, языкъ образуетъ болѣе широкое овальное отверстіе, то получаютъ шипящіе спиранты **ш** (глухой) и **ж** (звонкій). Надо замѣтить, что свистящіе и шипящіе спиранты способны также палатализироваться и превращаться въ мягкіе **с'**, **з'**, **ш'**, **ж'**. Первые два изъ нихъ постоянно встрѣчаются въ русскомъ языкѣ въ сочетаніяхъ **си**, **зи**; **ш** и **ж** въ современномъ русскомъ язы-

кѣ — звуки твердые, чѣмъ и объясняется, что звукъ и слышится послѣ нихъ какъ ы. Тѣмъ не менѣе мягкое ш' входитъ въ составъ сложныхъ звуковъ ч и щ, напр. въ сочетаніяхъ чи, щи (здѣсь, наоборотъ, русское произношеніе не допускаетъ звука ы вмѣсто и); мягкое ж' тоже встрѣчается, какъ составная часть сложнаго звука, который можно назвать звонкимъ щ и который обыкновенно обозначается сочетаніемъ жж, напр. въ словахъ дрожжи, вожжи, произносимыхъ какъ дрожд'ж'и, вожд'ж'и.

Изъ церебральныхъ спирантовъ извѣстенъ только шипящій спирантъ ѣ, встрѣчающійся въ санскритскомъ языкѣ.

Палатальные спиранты: глухой х' и звонкій ј обычны въ русскомъ языкѣ, при чемъ первый изъ нихъ встрѣчается, напр., въ сочетаніи хи, а второй часто передъ гласными, напр. въ словѣ ихъ (произносится: јих). Въ русскомъ алфавитѣ для обозначенія звонкаго палатальнаго спиранта нѣтъ особаго знака, такъ что въ иныхъ случаяхъ онъ вовсе не обозначается на письмѣ, а въ другихъ — обозначается различными знаками, напр. ѣ, ѣ (обѣхать, бѣю). Въ нѣмецкомъ языкѣ глухой палатальный спирантъ наблюдается послѣ звука і напр. въ словѣ ich, а звонкій ј обыкновенно артикулируется очень энергично, такъ что спирантический шорохъ слышится довольно ясно.

Велярные спиранты: глухой х и звонкій г въ русскомъ языкѣ встрѣчаются не одинаково часто: глухой х — весьма обычный звукъ, но звонкій г встрѣчается только въ исключительныхъ случаяхъ: богатый, бога. Таково обычное произношеніе г въ малорусскомъ языкѣ и въ нѣкоторыхъ великорусскихъ говорахъ.

Если при спирантической артикуляціи полости рта небная занавѣска опущена, то соотвѣтствующій спирантъ принимаетъ носовую окраску. Такіе носовые спиранты встрѣчаются въ американскомъ говорѣ англійскаго языка, но и тамъ являются не самостоятельными звуками, а стоятъ въ связи съ общою склонностью американцевъ къ носовому произношенію, фізіологически объясняемому вялостью движеній небной занавѣски.

Плавные звуки р и л представляютъ слѣдующую послѣ спирантовъ ступень открытаго положенія полости рта. Если плавные звуки мы отдѣляемъ отъ спирантовъ, то это дѣлается

потому, что въ ихъ произношеніи по большей части шороха не слышно или онъ играетъ второстепенную роль, не составляя существенной характеристики звука. Такъ какъ полость рта при этихъ звукахъ играетъ роль главнымъ образомъ резонирующаго пространства, то обыкновенно въ основѣ плавныхъ звуковъ лежитъ голосъ, слѣдовательно обычными формами плавныхъ являются звонкіе плавные звуки. Соответствующія имъ глухія разновидности не имѣютъ самостоятельнаго значенія и встрѣчаются обыкновенно лишь въ соѣдствѣ съ другими глухими звуками.

Звукъ *р* въ русскомъ нормальномъ произношеніи является звукомъ альвеолярнымъ, такъ какъ кончикъ языка прикладывается къ альвеоламъ или немного выше къ границѣ твердаго неба. Характернымъ для русскаго *р* признакомъ является рокоть, производимый дрожаніемъ кончика языка. Звукъ *р* можетъ палатализироваться, при чемъ приподнятая спинка языка затрудняетъ дрожаніе кончика языка, нѣсколько укорачивая его. Поэтому количество ударовъ кончика языка при мягкомъ *р'* бываетъ обыкновенно меньше, нежели при твердомъ *р* (при прочихъ равныхъ условіяхъ). Повидимому, это обстоятельство въ польскомъ языкѣ повело къ совершенному устраненію рокота въ мягкомъ *р'*, которое и превратилось въ спирантъ, обозначаемый знакомъ *rz*. Фонетически этотъ знакъ надо толковать, какъ шипящій звонкій спирантъ при положеніи языка, какъ при квуѣ *г'* (почти совпадаетъ съ русскимъ *ж*).

Рокоть, составляющій характерную особенность звука *р*, повидимому, представляетъ нерѣдко затрудненіе въ произношеніи: дѣти выучиваются этому звуку обыкновенно позднѣе всѣхъ другихъ звуковъ, а иногда и вовсе не научаются его произносить. Трудностью этого звука объясняется то обстоятельство, что вмѣсто альвеолярнаго *р* многіе произносятъ другіе звуки. Самую распространенную замѣною альвеолярнаго *р* является увулярное *р* (см. выше стр. 70), гдѣ дрожаніе кончика языка замѣняется дрожаніемъ язычка (*uvula*). Во многихъ мѣстахъ увулярное *р* является нормальной формой артикуляціи этого звука. Дрожаніе кончика языка или язычка въ нѣкоторыхъ артикуляціяхъ звука *г* устраняется: въ первомъ случаѣ получается передне-язычное *г* безъ дрожанія языка; это — обычное англійское *г*; во второмъ случаѣ по-

лучается звонкій задне-язычный или велярный спирантъ, замѣняющій звукъ *г*; такъ часто произносятъ *г* лица, неумѣющіе правильно его артикулировать.

Другой плавный звукъ *л* образуется при помощи альвеолярнаго затвора, но при этомъ остается свободный проходъ для воздуха съ боковъ между краями языка, зубами и щеками. Воздухъ можетъ проходить либо одновременно съ обѣихъ сторонъ, либо только съ одной стороны. Это однако не оказываетъ вліянія на акустическій характеръ звука. Гораздо большее значеніе имѣетъ положеніе языка: звукъ *л* способенъ палатализироваться. Наибольшая степень мягкости наблюдается въ русскомъ мягкомъ *л'*, которое слышится въ сочетаніи *ли*. Русское твердое *л* (польское *ł*) отличается тѣмъ, что корень языка подымается къ мягкому небу, а кончикъ языка выгибается ложкой. Въ различныхъ языкахъ существуютъ различные промежуточные оттѣнки этихъ главныхъ типовъ плавнаго *л*.

Носовыя и глухія разновидности плавныхъ не имѣютъ самостоятельнаго значенія, а встрѣчаются иногда только подъ вліяніемъ сосѣднихъ звуковъ.

Все разнообразіе гласныхъ звуковъ зависитъ отъ комбинацій положеній органовъ рѣчи въ надставной трубѣ, которая при этомъ играетъ роль исключительно резонирующаго пространства. Объемъ и форма полости рта измѣняется главнымъ образомъ отъ движенія языка и губъ. Такъ какъ губы дѣйствуютъ независимо отъ языка, то каждому положенію языка можетъ соотвѣтствовать и лабиализованный и нелабиализованный гласный. Разнообразие ихъ увеличивается еще и потому, что лабиализація сама можетъ быть различна въ зависимости отъ большаго или меньшаго округленія губъ.

При самомъ высокомъ положеніи языка, когда онъ своею спинкою приближается къ твердому небу (при чемъ однако суженіе не должно вызывать спирантическаго шороха) образуется узкій гласный *и*, если углы губъ растянуты. При тѣхъ же условіяхъ, когда разстояніе спинки языка отъ твердаго неба нѣсколько увеличивается, мы получаемъ широкій звукъ *и*, котораго великорусскій языкъ не знаетъ, но который извѣстенъ малорусскому языку, отличающему узкое *і* отъ широкаго *и*; напр. віра „вѣра“, калина. Въ нѣмецкомъ языкѣ долгое *ie* обыкновенно бываетъ узкимъ, между тѣмъ

какъ краткое *i* обыкновенно широкое (ср. напр. слово *Miete* „наемъ“ съ предлогомъ *mit* „съ“). Если къ каждой изъ артикуляцій этихъ двухъ звуковъ присоединится округленіе губъ (лабиализація), то получатся два звука *ü*, которые различаются въ нѣмецкомъ языкѣ, напр. въ словахъ *über* и *Sünde*.

Если языкъ опускается еще одною ступенью ниже, то получается узкій звукъ *e*, который при еще болѣе низкомъ положеніи языка превращается въ широкое *ө*. Разницу между этими двумя звуками знаетъ и русскій языкъ, хотя на письмѣ онъ ихъ и не различаетъ; такъ напр. въ словахъ *мѣръ* и *вѣръ* слышится болѣе широкое *ө*, нежели въ словахъ *мѣрь* и *вѣрь* (*ѣ* и *ө* въ русскомъ языкѣ обозначаютъ одинаковые звуки). Лабиализованныя разновидности *тѣхъ* же звуковъ извѣстны въ нѣмецкомъ языкѣ, напр. въ словахъ *schön* и *öffnen*.

Еще болѣе широкій звукъ *э* получается при еще болѣе низкомъ положеніи языка. Въ великорусскомъ нарѣчій звукъ этотъ извѣстенъ только въ мѣстоименіи этотъ, въ нѣкоторыхъ междометіяхъ и въ иностранныхъ словахъ, но въ малорусскомъ такъ произносится всякое *ө*. Еще болѣе широкое *æ*, близкое къ *а*, существуетъ въ англійскомъ и въ другихъ языкахъ; въ англійскомъ этотъ звукъ обозначается знакомъ *a* въ словахъ *man*, *had* и др.

Лабиализованное *э* встрѣчается во французскомъ языкѣ, напр. въ словѣ *reig*.

При наиболѣе низкомъ положеніи языка образуются звуки *а*, которые также могутъ имѣть различные оттѣнки.

Если корень языка нѣсколько подымается къ мягкому небу, при чемъ нѣсколько округляются губы, то получается звукъ *о*. Онъ можетъ быть широкій и узкій. Въ послѣднемъ случаѣ онъ приближается въ акустическомъ отношеніи къ звуку *у*, который образуется при самомъ высокомъ поднятіи корня языка къ мягкому небу и при энергичномъ округленіи губъ.

Нужно отмѣтить еще артикуляцію русскаго *ы*, которое образуется почти при томъ же положеніи языка, какъ и при звукѣ *у*, только при растянутыхъ углахъ губъ. Поэтому звукъ *у* можно назвать лабиализованнымъ *ы*.

Разсмотрѣвши отдѣльные звуки, мы необходимо должны сдѣлать нѣсколько замѣчаній о такъ называемыхъ сложныхъ звукахъ. Всѣ составныя части сложныхъ звуковъ уже

отмѣчены нами въ предыдущемъ изложеніи, и если здѣсь приходится говорить еще особо о сложныхъ звукахъ, то это вызывается тѣмъ обстоятельствомъ, что нѣкоторые элементарные звуки, постоянно соединяясь съ другими звуками, производятъ на насъ, въ этихъ сочетаніяхъ, впечатлѣніе отдѣльныхъ звуковъ. Исторія такихъ звуковъ въ различныхъ языкахъ показываетъ, что и судьба ихъ во многомъ напоминаетъ судьбу отдѣльныхъ звуковъ, такъ что весьма полезно рассмотреть нѣкоторые изъ такихъ сложныхъ звуковъ.

Къ сложнымъ звукамъ относятся прежде всего такъ называемые придыхательные звуки. Они состоятъ изъ обычныхъ взрывныхъ звуковъ со слѣдующимъ придыханіемъ (см. выше стр. 66). Придыханіе возникаетъ здѣсь потому, что голосовыя связки послѣ взрыва не сразу принимаютъ такое положеніе, которое необходимо для образованія голоса. Изъ этого видно, что придыханіе возникаетъ обыкновенно передъ гласнымъ звукомъ и не бываетъ передъ согласнымъ. Обыкновенно придыханіе обозначаютъ знакомъ *h* послѣ взрывнаго звука: *ph, th*, и т. д. Нѣсколько загадочнымъ является придыханіе послѣ звонкихъ взрывныхъ звуковъ, такъ какъ голосъ, хотя и слабѣе, но все же звучитъ уже при звонкомъ взрывномъ звукѣ. Поэтому либо приходится допустить въ этомъ случаѣ существованіе „звонкаго придыханія“, природа котораго намъ не совсѣмъ ясна, либо необходимо признать, что для артикуляціи придыханія голосовыя связки на короткое время прерываютъ свою артикуляцію. Во всякомъ случаѣ звонкіе придыхательные встрѣчаются въ ново-индійскихъ діалектахъ и въ санскритѣ, и ихъ существованіе предполагается съ большою вѣроятностью и въ первоначальномъ индо-европейскомъ языкѣ.

Сложными звуками являются также и аффрикаты. Аффрикатами называются звуки, состоящіе изъ взрывнаго звука со слѣдующимъ однороднымъ съ нимъ спирантомъ. Такою аффрикатою является напр. нѣмецкое *pf* въ словахъ: *Pfeil* или *Apfel*; сюда же относятся русскіе звуки *ц* и *ч*: первый изъ нихъ можно назвать глухою зубною аффрикатою (состоитъ изъ *т* и *с*), а второй — палатализованною альвеолярною аффрикатою (состоитъ изъ *т'* + *ш'*). Русскій языкъ не знаетъ звонкихъ разновидностей этихъ аффрикатъ (объ одномъ случаѣ *д'ж'* см. выше стр. 76), но въ другихъ

языкахъ онѣ извѣстны. Такъ англійск. *j* представляетъ изъ себя звонкую разновидность англійск. *sh*, совпадающаго съ русскимъ *ч*. Звонкою разновидностью русскаго *ц* является аффриката *дз*, которая встрѣчается въ бѣлорусскомъ нарѣчїи. Возникновеніе аффрикаты легко объясняется тѣмъ, что переходъ отъ взрывнаго звука къ гласному всегда долженъ заключать въ себѣ моментъ, когда потокъ воздуха проходить черезъ суженіе, образованное органами, только что составлявшими затворъ. При замедленїи движенія этихъ органовъ спирантъ становится слышнѣе, и мы получаемъ аффрикату.

Разсмотрѣвши артикуляцію отдѣльныхъ звуковъ, выдѣленныхъ изъ связной рѣчи, мы теперь должны разсмотрѣть ихъ комбинаціи, изъ которыхъ собственно и состоитъ живая рѣчь. Многочисленные и непрерывно слѣдующія одна за другой артикуляціи, конечно, не могутъ не вліять другъ на друга, и потому въ живой рѣчи мы встрѣчаемся съ многочисленными отклоненіями отъ установленныхъ выше типовъ такъ называемыхъ отдѣльныхъ звуковъ.

Одно изъ основныхъ положеній комбинаціи звуковъ можно формулировать такъ: если два сосѣднихъ звука имѣютъ какую-нибудь общую артикуляцію, то она выполняется однажды для обоихъ звуковъ. Такъ напр., если слово состоитъ изъ звонкихъ звуковъ и изъ гласныхъ, то необходимая для всѣхъ этихъ звуковъ артикуляція гортани (дрожаніе голосовыхъ связокъ) продолжается непрерывно во время произнесенія всего слова, а не выполняется для каждаго звука отдѣльно; таковы напр. слова уже, она, заря, руби и т. п. Если соприкасаются между собою носовой звукъ и соотвѣтствующій звонкій взрывной, напр. въ сочетаніяхъ *мб*, *нд* и т. д., то не только голосовыя связки звучатъ непрерывно, но и затворъ, необходимый для образованія обоихъ звуковъ, остается во все время произнесенія этого сочетанія, а переходъ отъ носового къ взрывному выполняется движеніемъ небной занавѣски, которая подымается и закрываетъ полость носа; такую артикуляцію мы можемъ наблюдать въ словахъ: амбаръ, Андрей и т. п.

Этотъ принципъ экономїи движеній органовъ рѣчи иногда оказываетъ вліяніе на измѣненіе самой артикуляціи звуковъ. Такъ напр., если въ предшествующемъ сочетаніи

носовой и звонкій взрывной помѣняются мѣстами (бм, дн), то общая для обоихъ звуковъ артикуляція затвора останется въ силѣ, при чемъ переходъ отъ одного звука къ другому будетъ выполняться обратнымъ движеніемъ небной занавѣски, которая должна опуститься и открыть полость носа для образованія носового звука. Такъ обыкновенно это сочетаніе и произносится; но, такъ какъ затворъ остается, то въ сущности въ этомъ сочетаніи мы не имѣемъ взрывнаго звука обычнаго типа, для образованія котораго необходимъ взрывъ затвора; акустическое впечатлѣніе взрывнаго звука получается въ моментъ отдѣленія небной занавѣски отъ задней стѣнки зѣва (fauces). Такой взрывъ носитъ названіе фаукальнаго. Мы находимъ его въ такихъ напр. словахъ, какъ обманъ, одна и т. п.

Подобныя условія наблюдаются и при артикуляціи сочетанія дл: оба эти звука образуются кончикомъ языка, который прикладывается къ альвеоламъ, но при звукѣ л остается свободнымъ отверстіе съ боку; поэтому и здѣсь не происходитъ альвеолярнаго взрыва, такъ какъ для слѣдующаго звука нуженъ тотъ же альвеолярный затворъ; а акустическое впечатлѣніе взрыва получается въ тотъ моментъ, когда языкъ, опускаясь своими боками внизъ, образуетъ отверстіе для прохода воздуха, необходимое для звука л. Такой взрывъ носитъ названіе бокового, или латеральнаго; его мы наблюдаемъ въ такихъ, напр., словахъ, какъ тля, сѣдло, для и т. п.

Нерѣдко сосѣдніе звуки сближаются по своей артикуляціи, т. е. артикуляція, необходимая для произнесенія одного звука, распространяется и на сосѣдній. Это явленіе называется уподобленіемъ, или ассимиляціей. Такъ напри- мѣръ, глухой звукъ уподобляется обыкновенно слѣдующему звонкому: слово сдѣлать произносится здѣлать; явленіе это нужно толковать такъ, что голосовыя связки, которыя должны зазвучать лишь при произнесеніи звука д, начинаютъ звучать уже при с, почему с и превращается въ з. Нерѣдко при большей близости артикуляцій результатомъ ассимиляціи является полное тождество двухъ сосѣднихъ звуковъ. Мы произносимъ, напри- мѣръ, слова изжога, визжать съ двумя ж, какъ ижжога, вижжать, при чемъ предшествующее з совершенно уподобилось слѣдующему ж.

Надо помнить однако, что по правилу экономіи движеній органовъ рѣчи два сосѣднихъ одинаковыхъ звука не могутъ производиться двукратнымъ повтореніемъ одной и той же артикуляціи; слѣдовательно, въ подобныхъ случаяхъ мы имѣемъ собственно дѣло не съ двумя отдѣльными звуками, а лишь съ однимъ, но длящимся вдвое дольше обыкновеннаго, что и производитъ впечатлѣніе двойного звука. Даже взрывные звуки, которые по своему характеру, казалось бы, не могутъ быть удлинены, такъ какъ взрывъ всегда моменталенъ, и тѣ, сталкиваясь въ серединѣ слова, не артикулируются дважды, а только нѣсколько удлиняютъ артикуляцію паузы. Такъ въ словѣ оттого, впечатлѣніе двойного т получается вслѣдствіе отдѣленія паузою артикуляціи затвора отъ артикуляціи взрыва, такъ что образованіе затвора производитъ впечатлѣніе перваго т, а самый взрывъ образуетъ второе т.

Палатализация (см. выше стр. 74) согласныхъ звуковъ по большей части является результатомъ уподобленія: такъ напр., звукъ с въ сочетаніи си оказывается палатализированнымъ, такъ какъ языкъ уже при произнесеніи звука с принимаетъ то положеніе, которое необходимо для артикуляціи звука и. Подобнымъ же образомъ объясняется и лабиализація велярныхъ звуковъ передъ гласнымъ у: звуки к и г, въ сочетаніяхъ ку, гу произносятся съ тѣмъ округленіемъ губъ, которое необходимо для произнесенія слѣдующаго у.

Нѣтъ возможности перечислить всѣ явленія, которыя могутъ быть объяснены приспособленіемъ другъ къ другу артикуляцій двухъ сосѣднихъ звуковъ. Но я укажу еще на одинъ примѣръ: русское слово баня въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на сѣверѣ (въ Петербургской и Олонецкой губерніяхъ) произносится какъ байня. Появленіе й между звуками а и н, или превращеніе звука а въ двугласный ай объясняется вліяніемъ слѣдующихъ звуковъ: такъ какъ н передъ звукомъ я является сильно патализированнымъ, то при переходѣ отъ звука а къ звуку н' языкъ долженъ съ самаго низкаго своего положенія подняться до самаго высокаго, т. е. такого, которое наблюдается при образованіи звука и. Это положеніе языка долженъ принять лишь при началѣ артикуляціи звука н', но, если координація движеній органовъ произношенія будетъ нѣсколько нарушена, и языкъ займетъ высокое положеніе нѣсколько раньше затвора звука н', мы услышимъ

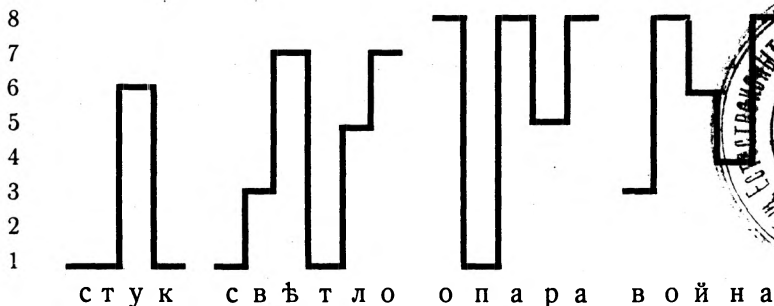
короткій звукъ й и изъ сочетанія бан'я мы получимъ байн'я. Подобное же явленіе мы наблюдаемъ и въ русскомъ словѣ мошенникъ, которое часто произносится, какъ мошейникъ. Замѣчательно, что то-же явленіе мы наблюдаемъ и въ древне-греческомъ языкѣ, гдѣ напр. глаголь βαίνω „иду“ образовался, какъ извѣстно, изъ *βανω; такъ же, повидимому, нужно объяснять и зендскія pairi „вокругъ“ (ср. санскритское pari), baraⁱti „несетъ“ (ср. санскритское bharati).

Подобнымъ же образомъ объясняется и возникновеніе звука b въ группѣ mr и звука d въ группѣ nr, напримѣръ, въ греч. αμβροτος „безсмертный“ изъ *αμροτος и въ греч. ανδρος изъ *ανρος отъ ανηρ „мужчина“. Чтобы понять возникновеніе этихъ звуковъ нужно разсмотрѣть условія артикуляціи звуковъ m и n со слѣдующимъ r. Чтобы перейти отъ носовыхъ звуковъ m и n къ звуку r необходимо 1) поднятіе небной занавѣски, 2) нарушеніе губного (m) или зубного (n) затвора и 3) переходъ языка въ положеніе, необходимое для произнесенія звука r. Голосовыя связки звучатъ непрерывно, такъ какъ всѣ звуки здѣсь звонкіе. Изъ этого мы видимъ, что въ самыхъ условіяхъ артикуляціи этихъ звуковъ заключается возможность возникновенія звонкаго взрывнаго звука -- губного или зубного —, такъ какъ затворъ, необходимый для образованія носового звука, долженъ быть нарушенъ, а это нарушеніе затвора при извѣстныхъ условіяхъ можетъ превратиться въ взрывъ: необходимо только, чтобы взрывъ этотъ сталъ слышимымъ, а для этого достаточно, чтобы небная занавѣска закрыла полость носа нѣсколько раньше нарушенія затвора: тогда постоянный потокъ воздуха, не находя выхода въ полость носа, устремляется къ мѣсту затвора и въ моментъ его устраненія производитъ слышимый взрывъ. Такимъ образомъ взрывъ затвора въ нашихъ сочетаніяхъ необходимо присутствуетъ, но онъ можетъ быть неслышенъ, если движенія органовъ рѣчи будутъ строго координированы. Такого произношенія требуетъ, напр., русскій литературный языкъ для словъ нравъ, нравиться; но въ народномъ произношеніи мы постоянно слышимъ: ндравъ, ндравиться, и обыкновенно чувствуется нѣкоторое усиліе, которое употребляешь для того, чтобы не произнести здѣсь звука д.

Наша рѣчь обыкновенно распадается на слоги, и это распаденіе основывается на различіи въ степени звучности отдѣльных элементовъ нашей рѣчи. Дѣйствительно, глухіе оказываются менѣе звучными, нежели звонкіе; спиранты болѣе звучны, нежели взрывные звуки; носовые и плавные менѣе звучны, нежели гласные; наконецъ, между гласными мы наблюдаемъ различныя степени звучности въ зависимости отъ степени открытости звука: чѣмъ открытѣе гласный звукъ, тѣмъ онъ звучнѣе. Такимъ образомъ всѣ звуки по степени звучности можно расположить въ слѣдующемъ порядкѣ¹⁾:

1. Глухіе звуки: а) взрывные (п, т, к),
б) спиранты (ф, с, ш).
2. Звонкіе взрывные (б, д, г).
3. „ спиранты (в, з, ж).
4. „ носовые (м, н).
5. „ плавные (л, р).
6. Гласные высокіе (у, и, ы).
7. „ средніе (о, е).
8. „ низкіе (а).

Попробуемъ теперь графически изобразить сравнительную степень звучности отдѣльных звуковъ, составляющихъ слова: стукъ, свѣтло, опара, война:

Эти фигуры имѣютъ столько же вершинъ, сколько мы насчитываемъ слоговъ въ приведенныхъ словахъ: эти вершины имѣютъ различную высоту; слѣдовательно, каждый

1) Я въ данномъ случаѣ придерживаюсь въ общемъ классификаціи Есперсена (Jespersen, Lehrbuch der Phonetik, S. 186) съ небольшими отступленіями, примѣнительно къ русскому языку.

слогъ создается наивысшей относительной звучностью въ рядѣ звуковъ; каждая вершина звучности является носительницею отдѣльнаго слога. Относительностью звучности объясняется то явленіе, что носителями слога могутъ являться носовые и плавные звуки, если они окружены звуками меньшей звучности. Такіе носовые и плавные называются слоогообразующими, а иногда носовыми и плавными сонантами. Въ сравнительной грамматикѣ для обозначенія ихъ употребляются особые знаки: $\text{m}_\text{̃}$, $\text{n}_\text{̃}$, $\text{r}_\text{̃}$, $\text{l}_\text{̃}$. Такъ, напр., слоогообразующее **p** встрѣчается въ сербскомъ языкѣ: за-**т**рпа „завалилъ“, цр**н** „черный“, цр**в** „червь“.

Такъ какъ гласные звуки обладаютъ также различною степенью звучности, то возможны такія сочетанія двухъ гласныхъ звуковъ, въ которыхъ носителемъ слога является лишь одинъ изъ нихъ: такія сочетанія гласныхъ носятъ названіе двугласныхъ, или дифтонговъ. Слѣдовательно, дифтонгомъ мы называемъ такое сочетаніе двухъ гласныхъ, которое составляетъ одинъ слогъ. Если слоогообразующій гласный занимаетъ первое мѣсто, то дифтонгъ называется нисходящимъ, если же — второе, то — восходящимъ. Наиболѣе обычны нисходящіе дифтонги: русскіе **ай**, **ой**, **эй**, **ей**, **ій**, **уй**. Примѣромъ восходящаго дифтонга можетъ служить французское **oi**, которое произносится какъ **yà**: **m oi** (читай: **муà**), **lo i** (чит. **л'уà**), **ro i** (чит. **руà**).

Однако гласные звуки могутъ имѣть различную звучность вслѣдствіе усиленія или ослабленія силы выдыха. Можно произносить одинъ и тотъ же звукъ, напр. **a**, и при этомъ то усиливать, то ослаблять его такъ, что получится впечатлѣніе нѣсколькихъ слоговъ. Такъ произносятъ звукъ **a** няньки, укачивая ребенка: **á-a-á-a-á-a-á**; при этомъ на ударяемыхъ звукахъ слышится и нѣкоторое повышеніе тона. Вслѣдствіе этого одинъ и тотъ же дифтонгъ можетъ быть произнесенъ и какъ восходящій и какъ нисходящій: такъ напр., то же сочетаніе **ya**, которое мы встрѣчаемъ во французскомъ языкѣ въ качествѣ восходящаго дифтонга въ литовскомъ языкѣ является, какъ нисходящій дифтонгъ **ỹa** (читай: **ỹa**).

Мы только что указали на то, какое значеніе имѣетъ усиленіе выдыха въ образованіи слога; съ этимъ вмѣстѣ мы переходимъ уже въ область т. наз. ударенія. Подъ име-

немъ ударенія разумѣются два совершенно различныхъ явленія, которые слѣдовало бы и называть различными именами. Въ нашей рѣчи, почти въ каждомъ словѣ, мы произносимъ нѣкоторые слоги съ особенной силой. Такъ какъ усиленіе звука вызывается обыкновенно усиленіемъ выдыха, то такое удареніе носить названіе экспираторнаго (expiratio „выдыхъ“). Но удареніемъ мы называемъ также и измѣненіе тона голоса, придающее нашей рѣчи различные оттѣнки смысла. Мы можемъ, напримѣръ, различными способами произнести слово „да“, выражая въ одномъ случаѣ утвердительный отвѣтъ, въ другомъ — сомнѣніе, въ третьемъ — вопросъ и т. п. Такое удареніе носить названіе музыкальнаго, или тоническаго. Въ сущности и то и другое удареніе всегда идутъ рука объ руку: нѣтъ такого монотоннаго языка, который бы вовсе не отличалъ тоновъ; и не можетъ быть, съ другой стороны, такихъ тоновъ, которые бы вовсе не отличали и извѣстныхъ различій въ силѣ звука. Тѣмъ не менѣе одни языки и нарѣчія выказываютъ несомнѣнную склонность къ экспираторному ударенію, а другіе — къ музыкальному. Такъ напр. петербуржцы упрекаютъ москвичей въ томъ, что они не говорятъ, а „поютъ“, на что москвичи возражаютъ, что петербуржцы не говорятъ, а „лаютъ“. Эти слова отмѣчаютъ совершенно правильно нѣсколько большую долю музыкальнаго ударенія въ московскомъ говорѣ, и сравнительно большую экспираторность говора петербуржцевъ.

Что касается экспираторнаго ударенія, то мы употребляемъ его обыкновенно по традиціи, подчеркивая въ каждомъ словѣ ударяемый слогъ. Иногда въ болѣе длинныхъ словахъ кромѣ главнаго ударенія имѣется еще и другое болѣе слабое. Это особенно замѣтно въ стихахъ, гдѣ при отчетливой скандовкѣ одно слово нерѣдко имѣетъ два ударенія.

Иногда психологическія или логическія причины вызываютъ особое удареніе на необычномъ мѣстѣ; напр. фраза „недостаточно показать, необходимо доказать“ часто произносится съ удареніемъ на противупологаемыхъ приставкахъ по- и до- съ цѣлью подчеркнуть это противуположеніе.

Такъ какъ сильно экспираторное удареніе требуетъ усиленія выдыха на ударяемомъ слогѣ, то на слѣдующіе слоги остается незначительный запасъ воздуха, и они обы-

кновенно произносятся гораздо слабѣе, а иногда и вовсе исчезаютъ. Такъ создалось, напр., французское удареніе послѣдняго слога въ словѣ: въ латинскомъ языкѣ послѣ ударяемаго слога еще былъ одинъ или два слога безъ ударенія; во французскомъ они перестали произноситься: латинское *amorem* дало французское *amour* „любовь“, лат. *factum* — фр. *fait* „сдѣланный“, лат. *arborum* — фр. *arbre* „дерево“ и т. д.

Что касается музыкальнаго ударенія, то оно, какъ уже было указано, играетъ важную роль въ выраженіи различныхъ оттѣнковъ смысла фразы. Одна и та-же фраза можетъ быть произнесена, какъ сообщеніе факта или какъ вопросъ: въ первомъ случаѣ тонъ падаетъ къ концу фразы, во второмъ — подымается; ср. напр. „вчера былъ пожаръ“ и „вчера былъ пожаръ?“ Если вопросъ выраженъ какимъ-либо вопросительнымъ словомъ, то оно обыкновенно стоитъ въ началѣ фразы и произносится съ повышеніемъ тона, который понижается къ концу предложенія; напр. „что было вчера?“ Наблюденія надъ такими измѣненіями тона до сихъ поръ еще не достаточны для того, чтобы установить сколько-нибудь исчерпывающую классификацію относящихся сюда явленій.

Въ нѣкоторыхъ языкахъ музыкальное удареніе является необходимою принадлежностью каждого слова, такъ что неправильная интонація слова производитъ впечатлѣніе ошибки, а иногда даже мѣняетъ значеніе слова. Такое значеніе музыкальное удареніе имѣетъ въ настоящее время въ литовскомъ и сербскомъ языкахъ, а изъ древнихъ, настолько мы можемъ судить, имѣло въ санскритскомъ и греческомъ языкахъ.

§ 14. Психологическій факторъ въ языкѣ.

Мы видѣли, что въ словѣ нѣтъ постоянной связи между звукомъ и значеніемъ. Это значитъ, что связь эта устанавливается путемъ привычки, благодаря постоянной ассоціаціи извѣстнаго сочетанія звуковъ съ опредѣленной группой представлений.

Когда мы слышимъ какое-либо слово, слуховое впечатлѣніе его вызываетъ въ насъ извѣстную группу представлений, и эти представленія въ свою очередь могутъ заставить насъ произнести тѣ слова, которые связаны съ ними посто-

янной ассоціаціей. Но представленіе не непосредственно связано съ произносимыми нами звуками: для произнесенія словъ необходимо привести въ движеніе нашъ аппаратъ рѣчи, а для этого нужно, чтобы органы рѣчи получили соотвѣтствующіе импульсы отъ нервовъ, завѣдующихъ ихъ движеніями. Съ появленіемъ письменности, а въ жизни отдѣльнаго человѣка съ усвоенія грамотности, устанавливаются новыя ассоціаціонныя связи. Звуковое представленіе слова связывается съ зрительнымъ представленіемъ его начертанія, при чемъ устанавливается еще и ассоціація представленія звуковъ съ тѣми движеніями руки, которыя необходимы для написанія слова. Такимъ образомъ въ основѣ языковой дѣятельности лежитъ очень сложная сѣть представленій: слуховыя представленія слова, представленія движеній органовъ рѣчи, зрительныя представленія написаннаго слова и, наконецъ, представленія движенія руки при письмѣ.

Физическою основою всей этой сѣти ассоціацій является часть нервной системы человѣка съ соотвѣтствующими центрами, залегающими въ головномъ мозгу. Мы знаемъ, что между этими центрами существуетъ общая связь, при чемъ однако каждый изъ нихъ обладаетъ извѣстной долей самостоятельности. Это подтверждается такими патологическими явленіями, когда у человѣка бываетъ пораженъ одинъ изъ этихъ центровъ. Больной, напр., можетъ утратить способность понимать сказанныя слова, не утрачивая способности понимать написанныя слова и т. под.

Уже этотъ общій обзоръ показываетъ, насколько сложенъ механизмъ нашей рѣчи и какую важную роль играетъ въ немъ психическій факторъ. Даже самыя движенія органовъ рѣчи въ конечномъ счетѣ опредѣляются психологическими причинами. Понятно поэтому, какую трудность представляетъ изученіе психологической стороны языка. Главное затрудненіе заключается въ томъ, что при обычныхъ условіяхъ мы не замѣчаемъ дѣйствія психическихъ силъ въ нашей рѣчи, такъ какъ онѣ представляютъ привычную атмосферу, въ которой протекаютъ всѣ явленія языка. Мы обращаемъ вниманіе на эти явленія только тогда, когда какія-либо причины нарушаютъ привычное дѣйствіе психическихъ силъ.

Такъ какъ слова въ нашей рѣчи могутъ являться въ весьма разнообразныхъ сочетаніяхъ, то такимъ же разно-

образіемъ отличаются и ассоціаціи словъ между собою и съ различными значеніями.

Прежде всего мы встрѣчаемся съ ассоціаціей слова и значенія, при чемъ значеніе привлекаетъ обыкновенно къ себѣ цѣлую группу словъ, приблизительно однозначущихъ, такъ называемыхъ синонимовъ. Обыкновенно мы выбираемъ при этомъ одно изъ напрашивающихся словъ, и тогда всѣ остальные въ нашемъ сознаніи исчезаютъ, такъ что мы и не сознаемъ того выбора, который только что произвели. Но, нерѣдко случается, что отвергнутыя нами слова оставляютъ свой слѣдъ въ произнесенномъ словѣ, тогда происходитъ нарушеніе общаго хода нашей рѣчи, и мы оговариваемся. Эти оговорки, хотя и представляютъ ошибки нашей рѣчи, но тѣмъ не менѣе очень важны для насъ, такъ какъ являются показателями тѣхъ психическихъ процессовъ, которыхъ мы обыкновенно не замѣчаемъ. Такъ напр. въ русскомъ языкѣ существуетъ два синонима: надо и нужно; нерѣдко встрѣчаются оговорки, гдѣ первая часть одного слова соединяется со второю частью другого: на-жно, ну-до. Эти оговорки, называемыя контаминаціями, показываютъ, что оба слова въ сознаніи нашемъ соединены очень тѣсной ассоціаціей, такъ какъ имѣютъ одинаковое значеніе. Мнѣ случилось, оговариваясь, произносить: „запройте дверь“, очевидно изъ „заприте“ и „закройте“. Подобныя оговорки очень часто можно слышать въ живой рѣчи. Такъ одна дама рассказывала, что послѣ сдѣланной ей операціи прижиганія гланды „запахло гарѣнымъ мясомъ“; очевидно, слова „горѣлый“ и „варѣный“ были ассоціированы въ ея сознаніи. Въ одномъ ученомъ трактатѣ мы находимъ выраженіе „всемогущественное правительство“, очевидно изъ „всемогущее“ и „могущественное“. Такія оговорки иногда пріобрѣтаютъ права гражданства, проникаютъ въ литературу и становятся въ ряды нормальныхъ словъ. Такъ слова „огромадный“ (изъ „огромный“ и „громадный“), „сродственникъ“ (изъ „сродникъ“ и „родственникъ“), очень часто встрѣчаются въ просторѣчій. Въ печати я встрѣчалъ, напр., слѣдующіе слова: „толковитость“ (изъ „толковость“ и „дѣловитость“), „междоусобица“ (изъ „междоусобіе“ и „усобица“), „вѣроподобный“ (изъ „вѣроятный“ и „правдоподобный“). Съ увѣренностью можно сказать, что многія слова въ языкѣ такимъ образомъ созда-

лись: привычная оговорка перестала обращать на себя внимание, и слово получило полныя права гражданства въ языкѣ. Такъ напр. слово „разъединять“, которое употребляется въ настоящее время, не возбуждая ни въ комъ недоумѣнія, по-видимому возникло изъ ассоціаціи противоположныхъ по значенію словъ „раздѣлять“ и „соединять“, при чемъ поддержку ему оказало близкое къ нему по значенію слово „уединять“.

Ассоціируются между собою также и слова, стоящія въ предложеніи рядомъ или недалеко другъ отъ друга. Вообще можно сказать, что предложеніе представляетъ изъ себя психологическое цѣлое, всѣ части котораго связаны между собою ассоціаціями. Здѣсь мы встрѣчаемся также съ оговорками, которыя свидѣтельствуютъ о существованіи такихъ ассоціаціонныхъ связей. Въ одномъ научномъ засѣданіи, докладчикъ говоритъ о найденныхъ при раскопкахъ золотыхъ маскахъ, что онѣ представляютъ „человѣка съ бородами и съ усой“, и почти никто изъ присутствовавшихъ не замѣтилъ этой оговорки. Ясно, что въ данномъ случаѣ тѣсно связанные между собою слова „борода“ и „усы“ перемѣнили свои мѣста, сохранивши грамматическія формы, соотвѣтствующихъ мѣстъ въ первоначальномъ намѣреніи говорящаго: вмѣсто „съ усáми и съ бородóй“ докладчикъ сказалъ „съ борода́ми и съ усóй“. Однажды, ложась спать, мой сынъ сообщилъ мнѣ, что ему „блотать гольно“. Другой разъ мнѣ сообщили, что „съ крашъ кыпаетъ, а дождь не идетъ“. Въ одномъ засѣданіи, гдѣ обсуждался вопросъ о посылкѣ делегата, было предложено „полосовать делегата“, очевидно, слова „послать“ и „голосовать“ привели говорившаго къ такому жестокому предложенію. Замѣчательно, что и эта оговорка почти никѣмъ не была замѣчена. На одной публичной лекціи было сказано „лодка съ рулѣй“, при чемъ поправка указала на то, что нужно было сказать „съ рулемъ и мачтой“.

Ассоціируются между собою и слова сходнаго строенія, созвучныя и вообще чѣмъ-нибудь сходныя. Такъ напр. однажды докладчикъ вм. „надбровныя дуги“ сказалъ „надгробныя дуги“, при чемъ въ темѣ его доклада не было ничего, что бы могло наводить на такія печальныя мысли, кромѣ того, что рѣчь шла о доисторическихъ черепахъ. Любопытный случай такой ассоціаціи словъ по созвучію

представляет такъ называемая народная этимологія: иностранное непонятное по звукамъ слово осмысливается роднымъ созвучнымъ словомъ. Такъ въ „Войнѣ и мирѣ“ Толстой рассказываетъ, что народъ называлъ „мародѣровъ“ — „міродѣрами“. Однажды станція Николаевской желѣзной дороги „Померанье“ была перекрещена въ „Помиранье“, когда поѣзду пришлось простоять на ней слишкомъ долго изъ-за порчи паровоза.

Одинаковые типы склоненій и спряженій точно также составляютъ группы ассоціацій, при чемъ ассоціаціями оказываются связанными и одинаковыя грамматическія категоріи даже различнаго образованія. Такъ связаны между собою, напр., всѣ формы склоненія женскаго рода на ударяемое -а: ногá — ногѣ — ногѣ; всѣ слова этого типа имѣютъ одинаковыя формы по всѣмъ падежамъ, и при образованіи новыхъ формъ, когда этого требуютъ обстоятельства, мы руководимся — сознательно или безсознательно — этими типами: рукá — рукѣ — рѣки, сторонá — сторонѣ — стóроны, судьбá — судьбѣ — сѣдѣбы (?). Послѣдняя форма рѣдко употребляется, и потому существуетъ сомнѣніе, гдѣ должно стоять удареніе, на первомъ или на послѣднемъ слогѣ; это сомнѣніе и указываетъ намъ на то, что мы руководимся при образованіи новыхъ формъ уже существующими образцами, или, какъ обыкновенно выражаются, образуемъ ихъ по аналогіи съ другими формами. То же самое и въ области спряженія:

глядѣть — глядѣшь — гляжѣ
сидѣть — сидѣшь — сижѣ
побѣдѣть — побѣдѣшь — побѣжѣ (?)

Послѣдняя форма, которую мы склонны образовать по аналогіи этого типа, едва-ли однако можетъ считаться существующею на практикѣ: слишкомъ большое созвучіе съ формою „побѣгу“ мѣшаетъ ея употребленію, и языкъ старается устранить это неудобство, всячески обходя эту двусмысленную форму. Другой примѣръ: времена — времѣнь, племена — племѣнь, имена — имѣнь, сѣмена — ?, „сѣмѣнь“ было бы неудобно въ виду звукового совпаденія съ именемъ „Семѣнь“, и мы образуемъ искусственную форму „сѣмѣнъ“.

Эти примѣры показываютъ насколько живо чувствуется связь словъ между собою въ самыхъ разнообразныхъ направлѣнiяхъ.

Типы склоненiя примѣняются свободно и къ иностраннымъ словамъ, если только они подходятъ по формѣ къ какому-нибудь типу. Только литературный языкъ образованнаго класса людей, которые еще живо чувствуютъ иностранное происхожденiе слова, не допускаетъ склоненiя такихъ словъ, какъ „пальто“, „депо“, „кофе“ и т. п. Но простонародiе свободно говоритъ „безъ пальтá“, „въ депѣ“ и приспособляетъ слово „кофе“ для склоненiя, превращая его въ „кофей“ — „кофею“ — „за кофеемъ“ и т. д. Французское слово „брелокъ“ (brelouque) стало у насъ теперь склоняться, какъ „платокъ, кусокъ“, и образуетъ множественное число „брелки“ какъ „платки, куски“, выбрасывая о передъ и въ косвенныхъ падежахъ, какъ будто это исконное славянское слово. Однажды, провожая меня въ театръ, прислуга спросила меня, возьму ли я съ собою „бенки“, при чемъ указала на бинокль, который я дѣйствительно чуть не забылъ взять: очевидно, она склоняла бенокъ также по образцу слова „платокъ“; интересно, что употребленное ею множественное число, котораго она, конечно, не могла слышать, указываетъ на сложность бинокля, состоящаго изъ двухъ одинаковыхъ частей, слѣдовательно, оно употреблено здѣсь въ томъ же смыслѣ, какъ въ словахъ щипцы, ножницы, клещи и т. д.

По аналогiи создаются въ языкѣ многочисленныя новыя формы, при чемъ аналогiя, разрушая старыя типы склоненiй и спряженiй, создаетъ новыя. Такъ, наприм., въ старинномъ русскомъ языкѣ дательный падежъ множественнаго числа отличался по формѣ въ различныхъ основахъ: въ лкомъ, конемъ, путемъ, женамъ, душамъ, костямъ, матерямъ, именамъ; теперь во всѣхъ этихъ случаяхъ мы имѣемъ лишь одно окончанiе -амъ, которое въ мягкихъ основахъ измѣняется въ -ямъ: волкамъ, конямъ, путямъ, женамъ, душамъ, костямъ, матерямъ, именамъ. Мы видимъ, слѣдовательно, что всѣ дательные падежи мн. числа образуются теперь по аналогiи именъ женскаго рода на -а, какъ жена. Подобную же тенденцiю мы наблюдаемъ и въ родит. пад. мн. числа, гдѣ распространяется окончанiе -овъ: рабовъ вм. стараго рабъ, народное мѣстовъ вм. литературнаго мѣстъ и т. под. Старыя

формы сохраняются только въ особыхъ сочетаніяхъ: рота солдатъ, пара сапогъ или старинный дат. мн. ч. въ выраженіи „по дѣломъ“.

Подобныя же ассоціаціонныя связи существуютъ также между цѣлыми группами словъ и цѣлыми предложеніями. Объ этомъ свидѣлствуютъ подобныя же оговорки въ сферѣ болѣе обширныхъ сочетаній словъ. Конструкціи, имѣющія приблизительно одинаковое значеніе, ассоціируются между собою и могутъ давать такія же контаминаціи, какія мы встрѣчали въ отдѣльныхъ словахъ. Я отмѣтилъ изъ разговорнаго языка и изъ печатныхъ сочиненій такія напр. оговорки этого рода: „мы сей часъ увидимъ ниже“, „... случай, имѣвшій мѣсто не такъ давно тому назадъ...“ (очевидно изъ „не такъ давно“ и „нѣсколько времени тому назадъ“), „четверть минутъ одиннадцатаго“ (контаминація изъ „четверть“ и „пятнадцать минутъ“), „я забылъ упомянуть на то, что...“ (изъ „упомянуть о томъ“ и „указать на то“), „... два ... разсказа (Сологуба)... ярче всего выражаютъ томленіе его къ иному бытію“ (подъ вліяніемъ выраженія „стремленіе къ чему“). Или:

„Ужась, сталъ шептать душѣ упрёки,
Говорить, что къ небу мы далеки“.

(Фофановъ).

(подъ вліяніемъ сочетанія „близки къ чему“). Въ одномъ официальномъ бюллетенѣ сообщалось, что „въ состояніи здоровья“ больной „никакихъ осложненій отъ нормы не произошло“ (подъ вліяніемъ выраженія „уклоненій отъ нормы“). Или: „... общее вниманіе приковываетъ на себя...“ (подъ вліяніемъ выраженія „привлекаетъ на себя“).

Ассоціаціей объясняется также и аттракція. Такъ называется уподобленіе падежа относительнаго мѣстоименія падежу указательнаго: въ результатѣ получается то, что падежъ относительнаго мѣстоименія опредѣляется не грамматическою связью придаточнаго предложенія, въ которомъ находится относительное мѣстоименіе, а строемъ главнаго предложенія. Здѣсь мы имѣемъ слѣдовательно случай ассоціаціи двухъ предложеній, тѣсно связанныхъ между собою. Въ русскомъ языкѣ аттракція встрѣчается, какъ нормальное явленіе, очень рѣдко. Можно указать, напр., на выраженіе

„пообѣдать, чѣмъ Богъ послалъ“, гдѣ творительный падежъ „чѣмъ“ вызванъ сочетаніемъ со словомъ „пообѣдать“, между тѣмъ какъ по строю придаточнаго предложенія мы ожидали бы „что Богъ послалъ“. Другой такой примѣръ мы находимъ въ такихъ выраженіяхъ, какъ „скажи, кому знаешь“ вмѣсто „скажи тому, кого знаешь“. Въ греческомъ языкѣ такая аттракція является правиломъ при слѣдующихъ условіяхъ: если относительное мѣстоимѣніе должно было бы стоять въ винительномъ падежѣ, а указательное главнаго предложенія въ родительномъ или дательномъ. Напр. *ὃν ἔλαβεν ἄλασι μετέδωκε* „онъ подѣлился со всѣми тѣмъ, что взялъ“ (*ὃν ἔλαβεν* вм. *τούτων*, *ἃ ἔλαβεν*).

И въ области предложеній и конструкцій ассоціація является творческой силой создающей новыя формы выраженія мысли и новыя обороты. Въ настоящее время, на примѣръ, въ русскомъ языкѣ, повидимому, создается категорія причастія будущаго времени (совершеннаго вида); такого причастія современная грамматика еще не признаетъ, но въ языкѣ оно уже нерѣдко встрѣчается. Напр. академикъ Заленскій пишетъ о лошади Пржевальскаго: „это — видъ, несомнѣнно вымирающій и, вѣроятно, вскорѣ вымрущій совершенно“. Причастіе будущаго времени „вымрущій“ построено очевидно по слѣдующей аналогіи: „который мретъ“ = „мрущій“, „который вымретъ“ = „вымрущій“. Или другой примѣръ: „... глядя на эти бѣлыя страницы (книги), ничего не говорящія ей, но принеся въ будущемъ счастье ея сыну...“ (Ив. Наживинъ, Убогая Русь, М. 1901, стр. 269, „Солнечный лучъ“ — сообщено Д. К. Зеленинымъ). „... Контора проситъ передать его (переводный бланкъ) лицу, пожелающему подписаться на журналъ“.

„Еще сегодня съ вами тишина,
Но вотъ, клянусь рукой желѣзной,
Неумолима глубина
Подъ вами вскроющейся безды“.

(„Наша Жизнь“, Лит.-научн. прилож. № 3—4, 8 февр. 1906 года). Слово „послѣдующій“, превратившееся уже въ прилагательное, завоевало себѣ право гражданства и ни въ комъ не вызываетъ недоумѣнія. На основаніи этихъ явленій

мы можемъ предположить, что вскорѣ создастся въ русскомъ языкѣ причастіе будущаго времени.

Повидимому, съ еще большею силою ощущается въ русскомъ языкѣ потребность въ причастіи прошедшаго времени съ частицею бы. По крайней мѣрѣ такіе обороты встрѣчаются едва-ли не чаще даже, чѣмъ причастіе будущаго времени. Вотъ примѣры этого явленія, случайно подобранные мною изъ современной печати:

„... найдутся ... новые Бобчинскіе и Добчинскіе, которые пѣтушкомъ побѣгутъ за триумфальной колесницей каждаго выдающагося бюрократа, пожелавшаго бы овладѣть моментомъ“ („Русь“, 9. X. 1905).

Слѣдующіе примѣры всѣ взяты изъ перевода романа П. Бурже „Ученикъ“ (Универс. Библиот. № 221—223); авторъ перевода — А. Мирэ:

„Такимъ образомъ философъ, не причинившій бы зла даже мухѣ, шелъ бодрыми шагами...“ (стр. 60).

„Этому воспитанію я приписываю преждевременное развитіе у меня способности къ анализу, привлекавшей бы меня... къ позитивнымъ наукамъ, если бы мой отецъ не умеръ“ (стр. 83).

„Я не могу найти точныхъ выраженій, опредѣлившихъ бы смутныя и странныя ощущенія тоски...“ (стр. 92).

„Это могло случиться только при наличности старанья съ моей стороны не вспугнуть эту душу... какимъ-либо неосторожнымъ словомъ, указавшимъ бы ей на опасность“ (стр. 166).

„Это бѣшенство было подобно отчаянью игрока... (который) узналъ, что вышелъ номеръ, на который онъ хотѣлъ ставить, номеръ, принесшій бы ему въ тридцать шесть разъ больше его ставки“ (стр. 194).

Всѣ эти случаи указываютъ на образованія по аналогіи: если выраженіе „который принесъ“ можно замѣнить причастіемъ „принесшій“, то естественно слова „который принесъ бы“ замѣняются словами „принесшій бы“. У насъ такіе обороты пока не могутъ еще считаться общепризнанными: они еще рѣжутъ ухо; но въ послѣдствіи они, вѣроятно, также пріобрѣтутъ право гражданства.

Замѣчательно, что въ греческомъ языкѣ мы знаемъ

совершенно такой же оборотъ причастія съ частицею *av*, которая обыкновенно является только при личныхъ формахъ глагола. Въ греческомъ, очевидно, тотъ же процессъ привелъ къ полной побѣдѣ новой конструкціи.

Мнѣ удалось отмѣтить также одинъ случай употребленія частицы бы при дѣепричастіи: „... слѣдовало бы расширить, введя бы нѣкоторыя подробности...“ (въ отзывѣ о сочиненіи). Но въ данномъ случаѣ мы, вѣроятно, имѣемъ дѣло съ простымъ повтореніемъ частицы бы, стоящей въ предшествующей части фразы.

Указанныя выше явленія не исчерпываютъ, конечно, всѣхъ сторонъ вліянія психологическаго фактора въ языкѣ, но все же достаточно отмѣняютъ его универсальное значеніе. Языкознаніе въ настоящее время работаетъ съ полнымъ сознаніемъ важности психологической стороны въ явленіяхъ языка и постоянно стремится къ выясненію размѣровъ значенія психологическаго фактора. Можно сказать, что современное языкознаніе характеризуется именно тѣмъ, что оно ищетъ опоры въ фізіологіи звука съ одной стороны и въ психологіи съ другой.

§ 15. Грамматическій строй индоевропейскихъ языковъ.

Постараемся теперь примѣнить общіе принципы языкознанія къ разсмотрѣнію грамматическаго строя индоевропейскихъ языковъ. Само собою разумѣется, что при этомъ я долженъ буду опираться на факты, добытые историко-сравнительнымъ изученіемъ индоевропейскихъ языковъ.

Мы видѣли, что всякій языкъ характеризуется не отдѣльнымъ словомъ, а сочетаніемъ словъ, которое носитъ названіе предложенія. Поэтому необходимо остановиться на выясненіи этого термина, который, какъ это ни странно, не можетъ считаться установленнымъ. Разборъ значенія этого термина убѣдитъ насъ въ томъ, что слово „предложеніе“, подобно слову „языкъ“, употребляется въ различныхъ значеніяхъ, которыя строго не различаются и ведутъ къ недоразумѣніямъ.

Прежде всего мы встрѣчаемся съ обычнымъ, школьнымъ опредѣленіемъ предложенія, носящимъ на себѣ ясныя

слѣды старой логической школы. „Предложеніе есть мысль, выраженная словами“ (Пуцыковичъ), — „высказанная мысль“ (Поливановъ), — „сужденіе, выраженное словами“ (Буслаевъ). Останавливаться на разборѣ этихъ логическихъ опредѣленій предложенія нѣтъ надобности, такъ какъ о недостаткахъ логической точки зрѣнія на явленія языка было уже достаточно сказано выше.

Психологическое направленіе языкознанія, конечно, вызвало протестъ противъ логическихъ опредѣленій предложенія, и они были замѣнены психологическими. Изъ этихъ опредѣленій я приведу два. Первое изъ нихъ принадлежитъ Герману Паулю¹⁾: „Предложеніе есть языковое выраженіе, символъ того, что въ душѣ говорящаго произошло соединеніе нѣсколькихъ представленій или группъ представленій, и средство вызвать въ душѣ слушателя то же соединеніе тѣхъ же представленій“. Второе принадлежитъ Вундту: „Предложеніе есть языковое выраженіе произвольнаго расчлененія цѣлаго сложнаго представленія на составныя части, поставленныя въ логическія отношенія другъ къ другу“²⁾. Опредѣленіе Пауля выгодно выдѣляется своею послѣдовательностью: оно старается какъ можно точнѣе отмѣтить психическіе процессы, совершающіеся какъ въ человѣкѣ, произносящемъ данное предложеніе, такъ и въ слушателѣ. Съ этой точки зрѣнія опредѣленіе Вундта отличается непослѣдовательностью и двойственностью: исходя въ первой части своего опредѣленія изъ психологической точки зрѣнія, Вундтъ во второй части вводитъ въ предложеніе снова „логическія отношенія“ и тѣмъ возвращается опять къ старому логическому опредѣленію, хотя и въ новой формѣ, прикрашенной современной психологіей.

Если мы присмотримся къ этимъ психологическимъ опредѣленіямъ, то увидимъ, что въ сравненіи со старыми логическими опредѣленіями они выгодно отличаются только болѣе точнымъ указаніемъ на психологическую основу предложенія. Въ этомъ отношеніи они вѣрно отражаютъ современное состояніе науки о языкѣ. Но о предложеніи они даютъ столь же неопредѣленное понятіе, какъ и старыя логическія опредѣ-

1) Hermann Paul, Prinzipien der Sprachgeschichte ⁴, 121.

2) Wundt, Völkerpsychologie, Die Sprache II ¹, 240.

ленія. Это видно уже изъ того, что самый, казалось-бы, простой вопросъ, возможны ли одночленные предложенія въ языкѣ, оказывается уже спорнымъ. Неудивительно поэтому, что такой трезвый языковѣдъ, какъ Бертольдъ Дельбрюкъ, довольствуется слѣдующимъ опредѣленіемъ предложенія: „Предложеніе есть выраженное членораздѣльною рѣчью изъ-явленіе мысли (Äusserung), которое представляется говорящему и слушающему, какъ связанное законченное цѣлое“¹⁾. Для Дельбрюка главное значеніе этихъ опредѣленій сводится къ указанію на „связное законченное цѣлое“. Но и это даетъ намъ очень немного, и мы едва ли смогли бы на основаніи этихъ опредѣленій раздѣлять нашу рѣчь на предложенія, если бы при этомъ намъ не помогали другіе признаки, дающіе возможность почти безошибочно отдѣлять одно предложеніе отъ другого.

Мы стоимъ такимъ образомъ передъ странною загадкою: практически мы прекрасно знаемъ, что такое предложеніе, а теоретически оно оказывается неуловимо ни въ одно изъ нашихъ опредѣленій. Дѣло объясняется довольно просто: всѣ приведенныя опредѣленія почти совершенно забываютъ о томъ, что предложеніе есть форма выраженія нашей мысли. Ясно, что и опредѣленіе предложенія должно быть формальнымъ. Въ данномъ случаѣ и психологическое направленіе впало въ такую же ошибку, какъ и старое логическое. Будемъ ли мы видѣть въ предложеніи логическое или психологическое содержаніе, все равно намъ не удастся опредѣлить форму, характеризуя содержаніе. Ошибка произошла оттого, что хотѣли опредѣлить предложеніе вообще, предложеніе всякаго человѣческаго языка. Различные языки имѣютъ различныя по формѣ предложенія. Желая опредѣлить предложеніе вообще, изслѣдователи естественно должны были устранить изъ этого опредѣленія формальныя различія, а тогда оставалось только одно содержаніе, при чемъ формальная сторона должна была быть сведена къ одному только „словесному выраженію“.

И дѣйствительно, если мы припомнимъ приведенныя выше опредѣленія предложенія, то насъ должна поразить необыкновенная близость этихъ опредѣленій къ опредѣленію

1) B. Delbrück, Vergleichende Syntax d. idg. Sprachen I, 75.

языка: „языкъ есть членораздѣльное выраженіе мысли при помощи звуковъ“ — это почти то же самое, что „мысль, выраженная словами“. Если Пауль и Вундтъ, сообразно со своими научными взглядами, даютъ предложенію другое психологическое содержаніе, то они только иначе характеризуютъ языковую дѣятельность. То же самое, въ сущности, повторяетъ и Дельбрюкъ, подчеркивая только цѣльность и связность предложенія. И это совпаденіе опредѣленія языка съ опредѣленіемъ предложенія вовсе не случайно: если мы, опредѣляя предложеніе, устранимъ его форму, то въ понятіи „предложенія вообще“ остается почти то же самое, что и въ понятіи человѣческаго языка вообще. Съ двухъ различныхъ сторонъ мы приходимъ къ одному и тому же отвлеченному понятію, и только различіе словъ скрываетъ тождество содержанія.

Въ предложеніи формальная сторона является самою существенною: предложеніе есть организованная единица нашей рѣчи и опредѣлять его, не описывая его составныхъ частей и взаимной ихъ связи между собою, невозможно. Какъ опредѣлить органическую клѣтку, не говоря изъ чего она состоитъ? Какъ опредѣлить кругъ, не говоря о центрѣ и радіусѣ?

Ошибочность логическаго и психологическаго опредѣленія предложенія выступаетъ еще ярче съ точки зрѣнія историко-сравнительной грамматики. Мы знаемъ, что первоначальное индо-европейское предложеніе было иное, нежели предложенія каждаго отдѣльнаго индоевропейскаго языка: въ немъ съ теченіемъ времени развились новыя грамматическія категоріи, которыхъ не было раньше; слѣдовательно строй предложенія измѣнился. Первобытное предложеніе было, несомнѣнно, мало похоже на позднѣйшія формы предложенія.

Первый, кто указалъ на бесплодность общихъ опредѣленій предложенія, былъ покойный Харьковскій профессоръ Александръ Афанасьевичъ Потебня. Въ своемъ замѣчательномъ сочиненіи „Изъ записокъ по русскій грамматикѣ“ онъ говоритъ слѣдующее: „Строго говоря, исторія языка на значительномъ протяженіи времени должна давать цѣлый рядъ опредѣленій предложенія, и если бываетъ иначе, то это зависитъ лишь отъ несовершенства наблюденій“ (т. I. ¹, стр. 101). И далѣе: „Существенный признакъ предложенія въ нашихъ

языкахъ состоитъ въ томъ, что въ предложеніе входятъ части рѣчи; если ихъ нѣтъ, то нѣтъ и нашего предложенія“ (ibid. стр. 84). Отсюда ясно, что говорить о предложеніи вообще нѣтъ никакого смысла. А чтобы дать понятіе объ индоевропейскомъ предложеніи, необходимо разсмотрѣть его строй.

Сравнительная грамматика установила, что въ индоевропейскомъ первоначальномъ языкѣ существовало два типа предложенія: именное и глагольное. Именное предложеніе слагалось изъ двухъ именъ, изъ которыхъ одно являлось въ функціи подлежащаго, а другое — въ функціи сказуемаго. Нѣкакого вспомогательнаго глагола въ этомъ предложеніи не было. Этотъ типъ можетъ быть прекрасно иллюстрированъ современнымъ русскимъ языкомъ, который часто употребляетъ предложенія безъ связки, какъ напр. „луна планета“.

Рядомъ съ именнымъ предложеніемъ существовало и глагольное, — типъ, наиболѣе распространенный въ индоевропейскихъ языкахъ и въ настоящее время господствующій. Въ этомъ предложеніи сказуемое выражается личною формою глагола; напр. „луна свѣтитъ“.

Прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію состава предложенія, намъ нужно разсмотрѣть, по крайней мѣрѣ въ главныхъ чертахъ, такъ называемыя части рѣчи. Частями рѣчи называютъ обыкновенно болѣе общія грамматическія категоріи, выходящія за предѣлы одного предложенія, и составляющія матеріалъ, изъ котораго слагается предложеніе. Эти категоріи вырабатываются, конечно, тоже внутри предложенія, но получаютъ самостоятельное значеніе, такъ какъ могутъ играть въ предложеніи различныя роли; напр. существительное имя можетъ быть и подлежащимъ, и дополненіемъ, и сказуемымъ; имя прилагательное — и опредѣленіемъ, и сказуемымъ и т. д. Главныя части рѣчи: глаголъ и имя, которое въ свою очередь распадается на имя существительное и имя прилагательное.

Посмотримъ, что обозначаютъ эти три грамматическія категоріи. Обычное, школьное опредѣленіе говорить, что существительное есть названіе предмета, прилагательное — названіе качества, а глаголъ обозначаетъ дѣйствіе или состояніе. Нетрудно убѣдиться, что эти опредѣленія неточны, неправильны. Дѣйствительно, обратимъ вниманіе на самую форму этихъ опредѣленій. Прилагательное обозначаетъ „качество“;

но вѣдь слово „качество“, которое обозначаетъ качество, есть существительное имя; слѣдовательно качество можетъ обозначаться и существительнымъ именемъ. Глаголь обозначаетъ дѣйствіе или состояніе; но слова „дѣйствіе“ и „состояніе“ — тоже существительныя имена; стало быть, и существительное можетъ обозначать дѣйствіе или состояніе. Ясно, что наши опредѣленія не схватываютъ существа дѣла.

Чтобы понять разницу между этими частями рѣчи нужно сравнить ихъ между собою при такихъ условіяхъ, когда значенія ихъ, именно какъ частей рѣчи, выступаютъ съ наибольшею ясностью. Для этого подыщемъ существительныя, прилагательныя и глаголы, въ основѣ которыхъ лежитъ одно и тоже главное представленіе; напр. камень — каменный — каменѣть, бѣлизна — бѣлый — бѣлѣть, дѣло — дѣльный — дѣлаеть, даль — дальній — удаляетъ, дерево — деревянный — деревенѣть, движеніе — подвижной — двигаетъ. Каждая изъ приведенныхъ группъ словъ обозначаетъ одно и то же представленіе камня, бѣлаго цвѣта, дѣла, дали, дерева, движенія, но каждое изъ трехъ словъ различно представляетъ то же самое содержаніе. Отсюда видно, что разница между существительнымъ, прилагательнымъ и глаголомъ заключается не въ содержаніи, а въ формѣ представленія: дѣло не въ томъ, что обозначаетъ существительное, прилагательное и глаголь, а въ томъ, какъ обозначаетъ. И предметъ, и качество, и дѣйствіе могутъ быть обозначены существительнымъ именемъ: „камень, дерево“ — предметы, „бѣлизна“ — качество, „дѣло, движеніе“ — дѣйствія. Они же могутъ быть обозначены и прилагательнымъ именемъ: „каменный, деревянный“ — „бѣлый“ — „дѣльный, подвижной“; то же нужно сказать и о глаголѣ: „каменѣть, деревенѣть“ — „бѣлѣть“ — „дѣлаеть, двигаетъ“. Разница сводится къ тому, что существительное называетъ чтобы то ни было независимо отъ всякаго отношенія къ чему бы то ни было другому (камень, дерево, бѣлизна, движеніе); прилагательное тоже называетъ что бы то ни было, но съ указаніемъ на то, что это представленіе должно мыслиться въ чемъ-либо другомъ (каменный, деревянный, бѣлый, подвижной); наконецъ, глаголь изображаетъ, описываетъ въ различныхъ моментахъ существованіе того же самаго представленія (каменѣть, деревенѣть, бѣлѣть, двигаетъ).

Исторія индо-европейскаго глагола можетъ служить прекрасной иллюстраціей того, какъ глаголѣ развивалъ различныя стороны своей грамматической природы, выполняя именно свою первоначальную задачу — живописать, изображать, рассказывать. Я нарочно не говорю, что живописать, что изображать, такъ какъ глаголѣ въ этомъ отношеніи универсаленъ: онѣ можетъ все превратить въ живую картину. Первоначально индо-европейскій глаголѣ не имѣлъ категоріи времени; но за то былѣ богатѣ разнообразными оттѣнками того, что сохранилось въ славянскихъ языкахъ подѣ названіемъ видовѣ. Но наши виды, какъ они ни разнообразны, все же представляютъ лишь остатокѣ того богатства, которымъ обладалѣ первоначальный языкѣ. Наши виды свелись въ сущности къ очень общимъ категоріямъ видовѣ несовершеннаго, совершеннаго и многократнаго, между тѣмъ какъ въ первоначальномъ языкѣ существовали и другія видовыя значенія, болѣе конкретнаго типа. Яснѣ всего отразились эти первоначальные виды въ санскритскомъ языкѣ, гдѣ существуетъ болѣе десяти различныхъ способовъ образованія основы настоящаго времени: ясно, что не категорія настоящаго времени образовывалась этими способами, а обозначалось ими нѣчто иное. Изслѣдованія Б. Дельбрюка показали, что этими образованиями и обозначались виды, или, по-нѣмецки, Aktionsarten. Ему удалось установить нѣкоторые изъ этихъ видовѣ. Такъ напр., образование основы настоящаго времени при помощи удвоенія обозначало, повидимому, сложеніе дѣйствія изъ послѣдовательныхъ мелкихъ однородныхъ актовъ. Въ санскритскомъ языкѣ образуютъ настоящее время при помощи удвоенія такіе, напр., глаголы, какъ „точить“ (çiçāti), „мѣрить“ (mīmāti), „пить“ (pībati), „шагать“ (jīgāti), „наполнять“ (pīpartī), „бояться“ (bibhēti), „жевать“ (bāpsati) и т. под. Во всѣхъ этихъ случаяхъ дѣйствіе легко разлагается на мелкіе однородныя моменты: движенія ножа, который точатъ; откладываніе мѣры при измѣреніи; глотки при питьѣ; дрожь при испугѣ и т. д. Что это былѣ исконный способъ обозначенія подобныхъ дѣйствій, видно изъ того, что удвоеніе въ подобныхъ глаголахъ сохранилось и въ другихъ языкахъ: греческое дорическое βίβωμι о движеніи танцовщицы, лат. bibere „пить“, греч. πίμπλημι „наполнять“; нѣмецкое beben „дрожать“ соотвѣтствуетъ санскритскому bibhēti „онѣ боится“.

Пользуясь этимъ указаніемъ можно сдѣлать выводъ, что, если корень *bhaḡ* - „нести“ образуетъ настоящее время съ удвоеніемъ, то значеніе этого образованія должно быть „постоянно и повторно совершать дѣйствіе несенія“, иначе говоря *bībharti* должно значить „носить“, въ противоположность къ *bharati* „несетъ“. Факты подтверждаютъ это заключеніе. Другія образованія обозначали различные иные отѣнки дѣйствія: его моментальность или однократность (какъ русское „прыгнуть“), его исходную или конечную точку и т. подобные отѣнки, которые всѣ, какъ мы видимъ, давали возможность усилить изобразительность глагола.

Для обозначенія прошедшаго времени, какъ и всякаго другого, глаголъ не обладалъ никакими средствами. Прошедшее время обозначалось въ предложеніи частицами или нарѣчіями. Одна изъ такихъ частицъ, индоевропейское *é, повидимому, особенно часто употреблялась въ этомъ смыслѣ и потому примкнула къ системѣ глагола. Это — такъ называемое приращеніе, сохранившееся въ санскритѣ, греческомъ и армянскомъ языкахъ: глагольная форма по ударенію примыкала къ приращенію, которое въ санскритѣ всегда носитъ на себѣ удареніе, а въ греческомъ сохранило удареніе въ большинствѣ случаевъ. Такъ напр. скр. *á-bhaḡat* „онъ несъ“ вполне соотвѣтствуетъ греческому *ἔ-φερε* и армянскому *եբեց*. Самая глагольная форма никакъ не обозначала прошедшаго времени, на которое указывало только одно приращеніе.

Когда такимъ образомъ создалась категорія прошедшаго времени съ приращеніемъ, то тѣ формы, которыя не имѣли приращенія и не имѣли вовсе значенія времени, иногда стали пониматься какъ формы настоящаго времени. Слѣдовательно, категорія настоящаго времени стала выясняться въ противовѣсъ категоріи прошедшаго времени. Настоящее время во всѣхъ индо-европейскихъ языкахъ употребляется и до сихъ поръ въ смыслѣ формы, не имѣющей значенія времени: оно обозначаетъ и то, что относится ко всякому времени; употребляется оно и въ описаніи прошедшихъ событій „для большей живости разсказа“, какъ обыкновенно объясняетъ это явленіе школьная грамматика. Живость разсказа обуславливается въ данномъ случаѣ вовсе не употребленіемъ настоящаго времени вмѣсто прошедшаго, а тѣмъ, что по первона-

чальному своему значенію формы эти живописали событія, не обозначая вовсе времени.

Категорія будущего времени тоже возникает въ сравнительно позднее время. Замѣчательно, что нѣкоторые языки, какъ напр. готскій, вовсе не знаютъ будущего времени. И въ славянскихъ языкахъ будущее имѣетъ описательную форму: въ русскомъ языкѣ будущее тоже обычно выражается при помощи вспомогательнаго глагола буду, какъ въ нѣмецкомъ при помощи *ich werde*. Мы увидимъ, что и русское будущее простое есть категорія сравнительно новая. Въ индоевропейскомъ языкѣ начало складываться такъ называемое сигматическое будущее, которое сохранилось въ санскритѣ, греческомъ и литовскомъ языкахъ; но и въ нихъ образованія этого будущего все же не вполне тождественны. Замѣчательно, что во многихъ языкахъ значеніе будущего времени можетъ выражаться формою настоящего времени: напр. греческое *εἶμι* значить „я иду, пойду“, русское иду часто тоже имѣетъ значеніе будущего, въ нѣмецкомъ *ich komme gleich* значить „сейчасъ приду“, и въ санскритѣ всякое настоящее время можетъ имѣть и значеніе будущего. Въ связи съ этимъ стоитъ и русское будущее простое глаголовъ совершеннаго вида: форма настоящего времени совершеннаго вида всегда можетъ имѣть значеніе будущего времени. Школьный педантизмъ считаетъ эту форму будущимъ временемъ; но при этомъ забываютъ, что это форма часто употребляется безъ всякаго оттѣнка времени, подобно настоящему, сохраняя неизмѣнно лишь свое видовое значеніе. Такъ бываетъ чаще всего въ описаніяхъ, гдѣ т. наз. будущее совершенное чередуется съ настоящимъ времени. Такъ напр. у С. Аксакова мы читаемъ: „Вечеромъ также рыба беретъ охотнѣе . . . особенно поздно вечеромъ: тогда и крупная рыба начнетъ смѣло ходить около береговъ“ (т. V (1886), стр. 34). Или другой примѣръ съ большимъ количествомъ такихъ будущихъ: „Хотя иногда набѣжитъ туча съ грозой . . . и крупнымъ дождемъ, который забьетъ ваши наплавки подъ траву, въ шумныя брызги и пузыри изрубитъ гладкую поверхность воды, возмутитъ её, если она не глубока, . . . такъ измѣнитъ положеніе мѣста, что вы сами его не узнаете . . . Но туча пронеслась, влажная парная теплота разливается въ воздухъ . . . все приходитъ въ поря-

докъ“. (т. V. стр. 35). Едвали во всѣхъ такихъ случаяхъ можно говорить о будущемъ времени. Мы можемъ, слѣдовательно, сказать, что въ подобныхъ случаяхъ мы встрѣчаемся съ настоящимъ временемъ совершеннаго вида. Даже самый вспомогательный глаголь „буду“, образующій сложное будущее, не всегда имѣетъ значеніе будущаго времени; хотя учительскій педантизмъ старается искоренить такія выраженія, какъ „пятью восемь будетъ сорокъ“; но я думаю, что въ формѣ вопроса необходимо сказать: „сколько будетъ пятью восемь?“ Хорошіе примѣры такого употребленія формы „будетъ“ мы встрѣчаемъ въ болѣе старомъ русскомъ языкѣ; напр. у Котошихина (210) мы читаемъ: „А будетъ у самого царя подъ Москвою и въ городахъ въ дворцовыхъ волостяхъ и селахъ крестьянъ съ 30.000 дворовъ, кромѣ бобылей“. Здѣсь, конечно, не можетъ быть рѣчи о будущемъ времени.

Однако несомнѣнно, что настоящее совершеннаго вида приняло значеніе будущаго времени въ русскомъ языкѣ. Возникновеніе значенія будущаго времени въ этихъ формахъ объясняется слѣдующимъ образомъ. Есть много глаголовъ, обозначающихъ начальный пунктъ дѣйствія; таковы, наприкладъ, встать, начать, пойти, засвѣтить, проглянуть и т. под. Настоящее время такихъ глаголовъ обозначаетъ, стало быть, одинъ только исходный пунктъ такого дѣйствія; слѣдовательно, самое дѣйствіе или его продолженіе должно лежать уже въ будущемъ времени. Такимъ образомъ формы: встанетъ, начнетъ, пойдетъ, засвѣтитъ, проглянетъ и т. под. получаютъ побочный смыслъ будущаго времени, который постепенно развивается въ категорію будущаго времени. Такъ дѣло обстоитъ, повидимому, во всѣхъ тѣхъ языкахъ, гдѣ будущее имѣетъ форму настоящаго времени. Но такъ же дѣло шло, повидимому, и въ первоначальномъ языкѣ: по крайней мѣрѣ сигматическое образованіе свойственно не только будущему времени, но и аористу, а аористъ есть образованіе, развившееся изъ формъ совершеннаго вида; стало быть и въ первоначальномъ языкѣ образованіе будущаго времени стояло въ связи съ выраженіемъ совершеннаго вида.

Мы видимъ, что категоріи времени развиваются въ глаголь на нашихъ глазахъ, и онѣ служатъ въ сущности той

же цѣли, которую имѣлъ глаголъ съ самаго начала. Дѣйствительно, для болѣе живого изображенія событій часто бываютъ нужны средства для обозначенія послѣдовательности дѣйствій, и грамматическія категоріи времени, очевидно, служатъ этой цѣли. Поэтому было бы ошибочно видѣть въ нихъ отраженіе философскихъ категорій времени: съ точки зрѣнія философской возможны лишь три времени прошедшее, настоящее и будущее, между тѣмъ какъ въ индоевропейскихъ языкахъ мы встрѣчаемъ весьма разнообразныя системы временъ съ многочисленными прошедшими временами (*imperfectum*, *perfectum*, *plusquamperfectum*, аористъ), а иногда, какъ въ латинскомъ, съ двумя будущими.

Развитіе грамматической категоріи времени можетъ служить типическимъ примѣромъ развитія грамматическихъ категорій вообще. Побочное значеніе грамматической формы, вовлеченное въ строй предложенія, можетъ при благопріятныхъ условіяхъ развиться въ самостоятельную грамматическую категорію. Иногда такое значеніе слова оказывается совершенно излишнимъ съ точки зрѣнія выраженія мысли, и тѣмъ не менѣе грамматическая категорія развивается весьма пышно. Такой случай представляетъ, напр., категорія грамматического рода.

Грамматическій родъ (мужескій, женскій и средній) развился, несомнѣнно, изъ обозначенія естественнаго различія людей и животныхъ по поламъ, и исходною точкою для его возникновенія послужили, повидимому, нѣкоторыя имена на -а женскаго рода, обозначающія особи женскаго пола; таковы были названія „жены“, „женщины“ и нѣкоторыхъ животныхъ женскаго пола. Въ противоположность этимъ названіямъ особей женскаго пола, названія особей мужскаго пола, очевидно, воспринимались съ побочнымъ значеніемъ мужскаго рода, и изъ этой противоположности возникла уже грамматическая категорія рода. Это видно изъ того, что даже тѣ существительныя, которыя не приняли ни мужскаго, ни женскаго рода, все же понимались, какъ обладающія какою-то грамматическою категоріей, получившею названіе средняго рода. Средній родъ не имѣетъ опоры ни въ чемъ, кромѣ самаго грамматическаго строя нашей рѣчи, тѣмъ не менѣе онъ представляетъ столь же реальную

грамматическую категорию, какъ и мужескій и женскій родъ. Въ тѣхъ языкахъ, въ которыхъ сохранилась категория средняго рода, въ сущности продолжался процессъ распредѣленія всѣхъ именъ существительныхъ по двумъ родамъ: мужескому и женскому. Въ нѣкоторыхъ языкахъ этотъ процессъ благополучно и закончился: такъ въ латинскомъ языкѣ еще существуетъ три рода, а въ романскихъ, какъ во французскомъ и итальянскомъ, уже только два рода: имена средняго рода по большей части примкнули къ мужескому роду. Въ дальнѣйшемъ развитіи категория грамматическаго рода можетъ снова исчезнуть, такъ какъ для выраженія нашей мысли она совершенно излишня: такой примѣръ представляетъ современный англійскій языкъ, уже не знающій категории грамматическаго рода, кромѣ незначительныхъ остатковъ въ системѣ мѣстоименій.

Подобнымъ же образомъ возникла въ русскомъ языкѣ грамматическая категория названій одушевленныхъ предметовъ, какъ выражаются въ нашихъ школьныхъ грамматикахъ. Но проявленіе этой категории ограничивается однимъ только винительнымъ падежомъ, который въ именахъ одушевленныхъ предметовъ сходенъ съ родительнымъ падежомъ: „я вижу сына“, но „я вижу домъ“. По этимъ слабымъ зачаткамъ трудно предсказать этой грамматической категории успѣшное развитіе въ будущемъ: едва ли она создастъ новыя грамматическія различія.

Послѣ этого краткаго обзора главныхъ частей рѣчи съ ихъ грамматическими категориями, возвратимся снова къ строю предложенія и разберемъ значеніе такъ называемыхъ частей предложенія. Части предложенія обыкновенно дѣлятся на главныя и второстепенныя; къ главнымъ относятся подлежащее и сказуемое, къ второстепеннымъ — опредѣленіе, дополненіе и обстоятельство. Противъ такого дѣленія въ сущности нѣтъ основанія возставать, только отнюдь не слѣдуетъ думать, что главныя части предложенія передаютъ главное содержаніе нашей мысли, а второстепенныя сообщаютъ менѣе важныя подробности. Важность сообщаемаго въ рѣчи обыкновенно отбѣняется удареніемъ и наиболѣе важная подробность можетъ быть выражена и второстепенною частью предложенія. Подлежащее и сказуемое могутъ быть названы главными частями предложенія лишь въ томъ

смыслъ, что они составляютъ главный остовъ предложенія, къ которому уже примыкають другія части.

На вопросъ, что такое подлежащее, школьная грамматика отвѣчаетъ: „подлежащее есть предметъ, о которомъ говорится въ предложеніи“. Лучше всего опровергаетъ неправильность этого опредѣленія Потебня слѣдующимъ примѣрнымъ урокомъ: „Не заботьтесь о завтрашнемъ днѣ“ — О чемъ здѣсь говорится? — О завтрашнемъ днѣ. — Нѣтъ, не то! Какой главный предметъ этой рѣчи? — Чтобы мы не заботились. — Нѣтъ, предметъ, о которомъ здѣсь говорится, это — вы, второе лицо. — Но вѣдь о насъ здѣсь ничего не говорится!“¹⁾ Въ предложеніи „топоромъ рубять“ говорится о топорѣ, но слово „топоромъ“ вовсе не подлежащее; въ предложеніи „въ пещерѣ темно“ говорится о пещерѣ, но слова „въ пещерѣ“ тоже не подлежащее. Такія предложенія встрѣчаются такъ часто, что при выясненіи вопроса о подлежащемъ ихъ необходимо имѣть въ виду. Въ всякомъ случаѣ они совершенно ясно показываютъ, что подлежащее не можетъ быть опредѣлено, какъ предметъ, о которомъ говорится въ предложеніи. Ошибка опять заключается въ томъ, что подлежащее опредѣляется по содержанію, а не по формѣ. Какая же форма дѣлаетъ слово подлежащимъ? Подлежащее необходимо должно быть именительнымъ падежомъ существительнаго имени. Что это дѣйствительно такъ, видно изъ того, что всякое слово, играющее роль подлежащаго непременно сознается нами, какъ именительный падежъ. Если во многихъ случаяхъ, когда это — слово неизмѣняемое, мы не можемъ ясно доказать это, тѣмъ не менѣе бывають случаи, когда категорія именительнаго падежа принимаетъ совершенно ясныя формы. Такъ въ Пушкинскомъ „далече грянуло ура“, не ясно, что „ура“ сознается, какъ именительный падежъ, хотя на это указываетъ отчасти слово „грянуло“; но въ такомъ предложеніи, какъ „ахи да охи дѣлу не помогутъ“, междометія приняли даже окончанія именительнаго падежа множественнаго числа соотвѣтственно той роли подлежащаго, которую они играютъ въ предложеніи. — Несомнѣнно также, что подлежащее должно быть существительнымъ именемъ. Если иногда роль под-

1) Изъ запис. по рус. грам. I¹, 87 сл.

лежащаго можетъ играть и прилагательное, то оно всегда при этомъ превращается въ существительное. Школьная грамматика для объясненія этого явленія обыкновенно прибѣгаетъ къ предположенію пропуска существительнаго: говорятъ при этомъ, что то или другое существительное подразумевается; но это предположеніе пропуска всегда представляетъ нѣкоторую натяжку, а иногда и вовсе не можетъ быть оправдано. Такъ напр. предложеніе „больной провелъ ночь спокойно“ обычно объясняется пропускомъ слова „человѣкъ“, но стоитъ только подставить это слово въ наше предложеніе, чтобы увидѣть, что эта прибавка совершенно измѣнить значеніе фразы: „больной человѣкъ провелъ ночь спокойно“ имѣетъ совершенно другой смыслъ. Но въ такихъ предложеніяхъ, какъ „все его раздражало“ или „это его разстроило“ или „одно его радовало, другое печалило“ не возможно придумать никакого пропущеннаго слова. Мы должны слѣдовательно признать, что психологически съ категоріею подлежащаго въ нашемъ сознаніи связаны категоріи именительнаго падежа и существительнаго имени.

Можетъ возникнуть сомнѣніе относительно правильности нашего опредѣленія подлежащаго, такъ какъ именительный падежъ является также падежомъ именного сказуемаго. Но появленіе именительнаго падежа въ именномъ сказуемомъ, повидимому, слѣдуетъ объяснять, какъ слѣдствіе согласованія съ подлежащимъ. Это подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что имя сказуемаго обыкновенно отличается отъ подлежащаго меньшею формальностью: въ русскомъ языкѣ прилагательныя т. наз. качественныя имѣютъ особую форму краткаго окончанія, являющуюся исключительно въ функціи сказуемаго; то же явленіе наблюдается въ греческомъ языкѣ, гдѣ имя сказуемаго не имѣетъ члена; но характернѣе всего проявляется эта тенденція въ нѣмецкомъ языкѣ, гдѣ прилагательное имя, какъ сказуемое, не имѣетъ никакихъ формальныхъ признаковъ: ни рода, ни числа, ни падежа: *der Tisch ist hoch* „столъ высокъ“, *die Bank ist hoch* „скамья высока“, *die Tische sind hoch* „столы высоки“, *die Bänke sind hoch* „скамьи высоки“. Это явленіе находитъ себѣ естественное объясненіе въ томъ, что именное сказуемое должно указывать лишь общее представленіе, обозначающее въ словѣ его основую, а всѣ формальныя отношенія

выражаются при этомъ связкою, о которой будетъ рѣчь въ дальнѣйшемъ.

Говоря о подлежащемъ, нельзя не упомянуть о томъ, что иногда его можетъ и не быть въ предложениі: такіа предложенія носятъ названіе безличныхъ, или безсубъектныхъ. Они обыкновенно отражаютъ нерасчленное, неанализированное впечатлѣніе или смутное, неясное настроеніе: „погромыхиваетъ“, „смеркается“, „знобитъ“ и т. под. Но и въ этихъ случаяхъ во многихъ языкахъ вліяніе обычнаго типа предложенія сказывается въ томъ, что формальное подлежащее все же занимаетъ свое мѣсто, хотя къ смыслу предложенія оно ничего не прибавляетъ: подлежащее выражается въ этихъ случаяхъ мѣстоименіемъ; напр. нѣмецкое *es scheint* „кажется“, франц. *il semble* и т. под.

Сказуемымъ глагольнаго предложенія является глаголъ въ личной формѣ. Такъ какъ глаголъ характеризуется именно личными формами, то можно сказать, что въ индоевропейскихъ языкахъ глаголъ есть грамматическая форма сказуемаго. Это настолько справедливо, что глагольное сказуемое въ большинствѣ индоевропейскихъ языковъ распространилось и на именное предположеніе, въ которомъ глаголъ превратился въ связку. Это явленіе настолько характерно для строя индоевропейскаго предположенія, что на немъ слѣдуетъ остановиться нѣсколько подробнѣе.

Что такое связка? Связкою мы обыкновенно называемъ такой глаголъ, который не имѣетъ никакого другого значенія, кромѣ значенія грамматическихъ категорій, связанныхъ съ глаголомъ. Эта же его особенность дала ему и другое названіе: мы называемъ его вспомогательнымъ глаголомъ, такъ какъ онъ обыкновенно не играетъ въ предложениі самостоятельной роли. Въ индоевропейскихъ языкахъ такими вспомогательными глаголами были два корня: *es- и *bhū-. Къ первому корню относятся славянскій глаголъ *есмь*, латинскій *sum*, греческій *εἰμι*, сакскритскій *asmi* и т. д. Второй корень также сохранился во всѣхъ почти языкахъ, нерѣдко дополняя недостающія формы корня *es-: славянскій аористъ *быхъ*, лат. perf. *fui*, греч. аор. *ἔφυν*, скр. *bhavati* „бываетъ, дѣлается“. Такъ какъ подобные вспомогательные глаголы нерѣдко создаются и въ историческіе періоды языка, то мы можемъ составить себѣ довольно ясное

представленіе о томъ, какъ создалась связка. Мы знаемъ, на примѣръ, что нѣмецкій вспомогательный глаголѣ werden „дѣлаться“ стоитъ въ связи съ латинскимъ *vertere* „вертѣть“, русскимъ вертѣть и т. д. Отсюда мы можемъ заключить, что значеніе „дѣлаться“ получилось приблизительно тѣмъ же путемъ, какъ въ русскомъ языкѣ выраженіе „обернуться волкомъ“ приблизилось къ значенію „сдѣлаться волкомъ“. Мы знаемъ далѣе, что нѣмецкое прошедшее *war* къ глаголу *sein* „быть“ восходитъ къ индоевропейскому корню **wes-*, который мы находимъ въ санскритскомъ глаголѣ *vas-ati* „онъ живетъ“. Это показываетъ что нѣм. *war* закончило то превращеніе въ связку, которое въ зачаточномъ состояніи мы находимъ въ русскомъ въ пословицѣ „денежка покатна живетъ“. Однимъ словомъ всѣ эти примѣры показываютъ, что первоначально и вспомогательные глаголы имѣли совершенно опредѣленное значеніе, которое ими было утрачено лишь въ связи предложенія. Сравнительная грамматика показываетъ, что корнемъ **bhū-*, повидимому, обозначалось представленіе „прозябанія, роста (травы)“; на это указываютъ греч. *φυτόν* „растеніе“, слав. *быліе*, русское *былинка*. Первоначальное значеніе корня **es-* менѣе для насъ ясно, но во всѣхъ языкахъ этотъ глаголѣ сохранился не только въ функціи связки, но и какъ самостоятельный глаголѣ со значеніемъ „существовать“. Отсюда мы можемъ заключить, что и эти самые старые вспомогательные глаголы превратились въ связки тѣмъ же путемъ. Первоначально они сопровождали именное сказуемое, какъ глаголѣ живописующій явленіе: это — стадія нашего „денежка покатна живетъ“. Но такъ какъ въ этихъ сочетаніяхъ главное значеніе сказуемаго сосредоточивалось въ его именной части, то глаголѣ мало по малу утрачивалъ свое первоначальное значеніе и сталъ играть роль чисто формальнаго глагола, въ которомъ не осталось ничего, кромѣ значеній грамматическихъ категорій времени, наклоненія, числа и лица. Въ такихъ предложеніяхъ, какъ „онъ былъ боленъ“, „онъ будетъ боленъ“, „будь боленъ“ и т. д. формы „былъ“, „будетъ“, „будь“ обозначаютъ одни только чистыя грамматическія категоріи 3 л. ед. ч. прошедшаго времени, 3 л. ед. ч. будущаго времени, 2 л. ед. ч. повелительнаго наклоненія. Китайцы такія слова называютъ пустыми словами, и они совершенно правы съ точки

зрѣнія такъ называемыхъ реальныхъ значеній слова. Но эта же самая пустота связи показываетъ наиболѣе ярко всю важность грамматическихъ категорій въ самомъ строѣ предложенья. Связка дѣлается такимъ ферментомъ, который можетъ превратить въ сказуемое какое угодно слово. Связка, слѣдовательно, можетъ быть признана чистою грамматическою формою сказуемаго.

Во всѣхъ школьныхъ грамматикахъ можно найти утверждение, что предложенье не можетъ существовать безъ сказуемаго. Однако едва ли это такъ. Во всякомъ случаѣ и въ разговорной рѣчи и въ литературѣ предложенья безъ сказуемаго встрѣчаются очень часто. Я не говорю при этомъ о такихъ обломкахъ предложенья, которые легко дополняются изъ связи рѣчи, я имѣю въ виду настоящія предложенья, которыми мы выражаемъ наши мысли. Если напр. мы говоримъ нерѣдко: „Хорошая погода“, то едва ли кто-нибудь станетъ отрицать, что здѣсь заключается предложенье, такъ какъ смыслъ нашихъ словъ почти вполнѣ совпадаетъ съ предложеньемъ: „погода хороша“. Предполагать здѣсь пропускъ вспомогательнаго глагола едва ли возможно. Наконецъ, даже въ литературѣ мы встрѣчаемъ такія предложенья, въ которыхъ трудно было бы что-либо подразумѣвать, но которымъ тѣмъ не менѣе трудно отказать въ правѣ называться предложеньемъ. Такъ напр. у Фета мы читаемъ:

Шопоть. Робкое дыханье.	Свѣтъ ночной. Ночныя тѣни —
Трели соловья,	Тѣни безъ конца.
Серебро и колыханье	Рядъ волшебныхъ измѣненій
Соннаго ручья.	Милаго лица.

Въ дымныхъ тучкахъ пурпуръ розы.
Отблескъ янтара.
И лобзанія и слезы
И заря, заря!

Мнѣ кажется, что такія предложенья безъ глагола, безъ сказуемаго имѣютъ одинаковое право на существованіе, какъ и предложенья безличныя. Они особенно умѣстны въ описаніяхъ, гдѣ достаточно простыхъ именъ существительныхъ и прилагательныхъ и не чувствуется надобности въ глагольной энергіи. Этимъ опредѣляется ихъ сравнительно узкая

сфера употребленія. Но не признавать ихъ предложеніями, мнѣ кажется, мы не имѣемъ никакого права.

Вотъ хорошій примѣръ такихъ предложеній въ перемежку съ глагольными изъ Льва Толстого. Описаніе побѣга изъ тюрьмы („Фальшивый купонъ“): „Онъ схватился за желобъ, и вотъ колѣнка его на крышѣ. Часовой идетъ. Василій легъ и замеръ. Часовой не видитъ и опять отходить. Василій вскакиваетъ. Желѣзо трещитъ подъ ногами. Еще шагъ, два, вотъ стѣна. До стѣны легко достать рукой. Одна рука, другая, вытянулся весь, и вотъ на стѣнѣ. Только бы не расшибиться, спрыгивая. Василій переворачивается, виснетъ на рукахъ, вытягивается, пускаетъ одну руку, другую, — Господи, благослови! — На землѣ. И земля мягкая. Ноги цѣлы, и онъ бѣжитъ“.

Нѣчто подобное можно видѣть, мнѣ думается, въ латинскихъ предложеніяхъ съ такъ называемымъ *infinitivus historicus*: такъ какъ неопредѣленное наклоненіе есть именная форма глагола, то и эти латинскія предложенія мы должны признать неимѣющими глагольнаго сказуемаго. Аналогія сказывается еще и въ томъ, что *infinitivus historicus* употребляется именно въ описаніяхъ, когда личная форма глагола оказывается слишкомъ энергичной. Напр. Liv. IV, 37, 11: *nondum fuga certa, nondum victoria erat: tegi magis Romanus quam pugnare; Volscus inferre signa, urgere aciem, plus caedis hostium videre quam fugae* „ни побѣда, ни бѣгство еще не выяснились: римляне скорѣе защищались, чѣмъ сражались; вольски наступали, тѣснили, но видѣли, какъ враги умирали, но не отступали“.

Далѣе переходимъ къ второстепеннымъ членамъ предложенія. Къ нимъ обыкновенно относятся опредѣленіе, дополненіе и обстоятельство. На вопросъ, что такое опредѣленіе, школьная грамматика отвѣчаетъ практическимъ правиломъ: опредѣленіе отвѣчаетъ на вопросы: какой? который? чей? сколько? Если опредѣленіе или какая либо другая часть предложенія опредѣляется по вопросамъ, то это значить, что при этомъ принимается во вниманіе не форма выраженія, а содержаніе. Мы видѣли, что эта точка зрѣнія не можетъ дать положительныхъ результатовъ, и на примѣръ опредѣленія мы лишней разъ убѣждаемся въ этомъ. Дѣйствительно, на одинъ и тотъ же вопросъ мы можемъ

отвѣчать весьма различно: Такъ напр. на вопросъ „какая шуба?“ мы можемъ отвѣчать „лисья“, „съ баранковымъ воротникомъ“, „чернаго цвѣта“, „на ватѣ“ и т. под. На вопросъ „чей домъ?“ можно получить тоже различные отвѣты: „мой“, „купчихинъ“, „Ивана Петровича“. Столь же большое разнообразіе отвѣтовъ можно получить и на вопросъ „сколько рублей?“, „одинъ“, „два“, „пять“, „много“, „десятокъ“ и т. под. На вопросъ „который домъ?“ мы тоже можемъ отвѣтить: „красный“, „четвертый“ и т. д. Школьная грамматика всѣ эти отвѣты должна одинаково признавать опредѣленіями, хотя нѣкоторые изъ приведенныхъ отвѣтовъ положительно неудобно признавать опредѣленіями, какъ напр. слово „пять“ въ сочетаніи „пять рублей“. Неудобство такого способа выясненія опредѣленія заключается именно въ томъ, что подъ именемъ опредѣленія приходится понимать не только различныя формы, но и различныя сочетанія словъ: „дубовая палка“ и „палка съ загнутымъ концомъ“, „красный носъ“ и „носъ крючкомъ“ толкуются какъ выраженія одинаковаго состава. Разобраться въ этомъ можетъ намъ помочь только формальная точка зрѣнія: между частями рѣчи есть такая, которая всегда въ предложеніи является опредѣленіемъ, это — прилагательное имя. Только принявши за правило, что опредѣленіе должно быть выражено прилагательнымъ, мы можемъ выбраться изъ лабиринта нашихъ отвѣтовъ на вопросы какой? который? чей? и сколько? Опредѣленія мы усмотримъ тогда только въ выраженіяхъ: лисья шуба, мой домъ, купчихинъ домъ, одинъ рубль, красный домъ, четвертый домъ, дубовая палка, красный носъ; всѣ остальные выраженія придется объяснять иначе.

Для дополненія въ школьныхъ грамматикахъ принять уже другой критерій: необходимымъ признакомъ дополненія считается то, что оно относится къ глаголу. Но отъ глагола къ имени существуетъ очень постепенный и незамѣтный переходъ: если причастіе обыкновенно относится къ системѣ глагола, и потому можно допустить существованіе дополненія къ причастію, то отглагольныя существительныя обыкновенно не относятся къ системѣ глагола, и при нихъ дополненіе должно считаться невозможнымъ. Однако мы постоянно встрѣчаемъ при такихъ существительныхъ ту же конструкцію, какъ и при соответствующихъ глаголахъ. Напр.: „поклоненіе

идоламъ“, при глаголѣ „поклоняюсь идоламъ“ и причастіи „поклоняющійся идоламъ“; „служеніе людямъ“ при глаголѣ „служу (служащій) людямъ“; „увлеченіе спортомъ“ („увлекаюсь спортомъ“); „боязнь смерти“ („боюсь смерти“) и т. д. Если мы, слѣдуя правилу школьной грамматики, не будемъ признавать дополненія при существительномъ имени, то мы этимъ нарушимъ естественную связь двухъ одинаковыхъ конструкцій при глаголѣ и соотвѣтствующемъ существительномъ и искусственно раздѣлимъ то, что въ сознаніи нашемъ тѣсно связано между собою. Затрудненіе это получается опять таки потому, что мы ищемъ признаковъ дополненія не въ немъ самомъ, а въ томъ, съ чѣмъ оно связано: понятно, что при такихъ условіяхъ мы одно и то же слово съ совершенно тождественнымъ значеніемъ одинъ разъ признаемъ дополненіемъ, а другой разъ — нѣтъ. И здѣсь выходъ изъ затрудненія одинъ: дополненіе нужно опредѣлять по формальнымъ признакамъ, заключающимся въ немъ самомъ. Дополненіе есть всякій косвенный падежъ существительнаго имени съ предлогомъ или безъ предлога, къ чему бы онъ ни относился. Дополненіемъ мы будемъ, слѣдовательно, считать и многое такое, что школьная грамматика признаетъ обстоятельствомъ: „я иду къ горѣ“, „я живу за рѣкою“, „я былъ въ городѣ“, „я вернулся въ два часа“ и т. д. Это естественно приводитъ насъ къ вопросу объ обстоятельствахъ, которыя лучше всего разсмотримъ рядомъ съ дополненіями.

Обыкновенно школьная грамматика различаетъ пять видовъ обстоятельствъ: 1) мѣста, 2) времени, 3) образа дѣйствія, 4) причины и 5) цѣлы. Что эта классификація — неудовлетворительна, видно уже изъ того, что нѣкоторые авторы учебниковъ раздѣляютъ обстоятельства образа дѣйствія на обстоятельства количественнаго и качественнаго образа дѣйствія, а другіе вводятъ не менѣе странную категорію обстоятельствъ „степени качества“, очевидно для такихъ непокорныхъ нарѣчій, какъ „весьма, очень“, которыя не подходятъ ни подъ одинъ изъ установленныхъ видовъ обстоятельствъ. Конечно, такая классификація вынуждаетъ снова обратиться къ системѣ вопросовъ, на которые отвѣчаютъ различныя обстоятельства. При этомъ мы, естественно, наталкнемся на тѣ же неудобства этой системы, которыя уже были отмѣчены

раньше. На одинъ и тотъ же вопросъ мы можемъ отвѣчать весьма различно: на вопросъ „гдѣ?“, на примѣръ, мы можемъ отвѣтить и нарѣчіемъ „дома“ и существительнымъ съ предлогомъ „въ городѣ, на улицѣ...“; на вопросъ „когда?“ мы отвѣчаемъ и нарѣчіями „рано, поздно, вчера...“, и косвенными падежами существительныхъ „днемъ, ночью...“, и падежами съ предлогами „во вторникъ, подъ праздникъ...“ Однимъ словомъ и тутъ то же смѣшеніе формъ, что и въ опредѣленіяхъ, и граница между дополненіемъ и обстоятельствомъ оказывается неопредѣленной, неясной.

Для того, чтобы представить себѣ всю непослѣдовательность школьной грамматики въ этомъ вопросѣ, постараемся подыскать такіе глаголы, которые иногда имѣютъ при себѣ такъ называемыя обстоятельства, а иногда — дополненія. Возьмемъ для примѣра три такихъ выраженія: „попалъ въ канаву“, „попалъ въ капканъ“ и „попалъ въ бѣду“. По теоріи школьной грамматики въ первомъ случаѣ („въ канаву“) мы имѣемъ обстоятельство мѣста (отвѣчаетъ на вопросъ „куда?“); второй случай, на мой взглядъ, по той же системѣ можно разбирать и какъ дополненіе и какъ обстоятельство, а въ послѣднемъ случаѣ мы имѣемъ несомнѣнное дополненіе, такъ какъ называть обстоятельствомъ мѣста слова „въ бѣду“ едва ли кто-нибудь рѣшится. Это сопоставленіе показываетъ съ полною ясностью нелѣпость традиціонной классификаціи: разница между тремя выраженіями заключается только въ томъ, что въ первомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ канавою, во второмъ — съ капканомъ и въ третьемъ — съ бѣдою; при этомъ канава является обстоятельствомъ въ большей степени, нежели капканъ, а капканъ въ большей степени, нежели бѣда: такова логика этого грамматическаго разбора. Между тѣмъ грамматическая сторона вопроса для всякаго непредубѣжденнаго человѣка совершенно ясна: глаголь „попалъ“ во всѣхъ трехъ случаяхъ имѣетъ одинаковую конструкцію и сочетается съ винительнымъ падежомъ съ предлогомъ „въ“. Это и есть то, что мы называемъ обыкновенно дополненіемъ. Почему же для перваго случая и, можетъ быть, для второго мы принимаемъ то же самое сочетаніе винительнаго падежа съ предлогомъ „въ“ за обстоятельство мѣста? Причина этому заключается вовсе не въ грамматической формѣ, а въ томъ, что „канаву“

обозначает такое значительное углубление поверхности земли, въ которомъ можетъ помѣститься человѣкъ, между тѣмъ какъ „капканъ“ не представляетъ изъ себя такого же вмѣстилища, а „бѣда“ обозначаетъ такое представленіе, которое вовсе не можетъ быть ассоціировано съ понятіемъ мѣста. Съ этой точки зрѣнія понятно, почему дѣленіе обстоятельствъ на пять видовъ оказывается недостаточнымъ: вѣдь мы при этомъ стараемся уловить не грамматическую форму выраженія нашей мысли, а по возможности исчерпать всѣ обстоятельства нашего уклада жизни въ оригинальномъ преломленіи черезъ грамматическую призму. Единственнымъ оправданіемъ такому образу дѣйствій можетъ служить только то, что слово „обстоятельство“ обозначаетъ грамматическую категорію и въ тоже время имѣетъ обыкновенное обиходное значеніе. Система вопросовъ и здѣсь только укрѣпляетъ эту путаницу. Возьмемъ другой любопытный примѣръ сопоставленія слѣдующихъ выраженій: „я шолъ лѣсомъ“, „я шолъ ночью“ и „я шолъ тихимъ шагомъ“. Школьная грамматика видитъ въ первомъ случаѣ обстоятельство мѣста, во второмъ — времени и въ третьемъ -- образа дѣйствія. Здѣсь, повидимому, никакихъ сомнѣній быть не можетъ. Но обратимъ вниманіе на то, что во всѣхъ трехъ случаяхъ мы находимъ одну и ту же форму творительнаго падежа. Нашъ разборъ дѣлаетъ очень тонкія различія въ значеніи этихъ выраженій, но къ чему сводятся эти различія? Къ отличенію представлений „лѣса“, „ночи“ и „тихаго шага“, а грамматической формы творительнаго падежа мы не замѣчаемъ. Понятно, что такой грамматическій разборъ не выясняетъ вовсе грамматической стороны дѣла. Для того, чтобы уловить грамматическую форму съ ея значеніемъ мы должны поступить какъ разъ наоборотъ: не обращать вниманіе на значеніе самаго слова, а выдѣлить по возможности чистое значеніе грамматической формы, въ данномъ случаѣ творительнаго падежа. И здѣсь, не смотря на различіе значеній самыхъ словъ, мы наблюдаемъ одно и то же значеніе творительнаго падежа: онъ всюду обозначаетъ нѣчто, сопровождающее дѣйствіе глагола на всемъ его протяженіи.

Этотъ разборъ приводитъ насъ къ тому заключенію, что во всѣхъ приведенныхъ выше случаяхъ мы должны видѣть дополненіе, а не обстоятельство, по установленному

уже нами правилу, что косвенные падежи существительныхъ именъ съ предлогами или безъ предлоговъ играютъ въ предложении роль дополненій. Но что же тогда останется на долю обстоятельствъ? Чтобы рѣшить этотъ вопросъ необходимо въ самихъ обстоятельствахъ поискать признаковъ, отличающихъ ихъ отъ другихъ частей предложенья и признаки эти должны быть формальными. Такимъ отличительнымъ признакомъ обстоятельства является грамматическая категория нарѣчія: обстоятельство, слѣдовательно, должно всегда имѣть форму нарѣчія.

Исторія нарѣчія въ индоевропейскихъ языкахъ прекрасно подтверждаетъ правильность нашего вывода. Форма нарѣчій во всѣхъ индоевропейскихъ языкахъ указываетъ съ несомнѣнностью на то, что было раньше время, когда нарѣчій не существовало: всѣ нарѣчія возникли изъ дополненій или опредѣленій, и путь этого возникновенія всюду въ общихъ чертахъ одинаковъ. Опредѣленіе или дополненіе, какую бы оно ни имѣло форму, приобретаетъ первоначально нѣкоторый особый оттѣнокъ значенія, который мы можемъ назвать обстоятельственнымъ. Этотъ особый оттѣнокъ значенія выдѣляетъ данную форму изъ того ряда формъ склоненія или спряженія, съ которымъ она была ассоціирована. Изолированное существованіе этой формы дѣлаетъ её неизмѣняемой, какъ бы окаменѣлой. По большей части нарѣчія сохраняютъ слѣды своего происхожденія. Такъ напр., русскія нарѣчія на -о представляютъ изъ себя винительный падежъ единств. числа средняго рода краткой формы прилагательнаго: хорошо, мало, долго, криво... Слѣдовательно, по первоначальному значенію выраженіе „писать хорошо“ значитъ „писать нѣчто хорошее“. Ту же форму имѣетъ нарѣчіе нерѣдко въ греческомъ и латинскомъ языкахъ, что указываетъ на тотъ же путь возникновенія: греч. сравнит. степень нарѣчія всегда имѣетъ форму вин. пад. ср. р. ед. ч. *δῆττον* „скорѣ“, *σαφέστερον* „яснѣ“ и т. д. Замѣтимъ, что и русскія „скорѣ, яснѣ“ представляютъ ту же форму. Въ латинскомъ *paum* „мало“, *ceterum* „впрочемъ“ и т. д. Въ нарѣчія могутъ превратиться рѣшительно всѣ падежи, кромѣ звательнаго. Русскія нарѣчія бѣгомъ, кругомъ возникли изъ творительнаго падежа: особое удареніе указываетъ на то, что это нарѣчія, а не живые творительные

падежи, которые имѣютъ другое удареніе: бѣгомъ, кругомъ. Нарѣчіе кромѣ есть застывшій мѣстный падежъ, вчера — родительный; нарѣчія вонъ и внѣ представляютъ первое винительный, а второе — мѣстный падежъ уже вышедшаго изъ употребленія слова (древне-слав. *вѣмъ* и *вѣмъ*). Русское нарѣчіе „какъ“ могло возникнуть изъ винительнаго или именительнаго падежа ед. ч. муж. рода. Напр. въ Лаврентьевской лѣтописи ¹⁾ мы читаемъ: „Богу же какъ отвѣтъ дастъ“, гдѣ „какъ“ можно еще понимать въ значеніи „какой“, но можно принять и за нарѣчіе. Изъ именительнаго падежа оно могло возникать въ сочетаніяхъ типа „какъ хорошъ“, представляющихъ краткую форму къ сочетанію „какой хорошій“. Множество нарѣчій возникаетъ изъ сочетаній различныхъ падежей съ предлогами: сразу, сначала, зачѣмъ, почему, попусту, вмѣстѣ, вмѣсто, пока, и т. д. Если изолированіе такого сочетанія еще не закончилось, то-есть нарѣчіе еще находится въ процессѣ образованія, то мы не можемъ рѣшить, имѣемъ ли мы дѣло съ однимъ словомъ или съ двумя: отсюда трудные вопросы нашего правописанія, нужно ли писать слитно или раздѣльно такія сочетанія, какъ съ размаху, въ волю, въ пору, въ разрѣзъ и т. под. Гротъ рѣшаетъ этотъ вопросъ такимъ правиломъ: „Слитно писать два слова слѣдуетъ тогда, когда соединеніе ихъ утверждено давностью или общепринятымъ обычаемъ“. Гротъ не замѣчаетъ только, что, устанавливая такое правило, онъ какъ будто воспрещаетъ впредь создаваться „общепринятымъ обычаемъ“. Когда эти выраженія окончательно примутъ значеніе нарѣчій, тогда не будетъ уже сомнѣнія и въ „давности“ и въ „общепринятомъ обычаѣ“.

Особенный видъ нарѣчій представляютъ изъ себя русскія дѣепричастія. Формы шутя, играя, смѣясь, сказавъ... представляютъ изъ себя окаменѣвшіе именительные падежи ед. ч. муж. рода, а формы на -вши, какъ сказавши, взглянувши и т. д. и на -учи, -ючи, какъ будучи, играючи..., народныя сидючи, глядячи... представляютъ формы женскаго рода им. пад. ед. ч. Школьная грамматика по большей части признаетъ такія дѣепричастія, особенно если при нихъ есть дополненія, за сокра-

1) Изданіе 3-е Археографич. комиссіи стр. 442, 32.

щенные прилагательные предложения, но для этого нѣтъ достаточнаго основанія: „шутя“ иногда вполне равносильно выраженію „въ шутку“, „смѣясь“ = „со смѣхомъ“ и т. д.

Наконецъ, есть довольно много старыхъ нарѣчій, происхожденія которыхъ изъ склоняемыхъ формъ мы не можемъ съ ясностью доказать, но это, конечно, не можетъ служить доказательствомъ того, что они возникли какъ-нибудь иначе. Есть нѣкоторые факты, которые скорѣе вынуждаютъ насъ допустить, что и они возникли тѣмъ же путемъ. Къ такимъ нарѣчіямъ относятся въ особенности нарѣчія мѣстоименнаго происхожденія: „гдѣ“, „куда“, „туда“, „когда“... Но рядомъ съ „туда“ мы имѣемъ діалектическія формы „тудоу“ „сюдоу“, сохранившія какъ-будто остатки стараго склоненія по образцу: рука — рукою.

Къ такимъ древнимъ нарѣчіямъ относятся и предлоги. На то, что и предлоги произошли тѣмъ же путемъ, какъ и нарѣчія, указываютъ остатки склоненія, которые въ нихъ наблюдаются. Такъ напр. греческіе предлоги *πρό*, *παρός*, *πάρα*, *περί* представляютъ различные падежи одного и того же слова: мы даже можемъ въ нѣкоторыхъ формахъ различить форму падежа: *περί* представляетъ форму мѣстнаго падежа, *πάρα* — творительнаго, въ *παρός* — родительнаго и аблатива, а латинскій предлогъ *pro* есть дательный падежъ того же корня. Предлоги и въ настоящее время возникаютъ изъ нарѣчій, какъ напр. позади, около; лат. *causa* „ради“. Употребленіе предлоговъ также указываетъ на ихъ нарѣчное происхожденіе. Замѣчательно, что въ санскритскомъ языкѣ почти нѣтъ вовсе предлоговъ, соединяющихся съ падежами. Тамъ предлоги употребляются по большей части, какъ предложныя приставки глаголовъ; и то въ древнемъ языкѣ эти приставки не сливались съ глаголомъ въ одно слово, а стояли отдѣльно отъ глагола и нерѣдко отдѣлялись отъ него нѣсколькими словами. Это были въ сущности еще нарѣчія. Такое отдѣленіе предлоговъ отъ глаголовъ мы встрѣчаемъ и въ греческомъ, особенно у Гомера. И въ немецкомъ языкѣ, какъ извѣстно, нѣкоторые предлоги отдѣляются отъ глагола: *ich fange an* „я начинаю“, *ich gebe zu* „я прибавляю“. Въ дальнѣйшемъ развитіи предлоговъ наблюдается два направленія: они примыкаютъ либо къ глаголу, либо къ падежу дополненія, стоящаго при глаголѣ.

Понятно, что при такихъ условіяхъ нерѣдко предлогъ, соединяясь съ глаголомъ, развиваетъ одни оттѣнки значенія, а соединяясь съ падежомъ существительнаго — другіе. Въ этой своей длинной исторіи, первоначальное значеніе предлоговъ зачастую настолько стирается, что намъ съ трудомъ удастся опредѣлить его. Предлоги превращаются въ „пустыя слова“ въ китайскомъ смыслѣ этого слова: таковы напр. французское *de* и нѣмецкое *von* въ значеніи родительнаго падежа. Съ точки зрѣнія измѣненія значеній исторія предлоговъ представляетъ одну изъ любопытнѣйшихъ страницъ сравнительной грамматики индоевропейскихъ языковъ. Въ настоящее время мы не считаемъ предлоги самостоятельными словами, если они примыкаютъ къ глаголу, такъ что, говоря о нихъ, мы обыкновенно имѣемъ въ виду сочетанія ихъ съ различными падежами. Однако по смыслу мы все же не считаемъ ихъ самостоятельными словами, хотя и пишемъ раздѣльно: предлоги мы не относимъ къ частямъ предложенія, хотя и считаемъ ихъ частями рѣчи. По своей роли въ предложеніи предлоги выражаютъ тѣ же оттѣнки значенія, которые обозначаются простыми косвенными падежами, а потому падежи съ предлогами, какъ мы уже видѣли, слѣдуетъ считать дополненіями наравнѣ съ падежами безъ предлоговъ.

Нигдѣ логическая точка зрѣнія не оказалась болѣе вредною, какъ въ области синтаксиса сложнаго предложенія. Здѣсь царитъ классификація предложений по ихъ значенію вмѣстѣ съ полнымъ извращеніемъ исторической перспективы. Мы начнемъ свой разборъ съ такъ называемыхъ слитныхъ предложений.

Слитными предложеніями въ школьной грамматикѣ обыкновенно называются такія предложенія, которыя при нѣсколькихъ подлежащихъ имѣютъ одно общее сказуемое или при одномъ подлежащемъ нѣсколько сказуемыхъ. Самое названіе „слитное предложеніе“ объясняется тѣмъ, будто такія предложенія возникаютъ путемъ сліянія нѣсколькихъ предложений въ одно. Такъ напр. предложеніе „лебеди, гуси и утки плавали по пруду“ слилось по этой теоріи изъ трехъ предложений „лебеди плавали по пруду“, „гуси пл. п. пр.“ и „утки пл. п. пр.“; точно также предложеніе „утки плавали и ныряли“ объясняется, какъ слитное изъ двухъ предложений:

„утки плавали“ и „утки ныряли“. Не говоря уже о томъ, что это предполагаемое сліяніе предложеній ничѣмъ не можетъ быть доказано, оно очень мало вѣроятно, а главное вовсе не объясняетъ ничего въ строѣ этихъ предложеній и скорѣе напоминаетъ невинное логическое упражненіе, нежели грамматическій разборъ. По крайней мѣрѣ мы съ одинаковымъ успѣхомъ можемъ доказать, что предложеніе „я съѣлъ два бутерброда съ икрой и три пирожка съ капустой“ тоже состоитъ изъ двухъ предложеній: „я съѣлъ два бутерброда съ икрой“ и „я съѣлъ три пирожка съ капустой“. Можно даже увлечься этимъ занятіемъ и, сообразивъ, что сразу два бутерброда нельзя было ѣсть, раздѣлить и ихъ на два предложенія по одному на каждое и то же продѣлать съ тремя пирожками съ капустою. Тогда мы получимъ слитное предложеніе изъ пяти простыхъ. Однимъ словомъ такое же разложеніе мы можемъ продѣлать съ любымъ предложеніемъ, заключающимъ въ себѣ двѣ или нѣсколько одинаковыхъ частей предложенія; напр. предложеніе „я ѣду въ Петербургъ, Москву и Одессу“ можно разложить на три по тремъ дополненіямъ при глаголъ „ѣду“. Тѣмъ не менѣе такихъ предложеній никто не называетъ слитными. И если мы зададимъ себѣ вопросъ, почему только для нѣсколькихъ подлежащихъ и нѣсколькихъ сказуемыхъ дѣлается особое исключеніе, а нѣсколько опредѣленій, дополненій и обстоятельствъ признаются въ предложеніи явленіями обычными, то мы не найдемъ на этотъ вопросъ удовлетворительнаго отвѣта. Совершенно ясно, что категорія слитныхъ предложеній не имѣетъ никакихъ ни историческихъ, ни грамматическихъ основаній. Она совершенно ненужна.

Различеніе предложеній главныхъ и придаточныхъ имѣетъ гораздо болѣе основаній, и самыя названія даны имъ болѣе удачно. Ошибочно только было бы думать, что главное предложеніе должно содержать главную мысль, а придаточное — ея развитіе: хотя у создателей этихъ названій, вѣроятно, и была такая мысль при выборѣ названій, тѣмъ не менѣе главное предложеніе отличается отъ придаточнаго лишь болѣе самостоятельною формой, между тѣмъ какъ придаточное почти всегда имѣетъ такія формальныя слова, которыя указываютъ на его связь съ главнымъ предложеніемъ. Этими формальными словами бываютъ мѣстоименія, главнымъ

образомъ относительныя, и союзы, по большей части тоже восходящіе къ относительнымъ мѣстоименіямъ.

Школьная грамматика классифицируетъ придаточныя предложенія по ихъ значенію, основываясь на томъ, что каждый членъ предложенія можетъ быть выраженъ цѣлымъ придаточнымъ предложеніемъ. Въ то время, когда я учился, придаточныя предложенія по этому признаку раздѣлялись на опредѣлительныя, дополнительные и обстоятельственныя; но съ тѣхъ поръ эта точка зрѣнія сдѣлала большіе успѣхи, и въ учебникахъ появились еще придаточныя предложенія — подлежащаго и сказуемаго. Выводъ вполнѣ естественный и послѣдовательный, но на мой взглядъ подрывающій въ корнѣ самый принципъ дѣленія придаточныхъ предложеній. Возьмемъ для примѣра Крыловскую фразу: „Что волки жадны, всякій знаетъ“. Такъ какъ главное предложеніе требуетъ, какъ говорятъ, дополненія на вопросъ „что всякій знаетъ?“, то предложеніе „что волки жадны“ признается дополнительнымъ. Но, если мы измѣнимъ главное предложеніе и возьмемъ фразу: „что волки жадны, всѣмъ извѣстно“, то предложеніе „что волки жадны“ превратится въ придаточное — подлежащаго, такъ какъ уже будетъ отвѣчать на вопросъ именительнаго падежа „что всѣмъ извѣстно?“. Совершенно ясно, что такимъ образомъ предложеніе „что волки жадны“ можно просклонять по всѣмъ падежамъ, при чемъ оно будетъ обозначать различныя косвенныя дополненія: „я не согласенъ съ тѣмъ, что волки жадны“ и т. д. Можно превратить это предложеніе и въ придаточное сказуемое: „мысль Крылова — та, что волки жадны“. Такимъ образомъ оказывается, что одно и то же предложеніе можетъ быть чѣмъ угодно, смотря по тому, рядомъ съ чѣмъ оно стоитъ. Это значитъ опредѣлять елку какъ дерево, около котораго лежатъ еловыя шишки; понятно, что въ такомъ случаѣ елкою можно назвать и березу, подъ которой валяются еловыя шишки. Ясно, что такая классификація ничего не говоритъ о самыхъ придаточныхъ предложеніяхъ и не принимаетъ во вниманіе ни одного ихъ признака. И здѣсь, стало быть, мы приходимъ къ необходимости стать на формальную точку зрѣнія.

Если мы зададимъ себѣ вопросъ, чѣмъ именно съ формальной стороны отличается придаточное предложеніе отъ

главнаго, то увидимъ, что единственнымъ отличіемъ его является союзъ или мѣстоименіе относительное. Въ нашемъ примѣрѣ предложеніе „волки жадны“ превращается въ придаточное вслѣдствіе прибавки союза „что“. Очевидно при изученіи придаточныхъ предложеній все наше вниманіе должно сосредоточиться на развитіи тѣхъ элементовъ, которые соединяють придаточное предложеніе съ главнымъ. Исторія развитія придаточныхъ предложеній подтверждаетъ вполнѣ правильность этой формальной точки зрѣнія.

Дѣйствительно, придаточныя предложенія являются въ индоевропейскихъ языкахъ сравнительно поздно и расцвѣта своего достигаютъ уже въ періодъ письменности, когда, опираясь на письмо, развивается сложная періодическая рѣчь. Древнѣйшія стадіи индоевропейскихъ языковъ очень бѣдны придаточными предложеніями. Относительное мѣстоименіе далеко не во всѣхъ языкахъ имѣетъ одинаковую форму, а это указываетъ на то, что отдѣльные индоевропейскіе языки самостоятельно развивали категорію относительнаго мѣстоименія, которое представляетъ самый существенный элементъ придаточнаго предложенія. Индоевропейскій корень *уе- *уо- образуетъ относительное мѣстоименіе только въ санскритѣ и въ греческомъ языкахъ: скр. *yaḥ* (м. р.), *yā* (ж. р.), *yat* (ср. р.) и греч. *ὅς* (м. р.), *ἥ* (ж. р.), *ὃ* (ср. р.). Въ латинскомъ и древне-славянскомъ тотъ же корень имѣетъ указательное значеніе: лат. *is*, *ea*, *id*, др.-слав. *и*, *ѡ*, *ѡ*. Интересно, что въ др.-славянскомъ языкѣ относительное мѣстоименіе образуется отъ того же корня съ прибавленіемъ частицы *же*: *иже*, *ѡже*, *ѡже* „который“. Въ латинскомъ и русскомъ относительное мѣстоименіе образуется отъ корня вопросительнаго: лат. *qui*, *quae*, *quod*, русск. *который*, *которая*, *которое*.

Уже этотъ краткій обзоръ намѣчаетъ тѣ пути, которыми слагались мѣстоименія относительныя въ отдѣльныхъ языкахъ. Индоевропейскій корень *уо-, *уе- имѣлъ, очевидно, указательное значеніе и превратился въ относительное мѣстоименіе только вслѣдствіе того, что указывалъ на ближайшій упомянутый въ рѣчи предметъ; такъ греческое *ἄνδρα βαλὼν, ὃς ἄριστος ἐνὶ Θρᾷκησσι τέτυκτο* (Z 7) „поразивъ мужа, который былъ самый храбрый среди Θракійцевъ“ собственно обозначало „а онъ былъ с. хр. ср. Θр.“. На тотъ

же путь возникновенія относительнаго мѣстоименія указываетъ также и др.-славянское *и-же*, обозначающее собственно „а онъ“; напр. *вѣлѣхъше въ единѣхъ отъ корабницю, ѿже бѣ симоновъ*, („а онъ былъ Симоновъ“) *моли ѿтѣстѣпнѣти мало*. (Зогр. Лук. V, 3).

Русское „который“ и латинское *qui, quae, quod* указываютъ на возникновеніе относительнаго мѣстоименія изъ вопросительнаго. Очевидно, развитіе шло черезъ такъ называемый косвенный вопросъ: вопросительное предложеніе примыкало непосредственно къ другому, превращалось сначала въ косвенный вопросъ, а потомъ утрачивало вопросительное значеніе и превращалось въ относительное. „Который человекъ сказалъ? Укажи его“ — „Укажи человека, который сказалъ?“ — „Укажи человека, который сказалъ“.

Нарѣчія, образовавшіяся изъ застывшихъ косвенныхъ падежей относительнаго мѣстоименія и изъ другихъ образований превратились въ союзы. Такъ русскія „что, гдѣ, куда, когда, какъ...“ всѣ восходятъ къ тому же корню вопросительнаго мѣстоименія, изъ котораго возникло и относительное. Въ греческомъ союзы *ὅτι* „что“, *ὅτε* „когда“, *ὡς* „какъ“ и т. д. тоже сохраняютъ ясную связь съ относительнымъ мѣстоименіемъ *ὅς* „который“. Также самое можно сказать о латинскихъ союзахъ *quod* „что“, *cum* „когда“, *quo* „чтобы“ и т. д.

Приведенныя соображенія показываютъ, что при изученіи строя придаточныхъ предложеній прежде всего необходимо обращать вниманіе на развитіе относительнаго мѣстоименія и союзовъ. И въ главномъ предложеніи, къ которому примыкаетъ придаточное, нерѣдко развиваются указательныя мѣстоименія и частицы, которыя иногда даютъ матеріалъ для образованія союза. Такъ русское „потому что“ состоитъ изъ указательнаго „потому“, принадлежащаго къ главному предложенію, и союза „что“, относящагося къ придаточному предложенію; но эти части настолько тѣсно примыкаютъ одна къ другой, что мы обычно ставимъ запятую передъ „потому что“, т. е. все это сочетаніе относимъ къ придаточному предложенію.

Въ связи съ исторіей развитія придаточныхъ предложеній стоитъ и ученіе школьной грамматики о такъ называемыхъ сокращенныхъ придаточныхъ предложеніяхъ. Здѣсь обыкновенно указывается на сокращеніе опредѣлительныхъ придаточныхъ предложеній въ причастія и обстоятельствен-

ныхъ предложеній въ дѣепричастія. Такъ какъ для дополнительныхъ предложеній особой формы сокращенія не оказывалось, а стройность теории требовала, чтобы и здѣсь были сокращенныя придаточныя предложенія, то пришлось признать, что дополнительные предложенія могутъ сокращаться въ простыя дополненія. Но въ этомъ именно случаѣ и обнаружилась слабость теории сокращенныхъ придаточныхъ предложеній. Дѣйствительно, если дополнительное предложеніе, сокращаясь, принимаетъ форму простого дополненія, то значитъ всякое дополненіе мы можемъ разсматривать, какъ сокращенное придаточное предложеніе. Въ этомъ и сказывается слабость теории, такъ какъ здѣсь мы уже не имѣемъ никакихъ признаковъ сокращеннаго предложенія. Но и въ первыхъ двухъ случаяхъ, гдѣ признакомъ сокращенія признаются особыя отглагольныя формы причастія и дѣепричастія, и здѣсь теорія идетъ въ разрѣзъ съ исторіей. Формы причастія, изъ котораго, какъ мы видѣли, развились и дѣепричастія, существовали уже въ индоевропейскомъ первоначальномъ языкѣ: это видно изъ того, что многія причастія во всѣхъ индоевропейскихъ языкахъ имѣютъ одинаковое образованіе. Между тѣмъ, мы видѣли, что относительное мѣстоименіе развивается уже на почвѣ отдѣльныхъ индоевропейскихъ языковъ, слѣдовательно, позднѣе причастій. Очевидно, причастія нельзя называть формами сокращенія предложеній, которыя сами развиваются позднѣе причастій. Исторически дѣло шло скорѣе обратно: то, что первоначально могло быть выражено только при помощи причастій, съ появленіемъ относительныхъ мѣстоименій стало возможнымъ выражать полнымъ придаточнымъ предложеніемъ. Мы могли бы, слѣдовательно, съ большимъ правомъ говорить о распространеніи причастій въ предложенія, чѣмъ о сокращеніи предложеній въ причастія. Но и это едва-ли было бы правительно. Мы имѣемъ въ языкѣ двѣ формы выраженія приблизительно однихъ и тѣхъ же отношеній: одну — болѣе подробную, другую — болѣе короткую; но ни о сокращеніи, ни о распространеніи здѣсь не можетъ быть рѣчи, такъ какъ обѣ формы развиваются самостоятельно и изъ различныхъ источниковъ. Это соображеніе подтверждается особенно тѣмъ обстоятельствомъ, что распространеніе причастій, или дѣепричастій въ цѣлыя предложенія зачастую не можетъ быть

произведено безъ насилія надъ языкомъ. Такъ напр. предложеніе „играя словами, я могу доказать что угодно“ едвали возможно распространить въ „когда (если) я играю словами, я могу доказать что угодно“. Очевидно, дѣепричастіе выражаетъ нѣчто такое, что не можетъ быть передано никакимъ полнымъ придаточнымъ предложеніемъ. Едвали также можно распространить причастіе „срубленное“ въ предложеніи „срубленное дерево лежало поперекъ дороги“, такъ какъ „срубленное дерево“ не всегда можно замѣнить словами „которое было срублено“. Примѣровъ съ причастіемъ дѣйствительнаго залога я не привожу, потому что эти наши причастія заимствованы въ книжный языкъ изъ церковно-славянскаго языка и съ этой точки зрѣнія представляютъ нѣчто искусственное: понятно, поэтому, что предложенія съ относительнымъ мѣстоименіемъ въ этомъ случаѣ производятъ болѣе естественное впечатлѣніе, нежели причастія. Эти замѣчанія приводятъ насъ къ тому выводу, что говорить о сокращенныхъ или распространенныхъ предложеніяхъ можно только въ очень условномъ и неопредѣленномъ смыслѣ. Оставаясь на формальной почвѣ, мы можемъ только принимать причастія за прилагательныя, формы которыхъ они и имѣютъ; слѣдовательно, причастія должны въ предложеніи играть роль опредѣленій. Точно также и дѣепричастія слѣдуетъ считать простыми обстоятельствами, такъ какъ по формѣ они представляютъ изъ себя нарѣчія глагольнаго происхожденія.

Послѣ этихъ бѣглыхъ замѣчаній о строѣ индоевропейскаго предложенія, я постараюсь въ видѣ таблицы изобразить результаты предыдущаго изложенія. Эта таблица должна въ общей схемѣ изобразить составъ русскаго предложенія, на которомъ я главнымъ образомъ останавливался для иллюстраціи своихъ положеній. Она должна показать какія части мы различаемъ въ предложеніи и какими формами эти части предложенія выражаются, иными словами, въ какомъ отношеніи стоятъ части рѣчи къ частямъ предложенія. Школьная грамматика обыкновенно не выясняетъ разницы между частями рѣчи и частями предложенія и въ сущности ея не проводитъ и на практикѣ. Особенно рѣзкимъ примѣромъ такой непослѣдовательности можетъ служить союзъ. Союзъ не признается частью предложенія, а причисляется къ частямъ рѣчи. Между тѣмъ, какъ мы видѣли, союзъ является

существеннымъ признакомъ придаточнаго предложенія и вообще только въ строѣ предложенія онъ и имѣетъ смыслъ. Ясно, поэтому, что союзъ мы должны перечислить изъ частей рѣчи въ части предложенія. Но не слѣдуетъ ли его все же оставить и среди частей рѣчи? Если держаться того принципа, что каждой части предложенія должна соотвѣтствовать и какая нибудь часть рѣчи, то, конечно, союзъ слѣдуетъ оставить и въ разрядъ частей рѣчи. Однако этотъ вопросъ не имѣетъ практическаго значенія, такъ какъ союзъ неизмѣняемое слово и въ роли члена предложенія онъ можетъ явиться лишь въ той же самой формѣ, въ какой онъ является и частью рѣчи. Для полноты схемы слѣдовало-бы придумать для союза, какъ части рѣчи, особое названіе.

Подлежа- щее.	Скажуе- мое.	Опредѣ- леніе.	Дополне- ніе.	Обстоя- тельство.	Союзъ.
Именит. п. существи- тельнаго имени.	Глаголь въ личной формѣ. Именит. п. имени со связкою.	Прилага- тельное имя и при- частіе.	Косвенные падежи су- ществ. им. безъ пред- логовъ или съ пред- логами.	Нарѣчіе и дѣпри- частіе.	Союзъ.

На первый взглядъ можетъ показаться, что эта таблица не даетъ полнаго обзора всѣхъ частей рѣчи: не упомянуты въ ней числительныя и мѣстоименія. Но эти части рѣчи отличаются особеннымъ характеромъ. Прежде всего и числительныя и мѣстоименія могутъ имѣть и всегда имѣютъ либо форму прилагательнаго, либо форму существительнаго, и въ послѣднемъ счетѣ именно эта форма и опредѣляетъ роль числительнаго или мѣстоименія въ предложении. Числительныя и мѣстоименія выдѣляются въ особыя категоріи только въ виду ихъ особеннаго значенія. Выдѣленіе числительныхъ въ особую категорію оправдывается только тѣмъ, что они нерѣдко сохраняютъ старыя падежныя формы и развиваютъ особые обороты, отличающіеся необычнымъ согласованіемъ. Что числительное есть часть рѣчи не въ томъ же смыслѣ, какъ прилагательное и существительное, видно

уже изъ того, что въ сферѣ числительныхъ мы находимъ и существительныя, и прилагательныя, и даже особаго образованія нарѣчія, какъ дважды, трижды и т. п. То же можно сказать и о мѣстоименіяхъ: особенность ихъ значенія заключается въ томъ, что они имѣютъ указательное значеніе, но и здѣсь дѣло не можетъ обойтись безъ тѣхъ же общихъ категорій существительнаго, прилагательнаго и нарѣчія: „я“ существительное, „мой“ — прилагательное, „такъ“ — нарѣчіе и т. д. И здѣсь выдѣленіе мѣстоименій въ особую категорію оправдывается множествомъ старыхъ формъ склоненія, сохранныхъ только мѣстоименіями; эти особыя формы даютъ намъ право говорить объ особомъ мѣстоименномъ склоненіи.

Нашъ краткій очеркъ строя индоевропейскаго предложенія имѣлъ въ виду показать, насколько теоретическія положенія языкознанія должны тѣсно связываться съ историческими явленіями жизни языка. Мы видѣли, что различныя опредѣленія предложенія страдали оторванностью отъ развитія формъ выраженія нашихъ мыслей въ языкѣ. Разсмотрѣніе строя индоевропейскаго предложенія показало намъ, что въ предложеніи непрерывно совершаются различныя измѣненія формъ и создаются новыя грамматическія категоріи. Созданіе этихъ грамматическихъ формъ выраженія нашихъ мыслей существенно измѣняетъ и фізіономію предложенія въ различные періоды жизни языка. Научное изученіе языка и должно сводиться къ установленію преемственности въ развитіи грамматическихъ формъ нашей рѣчи. Нашъ очеркъ имѣлъ въ виду установить въ самыхъ общихъ чертахъ схему научной грамматической системы. Болѣе подробное изученіе развитія грамматическихъ формъ нашей рѣчи составляетъ задачу сравнительной грамматики индоевропейскихъ языковъ.

звавъ этого депутата по имени, можетъ предложить палатѣ лишить его права „нести службу“ въ парламентѣ¹⁾.

Что же касается исключенія депутата изъ состава палаты, то оно обыкновенно примѣняется лишь тогда, когда депутатъ уже осужденъ былъ какою-либо судебной инстанціей за дѣяніе, несовмѣстимое со званіемъ члена парламента²⁾. Исходитъ оно не отъ спикера, а отъ самой палаты, которая постановляетъ свое рѣшеніе по ознакомленіи съ производствомъ суда или съ заключеніемъ особой, *ad hoc* избранной комисіи.

Наконецъ, право каждой изъ палатъ подвергать своихъ членовъ аресту возникло, какъ мы видѣли, въ XVI ст.³⁾ и неоднократно признавалось высшими судами королевства какъ относительно лордовъ, такъ и относительно общинъ⁴⁾.

Таковы тѣ взысканія, которыя могутъ быть налагаемы палатами на своихъ членовъ. Нѣкоторыя изъ нихъ носятъ, несомнѣнно, дисциплинарный характеръ. Сюда относятся: лишеніе слова, призывъ къ порядку и исключеніе на одно засѣданіе. Что же касается другихъ взысканій, а въ особенности лишенія свободы, то относительно ихъ юридической природы въ литературѣ существуетъ споръ. По мнѣнію однихъ авторовъ, какъ напр. Fuld'a⁵⁾ и Seidler'a⁶⁾

1) До 1902 г. максимальный срокъ этого наказанія былъ опредѣленъ въ одинъ мѣсяцъ. П. 2 § 18 Stand. Ord. гласилъ, что „if any member be suspended under this order. his suspension on the first occasion shall continue for one week, on the second occasion, for a fortnight, and on the third, or any subsequent occasion, for a month“. Резолюціей отъ 13 февраля 1902 г. былъ вычеркнутъ конецъ параграфа, начиная со слова „shall“, такъ что въ настоящее время исключеніе депутата длится до тѣхъ поръ, пока не воспослѣдуетъ новое рѣшеніе палаты, см. Redlich, *op. cit.*, 621—623.

2) См. у Мау, *op. cit.*, I, 58, примѣрное перечисленіе этихъ дѣяній.

3) См. выше, стр. 58.

4) Мау, *op. cit.*, I, 66—70. При примѣненіи этого наказанія между положеніемъ общинъ и лордовъ имѣется существенное различіе. Нижняя палата вправѣ задержать виновное лицо лишь до окончанія сессіи, верхняя же можетъ назначить любой срокъ. Поэтому при пророгаціи всѣ заключенные по распоряженію общинъ *eo ipso* освобождаются. Въ случаѣ задержанія сверхъ этого срока они могутъ потребовать *habeas corpus*.

5) *Loc. cit.*, 515.

6) *Op. cit.*, 34.

мы, въ данномъ случаѣ, имѣемъ дѣло съ обще-уголовной репрессіей; для другихъ, какъ Hubrich¹⁾ и Weigel²⁾, всѣ взысканія, налагаемыя парламентомъ, суть исключительно проявленія его дисциплинарной власти. Доводы, приводимые писателями второй категоріи сводятся къ тому, что парламентъ распространяетъ свой контроль не только на словесные эксцессы своихъ членовъ, но и вообще на поведеніе ихъ въ стѣнахъ парламента и внѣ его, привлекая къ отвѣтственности ихъ за всякаго рода предосудительные поступки, недостойные званія народнаго представителя. Поэтому карательная власть палатъ распространяется и на такія дѣянія, которыя вовсе не предусмотрены уголовными законами; съ другой стороны, палаты часто налагаютъ взысканія за такіе поступки, которые уже безъ того повлекли за собой для виновниковъ судебное преслѣдованіе.

Чтобы разобраться въ этомъ вопросѣ, намъ необходимо нѣсколько остановиться на характерѣ судебной власти, принадлежащей палатамъ. На самомъ дѣлѣ, если приведенныя соображенія вѣрны, то отпадаетъ конструкція безотвѣтственности, какъ исключительной подсудности парламенту словесныхъ правонарушеній, совершенныхъ въ его стѣнахъ. Слѣдуетъ признать тогда, что эти дѣянія ненаказуемы и что именно въ этомъ заключается существо привилегіи³⁾.

„Лорды, въ своей палатѣ, читаемъ мы въ „Институціяхъ“ Кока, пользуются судебною властью, общины въ своей палатѣ пользуются судебною властью. Обѣ палаты, соединенныя вмѣстѣ, пользуются судебною властью“⁴⁾. „У парламента есть три вида власти, говоритъ сэръ В. Atkins: власть законодательная, благодаря чему онъ называется

1) Op. cit., 28.

2) Op. cit., 7.

3) Нельзя не отмѣтить, что Weigel, стоящій на точкѣ зрѣнія исключительно-дисциплинарнаго характера парламентской власти, на стр. 5 отстаиваетъ, не замѣчая, что онъ впадаетъ въ противорѣчіе, конструкцію иммунитета, какъ исключительной подсудности: „Diese Gewährleistung der Freiheit der Rede in beiden Häusern schliesst aber keineswegs in sich, dass die Parlamentsmitglieder frei von Verfolgungen aller in Ausübung des parlamentarischen Berufes erfolgenden Wortexzesse sein sollen; sie bedeutet vielmehr, dass beide Häuser ausschliesslich zuständig sind, die Gerichtsbarkeit in den eigenen Angelegenheiten auszuüben“.

4) IV, Inst. с. 1,23 (цит. у Э н с о н а, назв. соч., 323).

тремъ сословіямъ государства, власть судебная, вслѣдствіе чего его называютъ *magna curia* или *High Court of Parliament*, и власть совѣщательная, давшая ему названіе *commune concilium regni*¹⁾.

Судебная власть, въ свою очередь, характеризуется Э н с о н о мъ слѣдующимъ образомъ. „Каждая изъ палатъ пользуется юрисдикціею по отношенію къ своимъ членамъ, а равно и къ лицамъ, не входящимъ въ ея составъ, въ случаѣ явнаго нарушенія ея приказаній. Обѣ палаты пользуются извѣстной судебной властью въ вопросахъ, затрагивающихъ ихъ внутреннее устройство или право на занятіе депутатскаго мѣста въ парламентѣ. Палата лордовъ можетъ судить своихъ собственныхъ членовъ за совершенныя ими преступленія или государственную измѣну; кромѣ того, она является высшимъ апелляціоннымъ судомъ Соединеннаго Королевства. Наконецъ, при совмѣстной дѣятельности палатъ, лорды могутъ разсматривать уголовныя преступленія и выносить вердикты по возбужденнымъ общинами обвиненіямъ и вотивовать вмѣстѣ съ ними *bill of attainder*, представляемый на утвержденіе короля“²⁾.

Такимъ образомъ, судебная власть парламента проявляется въ троякомъ направленіи.

1) Обѣ палаты дѣйствуютъ совмѣстно; сюда относятся случаи *impeachment* и *bill of attainder*.

2) Палата лордовъ функционируетъ въ качествѣ высшей инстанціи.

3) Каждая изъ палатъ дѣйствуетъ въ качествѣ суда первой инстанціи. При этомъ юрисдикція лордовъ и общинъ, по принадлежности, распространяется на всѣхъ вообще лицъ, виновныхъ въ *breach of privilege*. Верхняя палата, кромѣ того, пользуется исключительной юрисдикціей относительно своихъ членовъ по наиболѣе важнымъ уголовнымъ преступленіямъ (*judicium parium, trial by peers*)³⁾.

1) См. Вroom. *Constitutional law*, 2 ed., Lond. 1885, p. 841.

2) Назв. соч., 324.

3) Сюда относятся *treason, felony* и соучастіе (*indivision*) въ нихъ; *misdemeanours* же разсматриваются общими судебными инстанціями, Мау, *op. cit.*, II, 312; Натсчек, *op. cit.*, I, 535. О судебныхъ правахъ верхней палаты см. Gerland, *Die englische Gerichtsverfassung*, Lpz. 1910, S. 577 ff.

Для насъ, въ данной связи, имѣетъ значеніе лишь первая часть п. 3. На роли палатъ, какъ судовъ первой инстанціи, мы теперь вкратцѣ и остановимся.

Понятіе „нарушенія привилегій“ опредѣляется Мау'емъ слѣдующимъ образомъ. „Упорное неповиновеніе приказаніямъ, входящимъ въ его компетенцію, составляетъ оскорбленіе для всякаго суда; точно также неповиновеніе приказаніямъ и распоряженіямъ парламента, поскольку этимъ послѣднимъ осуществляются его конституціонныя функціи, рассматривается какъ нарушеніе привилегій. Оскорбленія, нанесенныя палатѣ въ ея цѣломъ или одному изъ ея членовъ, равно какъ сопротивленіе суть также contempt и, согласно *lex parlamentaria*, нарушеніе привилегій. Было бы бесполезно пытаться перечислить всѣ дѣйствія, которыя могутъ рассматриваться, какъ нарушеніе привилегій; но нѣкоторыя общія начала могутъ быть выведены изъ протоколовъ парламента и послужить для выясненія отпавныхъ точекъ зрѣнія *lex parlamentaria*.

Нарушенія привилегій раздѣляются на: 1^о неповиновеніе общимъ распоряженіямъ той или другой палаты; 2^о неповиновеніе частному распоряженію; 3^о оскорбленіе, нанесенное парламенту, поскольку дѣло касается его достоинства вообще или его дѣлопроизводства; 4^о нападеніе на членовъ палатъ, оскорбленіе ихъ, замѣчанія относительно ихъ характера или поведенія въ парламентѣ, и препятствованіе агентамъ палатъ исполнять свои служебныя обязанности“¹⁾.

Какъ видно, понятіе breach of privilege отличается довольно большою неопредѣленностью и имѣетъ весьма широкое и разнообразное содержаніе. Какъ видъ contempt of court²⁾, оно обнимаетъ собою всякое неповиновеніе приказа-

1) Op. cit., I, 75.

2) Contempt of court — неуваженіе къ суду — по признанію всѣхъ англійскихъ писателей не поддается точному опредѣленію, см. Encyclopedia of the laws of England (Wood Renton), v. III, p. 312. По опредѣленію Oswald'a, Contempt of court, Committal and Attachment and Arrest upon Civil Process in the Supreme Court of Judicatures, 1892, „c. of. c. may be said to be constituted by any conduct that tends to bring the authority and administration of the law into disrespect or disregard, or to interfere with, or prejudices parties litigants, or then witnesses during the litigation“. Цит. у Gerland, op. cit., 828, n. 2. У того же автора см. подробный разборъ понятія c. of. c., S. 826 ff.

ніямъ палатъ и всякое нанесенное имъ оскорбленіе. Сюда относятся, напр., опубликованіе дебатовъ палатъ (см. ниже), изданіе libel или пасквиля¹⁾ на парламентъ, оскорбленія, наносимыя членамъ палатъ или служащимъ ихъ, подкупъ свидѣтелей, имѣющихъ дать показанія въ палатахъ и т. п.

Возникаетъ теперь вопросъ: каковъ характеръ юрисдикціи парламента по дѣламъ о нарушеніи привилегій?

Наказанія, могущія быть назначенными палатами своимъ собственнымъ членамъ, нами были указаны выше. По отношенію же къ постороннимъ, палаты вправѣ, прежде всего, вызвать виновныхъ къ рѣшеткѣ и сдѣлать имъ черезъ спикера замѣчаніе (admonition), причемъ въ случаѣ принесенія извиненія вызванное лицо можетъ замѣчаніе и избѣгнуть. Далѣе, идетъ выговоръ (reprimand), которому предшествуетъ взятіе обвиняемаго подъ стражу (to the custody)²⁾.

Лишеніе свободы и составляетъ реальную санкцію всего института breach of privilege. Изъ за примѣненіе этой мѣры и возникали всѣ тѣ конфликты съ общими судебными мѣстами, которые имѣли мѣсто въ теченіе послѣднихъ трехъ столѣтій.

Прежде всего спорнымъ было — и до извѣстной степени осталось и понынѣ — самое право парламента прибѣгать къ лишенію свободы. Нужно сказать, что мѣсто, занимаемое парламентомъ и, въ особенности, нижней палатой въ общей системѣ судебныхъ установленій, никогда не было съ точностью опредѣлено. Долгое время общины требовали, чтобы за ними признавалось значеніе court of record³⁾, имѣющаго

1) Подъ libel въ англійскомъ правѣ понимается „a slander in writing, or in print, or by pictorial or other representation“, см. Josias W. Smith, A manual of common law, 10 ed., Lond. 1887, p. 34. По опредѣленію другого автора (Folkard, Slander and libel) „anything which implies or may be generally understood to imply, reproach, scandal or ridicule to any person is a libel“, см. Wertheim, Wörterbuch des englischen Rechts, Berl. 1899, s. v. „Libel“.

2) „Въ прежнія времена, говоритъ Энсонъ, назв. соч., 163, палата общинъ налагала штрафъ за нарушеніе привилегій, но это было прекращено за исключеніемъ уплаты извѣстной суммы (fee), какъ условія, предшествовавшего выпуску изъ заключенія, которая имѣетъ все-таки свойство штрафа“. О прежней практикѣ въ дѣлѣ наложенія штрафовъ см. de Franqueville, op. cit., III, 312, 313; May, op. cit., I, 89, 96, 97.

3) Подъ с. of r. подразумѣваются тѣ суды, производство которыхъ протоколируется „для постоянной памяти и свидѣтельства“ (for a perpe-

право налагать наказание за contempt. Но это домогательство постоянно встрѣчало отпоръ со стороны общихъ судебныхъ установлений¹⁾. Въ новѣйшее время парламентъ, повидимому, отказался отъ своего притязанія функционировать въ качествѣ court of record. Поэтому, теоретическое обоснованіе его карательной власти и, въ частности, права лишать гражданъ свободы представляетъ извѣстныя трудности. Новѣйшія судебныя рѣшенія, признающія это право парламента, выставляютъ различныя основанія. Вниманія въ этомъ отношеніи заслуживаетъ извѣстное дѣло *Burdett v. Abbott*²⁾. Членъ палаты общинъ Francis Burdett, противъ котораго былъ выданъ спикеромъ приказъ объ арестѣ, отказался ему подчиниться и подалъ жалобу въ судъ королевской скамьи. Судъ призналъ жалобу неосновательной, причемъ судья лордъ Ellenborough мотивировалъ свое рѣшеніе тѣмъ, что парламенту по необходимости должна быть предоставляема карательная власть, такъ какъ безъ нея онъ былъ бы безсиленъ и потерялъ бы свое высокое значеніе. Юридическимъ же титуломъ права палатъ лордъ Ellenborough призналъ давность³⁾.

Въ цѣломъ рядъ другихъ случаевъ, однако, возникали болѣе или менѣе острые конфликты между судами и палатами. Наибольшею извѣстностью въ этомъ отношеніи пользуются дѣла *Stockdale v. Hansard* (см. ниже), *Jay v. Topham*, *Aschby v. White*, *Howard v. Grosset* и нѣк. др.⁴⁾.

Такимъ образомъ, точная демаркаціонная линія между компетенціей палатъ и судовъ по вопросамъ, касающимся привилегій, по настоящее время не проведена, и едва ли это удастся сдѣлать иначе, какъ законодательнымъ путемъ. Но

---

tual memory and testimony) и которые могутъ налагать наказаніе за contempt. При этомъ одни изъ нихъ — т. наз. superior courts — имѣютъ неограниченную карательную власть, другіе же — inferior courts. — могутъ наказывать только въ томъ случаѣ, если contempt совершено въ присутствіи суда. Gerland, op. cit., 1, n., 833 ff.

1) May, op. cit., I, 97; Энсонъ, назв. соч., 165. Какъ мы выше видѣли (стр. 70, прим. 1), въ дѣлѣ Эліота судьи затруднились уравнять парламентъ съ общими судами.

2) См. May - Oppenheim, op. cit., I, 374.

3) „These privileges exist, if at all, by prescription, in virtue of a long course of practice or user“, см. Broom, op. cit., 969.

4) См. May, Traité, I, 148—155.

въ томъ, что палата по этимъ вопросамъ обладает истинной карательной властью, не можетъ быть сомнѣнія. Дѣйствию этой власти при этомъ поддаются не только постороннія лица, но и сами члены парламента. Право подвергать тюремному заключенію, какъ затрагивающее существенныя права личности, никогда не разсматривалось — по крайней мѣрѣ въ Англіи — какъ простая дисциплинарная мѣра, и попытки провести различіе между примѣненіемъ этого наказанія къ третьимъ лицамъ и членамъ самого парламента¹⁾ должны быть признаны несостоятельными. Оба вида карательной власти не только возникли одновременно, но всегда основывались на томъ же самомъ же юридическомъ титулѣ, причемъ сами взысканія неизмѣнно разсматривались, какъ уголовныя наказанія²⁾.

§ 23. Переходимъ къ разсмотрѣнію объема привилегіи. Согласно общему правилу, освященному вѣковой практикой, надзоръ за порядкомъ въ зданіи парламента принадлежит самимъ палатамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, имъ подсудны всѣ дѣла, возникающія въ отведенныхъ имъ помѣщеніяхъ, за исклю-

1) Hubrich и Weigel, loc. cit.

2) Проводя параллель между англійскимъ и французскимъ правомъ, Seidler, op. cit., 33, 34, совершенно вѣрно указываетъ на то, что „gegenüber den ausserhalb des Parlamentes stehenden Gewalten hat das Privileg der Volksvertreter hinsichtlich der in Ausübung ihres Berufes gemachten Aeusserungen in beiden Staaten den gleichen Inhalt; allein das englische Recht hat die Unverantwortlichkeit der Parlamentsmitglieder nie im Sinne absoluter Straflosigkeit verstanden, sondern die Unverantwortlichkeit nach aussen durch die strafrechtliche und nicht bloss disciplinäre Verantwortlichkeit nach innen, gegenüber dem Parlamente selbst ersetzt. Das französische Recht ist hierin nicht gefolgt und hat eine absolute Unverantwortlichkeit der Volksvertreter statuiert. Während also das englische Recht das Mass der Redefreiheit dem Parlamente zu bestimmen überlässt, hat das französische Recht auch diese Schranke der individuellen Freiheit der einzelnen Volksvertreter beseitigt, und anerkennt keine andere rechtliche Macht über der parlamentarischen Berufsausübung, als das Gewissen der einzelnen Deputaten“. Не вполне правильна формулировка v. Bar'a, Gesetz und Schuld im Strafrecht, Berl. 1906, I, 239: „...ein Privileg zunächst nicht der einzelnen Mitglieder, sondern des Parlaments (des einzelnen Hauses) als solchen, vermöge denen Beratungen im Parlamente als Unrecht nicht betrachtet werden dürfen; sie existieren, insoweit Unrechtsfolgen daran nach sonstigen Rechtssätzen geknüpft werden könnten, für die Gerichte nicht“. Совершенные депутатами деликты остаются неправдой: они лишь не подвѣдомственны общимъ судамъ.

ченіемъ уголовныхъ преступленій. Такъ изображаетъ компетенцію парламента въ его “внутреннихъ” дѣлахъ такой авторитетъ, какъ Энсонъ¹⁾. Нельзя, однако, сказать, чтобы указанное правило отличалось полной опредѣленностью и проводило совершенно ясную грань между полномочіями парламента и общихъ судебныхъ инстанцій.

Если въ стѣнахъ Вестминстерскаго дворца будетъ совершено убійство, кража, или иное покушеніе на жизнь и имущество, то нѣтъ сомнѣнія что дѣло окажется подсуднымъ общимъ судамъ. Проступки этого рода ни при какихъ условіяхъ не могутъ быть подведены подъ понятіе „its own internal concerns“, вѣдѣніе коихъ предоставлено самимъ палатамъ. Но иначе обстоитъ дѣло при преступленіяхъ, совершаемыхъ словомъ. Оскорбленіе, клевета, мятежныя рѣчи и т. п. принадлежатъ къ числу такихъ поступковъ, которые, будучи совершены депутатомъ при исполненіи имъ своихъ обязанностей, безусловно покрыты безотвѣтственностью — въ Англіи какъ и въ громадномъ большинствѣ континентальныхъ государствъ. Особенностью же англійскаго права является то, что эти дѣянія подсудны палатамъ, по принадлежности, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда они совершены членами парламента и не во время засѣданія, напр. во время перерыва или внѣ зала, гдѣ происходятъ дебаты. Такъ, въ 1877 г. Sullivan, членъ общинъ, былъ оскорбленъ однимъ изъ своихъ коллегъ, Dr. Keeneally въ боковомъ кулуарѣ Вестминстерскаго дворца. Палата принудила Keeneally взять оскорбительныя слова обратно и принести извиненія. Въ другомъ случаѣ, однако, имѣвшемъ мѣсто въ 1881 г., спикеръ отказался высказать свое мнѣніе²⁾. Такимъ образомъ, въ палатѣ общинъ вопросъ не можетъ считаться окончательно разрѣшеннымъ. Что же касается верхней палаты, то согласно § 29 Stand. Ord., основанному на резолюціи 9 авг. 1641 г., если лордъ думаетъ, что онъ получилъ оскорбленіе или обиду отъ какого нибудь другого члена палаты во время засѣданія послѣдней или въ какомъ-нибудь комитетѣ, или въ одномъ изъ помѣщеній, принадлежащихъ палатѣ, то онъ имѣетъ обратиться за полученіемъ удовлетворенія къ

1) Назв, соч. 161. У него же см. дѣло Bradlaugh v. Gosset.

2) May, op. cit., I, 374.

лордамъ парламента; если онъ этого не сдѣлаетъ, станетъ вызывать или поддерживать ссоры или отклонить юрисдикцію палаты, то онъ подлежитъ строгому выговору со стороны послѣдней¹⁾.

Что же касается постороннихъ лицъ, то они, какъ мы въ послѣдствіи увидимъ, допускаются лишь въ особо отведенныя для нихъ помѣщенія. Надзоръ за ихъ поведеніемъ порученъ, согласно § 88 наказа общинъ, приставу, который за неподобающее поведеніе можетъ взять виновника подъ стражу, причемъ арестованное лицо подлежитъ освобожденію лишь по специальному распоряженію палаты. Не можетъ быть, далѣе, никакого сомнѣнія въ томъ, что преступленіе, совершенное постороннимъ въ зданіи палаты, подсудно общимъ судебнымъ установленіямъ. Спорнымъ могъ бы явиться лишь вопросъ о словесныхъ проступкахъ (брань, угрозы, оскорбленія и т. п.); имѣются ли какіе-либо прецеденты, намъ неизвѣстно, но можно предположить, принимая во вниманіе общій характеръ дисциплинарно-карательной власти парламента, что подобныя дѣянія были бы подведены подъ понятіе *misconduct* и, какъ *contempt of court*, подлежали бы юрисдикціи палатъ.

Наконецъ, привилегія покрываетъ собой и всѣ показанія, даваемые передъ палатами или комитетами вызванными по тѣмъ или другимъ дѣламъ свидѣтелями, экспертами, или сторонами. Всѣ эти лица, относительно безответственности, поставлены въ одинаковое съ депутатами положеніе. Это твердо установлено цѣлымъ рядомъ прецедентовъ²⁾ и въ настоящее время не возбуждаетъ никакихъ сомнѣній. Такимъ образомъ, иммунитетъ распространяется на все то, что имѣетъ отношеніе къ осуществленію парламентомъ своихъ функцій³⁾, независимо отъ того, кѣмъ произнесены рѣчи,

1) Иногда верхняя палата шла еще далѣе и вмѣшивалась въ распри, возникавшія внѣ ея стѣнъ. Такъ, въ 1780 г., она посадила въ Тоуэръ графа *Romfret'a*, пославшаго вызовъ герцогу *Grafton'u*, *Maу*, *op. cit.*, I, 360. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что какъ лорды, такъ и общины считаютъ себя вправѣ предупреждать дуэли между своими членами и караютъ самый вызовъ, см. *Reynaert*, *op. cit.*, I, 26.

2) *Maу*, *op. cit.*, I, 133—138.

3) На этомъ основаніи переводъ выраженія ст. 9 Билля о Правахъ „*proceedings*“ черезъ „производство“ представляется наиболѣе соотвѣствующимъ духу англійскаго права. Онъ, во всякомъ случаѣ, точнѣе терминовъ „актовъ“ или „всего происходящаго“, см. выше, стр. 83, прим.

высказаны сужденія и т. п. Привилегія имѣетъ поэтому не личный, а реальный характеръ¹⁾: она создаетъ специальный *forum* не для опредѣленныхъ лицъ, а для опредѣленныхъ дѣлъ. Въ этомъ заключается ея сущность и ея содержаніе.

Въ заключеніе этого разбора юридической структуры безотвѣтственности мы должны еще указать на одну особенность англійскаго права, находящуюся въ тѣсной связи съ свободой рѣчи, а именно на то, что подаваемые въ парламентъ петиціи также подпадаютъ подъ дѣйствіе привилегіи. Это правило было твердо установлено въ дѣлѣ *Lake*, причемъ судъ призналъ, что каково бы ни было содержаніе петиціи, основаніемъ для вчиненія иска оно послужить не можетъ²⁾.

VII.

Постороннія лица, отчеты о засѣданіяхъ и парламентскіе документы.

§ 24. Намъ неоднократно уже приходилось отмѣчать тотъ фактъ, что англійскій парламентъ съ первыхъ дней своего существованія твердо держался начала непубличности своихъ засѣданій³⁾. Въ принципѣ и понынѣ всѣ совѣщанія палатъ происходятъ при закрытыхъ дверяхъ. Но только въ принципѣ, такъ какъ практика сравнительно давно уже отступила отъ этого ригоризма; согласно установившемуся за послѣднія полтора столѣтія *usus*, засѣданія англійскаго парламента не менѣе доступны для посторонней публики, чѣмъ, напр., засѣданія германскаго Рейхстага или нашей Государственной Думы. Благодаря этому создалось любопытное положеніе вещей, при которомъ *strictum jus* находится въ непрекращающейся коллизіи съ фактомъ.

Въ первые вѣка своего существованія палаты ревниво оберегаютъ свою привилегію и принимаютъ строгія репрессивныя мѣры по отношенію къ постороннимъ. Въ этомъ отношеніи особой безпощадностью отличаются парламенты

1) Это совершенно правильно отмѣчается *Seidler*-омъ, *op. cit.*, 7, 10; ему слѣдуютъ *Hubrich*, *op. cit.*, 25, фонъ-Резонъ, назв. соч., 4, 5 и *Жижиленко*, назв. соч., 7.

2) *Maу*, *op. cit.*, 137.

3) См. выше, стр. 43 и слѣд.; 49 и слѣд.

эпохи царствованія Елизаветы¹⁾. Въ теченіе XVI и XVII ст. безпрестанно прибѣгаютъ къ различнымъ мѣрамъ предупрежденія наплыва публики: вводится процедура пере-
клички депутатовъ (*call of the house*), двери во время засѣ-
даній держатся на затворѣ, запрещается членамъ палатъ
приводить съ собою знакомыхъ и т. п.²⁾. Но все это мало
помогаетъ: число желающихъ послушать парламентскія пре-
нія все увеличивается, и палатамъ приходится постепенно
уступать. Особенный наплывъ посѣтителей замѣчается во
второй половинѣ XVIII в., когда посѣщеніе засѣданій пар-
ламента становится признакомъ хорошаго тона³⁾. Присут-
ствіе постороннихъ часто является даже стѣснительнымъ,
мѣшая правильному ходу дѣлопроизводства⁴⁾, вслѣдствіе
чего парламенту приходится прибѣгать къ различнаго рода
ограничительнымъ мѣрамъ⁵⁾.

Въ настоящее время, въ палатѣ общинъ вопросъ о
постороннихъ посѣтителяхъ регулируется слѣдующими пра-
вилами.

Для лицъ, не состоящихъ членами парламента, отве-
дена особая галлерей, вмѣстимостью въ 160 человекъ, при-
чемъ, какъ мы выше видѣли, надзоръ за ними порученъ
приставу палаты. Пребываніе въ другихъ помѣщеніяхъ,
кромѣ галлерей, также запрещено, подъ страхомъ ареста⁶⁾.
Для полученія доступа въ парламентъ требуется рекомен-
дація одного изъ депутатовъ или дипломатическихъ пред-

1) См. Porritt, *The unreformed House of Commons*, Cambr. 1909, I, 576.

2) Redlich, *op. cit.*, 287—289.

3) Moriz, посѣтившій Англію въ 1782 г. и присутствовавшій на
одномъ засѣданіи парламента, отмѣчаетъ, что среди зрителей на галле-
реѣ для постороннихъ были люди всякаго званія (*Leute von allerlei Stande*),
а также и дамы, см. *Reisen eines Deutschen in England* въ *Deutsche Li-
teraturdenkmale*, 3-е Folge № 6, Berl. 1903, S. 37. Въ XVII в. женщины
не допускались вовсе, de Franqueville, *op. cit.*, III, 82.

4) Уже въ 1701 общины жалуются на то, что *committee of privileges*
постоянно переполненъ посторонней публикой, благодаря чему произ-
водство дѣлъ сильно затрудняется, Redlich, *loc. cit.* Въ 1771 г. одинъ
изъ посѣтителей, при подсчетѣ голосовъ, былъ сосчитанъ вмѣстѣ съ
членами нижней палаты, May-Orpenheim, *op. cit.*, I, 339.

5) Подробности см. у Porritt'a и Redlich'a, *loc. cit.*

6) *Stand. ord.*, § 88. Эти постановленія основаны на резолюціи
5 февраля 1845 г.

ставителей, аккредитованных въ Лондонѣ, и при входѣ каждый посѣтителъ обязанъ внести въ особую книгу свое имя и скою адресъ ¹⁾.

Что же касается палаты лордовъ, то постановленія, касающіяся постороннихъ, отличаются большою сложностью. Согласно ст. VIII наказа, основанной на резолюціяхъ 18 апрѣля 1788 г. и 26 мая 1802 г., пока палата засѣдаетъ, никто не долженъ находиться въ предназначенныхъ для нея помѣщеніяхъ, за исключеніемъ лордовъ и пэровъ, несостоящихъ членами палаты общинъ и наслѣдниками пэровъ и пэрессъ по личному праву, а также лицъ, служащихъ въ палатѣ. Однако, и въ верхней палатѣ имѣется особая галлерейя для постороннихъ, на 120 человѣкъ, причемъ каждый пэръ располагаетъ двумя входными билетами. Затѣмъ, на основаніи доклада особой коммисіи, утвержденнаго 30 іюля 1848 г., спеціальныя помѣщенія отведены для пэрессъ, незамужнихъ дочерей пэровъ и пэрессъ по личному праву, а также для знатныхъ иностранокъ. Наконецъ, жены старшихъ сыновей пэровъ, замужнія дочери пэровъ и пэрессъ по личному праву допускаются на трибуны, отводимыя для старшихъ сыновей пэровъ на засѣданіяхъ, гдѣ присутствуетъ король ²⁾. Особыя мѣста отведены также для членовъ дипломатическаго корпуса ³⁾.

Несмотря на все это, юридически всѣ засѣданія палатъ считаются закрытыми ⁴⁾, и въ любой моментъ предсѣдатель собранія или любой членъ его можетъ потребовать удаленія всѣхъ постороннихъ. До 1875 г. достаточно было, чтобы депутатъ, вставъ съ своего мѣста, заявилъ: „я вижу здѣсь постороннихъ“. Подобный порядокъ вещей, однако, сопряженъ былъ съ большими неудобствами, такъ какъ удаленіе посторонней публики находилось въ зависимости отъ личнаго усмотрѣнія и каприза cadaго изъ членовъ

1) Это правило введено въ 1885 г. послѣ покушенія ирландскихъ феніевъ.

2) Для этихъ засѣданій установленъ особый церемоніаль, см. stand. ord., ст. I.

3) Резолюція 27 іюня 1850 г.

4) Вѣрнѣе сказать, англійскому праву вовсе чуждо понятіе открытаго засѣданія.

палаты¹⁾. Поэтому въ 1875 г. принята была резолюція (вошедшая въ составъ § 91 наказа), согласно которой, предварительно удаленія постороннихъ по требованію депутатовъ, производится баллотировка. Самое предложеніе объ удаленіи не можетъ вызвать ни преній, ни поправокъ.

Фактически, въ настоящее время всѣ засѣданія публичны. Но принципъ, тѣмъ не менѣе, сохраняется — на всякій случай, въ видѣ предохранительнаго клапана: предполагается, что не исключена возможность наступленія такихъ обстоятельствъ, при которыхъ сохраненіе тайны совѣщаній парламента явится государственной необходимостью.

§ 25. Въ тѣсной связи съ разсмотрѣннымъ находится вопросъ объ опубликованіи отчетовъ засѣданій парламента. Какъ мы выше видѣли, уже въ королевскомъ совѣтѣ разглашеніе тайны дебатовъ разсматривалось какъ преступленіе²⁾. Также смотрѣлъ на дѣло и парламентъ въ первые вѣка своего существованія. Онъ усиленно заботился о томъ, чтобы королю становились извѣстными лишь результаты его совѣщаній, но не отдѣльныя рѣчи представителей³⁾. Борьба, завязавшаяся въ XVI и XVII ст. между нимъ и короной, побуждала его охранять тайну своихъ засѣданій съ еще болѣею тщательностью, чѣмъ раньше. По свидѣтельству Ноокера⁴⁾, разглашеніе происходившаго въ палатахъ составляло въ эту эпоху крупное нарушеніе служебнаго долга⁴⁾, за которое могло быть наложено болѣе или менѣе серьезное наказаніе.

1) 1873 г. членъ общины Mittchel Henry воспользовался своимъ правомъ для удаленія репортеровъ газетъ и протеста этимъ путемъ противъ усвоенной ими привычки не воспроизводить рѣчей ирландскихъ депутатовъ. Въ 1875 г. Biggar, имѣя въ виду добиться отмены правила объ удаленіи постороннихъ и желая доказать его абсурдность, заявилъ, что онъ на каждомъ засѣданіи будетъ требовать его примѣненія. Результатомъ его поведенія было вотированіе дѣйствующей нынѣ резолюціи палаты. De Franqueville, op. cit., III, 81.

2) Стр. 42 и слѣд.

3) Стр. 44, 49 и слѣд.

4) „Every person of the Parliament ought to keep secret and not to disclose the secrets and things done and spoken in the Parliament House to any manner of person, unless he be one of the same House, upon pain to be sequestered out of the House, or otherwise punished as by the order of the House shall be appointed“. Account of the method of proceeding in

Въ царствованіе Елизаветы, однако, нѣкоторые депутаты ¹⁾ начинаютъ вести дневники, совершенно, впрочемъ частнаго характера, въ которые ими заносятся резюме происходившихъ преній. вмѣстѣ съ тѣмъ, клэрки усваиваютъ привычку отмѣчать въ журналахъ не только резолюціи и приказы палатъ, но также и главнѣйшіе дебаты по нимъ. Въ 1626 г., однако, общины признаютъ этотъ способъ веденія дѣла незаконнымъ и выносятъ соотвѣтственное постановленіе ²⁾. Вскорѣ имъ приходится вступить въ борьбу съ собственными членами, нарушающими тайну совѣщаній и публикующими свои рѣчи. Такъ, въ 1641 г., парламентъ постановляетъ предать сожженію изданную лордомъ Digby брошюру, содержащую его рѣчь по поводу attainder'a Страффорда ³⁾. Одновременно съ этимъ устанавливается правило, согласно которому напечатаніе депутатомъ рѣчи считается допустимымъ только съ разрѣшенія скипера. Въ 1663 г. это правило вновь подтверждается. Несмотря на это, однако, парламентскіе дебаты все чаще и чаще дѣлаются достояніемъ гласности, и палаты начинаютъ сами принимать мѣры къ тому, чтобы въ печать попадали отчеты объ ихъ засѣданіяхъ въ той именно формѣ, которая представляется имъ желательной.

Со второй половины XVII в. начинается упорная борьба между печатью съ одной стороны и парламентомъ — съ другой ⁴⁾. Къ концу XVIII в. дѣло гласности можетъ считаться окончательно выиграннымъ: отчеты о засѣданіяхъ печатаются полностью, безъ всякаго предварительнаго разрѣшенія палатъ. Съ 1803 г. начинаетъ выходить въ свѣтъ извѣстное изданіе Hansard, Parliamentary Debates, сперва

---

the parliament, въ изданіи Mountmorres, The history of the principal transactions of the Irish Parliament from 1634 to 1666, Lond. 1842, I, 143 (цит. у Porritt'a, op. cit., 584).

1) Напр., d'Ewes, авторъ извѣстнаго сборника „Journals of all the parliaments during the reign of Queen Elizabeth“, появившагося въ 1682 г.

2) Redlich, op. cit., 279.

3) Parl. Hist., II, 883.

4) Намъ нѣтъ возможности остановиться здѣсь на отдѣльных фазахъ этой борьбы. Интересующіеся ею найдутъ подробныя указанія въ вышеупомянутыхъ сочиненіяхъ Porritt'a, chap. XXX, May-Oppenheim'a, S. 343 ff. и Redlich'a, S. 289 ff.

исключительно на частныя средства, а съ 1877 г. при поддержкѣ со стороны казны. Въ настоящее время въ залѣ засѣданій отведены особыя мѣста для репортеровъ, и появляющіеся въ наиболѣе распространенныхъ газетахъ отчеты отличаются большою полнотою и точностью¹⁾. Съ внѣшней стороны, такимъ образомъ, постановка дѣла ничѣмъ не отличается отъ принятой въ другихъ странахъ. Но съ юридической точки зрѣнія отношенія между печатью и парламентомъ въ Англіи совершенно инныя, чѣмъ на континентѣ.

На самомъ дѣлѣ, старое правило о томъ, что опубликованіе дебатовъ не можетъ имѣть мѣста безъ разрѣшенія палаты, не отмѣнено и по сіе время. Формально, інформаціонная дѣятельность прессы только терпится парламентомъ, который вправѣ въ каждый данный моментъ привлечь издателей къ отвѣтственности за breach of privilege. Благодаря этому, вопросъ объ иммунитетѣ, примѣнительно къ опубликованнымъ рѣчамъ депутатовъ, получаетъ особую окраску. На самомъ дѣлѣ, по буквальному смыслу ст. 9 Билля о Правахъ, привилегія покрываетъ собой только сказанное съ трибуны. Поэтому депутатъ, напечатавшій свою рѣчь, подлежитъ привлеченію къ отвѣтственности въ общемъ порядкѣ, буде въ этой рѣчи окажутся признаки преступнаго дѣянія²⁾. Это явствуется изъ цѣлаго ряда прецедентовъ. Такъ, въ 1795 г. было возбуждено преслѣдованіе противъ лорда Эбингдона, обвинившаго въ одной изъ своихъ рѣчей своего атторнея въ неблаговидныхъ поступкахъ и издавшаго затѣмъ эту рѣчь. Напрасно обвиняемый доказывалъ, что, согласно *lex et consuetudo parliamenti*, онъ вправѣ напечатать все то, что имѣлъ право сказать: судъ призналъ, что хотя члены парламента и могутъ печатать свои

1) Техническія детали см. у Redlich'a, *op. cit.*, 284.

2) Энсонъ, назв. соч. I, 152: „Еще менѣе имѣть право отдѣльный депутатъ, прикрываясь привилегіей, опубликовать рѣчь, сказанную имъ въ палатѣ. Въ ея стѣнахъ онъ можетъ говорить все, что ему угодно, пользуясь общей привилегіей палаты; но если онъ желаетъ распространять то, что онъ въ ней сказалъ, то онъ дѣлаетъ это на свой рискъ, такъ какъ при малѣйшей клеветѣ онъ можетъ быть обвиненъ въ распространеніи пасквиля“. Ср. Hugh Fraser, *Principles and practice of the law of libel and slander*, Lond. 1893, p. 90; Fuld, *loc. cit.*, 516.

рѣчи, однако эти послѣднія никогда не должны служить средствомъ для диффамаци; въ противномъ случаѣ онѣ зтановятся „libel“ (пасквилемъ). На этомъ основаніи судъ приговорилъ Эбингдона къ штрафу въ 100 фунтовъ.

Въ 1813 г. возникъ аналогичный случай. Рѣчь члена общинъ Сгеевеу оказалась невѣрно переданной въ нѣкоторыхъ газетахъ; Сгеевеу тогда послалъ редакторамъ правильный ея текстъ. Въ виду содержащихся въ ней оскорбительныхъ для одного лица выраженій, было возбуждено уголовное преслѣдованіе, причемъ судъ призналъ Сгеевеу виновнымъ и приговорилъ его къ денежному штрафу¹⁾.

Рѣчь депутата, однако, можетъ попасть въ печать и помимо его воли и желанія, въ качествѣ составной части публикуемыхъ періодической печатью отчетовъ засѣданій. Возникаетъ вопросъ: могутъ ли ораторы и въ этомъ случаѣ быть привлекаемы къ отвѣтственности, или же на нихъ распространяется привилегія? Практическая важность вопроса ясна само собою: рѣдко кто изъ членовъ самъ издаетъ свои рѣчи, между тѣмъ какъ газетные отчеты выходятъ каждый день, и въ случаѣ, если они не были бы покрыты иммунитетомъ, ораторы или издатели отчетовъ находились бы постоянно подъ Дамокловымъ мечемъ уголовного преслѣдованія.

Съ точки зрѣнія *jus strictum* едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что привилегія свободы слова этихъ отчетовъ не покрываетъ, такъ какъ опубликованіе дебатовъ, само по себѣ, и по сіе время считается недозволеннымъ²⁾. Новѣйшая практика, однако, допускаетъ весьма существенное отступленіе отъ этого принципа. Въ 1868 г. возникло извѣстное дѣло *Wason v. Walter*, по которому вынесено было рѣшеніе, получившее значеніе руководящаго прецедента. Обстоятельства этого дѣла заключались въ слѣдующемъ. *Wason* подалъ въ палату лордовъ жалобу на нѣкоторыя дѣйствія *chief-baron Kelly*. По поводу этой жалобы произошли въ палатѣ дебаты, во время которыхъ

1) *May, Traité, etc., I, 106.*

2) *Fuld, loc. cit.; Энсонъ, loc. cit.; Joh. Müller, Die Immunität der parlamentarischen Berichterstattung, Berl. 1906, S. 4. Ср. бар. С. А. Корфъ, Право опубликованія парламентскихъ отчетовъ, „Право“, 1911, № 13.*

поведеніе *Wason* подверглось рѣзкой критикѣ. Отчетъ о засѣданіи попалъ затѣмъ въ „*Times*“, причемъ газета снабдила его критическими замѣчаніями. *Wason* тогда вчинилъ искъ о пасквилѣ. Во время судебного разбирательства *chief-justice Cockburn* разъяснилъ присяжнымъ, 1^о, что если отчетъ добросовѣстенъ („*fair*“), то онъ покрытъ иммунитетомъ и 2^о, что такъ какъ предметъ дебатовъ представлялъ общественный интересъ, то добросовѣстная критика или замѣчанія, ихъ касающіяся, также покрыты безотвѣтственностью. Судъ съ этимъ согласился и въ искѣ *Wason* отказалъ¹⁾.

На основаніи этого рѣшенія установилось въ настоящее время правило, согласно которому отчеты о засѣданіяхъ, составленные „*fair and accurate*“ не влекутъ за собой отвѣтственности ни для ораторовъ, ни для издателей. Но, если заинтересованному лицу — или лицамъ — удастся доказать, что отчетъ составленъ „*maliciously*“, то издавшій его отвѣчаетъ по общимъ правиламъ о пасквиляхъ²⁾.

Что же касается понятій „*fair*“ и „*accurate*“, то, въ общемъ, они соотвѣтствуютъ *bona fides*, добросовѣстности. Согласно установившейся практикѣ, отчетъ о засѣданіи суда или вообще любой корпораціи считается *fair*, когда онъ правдиво передаетъ сущность произошедшихъ дебатовъ³⁾. При этомъ не требуется, чтобы онъ буквально воспроизводилъ произнесенныя рѣчи⁴⁾. Цѣлью отчета должно быть освѣдомленіе публики о происходившемъ, но отнюдь не нанесеніе обиды или оскорбленія кому бы то ни было⁵⁾. Отчеты, не удовлетворяющіе этимъ условіямъ, считаются „*malicious*“ и привилегіей безотвѣтственности не покрываются.

1) *Fisher and Strahan*, *The law of the press*, Lond. 1901, p. 107.

2) *Fraser*, *op. cit.*, 108, выставляетъ слѣдующее общее правило: „A report of proceedings in either House of Parliament is privileged, provided that it is fair and accurate; but such privilege will be rebutted, if plaintiff prove that defendant published such report maliciously“. *Fisher and Strahan*, *op. cit.*, 106: „Fair and accurate reports of proceedings in Parliament are, however, protected, if published without malice“.

3) *Fisher and Strahan*, *op. cit.*, 118, даютъ слѣдующую форму: „What is necessary to secure privilege appears to be: an account of what took place sufficiently full and accurate to enable a reader to form a substantially correct opinion of the whole proceedings“.

4) *Fraser*, *op. cit.*, 105.

5) *Kelly*, *The law of newspaper libel*, Lond. 1889, p. 162.

Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія дѣйствующаго въ настоящее время права¹⁾, отчетъ, дословно (стенографически) воспроизводящій картину засѣданія, при всѣхъ условіяхъ является иммунизированнымъ. Сомнѣнія могутъ явиться лишь тогда, когда отчетъ представляетъ собой либо пересказъ происходившаго въ палатѣ, либо резюме преній, либо частичную передачу дебатовъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ рѣшающимъ является субъективный моментъ: имѣлось ли въ виду добросовѣстное (*fair*) или недобросовѣстное (тенденціозное, *malicious*) изложеніе преній, преслѣдовались ли исключительно інформаціонныя цѣли или какія-нибудь инныя. Такимъ образомъ, новѣйшая эволюція привела англійское право къ состоянію, весьма близкому къ порядкамъ, господствующимъ на континентѣ. Здѣсь, точно также, иммунитетъ покрываетъ отчеты о засѣданіяхъ, лишь тогда, когда они составлены *bona fide*; и если это условіе является необходимымъ, то оно, вмѣстѣ съ тѣмъ, и достаточно для устраненія отвѣтственности какъ издателей, такъ и самихъ депутатовъ. Едва-ли есть поэтому основаніе противопоставлять англійскую точку зрѣнія континентальной и, въ особенности, превозносить первую, сравнительно со второй, какъ это дѣлаетъ, напр. Редлихъ²⁾.

Нельзя забывать, что въ Англіи дѣло, въ концѣ концовъ, сводится къ компромиссу между двумя непримиримыми принципами: тайной и гласностью парламентскихъ засѣданій. Иммунитетъ отчетовъ, поэтому, существуетъ по-

1) Вопросъ о томъ, что представляетъ собою это право — обычай, судебную практику или что-нибудь другое — можетъ быть оставленъ безъ вниманія, какъ представляющій исключительно теоретическій интересъ. Съ точки зрѣнія выработавшихся на континентѣ — главнѣйше въ Германіи — категорій, дѣйствительно, возможенъ споръ, ср. Joh. Müller, loc. cit., англійскіе же юристы едва ли сомнѣваются въ томъ, что они въ данномъ случаѣ, имѣютъ дѣло не съ простымъ обыкновеніемъ, *usus*омъ, а съ положительнымъ правомъ.

2) „Jedenfalls steht die englische Auffassung von dem Rechte auf Veröffentlichung parlamentarischer Reden im schroffsten Gegensatz zu der Rechtsanschauung und Praxis, die wir in manchen continentalen Parlamenten jüngst haben entstehen sehen: einer Praxis, welche die Redefreiheit der Abgeordneten dazu benützt, um Schmähungen gegen dritte Personen und sonstige durch Worte begangene Rechtsverletzungen gegenüber dem gemeinen Rechte immun zu machen“. Op. cit., 292.

стольку, поскольку его согласны признавать суды. Но въ завтрашнемъ днѣ нельзя быть увѣреннымъ, и кто можетъ поручиться, что, со временемъ, отмѣченная нами выше эволюція не приметъ самаго неожиданнаго направленія, въ зависимости отъ случайной политической конъюнктуры?

Съ другой стороны, практикуемый нынѣ порядокъ сопряженъ съ весьма существенными неудобствами. Прежде всего, публикуемые газетами отчеты не обладаютъ характеромъ аутентичности, благодаря чему точно возстановить сказанное съ трибуны часто представляется затруднительнымъ. Официально, палаты объ отчетахъ не освѣдомлены, и ссылки на нихъ не допускаются¹⁾. Едва ли подобное положеніе вещей представляетъ особыя преимущества.

Затѣмъ, газетные отчеты никогда не бываютъ полны, причемъ, иногда случайно, иногда намѣренно и систематически, пропускаются рѣчи отдѣльныхъ ораторовъ или представителей опредѣленныхъ группъ и фракцій²⁾. Оставаясь въ законныхъ предѣлахъ и отнюдь не дѣйствуя „maliciously“, газеты часто въ состояніи придать отчетамъ желательную для нихъ окраску.

Въ виду этихъ неудобствъ, въ парламентѣ за послѣдніе годы неоднократно поднимался вопросъ объ официальном издательствѣ „proceedings“. Но это означало бы формальный отказъ отъ принципа тайны совѣщаній; пойти же на подобную ломку традиціонныхъ устоевъ палаты пока не считаютъ себя вправе.

§ 26. До сихъ поръ мы имѣли въ виду только отчеты, обязанные своимъ происхожденіемъ частной инициативѣ. Самими палатами, однако, отъ времени до времени, издаются документы, обнимаемые общимъ терминомъ „parliamentary papers“ и содержащіе въ себѣ самый разнородный матеріалъ. Здѣсь встрѣчаются доклады органовъ администраціи, къ которымъ парламентъ обращается за справками, отчеты отдѣльныхъ учреждений, результаты анкетъ, протоколы засѣданій различныхъ комиссій и т. п.³⁾. Публикованіе ихъ нача-

1) См. инцидентъ, имѣвшій мѣсто 27 іюня 1871 г., у de Franqueville, op. cit., III, 285.

2) Примѣры см. ibid., 284.

3) May, op. cit., II, 171—180; Redlich, op. cit., 292—305.

лось въ XVII в. (съ 1641 г.), но до первой избирательной реформы документы эти оставались недоступными для публики. Послѣ 1832 г. парламентъ начинаетъ принимать мѣры къ тому, чтобы они получали наибольшее распространеніе, въ цѣляхъ ознакомленія избирателей съ дѣятельностью палатъ. Вскорѣ, однако, возникъ вопросъ о томъ, насколько привилегія неприкосновенности распространяется на „parliamentary papers“. Лондонскій книгопродавецъ Stockdale, почувствовавъ себя задѣтымъ однимъ мѣстомъ изъ отчета тюремныхъ инспекторовъ, отпечатаннаго по распоряженію общинъ въ типографіи бр. Hansard (издателей „Parliamentary Debates“), возбудилъ противъ послѣднихъ обвиненіе въ клеветѣ. Hansard'ы предъявили *exceptio veritatis* и были оправданы присяжными, но chief-justice Denman высказался во время процесса въ томъ смыслѣ, что данное палатой бр. Hansard разрѣшеніе издавать всѣ парламентскіе отчеты не могло, само по себѣ, послужить для нихъ оправданіемъ. Это мѣсто изъ рѣшенія Денмана сильно задѣло коммонеровъ, которые вынесли резолюцію, категорически постановившую, что опубликованіе отчетовъ, голосованій и дѣлопроизводства, когда этого требуетъ публичный интересъ или когда это представляется цѣлесообразнымъ, составляетъ право парламента, въ качествѣ представителя народа.

Это не помѣшало, однако, Стокдэлю перенести дѣло въ судъ королевской скамьи, который единогласно приговорилъ фирму Hansard къ уплатѣ штрафа въ 600 фунтовъ.

Въ 1839 г. Стокдэль опять подалъ жалобу на тѣхъ же лицъ. На судъ Hansard'ы не явились и были заочно приговорены къ денежному штрафу. Тогда палата рѣшила прибѣгнуть къ энергичнымъ мѣрамъ и распорядилась взятіемъ подъ стражу какъ Стокдэля, такъ и шерифовъ, взыскавшихъ съ отвѣтчиковъ присужденныя судомъ деньги. Дѣло, такимъ образомъ, превратилось въ острый конфликтъ между палатой общинъ и судебной властью, конфликтъ, который до крайности взволновалъ общественное мнѣніе и могъ бы имѣть самыя печальныя послѣдствія, если бы ему не былъ положенъ конецъ особымъ законодательнымъ актомъ¹⁾,

1) О дѣлѣ Н. см. May-Oppenheim, op. cit., I, 375—379; Broom, op. cit., 875—960.

признавшимъ, что всякаго рода уголовныя или гражданскія дѣла противъ лицъ, издавшихъ, по распоряженію той или другой палаты, документы, будутъ немедленно приостановлены по представленіи удостовѣренія о томъ, что документы отпечатаны по распоряженію парламента (3 & 4 Vict., с. 9). Въ настоящее время, такимъ образомъ, вопросъ не возбуждаетъ уже сомнѣній и разрѣшается въ томъ же самомъ смыслѣ, что и на континентѣ.

Глава третья.

Свобода отъ ареста.

I.

Общее понятіе о привилегіи.

§ 27. Привилегія свободы отъ ареста съ самаго начала существованія англійскаго парламента проявляется въ различныхъ направленіяхъ.

Прежде всего, ею устанавливается особая защита членовъ палатъ отъ всякихъ покушеній на ихъ тѣлесную неприкосновенность, честь и т. п. Это то, что обыкновенно носитъ названіе „immunity from personal molestation“.

Во вторыхъ, подъ даннымъ понятіемъ подразумѣвается т. наз. freedom from arrest въ тѣсномъ смыслѣ слова, т. е. право не подвергаться лишенію свободы по гражданскимъ взысканіямъ частныхъ лицъ.

Въ третьихъ, сюда же относится право народныхъ представителей не отвѣчать по частнымъ искамъ, по крайней мѣрѣ во время сессій, т. е. право „not being impleaded in civil suits“.

Въ четвертыхъ, рассматриваемая привилегія обнимаетъ собой право членовъ парламента не быть вызываемы въ судъ въ качествѣ свидѣтелей и присяжныхъ засѣдателей.

Наконецъ, слѣдуетъ замѣтить, что долгое время привилегія распространялась не только на членовъ парламента, но и на ихъ слугъ: послѣдніе пользовались тѣми же правами, что ихъ господа и не подлежали ни аресту, ни привлеченію къ суду по гражданскимъ дѣламъ.

Каждая изъ этихъ привилегій имѣетъ свою исторію и подлежитъ поэтому особому разсмотрѣнію. Но историческое

происхождение ихъ, повидимому, общее: всѣ онѣ коренятся въ той специфической защитѣ, которую древне-германское право предоставляло какъ судьямъ вообще, такъ и лицамъ, вызывавшимся по дѣламъ службы къ королевскому двору или совѣту. Такъ, законы Этельберта (840—866 г.) назначаютъ за нарушение мира народныхъ собраній (Maethlfrip) двойную виру, и тѣмъ же наказаніемъ, а также штрафомъ въ 50 шиллинговъ въ пользу короля, угрожаютъ тому, кто причинить какое либо зло лицамъ, вызваннымъ королемъ¹⁾. Въ законахъ Кнута (1016—1035) мы встрѣчаемъ слѣдующее постановление: „*Praecipimus etiam, ut omnis homo habeat pacem et securitatem eundo et redeundo ad placitum, nisi sit latro publicus omnino*“²⁾. Наконецъ, согласно ст. 2 сборника, извѣстнаго подъ названіемъ „*Leges Edwardi Confessoris*“, королевскій миръ обеспечивается всѣмъ вызваннымъ въ „синаодъ“, или отправляющимся туда по своимъ личнымъ дѣламъ³⁾.

Выставленные здѣсь принципы были усвоены и англійскимъ правомъ. Какъ объ этомъ свидѣлствуютъ древніе юридическіе памятники, какъ судьямъ, такъ и королевскимъ совѣтникамъ съ самаго начала были предоставлены особая защита и королевскій миръ: „*The Old Book of Entries*“, напр., содержитъ въ себѣ постановление, индентичное по содержанію съ предписаніями англо-саксонскаго права⁴⁾. Такимъ образомъ, древне-англійское право реципировало исконныя нормы, а съ возникновеніемъ парламента поставила въ особое привилегированное положеніе его членовъ и лицъ, ихъ сопровождавшихъ⁵⁾.

1) Liebermann, Die Gesetze der Angelsachsen, I, Halle 1903, S. 3.

2) Ibid., 367.

3) „*Item omnibus Christicolis ad ecclesiam Dei causa orationis pergentibus pax sit in eundo et redeundo; item ad dedicationes euntibus et at synodos et ad capitula, sive submoniti sint, sive per se ibi quid agendum habeant*“. Ibid., 629.

4) „*Cum secundum legem et consuetudinem regni nostri Angliae hactenus usitatum . . . a tempore quo non extat memoria, sub protectione nostra, in veniendo versus curiam nostram praedictam, ibidem morando, et exinde ad propria redeundo, existant et de jure esse debuerunt, dum sit negotia aliqua in eodem Banco vel curia prosequuntur*“. Цит. у Hatschek, Engl. Staatsrecht, I, 340, n. 7.

5) Въ совершенно одинаковомъ положеніи были и члены ирланд-

II.

Immunity from personal molestation.

§ 28. Депутатамъ, вызывавшимся въ парламентъ, съ самаго начала обезпечено было, по выраженію Stubbs'a¹⁾, извѣстное „sanctity“, неприкосновенность, которая выражалась въ усиленной уголовной защитѣ въ случаѣ нападенія на нихъ, нанесенія имъ обиды, посягательства на ихъ тѣлесную неприкосновенность, честь и т. п. Подобное положеніе вещей объясняется не только той исторической традиціей, о которой мы только что говорили, но и тѣми условіями, въ которыхъ депутатамъ приходилось нести свои обязанности. Грубость нравовъ, плохое состояніе путей сообщенія, тѣ опасности, которыя грозили народнымъ представителямъ во время путешествія въ парламентъ и обратно, все это обращало депутатскій мандатъ въ тѣмъ болѣе тяжелую и трудную повинность, что отказываться отъ избранія было невозможно²⁾. Естественно, что при такихъ условіяхъ коммонеры весьма ревниво относились къ огражденію своей безопасности и упорно требовали защиты со стороны королевской власти.

Въ чемъ, спрашивается, заключалась эта защита? Содержаніе ея видно изъ слѣдующихъ, дошедшихъ до насъ прецедентовъ.

Въ 1404 г., въ царствованіе Генриха IV, нѣкій Chedder, входившій въ составъ свиты сэра Th. Brook, члена парламента, подвергался нападенію³⁾ со стороны

скаго парламента. По свидѣтельству Ноокера лѣтописца Дублинскихъ палатъ, „every person of the Parliament during the time of the Parliament and at his coming and going from the same is free from all troubles, arrests, and molestations, no action or suit taking effect which during that time is begun, entered, or commenced against him, in what court soever the same be, except, in causes of treason, murder, and felony, and except all executions in law awarded and granted before the beginning of Parliament“. Porritt, op. cit., I, 569.

1) Op. cit., III, 513.

2) Riess, op. cit., 66. Cp. Medley, op. cit., 262.

3) „Orrible baterie et mal-fait“. Подъ battery англійское право разумѣетъ всякое прикосновеніе однимъ лицомъ другого „in an angry,

John'a Savage. Общины обратились къ королю съ просьбой примѣрно наказать виновнаго и предписать на будущее время, чтобы тотъ кто убьетъ лицо, явившееся въ парламентъ подѣ покровительствомъ короля, былъ бы судимъ за измѣну („treason“), въ случаѣ же нанесенія раны или увѣчья — лишился бы руки; за простое нападеніе общины просили назначить штрафъ въ пользу короля и тюремное заключеніе срокомъ на одинъ годъ.

Въ отвѣтъ на это ходатайство, Генрихъ предписалъ Savage предстать передъ судомъ королевской скамьи; буде же онъ этого въ трехмѣсячный срокъ не сдѣлаетъ, то взыскать съ него двойные убытки въ пользу потерпѣвшаго и штрафъ въ пользу короля¹⁾.

Нѣсколько лѣтъ спустя, а именно въ 1433 г., при Генрихѣ VI, вслѣдствіе петиціи общинъ, судомъ былъ изданъ статутъ общаго характера, подтвердившій резолюцію по дѣлу Chedder'a²⁾.

Согласно этому акту, привилегія распространяется на всѣхъ лицъ, вызываемыхъ въ парламентъ, причѣмъ всякое покушеніе на ихъ тѣлесную неприкосновенность, подпадающее подѣ понятіе assault или affray³⁾, влечетъ за собой

revengeful, rude insolent or hostile manner“. См. Wertheim, op cit. 74; Pollock, The law of torts, 3 ed. Lond. 1892, p. 195 fol.

1) Rot. Parl., III, 542. Въ 1429 г. привилегія специально была подтверждена для духовенства, вызываемаго въ парламентъ. Ibid., IV, 347.

2) „Le Roy voet, que si ascun assault ou affraye soit fait a ascun seigneur Espirituel ou Temporel, Chivaler de Countee, Citezein on Burgeis, venuz au Parlement, ou au Conseil du Roy par son commandement, et la esteant et entendant au Parlement, ou au Conseil; q'adonques soit Proclamation fait par trois jours severalx, en la pluis overt lieu de la Ville ou l'assaut ou affraye fuist ensy fait, que la partie qi fau tiel l'assaut ou affraye, soy rende devant le Roy en son Bank, deinz un quarter d'un an apres la Proclamation fait, s'il soit el temps du terme, ou autrement all prochein jour en temps de terme, ensuant le dit quarter, a faire et recevoir en manere come il este desire par la Petition“ т. е. уплатить двойные убытки и штрафъ въ пользу короля. Ibid., IV, 453.

3) Подѣ „assault“ подразумѣвается всякое противозаконное покушеніе на тѣлесную неприкосновенность или же угрозы. Если покушеніе перешло или начало переходить въ исполненіе, то имѣется „assault and battery“. По опредѣленію Th. Brett, Commentaries on the present laws of England, 2 ed., Lond. 1891, I, 456, „the wrong called assault is committed when any one puts another in instant fear of unlawful force, though

двойные убытки и штрафъ (*fun et gaunceon*) въ пользу короля и по его усмотрѣнію¹⁾.

§ 29. Начиная съ XVI ст., всякаго рода обиды и оскорбленія, наносимыя членамъ палатъ, начинаютъ наказываться парламентомъ какъ *contempt of court*. Подъ это понятіе подводится также сопротивленіе приказаніямъ палатъ или ихъ должностнымъ лицамъ. Такъ, напр., въ 1543 г. общины распоряжаются заключеніемъ въ тюрьму лондонскихъ шерифовъ, отказавшихся выдать пристава палаты G. Ferrers'a²⁾. По подсчету, сдѣланному Мау'емъ, съ 1547 г. по средину XIX в. насчитывается около тысячи случаевъ примѣненія палатами тюремнаго заключенія за *contempt*³⁾. Необходимость особой защиты со стороны короля въ случаѣ *molestation*, такимъ образомъ, отпадаетъ. Парламентъ самъ себя защищаетъ и въ этомъ отношеніи вскорѣ заходитъ чрезвычайно далеко.

Наибольшее число прецедентовъ относится къ XVIII ст.—этихъ расцвѣта привилегій и злоупотребленія ими. Руководящее значеніе имѣютъ резолюціи общинъ отъ 12 апрѣля 1733 г. и 1 іюня 1780 г., признавшія тяжкимъ нарушеніемъ привилегіи нападеніе на члена парламента, оскорбленіе его словами и угрозы по его адресу въ то время, когда онъ отправляется въ палату или изъ нея возвращается, равно какъ и всякую попытку заставить силой коммонера высказаться за или противъ того или иного предложенія уже внесеннаго или имѣющаго быть внесеннымъ въ палату⁴⁾. Но

---

no force be actually applied"; 457: „any application of unlawful force to another constitutes the wrong called battery“. А. влечетъ за собой какъ уголовную, такъ и гражданскую отвѣтственность (*damages*), *Wertheim*, *op. cit.*, 47. „*Affray*“ опредѣляется *Brett'*омъ, *op. cit.*, I, 1178, какъ „the fighting of two or more people in a public place to the terror of her Majesty's subjects“. Ср. *Stephen*, *A Digest of the criminal law*, 5 ed., *Lond.* 1894, p. 54.

1) Ср. дѣло *Par*г (1444), *Rot. Parl.*, V, 111.

2) См. выше, стр. 58 и ниже, стр. 131.

3) *Op. cit.*, I, 66, n. 5.

4) Поводомъ для вотированія первой изъ этихъ резолюцій послужило нападеніе, произведенное Лондонскою чернью на нѣкоторыхъ депутатовъ, голосовавшихъ за акцизный законъ, весьма недружелюбно принятый населеніемъ. Палата единогласно постановила: „1°, that the assaulting, insulting, or menacing any Member of the House, in coming to

и до этих постановлений, палаты неоднократно привлекали къ отвѣтственности лицъ, виновныхъ въ оскорбленіи членовъ парламента или нападеніи на нихъ. Отъ своего права общины не отказались и въ настоящее время: Мау въ своемъ трактатѣ о парламентскихъ обычаяхъ приводитъ цѣлый рядъ прецедентовъ, относящихся къ XIX столѣтію.

Наказуемыми, однако, являются не только нападеніе и угрозы (оскорбленіе), но и цѣлый рядъ другихъ дѣяній, имѣющихъ своимъ объектомъ члена парламента. Сюда относится, прежде всего предложеніе дара съ цѣлью повліять на депутата (подкупъ). Это категорически было признано общинами 2 мая 1695 ¹⁾.

Далѣе, какъ contempt of court рассматриваются также libel'ы, направленные противъ палатъ въ цѣломъ или противъ отдѣльныхъ ея членовъ. Пасквиль при этомъ долженъ затрагивать дѣятельность или личность депутата въ качествѣ таковаго: нападки путемъ печати на членовъ парламентовъ, какъ на частныхъ лицъ или по поводу ихъ внѣпарламентской дѣятельности, подлежатъ юрисдикціи судовъ, но не парламента ²⁾. Безразлично при этомъ, относится ли пасквиль къ дѣятельности коммонера въ пленарномъ собраніи или въ избранномъ комитетѣ.

Въ прежнее время, въ особенности въ XVIII в., палаты чрезвычайно широко толковали свою привилегію и малѣйшее нарушеніе ея карали съ неимовѣрной жестокостью. Англійскіе историки приводятъ рядъ примѣровъ, свидѣтельствую-

or going from the House, or upon the account of his behaviour in parliament, is an high infringement of the Priviledge of the House; a most outrageous and dangerous violation of the rights of parliaments; and a high crime and misdemeanor; 2°, that the assembling and coming of any member of persons in a riotous, tumultuous, and disordely manner tho the House, in order either to hinder or promote the passing of any Bill, or other matter depending before the House, is an high infringement of the Privilege of tho House". Parl. Hist, IX, 8.

1) „The Commons resolved, that the offer of any money, or other advantage, to any Member of Parliament for the promoting of any matter whatsoever, depending, or to be transacted, in Parliament, is a high crime and misdemeanor, and to the subversion of the english constitution". Parl. Hist., V, 939. См. тамъ же, стр. 910, дѣло Mr. Bird, предложившаго деньги члену палаты Musgrave.

2) Мау, op. cit., I, 85. Отдѣльные прецеденты см. тамъ же, 86, 87.

щихъ о форменномъ злоупотребленіи парламентомъ своимъ иммунитетомъ. Такъ, въ 1739 г., общины признали виновнымъ въ breach of privilege лицо, убившее кроликовъ на землѣ одного коммонера; въ 1744 рыба въ прудахъ нѣкогого Mr. Joliffe также была признана покрытой привилегіей¹⁾ и т. п. Строже всего палаты относились къ авторамъ сочиненій, критиковавшихъ ихъ дѣйствіе или поведеніе того или другого изъ ихъ членовъ. Уже въ 1689 г. два адвоката, Graham и Burton, были заключены въ тюрьму за рѣчи, произнесенныя въ судѣ и признанныя неблагонадежными²⁾ Въ слѣдующемъ столѣтіи палаты требуютъ для себя и для своихъ членовъ полного огражденія отъ всякой критики со стороны частныхъ лицъ³⁾ и, въ общемъ, стремятся присвоить себѣ юрисдикцію по всѣмъ политическимъ преступленіямъ, подводя ихъ подъ понятіе нарушенія привилегіи.

Въ настоящее время палаты отказались отъ столь распространительнаго толкованія своей привилегіи. Но точныхъ юридическихъ нормъ не существуетъ и по настоящее время: какъ мы выше видѣли⁴⁾, понятіе contempt of court и понынѣ страдаетъ неопредѣленностью, и парламентъ благодаря этому въ каждую данную минуту можетъ придать желательную для него квалификацію любому поступку со стороны частнаго лица, такъ или иначе направленному противъ него или одного изъ его членовъ.

III.

Freedom from arrest.

§ 30. Въ тѣсной связи съ immunity of molestation находится и т. наз. freedom from arrest. Возникновеніе этой привилегіи точно также относится къ весьма отдаленнымъ временамъ⁵⁾. Впервые Rot. Parl. упоминають о ней подѣ

1) Mahon, op. cit., IV, 30; Hallam, Constitutional history, III, 279.

2) Parl. Hist., V, 279.

3) См. Lecky, op. cit., I, 470, 471; de Franqueville, Le système judiciaire de la Grande Bretagne, Par. 1893, I, 74.

4) См. стр. 100.

5) Въ 1477 г. общины констатируютъ, что она существуетъ „of tyme that mannys mynde is not the contrarie“, т. е. съ незапамятныхъ временъ, Rot. Parl., VI, 191.

1290 г.: изъ краткаго резюме дѣла видно, что король (Эдуардъ I) не согласился, чтобы членъ общины подвергся какому либо мѣрамъ понужденія за невзносъ квартирной платы¹⁾ (рѣчь шла о т. наз. distress)²⁾ во время засѣданій парламента. Аналогичный случай имѣлъ мѣсто въ 1315 г.³⁾ Въ 1403 г. общины вполне опредѣленно формулируютъ свои домогательства. Онѣ обращаются къ королю съ просьбой, чтобы, согласно обычаю, всѣ лица, отправляющіяся по призыву короля въ парламентъ, здѣсь пребывающія и возвращающіяся домой, а также ихъ люди и слуги были подъ спеціальною его охраной и не подлежали аресту или, вообще, лишенію свободы за долги (dette), *account*⁴⁾, *trespass*⁵⁾ или по поводу какихъ либо другихъ договоровъ. Въ подобныхъ случаяхъ, палата проситъ короля постановить чтобы виновные въ арестѣ коммонера платили штрафъ въ его, короля, пользу, а потерпѣвшему тройные убытки⁶⁾. Король, однако, отвѣтилъ уклончиво: привилегіи онѣ не стали отрицать, но заявилъ что „у а sufficient remede en le cas“. Можно думать, что исчисленіе убытковъ показалось ему неправильнымъ: общины требовали таковыя въ тройномъ размѣрѣ, тогда какъ, согласно установившейся традиціи,

1) „Non videtur onestum quid Rex concedat quod illi de Consilio suo distringantur tempore Parliamenti, set aliotempore distringat per hostia et fenestras, prout moris est.“ I, 61.

2) Объ этомъ терминѣ см. Wertheim, *op. cit.*, 212.

3) May, *op. cit.*, I, 110.

4) *Account* или *account* — букв. счетъ. О значеніи *actio of account* въ XIV и XV ст. см. Holdsworth, *A history of english law*, Lond. 1909, II, 310, 311, 378. Этотъ искъ предъявлялся противъ лицъ, обязанныхъ отчетность за свои дѣйствія (опекуны, управляющіе и т. п.).

5) Подъ *trespass* въ средніе вѣки подразумѣвался одинъ изъ видовъ *torts* (т. е. деликтовъ, преслѣдуемыхъ въ частномъ порядкѣ), заключающійся въ насильственномъ воздѣйствіи на лицо или принадлежащую ему вещь. Теперь подъ это понятіе подводятъ только неправомѣрное нарушеніе владѣнія. См. Wertheim, *op. cit.*, 541; Brett, *op. cit.*, I, 477 fol.; Pollock, *op. cit.*, 9, 13 and *passim*. Историю *trespass* см. у Holdsworth, *op. cit.*, II, 307 fol.

6) Rot. Parl., III, 541. „Item prions les Communes, que come solone la custume de Roialme Seigneurs, Chivalers, Citezeins, et Burgeises, a voz Parleментz de votre commandement venantz, illeokes demurrantz, et a lour propres retournantz et lour hommes et servantz ove eux en le dit Parleмент, dessoutz votre especiale protection et defense, ne devoient pur aucun

насиліе надъ членомъ парламента влекло за собой возмѣщеніе убытковъ лишь въ двойномъ размѣрѣ¹⁾.

Приведенная петиція чрезвычайно характерна въ томъ отношеніи, что ея понятіе *freedom from arrest* совершенно приравнивается къ *immunity of molestation*. Далѣе, она категорически распространяетъ привилегію лишь на гражданскія взысканія, отнюдь не касаясь правонарушеній, совершаемыхъ членами парламента. Наконецъ, свобода отъ ареста требуется ею не только для этихъ послѣднихъ, но и для ихъ слугъ.

§ 31. Основаніемъ привилегіи, однако, служило отнюдь не желаніе освободить народныхъ представителей отъ лежащихъ на нихъ обязательствъ: кредиторы не теряли права иска, но осуществленіе этого послѣдняго отсрочивалось до окончанія сессіи парламента. Цѣль института, такимъ образомъ, заключалась въ обезпеченіи депутатамъ безпрепятственнаго отправленія ими своихъ обязанностей²⁾: важно было, чтобы ихъ не отрывали отъ государственныхъ дѣлъ изъ за частныхъ интересовъ, и послѣдніе, ради интереса публичнаго, отводились на второй планъ³⁾. Обѣ стороны привилегіи, такимъ образомъ, находились во взаимной внутренней связи: какъ *freedom of molestation*, какъ и *freedom of arrest* исходили изъ общей идеи обезпеченія парламенту

---

dette, accompt, trespas, ou autre contract quelconque, etre arrestuz, ou en aucun manere emprisonnez en le mesne temps . . . . Pleise establier, que si ascun de fore en avaunt face arester ascun tiel homme venant al Parlement, come est dit, ou ascun de lour hommes et servantz en le dit Parlement, one eux demurantz durant le dit Parlement, ou ascun chose attempte enconter la custume, face fyn et ranceon a Vous; et rende al partie greve tes damages a treble“.

1) Возможно, впрочемъ, что король возымѣлъ сомнѣнія относительно распространенія привилегіи на слугъ, см. *Stubbs*, loc. cit.

2) По замѣчанію *Parry*, op. cit., XXXVII, „the original ground, end, and reason of this Privilege, was not to protect Members or their servants against just debts, suits, judgements, and executions, contrary to right and justice, for their own particular advantage, or to the prejudice of their Creditors and Prosecutors, but merely to enable them. without hindrance and interruption, to attend and dispatch the public affairs of Kingdom, with all possible expedition; which otherwise might be obstructed and retardet by their absence and restraint“.

3) *Seidler*, op. cit., 12.

возможности правильного и беспрепятственного функционирования.

Нужно также сказать, что положеніе должниковъ по древнему англійскому праву было чрезвычайно тяжело. Долгое время существовала личная расправа по долговымъ обязательствамъ, и должникъ могъ быть отдаваемъ въ кабалу займодавцу: законы Генриха I (1100—1135), говоря о рабахъ упоминають о тѣхъ, которые „sua vel alterius datione servi (sunt)“¹⁾. Съ теченіемъ времени, когда нравы смягчились, отдача въ кабалу вышла изъ употребленія, и должникъ былъ вооруженъ writ'омъ of carias ad satisfaciendum²⁾, который давалъ ему право засадить неисправнаго должника въ тюрьму и держать его въ заключеніи впредь до уплаты долга и издержекъ судебного производства, въ подлежащихъ же случаяхъ — на всю жизнь³⁾. Правда, у кредитора имѣлись и другія средства взысканія, онъ могъ испросить у суда writ of fieri facias (fi-fa), который обязывалъ шерифа обратить взысканіе на движимое имущество должника⁴⁾; или writ of levari facias, который направленъ былъ противъ доходовъ съ земли должника⁵⁾; или же, наконецъ, writ of elegit, на основаніи котораго кредиторъ получалъ, въ качествѣ tenant, право на половину земель должника⁶⁾. Но всѣ эти средства, однако, весьма часто, оказывались мало дѣйствительными, въ особенности до введенія послѣдняго изъ нихъ⁷⁾.

1) Leges regis Henrici primi, cap. LXXVI, § 3: Servi alii natura, alii facto et alii empcone, et alii redempcone, alii sua vel alterius servi, et eique sunt alie species hujusmodi, etc. Thorpe, Ancient laws and institutes of England, 1840, v. I, p. 581.

2) Образецъ такого writ'a см. у Blackstone-Chompré, op. cit., VI, app. XL. Обыкновенно называется сокращенно ca-sa.

3) См. Малышевъ, Историческій очеркъ конкурснаго процесса, Спб. 1871, стр. 212.

4) Образецъ см. у Blackstone, loc. cit.; ср. Holdsworth, op. cit., III, 113; Glasson, op. cit., III, 238 et suiv.; Schirrmeister, Das bürgerliche Recht Englands, Berl. 1906, I, 161.

5) Этотъ writ уничтоженъ Bankruptcy Act'омъ 1883 г. О немъ см. Blackstone, loc. cit., 129; Glasson, loc. cit.

6) Введенъ въ 1285 г. (13 Edw. I, c. 18). Glasson, loc. cit.; Holdsworth, loc. cit.; Pollock and Maitland, op. cit., II, 594.

7) Glasson, loc. cit., 239: „Quoiqu'il en soit avant le statut de Westminster (т. е. акта 1285 г.), tant que le créancier n'avait eu à sa disposition

Поэтому субсидіарное своё значеніе личный арестъ сохранилъ вплоть до новѣйшаго времени¹⁾. Но на этомъ вопросѣ намъ придется ниже еще остановиться²⁾.

§ 32. Что касается содержанія привилегіи, то оно было значительно шире его названія: запрещено было не только всякое принужденіе (arrest, distress) какъ противъ личности члена парламента, такъ и по отношенію къ его имуществу (estates), но самое разбирательство дѣла, въ случаѣ вчиненія иска, подлежало отсрочкѣ до окончанія сессіи³⁾. Мы уже видѣли, что въ 1290 г. Эдуардъ I не разрѣшилъ взыскать съ члена парламента причитавшуюся съ него наемную плату⁴⁾. При его преемникѣ правительство два раза прибѣгало къ приостановкѣ разсмотрѣнія дѣлъ, въ которыхъ замѣшаны были коммонеры, при помощи „writ of supersedeas“⁵⁾.

que le w. de levarifacias ou celui de fieri facias, le recouvrement de sa créance avait été souvent fort incertain. Ce système nuisait d'ailleurs plus au débiteur qu'il ne lui profitait, car il lui ôtait tout espèce de crédit. On aurait été plus porté à prêter à ceux qui avaient besoin d'argent si au lieu d'avoir action seulement sur les meubles, sur les chattels, sur les produits de tous les biens meubles ou immeubles, on avait pu saisir surtout la terre elle-même. Mais cette défense de se faire payer sur la terre ou même de la recevoir en garantie était une conséquence du vieux droit féodal. Comme les principes de ce droit rendaient la terre indisponible entre les mains du vassal, ils exigeaient aussi qu'elle ne pût pas être donnée en garantie à ses créanciers“.

1) Арестъ, въ случаѣ неудовлетворенія претензій, могъ послѣдовать во всѣхъ случаяхъ, кромѣ примѣненія writ of elegit.

2) Какъ замѣчаетъ Малышевъ, назв. соч., 212, „англійское право держалось личныхъ взысканій съ замѣчательнымъ упорствомъ, такъ что ограниченія ихъ начинаются только въ недавнее время. Прежде всего для облегченія несчастныхъ должниковъ время отъ времени стали выходить парламентскіе акты, освобождавшіе заключенныхъ въ долговой тюрьмѣ при извѣстныхъ условіяхъ и съ обязательствомъ расплатиться съ долгомъ на свободѣ. Это было только временныя мѣры, напоминающія собою долговые законы римской республики“.

3) Эта сторона привилегіи носила техническое названіе „freedom from being impleaded in civil suits“.

4) См. стр. 125.

5) Rot. Parl. I, 449: „... Nos indempnitati Prelatorum, Comitum, baronum, et aliorum fidelium nostrorum, qui ad dictum Parliamentum taliter ad mandatum nostrum sunt venturi, volentes prospicere, ut tenemur, ne per eorum absentiam, dum sic in dicto Parlamento steterint, exhereda-

Тѣмъ не менѣе, предупредить вчиненіе иска у парламента въ то время средствъ не имѣлось. Поэтому, въ случаѣ состоявшагося рѣшенія суда и заключенія должника въ тюрьму (черезъ writ of capias ad satisfaciendum), все, что палаты могли сдѣлать — это было прибѣгнуть къ writ of privilege и этимъ путемъ освободить заключеннаго.

Такъ, въ 1429 г. общины возбудили соотвѣтственное ходатайство передъ королемъ относительно нѣкоего William'a Larke, слугу представителя лондонскаго City, William Milrede, который былъ посаженъ въ тюрьму по иску о trespass, вчиненному Margerie Janyns. Генрихъ распорядился объ освобожденіи Larke, съ тѣмъ, чтобы послѣ роспуска парламента, судьи привели свой приговоръ въ исполненіе¹⁾.

Аналогичное дѣло возникло въ 1460 г. Одинъ изъ коммонеровъ, Clerk, былъ арестованъ вслѣдствіе неуплаты имъ штрафа въ пользу короля и убытковъ двумъ гражданскимъ истцамъ, а затѣмъ посаженъ въ тюрьму. Палата возбудила ходатайство объ освобожденіи его посредствомъ writ отъ канцлера на имя тюремщика Fleet'a, съ тѣмъ, чтобы кредиторы по окончаніи сессіи, вновь вступили въ свои права²⁾. Король на это выразилъ согласіе. Нѣсколько лѣтъ спустя (въ 1473 г.) Эдуардъ IV положилъ подобную же резолюцію на однородное ходатайство палаты относительно William'a Hyde³⁾, а въ 1477 г. исполненіе по writ of execution относительно John'a Attwyl'я было отсрочено до окончанія сессіи. Такимъ образомъ, какъ констатируетъ Hatsell, къ концу XV в. дѣло обстоило такъ, что палаты собственной властью не могли освобождать своихъ членовъ изъ тѣснаго заключенія; имъ было лишь предо-

---

cionem aliquam sustineant, aliquanter vel incurrant, vobis mandamus, quod captionibus Assisarum, Juratarum, et Certificationum aliquem Prelatorum, Comitum, Baronum, et aliorum fidelium nostrorum, quem vobis constituerit de mandato nostro predicto ad dictum Parlamentum venire, tangentium supersedeatis, durante Parlamento supradicto". Другой случай — ibid., 450.

1) „Et que les juges del dit Bank facent au dite Margerie, apres la fyn de cest Parlement, execution du dit jugement.“ Rot. Par., IV, 358.

2) Ibid., 374.

3) Ibid., 191.

ставлено ходатайствовать, путем петиции, о томъ, чтобы канцлеромъ былъ данъ особый приказъ объ освобожденіи заключеннаго. Если же дѣло находилось еще въ производствѣ, то они имѣли возможность добиться writ of privilege на общемъ основаніи¹⁾.

Небезынтересно отмѣтить, что привилегія freedom from arrest охотно признавалась какъ правительствомъ, такъ и судами. До насъ дошелъ только одинъ случай ея нарушенія. А именно, въ 1452 г. спикеръ палаты общинъ, Thomas Thorpe, былъ арестованъ по взысканію, предъявленному герцогомъ Йоркскимъ (впослѣдствіи Эдуардомъ IV). Общины снарядили депутацію, которая отправилась съ жалобой къ королю и къ лордамъ. Совѣтники герцога, однако, стали возражать, указывая на то, что рѣшеніе суда послѣдовало не во время сессіи, а въ вакаціонный періодъ. Лорды тогда передали вопросъ на заключеніе судей, которые признали, что они не компетентны разсматривать дѣла, касающіяся парламентскихъ привилегій. Послѣ этого лорды вынесли резолюцію о томъ, что Thorpe надлежитъ остаться въ тюремномъ заключеніи; общинамъ было предложено немедленно избрать новаго спикера, что палата и сдѣлала на слѣдующій же день²⁾.

Не подлежитъ сомнѣнію, что рѣшеніе лордовъ представляло собой явное нарушеніе успѣвшей уже прочно установиться традиціи. Продиктовано оно было, несомнѣнно, политическими соображеніями. Thorpe слылъ за яраго противника герцога, существовавшій же въ то время антагонизмъ между нимъ и послѣднимъ представителемъ Ланкастерскаго дома давалъ поводъ опасаться, что каждый моментъ вспыхнетъ гражданская война.

1) *Precedents of proceedings in the house of Commons*, 3 ed., Lond. 1796, v. I, p. 53: „Hitherto we have seen, that when a member, or his servant, has been imprisoned, the house of commons have never proceeded to deliver such person out of custody by virtue of their own authority; but, if the member has been in execution, have applied for an act of parliament to enable the chancellor to issue his writ for his release, or, if the party was confined only on mesne process, he has been delivered by his writ of privilege, which he was entitled to at common law.“ Cp. Blackstone-Stephen, op. cit., II, 353

2) *Rot. Parl.*, V, 239, 240. Cp. Hallam, *Mittelalter*, II, 380 ff.; Stubbs, op. cit., III, 168; May, op. cit., I, 118.

§ 33. XVI в. является, какъ мы уже видѣли, эпохой, принесшей съ собою точную юридическую формулировку парламентскихъ привилегій, что объясняется тѣмъ положеніемъ, которое парламентъ занялъ въ системѣ государственныхъ учреждений Англіи, благодаря превращенію своему въ законодательную инстанцію^{1) 2)}.

Прежде всего, въ 1543 г. общины принимаютъ самостоятельныя мѣры по случаю ареста одного изъ своихъ членовъ. Представитель Плимута, Ferrers былъ приговоренъ къ тюремному заключенію по иску нѣкогого White. Узнавъ объ этомъ, общины немедленно предписали своему приставу отправиться къ тюремщику и потребовать освобожденія заключеннаго. Клерки и чиновники, однако, отказались исполнить это требованіе и нашли поддержку въ Лондонскихъ шерифахъ. Общины тогда обратились съ жалобой къ лордамъ, которые, усмотрѣвъ въ поведеніи шерифовъ тяжкій случай contempt of court, предоставили наказать ихъ нижней палатѣ. Последняя вновь предложила приставу отправиться къ шерифамъ и потребовать выдачи Ferrers, безъ предъявленія какого-либо writ³⁾ или warrant (особаго приказа) палатѣ.

Несмотря на то, что шерифы исполнили на этотъ разъ требованіе пристава, все же они вмѣстѣ съ клерками и самими White были вызваны къ рѣшеткѣ палаты и приговорены къ тюремному заключенію.

Несмотря на столь рѣшительное поведеніе палаты, обы-

1) См. выше, стр. 65 и слѣд.

2) Въ 1562 г. спикеръ общинъ William впервые возбуждаетъ передъ королемъ ходатайство о гарантированіи обычныхъ привилегій. Относительно freedom from arrest онъ просилъ, чтобы „the old privilege of the House be observed, which is that they and theirs might be at liberty, frank and free, without arrest, molestation, trouble or other damage to their bodies, lands, goods or servants, with all other their liberties, during the time of said parliament, whereby they may the better attend and do their duty“. Parl. Hist., I, 685; Prothero, op. cit., 117. Привилегія, какъ видно, дается весьма распространительное толкованіе.

3) Слѣдуетъ замѣтить, что лордъ-канцлеръ предлагалъ палатѣ выдать, согласно обычаю, writ of privilege, но общины отказались, признавъ, что „все приказанія палаты должны исполняться приставомъ безъ всякаго writ, причѣмъ достаточно предъявленія имъ палицы, являющейся его warrant'омъ“. Parl. Hist., I, 553 fol.; May, op. cit., I, 112.

чай непосредственно требовать освобожденія заключенныхъ укоренился не сразу. Такъ, въ 1556 г. коммонеры испрашиваютъ writ для своего сочлена Gardiner'a. Лишь въ концѣ XVI в. общины твердо усваиваютъ новую точку зрѣнія и распоряжаются объ освобожденіи заключенныхъ безъ предварительнаго испрошенія приказа лорда-канцлера¹⁾.

§ 34. Въ первый годъ царствованія Якова I, а именно въ 1603 г., былъ изданъ статутъ, болѣе точно опредѣлившій содержаніе привилегіи и права парламента. Поводомъ къ изданію этого закона послужило дѣло сѣра Thomas Shirley, представителя г. Steyning²⁾. Shirley былъ арестованъ по постановленію суда до начала сессіи и посаженъ въ тюрьму. Общины попробовали сперва его освободить при помощи writ of habeas corpus, а затѣмъ послали за узникомъ пристава. Тюремщикъ, однако, отказался выпустить Shirley, за что онъ палатой заключенъ былъ въ Тоуэръ. Вскорѣ, впрочемъ, онъ исполнилъ требованіе палаты и самъ тогда былъ выпущенъ на свободу. Вмѣстѣ съ тѣмъ изданъ былъ особый статутъ³⁾ въ цѣляхъ огражденіе правъ

1) См. дѣла Martin'a, Neale и Fitzherbert'a у Prothero, op. cit., 127.

2) May, op. cit., I, 113; Gardiner, op. cit., I, 167; статью Prothero, The parliamentary privilege of freedom from arrest and sir Thomas Shirley's case, 1604, въ English historical review, v. VIII, 1893, p. 733 fol.; Parl. Hist, I, 1028.

3) 1 Jam. I, c. XIII: „An Acte for new executions to be sued againste any which shall hereafter be delivered out of execution by priviledge of Parliament, and for discharge of them out of whole custody such persons shall be delivered“. Приводимъ его текстъ:

„Forasmuch as heterofore doubt hath ben made, if any person being arrested in execution, and by priviledge of either of the Houses of Parliament set ad libertie, whether the partie at whose suite such execution was pursued be for ever after barred and disabled to sue forthe a new writt of execution in that case: For the avoydinge of all further doubte and trouble wich in like cases may hereafter ensue, be it enacted by the King moste excellent Mafestie, by the lordes spirituall and temporall, and by the commons in this present Parliament assembled, that from henceforthe the partie at or by whose suite such writt of execution was pursued, his executors or administrators, after such tyme as the priviledge of that session of Parliament in which such priviledge shall be so graunted shall cease, may sue forthe and execute a newe writt or written of execution, in such manner and forme as by the lawe of this realme hee or they might have done if

кредиторовъ членовъ парламента. На основаніи этого акта истецъ права своего не терялъ, но осуществленіе его отсрочивалось до истеченія срока привилегіи; равнымъ образомъ установлено было, что шерифъ, тюремщикъ и вообще, выпустившій заключеннаго на свободу въ силу парламентской привилегіи не подлежитъ за это судебному преслѣдованію.

Несмотря, однако, на указанный прецедентъ, въ теченіе всего XVII в. вопросъ о томъ, какъ именно должно послѣдовать освобожденіе арестованнаго коммонера, продолжаетъ быть спорнымъ и вызывать недоумѣнія: палаты прибѣгаютъ то къ writ of privilege, то къ writ of habeas corpus и то непосредственно, то черезъ пристава требуютъ освобожденія заключенныхъ.

§ 35. Въ XVIII ст. парламентскія привилегіи, достигнувъ полнаго своего расцвѣта, начинаютъ входить въ законное и нормальное русло. Такъ было и съ свободой отъ ареста. Въ 1701 г. издается особый статутъ, озаглавленный „An act for preventing any inconveniencies that may happen by privilege of Parliament“¹⁾, согласно которому въ промежутокъ времени между роспускомъ или пророгаціей парламента и созывомъ новаго, а также во время отсрочекъ, длящихся болѣе 14 дней, суды, упомянутые въ актѣ, получили право принимать къ своему разсмотрѣнію иски противъ привилегированныхъ лицъ, постановлять рѣшенія и обращать взысканіе на имущество послѣднихъ²⁾. Въ осталь-

no suche former execution had bene taken forthe or served: And that from henceforth noe shiribfe bayliffe or other officer from whose arreste or custodie any such person so arrested in execution shall be delivered by any such priviledge, shall be charged or chargeable with or by any action whatsoever for deliveringe out of execution any such priviledged person so as is aforesaide, by such priviledge of Parliament set at libertie; any lawe custome or priviledge heterofore to the contrarie notwithstandinge. Provided alwaies, that this Acte or any thinge therein conteyned shall not extend to the diminishinge of any punishment to be hereafter by censure in Parliament inflicted upon any person which hereafter shall make or procure to be made any such arrest as is aforesaide“. The Statutes, I, 557.

1) 12—13 Wil. III, c. 3. Текстъ въ Statutes of the Realm, VII, 638.

2) Статутъ опредѣляетъ срокъ перерыва привилегіи весьма точно: „at any time from and immediately after the dissolution or prorogation of any parl. untill a new parl. shall meet or the same be reassembled and from and immediately after any ajournement of both Houses of parl. for above

ное время упомянутыя лица по прежнему оставались подъ защитой иммунитета, и исключеніе было допущено только для тѣхъ изъ членовъ парламента, которые являлись непосредственными должниками короля: взысканіе противъ нихъ могло быть обращено также и во время перерыва сессіи.

Дальнѣйшія ограниченія были введены при королевѣ Аннѣ въ 1703 г.¹⁾ Затѣмъ, при Георгѣ II²⁾, дѣйствіе закона 1701 г. было распространено на всѣ courts of record по всѣмъ дѣламъ, касающимся личныхъ правъ или правъ на недвижимости. Окончательно, однако, вопросъ регулированъ былъ только въ десятый годъ царствованія Георга III, т. е. въ 1770 г.

На основаніи этого послѣдняго акта, положившаго конецъ цѣлому ряду злоупотребленій, было разрѣшено всѣмъ безъ исключенія судамъ принимать къ своему разсмотрѣнію³⁾ всякаго рода иски противъ привилегированныхъ лицъ, причемъ разбирательство соотвѣтственныхъ дѣлъ ни въ коемъ случаѣ не должно было подлежать приостановкѣ подъ предлогомъ парламентскаго иммунитета⁴⁾.

the space of fourteen days untill both houses shall meet or reassemble". О значеніи prorogation и ajournement см. Энсонъ, назв. соч., 61 и слѣд.; Hatzschek, въ Zeitschrift f. d. ges. Staatswissenschaft, 1901, S. 152 ff. Относительно практическаго значенія акта 1701 г. см. Porritt, op. cit., I, 570.

1) 23 An. c. XII (XVII), Statutes of the Realm, VIII, 274: „an act for the further explanation and regulation of the privilege of Parl. in relation to persons in publick offices“. На основаніи этого статута наказанія и штрафы, къ коимъ присуждены привилегированныя лица за преступленія должности или растрату общественныхъ денегъ, не подлежатъ приостановкѣ въ силу привилегіи.

2) 11 Geo. II c. 24, „An act to amend an Act passed in the 12 — the and 13 — the year of the reign of King William III“, текстъ см. въ The Statutes, II, 115.

3) Послѣ 24 июня 1770 г.

4) „An act for the further preventing delays of justice by reason of privilege of Parliament“. 10 Geo. III, c. 50, см. The Statutes, II, 382: „Any person or persons . . . shall and may at any time commence and prosecute any action or suit in any court of record or court of equity or of admiralty, and in all causes matrimonial and testamentary, against any peer or lord of Parliament of Great Britain, or against any of the knights, citizens, and burgesses, and the commissioners for shires and burghs of the

Такимъ образомъ та часть привилегіи, которая касалась вчиненія исковъ, была окончательно погребена. Осталась лишь свобода отъ ареста — *freedom from arrest* — въ тѣсномъ смыслѣ слова. На нее актъ 1700 г. не посягнулъ; напротивъ того, онъ твердо установилъ, что члены палаты общинъ не подлежатъ ни аресту, ни заключенію въ тюрьму „upon any such suit or proceedings“¹⁾.

§ 36. До сихъ поръ мы имѣли въ виду только коммочеровъ. Что же касается верхней палаты, то пэры пользовались свободой отъ ареста по личному своему праву; въ силу ихъ званія бароновъ королевства. На самомъ дѣлѣ, особа пэра издавна считалась „for ever sacred and inviolable“²⁾, а потому иммунитетомъ они пользовались пожизненно, и не только они лично, но и ихъ жены. Точно также и прочіе лорды³⁾ съ самаго начала существованія парламента стали притязать на *freedom from arrest*, причемъ, продолжительность привилегіи для нихъ опредѣлялась общей для всего парламента нормой. Однимъ изъ первыхъ

House of Commons of Great Britain for the time being, or against their or any of their menial or any other servants, or any other person intituled to the privilege of Parliament of Great Britain; and no such action, suit, or any other process or proceeding thereupon shall at any time be impeached, stayed, or delayed by or under colour or pretence of any privilege of Parliament“.

1) Законъ 1764 г., касающійся банкротства, предоставилъ кредиторамъ право преслѣдовать судебнымъ порядкомъ „any person deemed a merchant, banker, broker, factor, scrivener or trader having privilege of Parliament“. Позднѣйшія узаконенія, регулируюція конкурсы, также заключаютъ въ себѣ аналогичное постановленіе.

2) La personne d'un pair, говоритъ May, (par le privilège de la pairie) est pour toujours sacrée et inviolable. Cette immunité est basée sur une ancienne coutume et reconnue par les acts 12 et 13 Guill. III, c. 3 et 2, et 3 Anne, c. 18. Ce semblerait avoir été un ancien privilège féodal des barons, la loi supposant qu'il y aurait toujours, sur les domaines de leurs baronnies, assez à saisir pour acquitter une dette quelconque“. Op. cit., I, 116.; Stubbs, op. cit., III, 516; Pike, op. cit., 259.

3) Не всѣ члены верхней палаты (лорды) суть пэры; этого званія не имѣютъ ни т. наз. Lords of appeal in ordinary, ни епископы или духовные лорды. Точно также не всѣ пэры суть лорды — таковы всѣ выбранные въ члены палаты пэры Ирландіи и Шотландіи. Hatschek, op. cit. I, cap. 58. На основаніи Акта о соединеніи съ Шотландіей (5 An., c. 8), шотландскіе пэры пользуются тѣми же привилегіями, что англійскіе; точно также уравниены въ правахъ и ирландскіе пэры.

дошедшихъ до насъ прецедентовъ является дѣло лорда Cromwell'я, возникшее въ 1572 г. Противъ Кромвелля выданъ былъ, по иску нѣкоего Tavernor, writ of attachment¹⁾, на что Кромвелль принесъ жалобу въ палату. Лорды, обсудивъ дѣло, признали, что на лицо имѣется несомнѣнное нарушеніе исконныхъ привилегій, и постановили освободить Кромвелля отъ явки въ судъ, согласно данному приказу²⁾.

Привилегія лордовъ, въ общемъ, раздѣлила судьбу иммунитета общинъ. Всѣ акты, изданные въ теченіи XVIII в., о которыхъ мы говорили въ предыдущемъ параграфѣ, одинаково были распространены какъ на коммонеровъ, такъ и на членовъ верхней палаты. И нужно сказать, что случаи злоупотребленія привилегіей со стороны лордовъ были столь же часты, какъ и со стороны представителей общинъ.

§ 37. Къ началу XIX в. существо привилегіи свелось, какъ мы видимъ, къ тому, что члены обѣихъ палатъ не могли быть взяты подъ стражу по судебнымъ приговорамъ. Къ лордамъ и депутатамъ, стало быть, признаны были не примѣнимыми тѣ writ'ы, которые имѣютъ своимъ послѣдствіемъ личное задержаніе, какъ напр. *carpias ad satisfaciendum*, *attachment* и др.

Пока въ Англіи существовало личное задержаніе за долги, привилегія, само собою разумѣется, имѣла весьма большое практическое значеніе. Хотя, начиная, съ XVIII ст., изданъ былъ цѣлый рядъ законовъ, имѣвшихъ цѣлью улучшение участь должниковъ, однако вплоть до 1869 г. личное задержаніе практиковалось въ широкихъ размѣрахъ. Впрочемъ въ 1813 г., при Георгѣ III, лицамъ, имѣвшимъ долгъ не болѣе какъ на 20 фунтовъ и пробывшимъ въ тюрьмѣ не менѣе года дано было право ходатайствовать объ освобожденіи изъ заключенія независимо отъ согласія кредитора³⁾.

Дальнѣйшій шагъ былъ сдѣланъ въ 1838 г., когда уничтожено было предварительное заключеніе во время са-

1) Лицо, противъ котораго выданъ подобнаго рода writ, обязано явиться въ судъ, который имѣетъ подвергнуть его тюремному заключенію до изданія особаго приказа объ освобожденіи. См. Blackstone-Chompré, *op. cit.*, IV, 178; Wertheim, *op. cit.*, 52.

2) Prothero, *op. cit.*, 126; Parl. Hist., I, 781.

3) Малышевъ, назв. соч., 213.

мого процесса, до рѣшенія суда¹⁾. Засимъ, въ 1844 г. арестъ былъ отмѣненъ за долги менѣе 20 фунтовъ²⁾ и т. п. Въ настоящее время, на основаніи двухъ актовъ, изданныхъ въ 1869 г.³⁾, личное задержаніе, въ принципѣ, вовсе отмѣнено. Въ видѣ исключенія, оно сохранено для нѣкоторыхъ лишь случаевъ. Такъ, напр., судъ можетъ прибѣгнуть къ аресту въ случаѣ неуплаты наложеннаго имъ штрафа, или когда очевидно, что должникъ обладаетъ достаточными средствами для погашенія долга, или же имѣются основанія предполагать (при суммѣ долга свыше 50 фунтовъ), что должникъ собирается выѣхать изъ Англіи (*absconding debtor*)⁴⁾.

Такимъ образомъ, какъ видно, личное задержаніе получило въ настоящее время характеръ наказанія за неисполненіе тѣхъ или другихъ обязанностей, лежащихъ по закону на извѣстныхъ категоріяхъ лицъ. Парламентская привилегія поэтому утратила почти всякое практическое значеніе. По отношенію къ членамъ палатъ нынѣ могутъ быть приняты всѣ установленныя закономъ понудительныя мѣры⁵⁾, кромѣ личнаго задержанія.

Что же касается тѣхъ случаевъ, когда задержаніе все-таки послѣдуетъ, то они, въ прежнее время, какъ мы выше видѣли, разрѣшались различно. Нынѣ, по словамъ Мау'а, иммунитетъ сталъ болѣе правомъ, чѣмъ привилегіей членовъ парламента, а потому арестованіе привилегированнаго лица считается неправильнымъ *ab initio*: арестованный подлежитъ немедленному освобожденію по простому его заявленію тому суду, гдѣ производится его дѣло. На этомъ основаніи изданіе writ'овъ of privilege въ настоящее время совершенно вышло изъ употребленія⁶⁾.

§ 38. Логическимъ послѣдствіемъ привилегированности положенія членовъ палатъ является неспособность ихъ

1) Оно допускалось въ тѣхъ случаяхъ, когда кредиторъ утверждалъ подъ присягой, что должникъ собирается покинуть англійскую территорію.

2) См. Glasson, *op. cit.*, VI, 406.

3) Debtors Acts, 32 & 33 Vict. Этими актами, дополненными въ 1878 г., отмѣненъ writ of ca. sa.

4) Brett, *op. cit.*, 952 fol.; Glasson, *loc. cit.*

5) Это категорически было подтверждено статутомъ 45 Geo. III, с. 124 и 47 Geo. III sess. 2, с. 40.

6) *Op. cit.*, I, 115.

быть поручителями за другихъ. Это категорически было признано лордами въ 1691 и 1720 гг., и въ настоящее время по этому вопросу сомнѣній, повидимому, не возникаетъ.

Не столь простымъ зато является другой вопросъ, а именно, если кто-нибудь, подвергшійся тюремному заключенію за долги, будетъ вслѣдъ за симъ избранъ членомъ парламента или назначенъ пэромъ, то отпадаетъ ли eo ipso дѣйствіе судебного рѣшенія? Практика, въ особенности новѣйшая, склоняется, въ общемъ, въ пользу примѣненія привилегіи и къ подобнаго рода случаямъ. Такъ, въ 1819 г., Christie Burton былъ избранъ представителемъ отъ Beverley; такъ какъ онъ въ это время находился въ заключеніи по судебному приговору, то въ парламентъ онъ не явился. Палата общинъ признала его подпадающимъ подъ дѣйствіе привилегіи и потребовала отъ тюремщика Fleet'a его освобожденія. Противъ тюремщика былъ затѣмъ вчиненъ искъ кредиторами Burton'a, но палата усмотрѣла въ этомъ нарушеніе привилегіи и вытребовала къ своей рѣшеткѣ истцовъ¹⁾. Точно также въ 1849 г. признано было, что лордъ Harley, получившій послѣ смерти отца пэрское достоинство, долженъ быть немедленно выпущенъ изъ тюрьмы, гдѣ онъ содержался по приговору суда²⁾.

Наконецъ, слѣдуетъ указать на то, что новѣйшіе акты о банкротствѣ³⁾ совершенно приравниваютъ членовъ палатъ къ обыкновеннымъ гражданамъ, не признавая за ними какихъ либо особенныхъ правъ или привилегій⁴⁾.

IV.

Freedom from subpoena and jury.

§ 39. Подъ понятіе свободы отъ ареста въ широкомъ смыслѣ слова древнее англійское право подводило также и т. наз. freedom from subpoena. Хотя по общему праву вы-

1) Объ этомъ прецедентѣ и о другихъ однородныхъ см. Мау, *op. cit.*, I, 116, 118.

2) *Ibidem.*

3) Таковыми являются Bankruptcy Acts 1883 г. (46 & 47 Vict., с. 52), 1890 (53 & 54 Vict., с. 71) и Bankruptcy Rules 1886 и 1890 гг.

4) На иной точкѣ зрѣнія стоялъ еще актъ 1846 г., согласно которому, если торговецъ, пользовавшійся парламентской привилегіей, впа-

зовъ свидѣтелей въ гражданскій судъ есть дѣло сторонъ, однако, когда послѣднія не увѣрены въ явкѣ вызываемыхъ ими лицъ, онѣ могутъ запасть (особымъ приказомъ суда, называемымъ *subpoena ad testificandum*. Невяка на основаніи такого приказа составляетъ *contempt of court* и влечетъ за собой тюремное заключеніе по постановленію суда¹⁾.

Со второй, приблизительно, половины XVI в. члены парламента начинаютъ отказываться отъ явки въ судъ въ качествѣ свидѣтелей (по гражданскимъ дѣламъ), а на выдачу приказа *subpoena* смотрятъ какъ на нарушеніе привилегіи. Когда, въ точности, возникла т. наз. *freedom from subpoena*, сказать трудно. Первый дошедшій до насъ прецедентъ относится къ 1553 г. Еумъs, представитель м. Thuske, подалъ въ нижнюю палату жалобу на лорда-канцлера за выданное противъ него *subpoena*; коммонеры заступились за своего сочлена и потребовали, чтобы приказъ былъ взятъ обратно²⁾. Затѣмъ, въ 1585 г. нѣкій Kirle исходатайствовалъ передъ Звѣздной Палатой *subpoena* противъ Stappeth'a, члена общинъ. Палата усмотрѣла въ этомъ нарушеніе своихъ привилегій, распорядилась арестовать Kirle черезъ своего пристава и подвергла его наказанію. Однако, въ томъ же году лордъ-канцлеръ категорически заявилъ по дѣлу Сокъ'a, что у палаты привилегіи по отношенію къ *subpoena* не имѣется вовсе³⁾, и аналогичное заявленіе сдѣлано было имъ въ 1597. Такимъ образомъ, какъ видно, привилегія установилась не сразу. Какъ замѣчаетъ Prothero, она къ концу XVI ст. упрочилась по отношенію къ Звѣздной Палатѣ и нижнимъ инстанціямъ, но не по отношенію къ Chancery Division высшаго суда⁴⁾. Лишь въ послѣдствіе она распространена была на всѣ судебныя учрежденія.

Въ настоящее время палатами усвоена совершенно иная точка зрѣнія. По свидѣтельству Мау'a, онѣ не только не препятствуютъ вызову своихъ членовъ въ гражданскіе суды,

---

далъ въ несостоятельность, то онѣ не могъ подлежать тюремному заключенію, развѣ онъ оказался бы виновнымъ въ felony или въ обманныхъ дѣйствіяхъ, предусмотрѣнныхъ самимъ актомъ.

1) Wertheim, op. cit., s. v. „Witness“.

2) Parl. Hist., I, 630.

3) Prothero, op. cit., 129.

4) Op. cit., XC.

но, напротивъ того, весьма охотно даютъ отпуски и вызовъ въ судъ считаютъ законнымъ поводомъ для неявки на засѣданія. „Но, продолжаетъ онъ, ни одна изъ палатъ не согласится на то, чтобы ея члены были вызываемы другой палатой безъ соотвѣтственнаго посланія и безъ согласія заинтересованнаго лица; спорнымъ также явился бы вопросъ о томъ, не защитила ли бы палата своего члена, вызваннаго въ судъ *sub roena*, отъ законныхъ послѣдствій его неявки, еслибы онъ предварительно не получилъ разрѣшенія самой палаты“¹⁾.

§ 40. Члены парламента являются свободными не только отъ обязанности фигурировать на судѣ въ качествѣ свидѣтелей, но и отъ обязанности участвовать въ джюри. Привилегія эта относится къ глубокой древности²⁾. Такъ, уже при Эдуардѣ II, въ 1314 г., она была узаконена двумя особыми актами³⁾. Съ тѣхъ поръ она, повидимому, сомнѣній не возбуждала; по крайней мѣрѣ какихъ-либо прецедентовъ, свидѣтельствующихъ о ея нарушеніи, до насъ не дошло. Въ всякомъ случаѣ, при Елизаветѣ она является твердо установленной, о чемъ свидѣлствуетъ случай, имѣвшій мѣсто въ 1597 г. съ сэромъ John Tracie⁴⁾.

Къ началу XIX ст. относится одинъ инцидентъ, подавшій поводъ къ всестороннему разсмотрѣнію вопроса со стороны палаты общинъ. Нѣкій Holford былъ приговоренъ судомъ казначейства къ штрафу за то, что не явился къ исполненію своихъ обязанностей присяжнаго, причемъ ссылка его на званіе члена парламента не была признана законнымъ поводомъ къ неявкѣ. Палата, выслушавъ докладъ особо назначеннаго для разсмотрѣнія дѣла комитета, единогласно

1) Op. cit., I, 121.

2) Stubbs, loc. cit., 514.

3) Rot. Parl., I, 449: „Nos indempnitati Prelatorum, Comitum, Baronum, et aliorum fidelium nostrorum, qui ad dictum Parliamentum taliter ad mandatum nostrum sunt venturi, volentes prospicere, ut tenemur, ne per eorum absenciam, dum sic in dicto Parlamento steterint, exheredacionem aliquam sustineant, aliquialiter vel incurrant; vobis mandamus, quod captionibus Assisarum, Juratarum, et Certificationum aliquem Prelatorum, Comitum, Baronum, et aliorum fidelium nostrorum, quem vobis constiterit de mandato nostro predicto ad dictum Parliamentum venire, tangendum supersedeatis durante Parlamento supradicto“. Cp. ibid., 450.

4) Prothero, op. cit., 129.

признала, что „къ числу наиболѣе древнихъ и наименѣе спорныхъ привилегій парламента принадлежитъ право его членовъ не быть отвлекаемыми отъ ихъ обязанностей для предстанія передъ другимъ судомъ“¹⁾. Точно также въ 1861 г., по дѣлу виконта Энфильда, chief-justice Erle заявилъ, что Э. ни въ коемъ случаѣ не могъ бы быть вызванъ въ судъ въ качествѣ члена джюри¹⁾.

Однако, до послѣдняго времени, спорнымъ могъ считаться вопросъ, распространяется ли привилегія и на то время, когда парламентъ prorogированъ²⁾. Juries Act 1870 г. уничтожилъ всякія сомнѣнія по этому поводу, категорически постановивъ, что какъ пэры, такъ и коммонеры вовсе освобождены отъ обязанности функционировать въ качествѣ присяжныхъ³⁾.

V.

Распространеніе привилегіи на слугъ членовъ парламента.

§ 41. Въ первые вѣка существованія парламента привилегія — и притомъ въ полномъ объемѣ — распространялась также и на слугъ коммонеровъ. Также какъ ихъ господа, они пользовались квалифицированной защитой въ случаѣ нападенія, не отвѣчали по искамъ во время сессій и т. д. Выше мы уже привели дѣло Chedder'a, слуги сэра Brook'a, который подвергся въ 1404 г. нападенію со стороны нѣкоего Savage. Изъ этого прецедента ясно видно, что къ началу XV в. привилегія уже прочно установилась. Въ 1576 г. возникло дѣло Smalley, подавшее поводъ къ подробному обсужденію вопроса со стороны парламента. Smalley, слуга депутата Hall'a, былъ арестованъ, и палата назначила особую комиссію для розысканія и изученія прецедентовъ. Послѣ продолжительныхъ дебатовъ было постановлено, что S. подлежитъ освобожденію на основаніи распоряженія самой палаты⁴⁾.

1) May, op. cit., I, 122.

2) Т. е. послѣ закрытія сессіи королемъ (prorogation). Отсрочка или приостановка сессіи (ajournement) привилегіи никогда не приостанавливала.

3) Gerland, op. cit., 76; de Franqueville, Système judiciaire, I, 509.

4) Prothero, op. cit., 128.

XVI и XVII вв. регистрировали цѣлый рядъ прецедентовъ, изъ которыхъ ясно видно, что слуги членовъ парламента пользовалась совершенно одинаковымъ съ ихъ господами привилегированнымъ положеніемъ. Такъ, въ 1610 г. лакей одного изъ коммонеровъ, подвергшійся преслѣдованію въ гражданскомъ порядкѣ за то, что соблазнилъ одну дѣвушку и прижилъ съ ней ребенка, былъ признанъ неподсуднымъ судебнымъ инстанціямъ въ качествѣ привилегированнаго лица ¹⁾).

Подобное распространеніе иммунитета привело къ тому, что члены парламента стали форменнымъ образомъ торговать своей привилегіей, зачисляя къ себѣ на время въ слуги баякотовъ и лицъ, которымъ грозило судебное преслѣдованіе ²⁾). Дѣло дошло до того, что въ 1641 г. жители Лондонской City отказались подписаться на заемъ, ссылаясь на невозможность получить когда-либо свои деньги обратно.

§ 42. Несмотря на то, что лорды неоднократно протестовали противъ подобныхъ злоупотребленій, нижняя палата упорно отстаивала свою привилегію, и въ 1661 г. Кларендонъ категорически заявилъ въ парламентѣ, что „мы, и наши слуги свободны отъ всякихъ арестовъ и притѣсненій ³⁾), какъ относительно нашей личности, такъ и нашего имущества“. Со второй половины XVII в., однако, замѣчается нѣкоторая реакція противъ такого порядка вещей. Въ 1663 г. нѣкій Benson, который продавалъ свое покровительство за 20 франковъ, былъ исключенъ изъ палаты, а въ 1677 г. парламентъ принялъ аналогичную мѣру по отношенію къ полковнику Wanklyn'y ⁴⁾). Но это были единичные случаи; самый же принципъ оставался нетронутымъ до XVIII в., когда послѣдовалъ рядъ узаконеній, урегулировавшихъ, какъ мы видѣли, вообще вопросъ о привилегіяхъ. Актъ 1701 г., постановившій, между прочимъ, что въ случаяхъ предьяв-

1) Weil, Juridiction pénale des chambres anglaises pour la défense de leurs privilèges, Par. 1889, p. 12.

2) Townsend, History of the House of commons, ch. VII (цит. у de Franqueville, Le Parlement, etc., III, 334).

3) „You and your servants in your persons and estates are free from all arrests and molestations“. Andrew Amos, The english constitution in the reign of King Charles II, Lond. 1857, p. 74.

4) De Franqueville, loc. cit.; Amos, loc. cit.

ленія иска противъ должника короны, производство дѣла можетъ имѣть мѣсто и во время сессіи, причемъ отвѣтчикъ пользуется *freedom from arrest*, этой привилегіи на слугъ не распространилъ. Послѣдніе, такимъ образомъ, съ указаннаго года были лишены своего иммунитета на все время перерыва сессій.

Рѣшительный шагъ сдѣланъ былъ статутомъ 1770 г.; послѣдній, подтвердивъ привилегію для членовъ законодательныхъ палатъ, вопросъ объ иммунитѣ слугъ обошелъ вовсе молчаніемъ. Формальной отмѣны, такимъ образомъ, не произошло, но косвеннымъ образомъ было признано, что слуги подъ разрядъ привилегированныхъ лицъ уже больше не подходятъ. На этой точкѣ зрѣнія нынѣ твердо стоитъ какъ практика, такъ и доктрина — хотя, какъ бы отдавая дань исторической традиціи, спикеръ ежегодно продолжаетъ при открытіи сессіи испрашивать у короля привилегію и для слугъ. Точно также и ст. 67 *standing orders* палаты лордовъ до сихъ поръ содержитъ подробныя постановленія относительно привилегіи слугъ¹⁾.

---

1) Статья эта, основанная на резолюціяхъ 28 мая 1624 г. и 22 іюня 1715 г., чрезвычайно любопытна, такъ какъ содержитъ въ себѣ цѣлую теорію привилегіи. Мы позволимъ себѣ привести его цѣликомъ.

„Привилегія лордовъ, касающаяся неприкосновенности ихъ слугъ и свиты, распространяется на всю прислугу (*menial servants*) какъ личную, такъ и семью, а также на всѣхъ тѣхъ лицъ, услугами коихъ они дѣйствительно пользуются для эксплуатаціи своихъ помѣстій и для личного за ними ухода.

Эта неприкосновенность должна начинаться за 20 дней до послышки *writ'a* о созывѣ cadaго парламента и длиться 20 дней до и послѣ каждой сессіи парламента, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда особыми актами парламента установлены иные сроки.

Всѣ лорды пусть будутъ весьма осторожными въ данномъ отношеніи и помнать объ основаніи привилегіи, установленной на тотъ конецъ, чтобы они заботами о своихъ слугахъ не отвлекались отъ серьезныхъ государственныхъ дѣлъ; поэтому да не превратятъ они въ противогосударственный и несправедливый институтъ привилегію, данную имъ только для того, чтобы государство могло получить отъ нихъ, въ своемъ Высшемъ Судилищѣ, болѣе полное познаніе справедливости; каждый изъ нихъ да не только не перейдетъ надлежащей грани, но скорѣе остановится далеко до ея предѣловъ.

Прежде, чѣмъ кто либо подвергнется преслѣдованію, заинтересованному лорду надлежитъ либо лично, либо письменно, либо черезъ по-

VI.

Уголовныя правонарушенія.

§ 43. До сихъ поръ мы имѣли въ виду привилегію свободы отъ ареста лишь по столько, по сколько рѣчь шла о гражданскихъ дѣлахъ. Возникаетъ вопросъ: распространяется ли *freedom from arrest* на уголовныя правонарушенія и являются ли члены парламента привилегированными и въ данномъ отношеніи?

Вопросъ этотъ довольно сложенъ и долгое время возбуждалъ сомнѣніе въ средѣ самихъ палатъ.

Относительно древнѣйшаго времени какими либо положительными свѣдѣніями мы не обладаемъ. Первый дошедшій до насъ прецедентъ относится къ 1429 г. — это извѣстное дѣло *Larke*¹⁾. Общины въ своемъ ходатайствѣ категорически указали на то, что члены парламента не подлежатъ ни задержанію, ни тюремному заключенію, за исключеніемъ „*treson, felonie ou fuerte de pees*“²⁾.

Тотъ же взглядъ былъ высказанъ общинами въ дѣлѣ *Thorpe* (1454 г.)³⁾.

Нужно сказать, однако, что приведенная формула точностью и опредѣленностью не отличалась. Правда, понятие

сланца честно удостовѣрить палату въ томъ, что арестованный принадлежитъ къ числу вышеупомянутыхъ привилегированныхъ лицъ. Что касается могущихъ возникнуть по этому поводу затрудненій, то разрѣшеніе ихъ должно быть предоставлено самой палатѣ, когда до нея будутъ доходить отдѣльные случаи; при этомъ палата будетъ всѣми доступными ей средствами, какъ путемъ присяги, такъ и иными способами опредѣлять положеніе лица, находящагося въ услуженіи у лорда; засимъ, буде палата выскажется противъ заявленнаго притязанія (на привилегію), то заинтересованный лордъ да не удивится, если онъ самъ подвергнется порицанію, по усмотрѣнію палаты, а его слуга не подпадетъ подъ привилегію и будетъ приговоренъ къ уплатѣ убытковъ, ибо государственное правосудіе должно быть выше всякаго личнаго достоинства и ни одинъ виновный не долженъ ждать снисхожденія послѣ столь опредѣленнаго предупрежденія“. *Stand. Ord. of the House of Lords*, excerpt as to local and personal bills and judicial business, 1902. Французскій текстъ у *Moreau et Delpech*, *op. cit.*, I, 94—135.

1) См. выше, стр. 129.

2) *Rot. Parl.*, IV, 358.

3) *Rot. Parl.*, V, 240.

treason, благодаря статуту 1352 г. (25 Edw. III), получило довольно определенное очертание¹⁾. Но зато содержание felony долгое время оставалась неяснымъ. Первоначально, подъ это понятіе подводилось сравнительно незначительное число правонарушений²⁾, но уже въ XV ст. сюда относятся всѣ, за немногими исключеніями, дѣянія, влекущія за собой конфискацію имущества и смертную казнь, другими словами — всѣ наиболѣе тяжкія правонарушения³⁾. Treason и felony противопоставлялись misdemeanours — менѣе важнымъ проступкамъ. Что же касается понятія „*fuerte de pees*“ или, по англійской терминологіи, *breach of peace*, то оно точно также определенностью не отличалось. Имъ обнимался цѣлый рядъ дѣяній, какъ то незаконныя сборища болѣе 12 лицъ, охота въ чужомъ паркѣ, насильственный захватъ чужой недвижимости, причемъ одни изъ этихъ преступленій причислялись къ felony, другія къ misdemeanours⁴⁾. Такимъ образомъ, установленная общинами классификація не давала точнаго критерія для определенія тѣхъ дѣяній, которыя преслѣдованію не подлежали: понятія treason и felony лежали въ одной плоскости, *breach of peace* — въ другой. Этимъ и объясняются тѣ затрудненія, съ которыми палатамъ пришлось встрѣтиться по данному вопросу въ теченіе XVII и XVIII вв.

Остановимся вкратцѣ на дошедшихъ до насъ прецедентахъ.

18 апрѣля 1626 г. въ палатѣ лордовъ заслушанъ былъ докладъ особой коммисіи, которая изложила всѣ бывшіе до того времени случаи привлеченія депутатовъ къ уголовной отвѣтственности. Въ результатъ, собраніемъ принята была особая резолюція, согласно которой „никакой лордъ въ то время, когда засѣдаетъ парламентъ или когда, согласно обычаю, дѣйствуетъ привилегія, не можетъ быть заключенъ въ

1) Объ исторіи treason см. Pollock and Maitland, *op. cit.*, II, 498 fol. Для современной конструкціи см. Stephen, *Digest* 42.

2) Coke знаетъ только семь видовъ felony, см. de Franqueville, *Système judiciaire*, II, 422.

3) Pollock and Maitland, *op. cit.*, II, 463.

4) См. Blackstone-Chompré, *op. cit.*, V, 435; Wertheim, *op. cit.*, 97.

тюрьму или подвергнуться какимъ либо понудительнымъ мѣрамъ иначе, какъ по опредѣленію или приказу палаты, за исключеніемъ случаевъ treason, felony или отказа дать гарантію общественнаго мира“¹⁾.

Вскорѣ, однако, вопросу дана была иная формулировка, а именно резолюціей палаты общинъ отъ 17 августа 1641 г. было признано, что привилегія не подлежатъ примѣненію въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ о нарушеніи или объ отказѣ дать обезпеченіе мира, а также когда имѣется на лицо indictment вслѣдствіе преступленія, совершеннаго внѣ стѣнъ парламента²⁾. Такимъ образомъ, въ основу классификаціи преступныхъ дѣяній, съ точки зрѣнія иммунитета, было положено дѣленіе ихъ на indictable и no indictable, причемъ покрытыми привилегіей признаны были лишь послѣднія. Слѣдуетъ сказать, что сама по себѣ классификація эта была вполне цѣлесообразна и отвѣчала сложившимся къ тому времени отношеніямъ.

На самомъ дѣлѣ, важнѣйшій изъ извѣстныхъ древнему англійскому праву способовъ возбужденія уголовнаго преслѣдованія, а именно арреал³⁾, сталъ все болѣе и болѣе вы-

1) У Parry, op. cit., 308, дѣло изложено слѣдующимъ образомъ. „Report is made touching the commitment of Peers during the sitting of Parliament.

Precedents against: 18 Edw. I, 15 Edw. III, 50 & 51 Edw. III, 20 Ric. 2 art. 8, 4 Hen. IV n. 13, 5 Hen. IV art. 71, 8 Hen. VI n 57, 31 Hen. VI n 28, 34 Hen. VIII, 1 Car (Vaud).

Precedents for commitment for present offence to the King, though neither treason, felony, nor breach of peace: 28 Eliz. (earl of Arundell), 5 Eliz. (earl of Hertford), 25 Hen. VIII (bishop of Rochester), 28 Hen. VI. (William Larke), 1 Hen. IV (bishop of Carlisle), 5 Hen. IV (earl of Northumberland), 15 Edw. III (archbishop of Canterbury), 3 Edw. III (bishop of Winchester).

The Lords answer all these latter precedents, and it is agreed by the whole House „that no Lord, Parliament sitting, or wittin the usual times of privilege, is to be imprisoned, or restrained, without sentence or order of the House, unless for treason, felony or refusing to give security for the peace.

Ordered, A remonstrance to his Majesty to enjoy the same“.

2) Parry, op. cit., 364.

3) Т. е. обвиненіе, исходящее отъ частнаго лица. Аппиль имѣло своимъ послѣдствіемъ либо судебный поединокъ, либо производство дѣла передъ коронеромъ. Формально а. былъ отмѣненъ только въ 1818 г., см.

тѣсняться indictment, т. е. преслѣдованіемъ виновныхъ ex officio со стороны правительственной власти, съ преданіемъ ихъ большому (обвинительному) джюри или безъ этого¹⁾.

Съ другой стороны, прежняя трехчленная классификація преступленій на treason, felony и misdemeanour стала утрачивать свое значеніе, такъ какъ на основаніи различныхъ статутовъ, изданныхъ въ теченіе XVI и XVII ст., многія misdemeanours стали наказываться смертною казнью, и наоборотъ, нѣкоторые виды felony были обложены менѣ тяжкими наказаніями.

Новая формула, выработанная палатою общинъ, однако, не сразу вошла въ обиходъ. Такъ, въ 1675 г. между лордами и общинами возникъ конфликтъ вслѣдствіе принятія верхней палатой къ своему разсмотрѣнію аппіалъ Shirley'a на John'a Fragg'a, члена нижней палаты. Коммюнеры твердо стали на ту точку зрѣнія, что привилегія касается всѣхъ дѣяній, кромѣ treason, felony и breach of peace, и что для аппіалей не существуетъ никакихъ исключеній²⁾. Точно также въ 1697 г. палатою общинъ было признано, что ни нарушеніе мира, ни насильственное арестованіе или вторженіе въ жилище подъ привилегію не подпадаютъ.

§ 44. Въ 1763 г. возникло знаменитое дѣло John'a Wilkes'a, члена общинъ и издателя журнала „North Britton“.

Въ 44-омъ номерѣ этого изданія Wilkes помѣстилъ крайне рѣзкую и ядовитую критику тронной рѣчи. Вслѣдъ за симъ государственнымъ секретаремъ изданъ былъ общій варрантъ объ арестѣ всѣхъ „авторовъ, печатниковъ и издателей этой мятежной клеветы“³⁾. Въ числѣ другихъ арестованъ былъ и Wilkes. Однако, судъ (court of common pleas) его немедленно освободилъ, признавъ, что совершенное имъ дѣяніе покрыто иммунитетомъ. Вскорѣ затѣмъ противъ него было возбуждено обвиненіе со стороны суда королевской скамьи, но, опираясь на привилегію, Wilkes

de Franqueville, *Système judiciaire*, II, 235; Stephen, *History of criminal law*, I, 244.

1) De Franqueville, *ibid.*, 238, 266.

2) Parry, *op. cit.*, 572; *Parl. Hist.*, IV, 726.

3) Гринъ, *назв. соч.*, IV, 180; May-Oppenheim, *op. cit.*, I, 320.

въ судъ не явился. Когда же въ ноябрѣ собрался парламентъ, онъ первымъ дѣломъ обсудилъ инцидентъ и призналъ 45-ый номеръ „Сѣвернаго Британца“ лживымъ, скандальнымъ и мятежнымъ пасквилемъ¹⁾, подлежащимъ сожженію рукою налача. 24-го числа была вынесена резолюція по общему вопросу о томъ, насколько поступокъ Wilkes'a подпадаетъ подъ дѣйствіе привилегіи. 257-ю голосами противъ 138 было признано, что парламентскій иммунитетъ не распространяется на пасквилы, и что имъ нельзя пользоваться въ цѣляхъ воспрепятствовать обычному дѣйствію законовъ въ дѣлѣ быстрого и эффективнаго преслѣдованія столь отвратительнаго и опаснаго правонарушенія²⁾. Эта резолюція вызвала пламенный протестъ со стороны Питта, что не помѣшало, однако, дѣлу перейти въ верхнюю палату, которая 29 ноября къ резолюціи присоединилась. Нужно впрочемъ сказать, что довольно значительная группа лордовъ рѣшительно высказалась противъ принятія постановленія общинъ, причемъ 17 изъ нихъ заявили особый письменный протестъ. Соображенія меньшинства сводились къ двумъ пунктамъ. Съ одной стороны, указывалось на то, что согласно издавна установившемуся обычаю, преслѣдованіе члена парламента допускается только въ случаяхъ treason, felony и отказа дать гарантію мира или подчиниться приказу о habeas corpus: libel же подъ понятіе breach of peace подведено быть не можетъ³⁾. Съ другой стороны, приведены были соображенія теоретическаго характера въ пользу обезпеченія наибольшей свободы для парламентскихъ дѣятелей⁴⁾.

Не подлежитъ сомнѣнію, что резолюція палаты общинъ была продиктована, главнымъ образомъ, политическими со-

1) „The North Britton № 45 is a false, scandalous and seditious libel, containing expressions of the unexampled insolence, etc.“ Parl. Hist., XV, 1361.

2) „That privilege of Parl. does not extend to the case of writing and publishing seditious libels, nor ought to be allowed to obstruct the ordinary course of the laws, in the speedy and effectual prosecution of so heinous and dangerous an offence“. Ibid., 1362.

3) „But this offence is not a breach of peace“. Ibid., 1374.

4) „A parl., under perpetual terror of imprisonment can neither be free, nor bold, nor honest“. Ibid., 1378. Къ тому же сводилась аргументація Питта въ палатѣ общинъ.

ображеніями. Wilkes былъ лидеромъ оппозиціи, и его ненавидѣло какъ правительство Георга III, такъ и торійское большинство. Тѣмъ не менѣе, слѣдуетъ сказать, что, юридически, у парламента были весьма вѣскія основанія остановиться именно на томъ рѣшеніи, которое онъ вынесъ. На самомъ дѣлѣ, пасквиль издавна принадлежалъ къ числу *indictable offence* — между тѣмъ уже въ 1641 г. было признано, что правонарушенія этого рода иммунитетомъ не покрываются.

§ 45. Резолюція 1763 г., сколь противъ нея въ свое время ни возражали, получила руководящее значеніе. Съ тѣхъ поръ практика твердо стоитъ на томъ, что иммунитетомъ покрыты только тѣ преступленія, которыя не входятъ въ разрядъ *indictable offences*¹⁾. Въ 1831 г. это категорически признано было комитетомъ о привилегіяхъ и въ настоящее время, повидимому, сомнѣній не возбуждаетъ.

Такимъ образомъ, нынѣ неприкосновенность распространяется только на маловажные проступки, подлежащіе разсмотрѣнію въ суммарномъ порядкѣ и подсудные т. наз. *petty sessions* или единоличной юрисдикціи мировыхъ судей²⁾. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ положеніе членовъ парламента ничѣмъ не отличается отъ положенія прочихъ гражданъ: по всѣмъ *indictable offences* они наравнѣ съ ними привлекаются къ отвѣтственности³⁾, и на судебныхъ мѣстахъ лежитъ лишь обязанность сообщать подлежащей палатѣ о мотивахъ задержанія ея членовъ⁴⁾.

Къ *indictable offences* въ настоящее время приравняется *contempt of court*. Въ XVI и XVII ст. вопросъ былъ споренъ. Такъ, въ 1605 г., нѣкій *Breton*, который подвергся тюремному заключенію по приговору суда королевской скамьи за *contempt*, былъ освобожденъ на основаніи

1) Перечень *indictable offences* см. у *Stephen, Digest*, 433—456. Слѣдуетъ замѣтить, что въ настоящее время прежнія классификація на *treason*, *felony* и *misdemeanour* утратила какъ теоретическое, такъ и практическое значеніе. Спора по этому поводу не существуетъ.

2) См. *Gerland*, *op. cit.*, 29; *de Franqueville, Système*, II, 303.

3) Членъ парламента можетъ быть даже задержанъ въ самомъ залѣ засѣданія, по крайней мѣрѣ до прочтенія молитвы. См. дѣло лорда *Cochrane* у *May*, *loc. cit.*

4) Подробность см. у *May*, *loc. cit.*, 124—126,

приказа о habeas corpus по требованію коммонеровъ). Въ 1625 г. лорду Vaughan тѣмъ же путемъ удалось прекратить преслѣдованіе со стороны Звѣздной Палаты. Но со второй половинѣ XVIII в. дѣло мѣняется. Прежде всего, standing order'омъ отъ 8 іюня 1757 г. (№ 79) верхней палатой было установлено, что никакой пэръ или лордъ не можетъ отказать подчиниться приказу о habeas corpus, а въ дѣлѣ графа Ferrers признано было, что въ случаѣ такого отказа можетъ быть назначено тюремное заключеніе²⁾.

Что же касается палаты общинъ, то, начиная съ XIX в., тянется длинный рядъ прецедентовъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что contempt въ настоящее время ничемъ не отличается отъ indictable offence. Это было категорически подтверждено въ 1902 г. комитетомъ о привилегіяхъ по дѣлу Me Hugh.^{3) 4)}

VI.

Срокъ дѣйствія привилегій.

§ 46. Какъ мы уже имѣли случай отмѣтить члены парламента первоначально пользовались привилегіей „eundo, morando et redeundo“, т. е. въ то время, когда засѣдала палата и во время пути какъ туда, такъ и обратно.

Спрашивается, однако, что считалось легальнымъ срокомъ для такого путешествія? Какъ установлено новѣй-

1) May, loc. cit., 127; Parry, op. cit., 249.

2) May, loc. cit., 127.

3) Ibid. 128, 129.

4) Слѣдуетъ отмѣтить, что, въ случаѣ приостановки habeas corpus-а, члены парламента обыкновенно дѣлаются неприкосновенными въ томъ смыслѣ, что арестъ или задержаніе ихъ по уголовнымъ дѣламъ становится невозможнымъ безъ согласія соотвѣтственной палаты. Такъ, согласно ст. 4 акта о приостановкѣ 1687 г., „ничто въ настоящемъ актѣ не должно быть распространяемо на старинныя права и привилегіи парламента, ни на заключеніе или задержаніе какого-либо члена обѣихъ палатъ парламента до тѣхъ поръ, пока предметъ, въ которомъ онъ подозрѣвается, не будетъ предварительно сообщенъ той палатѣ, членомъ котораго онъ состоитъ, и пока на его арестъ или задержаніе не будетъ получено согласіе этой палаты“. Дерюжинскій, назв. соч., 168; фонъ-Резонъ, назв. соч., 8. Ср. Parl. Hist., V, 156—157.

шими изслѣдованіями Hatschek'a¹⁾, опирающагося на авторитетъ Руппе, срокъ этотъ находился въ зависимости отъ расчета т. наз. wages, т. е. суточнаго вознагражденія, которые депутаты получали отъ своихъ избирателей. При Эдуардѣ II размѣръ суточныхъ былъ опредѣленъ въ 4 шиллинга для рыцарей и въ 2 шиллинга для горожанъ, причемъ уплата этихъ суммъ лежала на обязанности избирателей²⁾. Въ концѣ каждой сессіи отъ имени короля выдавался особый writ de expensis levandis, и расчетъ причитавшихся каждому депутату денегъ производился въ канцеляріи (Chancery). Со временемъ установился особый тарифъ для отдѣльных мѣстностей, причемъ было вычислено нормальное число дней для „путешествія туда и обратно“, съ расчетомъ причитающихся прогонныхъ. Этимъ тарифомъ опредѣлялось, однако, не только слѣдовавшее каждому депутату количество wages, но и сроки дѣйствія привилегіи freedom from arrest³⁾: депутатъ былъ покрытъ иммунитетомъ столько дней до начала сессіи и послѣ ея окончанія, сколько такихъ дней было обозначено въ writ de expensis.

Съ теченіемъ времени, а именно къ концу XVI ст., обычай выдавать суточные членамъ парламента исчезаетъ; отпадаетъ благодаря этому и объективный критерій для опредѣленія продолжительности привилегіи. Мало-по-малу въ обычай входитъ 40-дневный срокъ до начала сессіи и послѣ ея окончанія или перерыва. Блэкстонъ на него ссылается какъ на общепринятый и указываетъ на то, что „теперь этотъ срокъ равенъ продолжительности парламента, такъ какъ онъ рѣзко бываетъ пророгированъ больше, чѣмъ на 80 дней“⁴⁾.

1) См. его статью въ Zeitschrift f. d. ges. Staatswissenschaft, 1901, S. 152 ff., а также его же Englisches Staatsrecht, I, 339—341.

2) Георгъ Мейеръ, Избирательное право, книга II, М. 1906, стр. 74.

3) Hatschek, op. cit. I, 340: „Der Tarif in der Chancery hatte aber nicht nur den Zweck, das „eundo et redeundo“ im writ festzustellen. Er diente auch dazu die Dauer der Parlamentsprivilegien zu bestimmen. Der unbestimmte Zeitausdruck „eundo et redeundo“, dessen Feststellung ursprünglich ganz in der Willkür des Sheriff stand, wie wir sahen, durch die Chancery festgestellt wurde, ist das Bindemittel zwischen den Diäten der Abgeordneten und der Dauer der Parlamentsprivilegien geworden. Auch die Parlamentsprivilegien wurden nach der Zeit bemessen, welche durch den Ausdruck „eundo et redeundo“ gegeben war“. Cp. Parry, op. cit., XXXIII.

4) Blackstone-Stephen, op. cit., II, 353. По мнѣнію многихъ

40-дневный срокъ продолжаетъ и понынѣ считается законнымъ, по крайней мѣрѣ для членовъ палаты общинъ. Относительно верхней палаты ст. 67 наказа устанавливаетъ срокъ въ 20 дней для слугъ лордовъ, а по ст. 64 привилегія пэровъ должна длиться „обычное время“. Точнаго опредѣленія этого понятія, однако, нѣтъ ни въ одномъ законодательномъ актѣ; суды же твердо держатся 40-дневнаго срока, причемъ руководящее значеніе, по крайней мѣрѣ для новѣйшаго времени, имѣетъ судебное рѣшеніе по дѣлу *Duncombe* отъ 7 сентября 1847 г.¹⁾ Равнымъ образомъ, по свидѣтельству *Мау'я*, практикой признано, что привилегія покрываетъ членовъ парламента въ теченіе того же самаго срока и послѣ его роспуска (*dissolution*)²⁾.

англійскихъ писателей этотъ срокъ находится въ связи съ постановленіемъ ст. 14 великой хартіи, которая гласитъ, что члены *commune concilium regni* должны по вызову короля собираться „*ad certum diem, scilicet ad terminum quadraginta dierum ad minus et ad certum locum*“. См., напр. *Энсонъ*, назв. соч., I, 144. Исслѣдованія *Натсчек'а*, однако, показываютъ, что между постановленіемъ хартіи и продолжительностью привилегіи связи никакой не существуетъ. Слѣдуетъ замѣтить, что 40-дневный срокъ не сразу вошелъ въ обычай. Такъ, 24 апр. 1640, въ палатѣ общинъ было заявлено, причемъ никто не сдѣлалъ возраженій, что „every member of this House has Privilege for 16 days exclusive, and 15 days inclusive, before the beginning and ending of every Parliament“. *Parry*, *op. cit.*, 338.

1) *May*, *op. cit.*, I, 118.

2) *Ibid.*

Глава четвертая.

Сѣверо-американскіе Соединенные Штаты.

§ 47. Основанныя въ теченіе XVII ст. на сѣверѣ американскаго континента колоніи съ самаго начала организовались по англійскому образцу¹⁾. Населеніе ихъ состояло, главнымъ образомъ, изъ англійскихъ выходцевъ, принешихъ съ собой тѣ правовыя представленія, которыми въ то время жила ихъ родина. Хартіи, положившія основаніе политическому строю этихъ новыхъ государственныхъ организмовъ, узаконили въ общихъ чертахъ, тотъ порядокъ вещей, который существовалъ въ метрополіи²⁾. Исполнительная власть была вручена губернаторамъ, судебная — судамъ, а законодательная особымъ учрежденіямъ, состоявшимъ либо исключительно изъ избранныхъ населеніемъ депутатовъ, либо изъ представителей и лицъ, засѣдавшихъ по назначенію или личному праву³⁾.

Юридическое положеніе членовъ этихъ палатъ опредѣлялось, главнымъ образомъ, обычаемъ и прецедентами. Но

---

1) См. C. Ellis Stevens, *Les sources de la constitution des États-Unis*, trad. par Vossion, Par. 1897, p. 5 et suiv.; Hannis Taylor, *The origin and growth of the english constitution*, Lond. 1890, I, 22.

2) Текстъ этихъ хартій см. у Perley Poore, *The federal and state constitutions, etc.*, 2-d ed., Wash. 1878; исторію ихъ у Bancroft, *Geschichte der Vereinigten Staaten von Nordamerika*, übers. von Kretschmar, B. I—III, Lpz. 1845, и Gourd, *Les chartes coloniales et les constitutions des États-Unis de l'Amérique du Nord*, Par. 1885, t. I.

3) Объ организаціи колониальныхъ палатъ, кромѣ вышеуказанныхъ сочиненій, см. Herbert L. Osgood, *The american colonies in the seventeenth century*, N.-Y. 1904, v. II, въ особенности p. 74 fol.

въ нѣкоторыхъ случаяхъ хартіями давались соотвѣтственныя указанія. По общему правилу, обезпечены были свобода слова и свобода отъ ареста: во время сессій и въ теченіе срока, который колебался между недѣлей и 10 днями до и послѣ закрытія и открытія ея, члены палатъ, независимо отъ титула, на основаніи котораго они засѣдали, не подлежали аресту, за исключеніемъ случаевъ treason, felony и breach of peace¹⁾. Англійская формула, какъ видно, была рецепирована цѣликомъ²⁾.

§ 48. Въ 1776 г. засѣдавшій въ Филадельфіи конгрессъ предложилъ отдѣльнымъ штатамъ выработать себѣ конституціи. Коннектикутъ и Родъ-Айлендъ оставили въ силѣ дѣйствовавшія у нихъ колоніальныя хартіи, прочія 11 колоній выработали себѣ конституціи на особыхъ ad hoc созованныхъ конвентахъ³⁾.

Во всѣхъ штатахъ, согласно новымъ актамъ, законодательная власть была вручена представительному собранію, въ нѣкоторыхъ государствахъ раздѣленному на двѣ палаты. Эти маленькіе парламенты представляли собой довольно точную копію съ большого — англійскаго. Въ частности, имъ были предоставлены тѣ же привилегіи и та же карательная власть⁴⁾. Въ большинствѣ конституцій категорически были

1) Gourd, op. cit., II, 52.

2) Cp. Story, Commentaries of the constitution of the United-States, 4-th ed., Boston 1873, p. 608: „This privilege (i. e. freedom from arrest)... belongs to congress in common with all other legislative bodies which exist, or have existed in America since its first settlement, under every variety of government, and it has immemorially constituted a privilege of both houses of the British Parliament“.

3) См. Еллинекъ, Декларация правъ человѣка и гражданина, пер. Вормса, 2 изд., М. 1905, стр. 16; Боржо, Учрежденіе и пересмотръ конституцій въ Европѣ и Америкѣ, пер. Цейтлина, Спб. 1905, Вып. II, стр. 133 и слѣд. Текстъ конституцій см. у Poore, op. cit.

4) Такъ, напр., ст. XII конст. Maryland'a 1776 г. постановляетъ, что „the House of Delegates may punish, by imprisonment, any person who shall be guilty of a contempt in their view, by any disorderly or riotous behaviour, or by threats to, or abuse of their members, or by any obstruction to their proceedings. They may also punish, by imprisonment, any person who shall be guilty of a breach of privilege, by arresting on civil process, or by assaulting any of their members, during their sitting, or on their way to, or return from the House of Del., or by any assault of, etc.“ Poore, I, 822; ср. конституцію Миссури 1820 г., art. III, sect. 18, ibid, II, 1107.

оговорены традиціонныя freedom of speech и freedom of arrest и притомъ, по большей части, въ одинаковыхъ выраженіяхъ¹⁾.

На формулировку первой привилегіи оказало несомнѣнное вліяніе соотвѣтственная статья Билля о Правахъ 1689 г. Что же касается свободы отъ ареста, то, также какъ и въ Англіи, она не должна была распространяться на treason, felony и breach of peace. Въ нѣкоторыхъ конституціонныхъ актахъ, впрочемъ, изъятіе распространяется и на другія преступленія²⁾. Въ третьей группѣ, наконецъ, прямо указывается, что привилегія распространяется исключительно на арестъ по гражданскимъ дѣламъ³⁾.

Относительно продолжительности иммунитета точно также можно отмѣтить нѣсколько разновидностей. Въ однихъ штатахъ срокъ обозначенъ совершенно точно⁴⁾; въ другихъ говорится о „разумномъ“ срокѣ, нужномъ для путешествія отъ мѣстожительства депутата или сенатора до мѣста засѣданій и обратно⁵⁾. Третьи, наконецъ, устанавливаютъ расчетъ срока въ зависимости отъ разстоянія, полагая по одному дню на извѣстное количество миль⁶⁾.

1) Типичнымъ является постановленіе конститутіи Georgia 1789 г., art. I, sect. 14: „No senator or representative shall be liable to be arrested during his attendance on the general assembly, or for a reasonable time in going thereto or returning home except it be for treason, felony, or breach of peace; nor shall any member be liable to answer for anything spoken in debate in either house, in any court or place elsewhere“. Poore, I, 384, 385.

2) Напр., по конст. Колорадо 1876, art. V, sect. 16, и на violation of oath of office, Poore, I, 226.

3) „In all cases of civil process“. Конст. Коннектикута 1818 г., art III, sect. 10. Poore, I, 261. Ср. конст. Калифоніи 1849 г., art. IV, sect. 12. Ibid, 197.

4) Коннектикутъ 1818 г., art. III. Sect. 10: „four days before the commencement and after the termination of any session“. Ibid, 261; Миссурі 1820 г., art. III, sect. 23: „during the session... and for fifteen days next before the commencement and after the termination, etc“. Ibid., II, 1107.

5) Конст. Георгіи 1789 г., art. I, sect. 14: „during his attendance on the general assembly or for a reasonable time in going thereto or returning home“. Ibid., I, 384.

6) Напр., конст. Флориды 1838 г., art. IV, sect. 12: „allowing one day for evry twenty miles such member may reside from the place at which the general assembly is convened“. Ibid., I, 321.

§ 49. Постановленія эти перешли¹⁾ и въ союзную конституцію 1787 г. Согласно ст. I секц. 6, сенаторы и депутаты гарантированы отъ ареста во всѣхъ случаяхъ, за исключеніемъ treason, felony и breach of peace, во время присутствія ихъ на сессіяхъ той палаты, въ составъ которой они входятъ, а также во время пути ихъ туда и обратно; за рѣчи и пренія въ обѣихъ палатахъ они не могутъ быть допрашиваемы ни въ какомъ иномъ мѣстѣ²⁾. Статья эта на Филадельфійскомъ конвентѣ никакихъ преній не возбудила и принята была единогласно³⁾. Ею, какъ видно, узаконяются обѣ традиціонныя привилегіи: — свобода отъ ареста и свобода слова. Мы рассмотримъ каждую изъ нихъ особо, примѣнительно къ условіямъ американскаго строя.

1) Freedom from arrest. Установленная § 6 ст. I формула носить общій характеръ и воспроизводить основ-

1) О вліяніи конституцій отдѣльныхъ штатовъ на актъ 17 сентября см. статью Al. Johnston, приведенную у Bryce, *La république américaine*, trad. par Müller, Par. 1900, t. I, p. 580 et suiv. Вопросъ объ источникахъ сѣверо-американской конституціи довольно споренъ. О различныхъ воззрѣніяхъ на этотъ счетъ см. Ch. Meyerholz, *Zwei Beiträge zur Verfassungsgeschichte der Vereinigten Staaten*, Lpz. 1908, Beitr. I. Kap. VI (Woher kam die Konstitution?), а также упомянутое на стр. 153, примѣч. 1, изслѣдованіе Stevens'a. Какъ бы то ни было, но несомнѣнно, что вопросъ о привилегіяхъ конгресса былъ разрѣшенъ не на основаніи какихъ-либо общихъ теоретическихъ соображеній, а согласно съ стародавнимъ обычаемъ, ср. Hubrich, *op. cit.*, 37. Заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что *Federalist* вопроса о привилегіяхъ членовъ конгресса не касается вовсе: настолько онѣ само собою разумѣлись и не вызывали возраженій ни съ чьей стороны.

2) „The senators or representatives... shall in all cases, except treason felony and breach of the peace, be privileged from arrest during their attendance at the session of their respective houses, and in going to and returning from the same; and for any speech or debate in either house, they shall not be questioned in any other place“. „Артикулы конфедераціи“ 1777 г. заключали въ себѣ нѣсколько болѣе опредѣленную, съ точки зрѣнія редакціи, статью (art. V): „freedom of speech and debate in Congress shall not be impeached or questioned in any court ou place out of Congress, and the members of Congress shall be protected in their persons from arrests and imprisonments, during the time of their going to and from, and attendance on Congress, except for treason, felony or breach of the peace“. Первая часть, какъ видно, представляла собой буквальное повтореніе постановленія Билля о Правахъ.

3) Curtis, *History of the origin, etc., of the constitution of the United States*, N.-Y. 1861, II, 263.

ную норму англійскаго права по данному вопросу. Однако, какъ мы видѣли, въ Англіи какъ содержаніе, такъ и юридическая структура иммунитета постоянно измѣнялись въ зависимости отъ политическихъ условій. Поэтому въ Америкѣ могло быть рецепировано только то право, которое дѣйствовало къ концу XVIII ст. Въ это время какъ разъ послѣдовалъ рядъ статутовъ, значительно сократившихъ объемъ привилегіи. Поэтому содержаніе иммунитета въ Америкѣ довольно узко и, въ общемъ, совпадаетъ съ нынѣ дѣйствующими въ Англіи правилами¹⁾.

Прежде всего, также какъ и въ Англіи, привилегія имѣетъ значеніе почти исключительно для гражданскихъ дѣлъ: изъятіе, установленное § 6, толкуется распространительно, — въ томъ смыслѣ, что подъ него подводится всѣ indictable offences²⁾. Далѣе, дѣйствию ея подлежатъ только сенаторы и депутаты, но не ихъ слуги, свита и т. п.³⁾. Самое же задержаніе, буде таковое состоится, считается ничтожнымъ ab initio, причемъ арестованный можетъ быть освобожденъ либо на основаніи writ of habeas corpus, исходящаго отъ правительства, либо по writ of privilege, выданному канцеляріей (если рѣчь идетъ о представителѣ легислатуры того или другого штата)⁴⁾. Наконецъ такъ какъ арестъ самъ по себѣ незаконенъ, то лицо, распорядившееся о немъ подлежитъ судебной отвѣтственности⁵⁾.

1) Резюме дѣйствующаго въ Америкѣ права см. у Jefferson Manuel de pratique parlementaire, trad. par. Delpesch et Marcaggi, Par. 1905, p. 27 et suiv. Согласно резолюціи палаты депутатовъ отъ 15 сентября 1837 г., правила, изложенныя въ руководствѣ Джефферсона на имѣютъ для палаты силу закона во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда они не противорѣчатъ наказу.

2) Story, Commentaries on the constitution of the United States, 4-th ed. by Cooley, Bost. 1873, v. I, § 765; v. Holst, Das Staatsrecht der Vereinigten Staaten von Amerika, Freib. i. B., 1875, S. 57, n. 3.

3) Jefferson, op. cit., 28; Story, op. cit., 862: „In the members of Congress the privilege is strictly personal“.

4) Слѣдуетъ замѣтить, что такъ какъ конституціи отдѣльныхъ штатовъ возникли въ разное время, то по вопросу о привилегіяхъ онѣ не вполне сходятся, отражая въ себѣ тотъ фазисъ въ развитіи даннаго института, который въ моментъ выработки конституціи переживался въ Англіи.

5) Jefferson, op. cit., 20.

Дѣйствіе привилегіи начинается съ момента избранія и длится до возвращенія члена конгресса домой¹⁾. Точно также какъ въ Англіи понятіе „arrest“ обнимаетъ собою не только задержаніе въ тѣсномъ смыслѣ слова, но и т. наз. subpoena ad respondendum aut testificandum²⁾, равно какъ и исполненіе обязанностей присяжнаго засѣдателя³⁾.

2) Freedom of speech. Привилегія имѣетъ совершенно тотъ же характеръ и объемъ, что въ Англіи. Хотя § 6 ст. I конституціи говоритъ только о „допросѣ“ (questioned) членовъ конгресса, однако практика толкуетъ это выраженіе въ смыслѣ запрещенія всякаго вмѣшательства судебной власти. Иммуитетъ, далѣе, распространяется не только на рѣчи, но и на всѣ дѣйствія, совершаемыя членомъ конгресса при исполненіи имъ своихъ обязанностей⁴⁾. Коррелятомъ привилегіи являются карательно-дисциплинарныя права палаты: — на основаніи ст. I секц. 5 конституціи, каждая палата устанавливаетъ правила своего дѣлопроизводства, нака-

1) Ibid.: „La loi ne limite pas non plus la durée assez strictement pour qu'il faille exiger de l'intéressé que dès la session close il se mette immédiatement en route pour retourner en son État; elle lui laisse, au contraire, le temps de régler ses affaires privées et de préparer son voyage; elle ne lui fixe même pas très exactement un itinéraire, et ne lui retire pas sa protection, s'il s'écarte légèrement du plus direct, attendu qu'il y a peut être été contraint par quelque nécessité. Cp. Mohl, Das Bundes-Staatsrecht der Vereinigten Staaten, Tüb. 1824, S. 165.

2) Привилегія, однако, не освобождаетъ отъ обязанности фигурировать на судѣ въ качествѣ свидѣтеля по гражданскимъ дѣламъ, см. Story, op. cit., I, 608.

3) Jefferson, op. cit., 30. Любопытно то оправданіе привилегіи, которое приводится авторомъ: „la chose est juste: un membre de la chambre a, en effet, à remplir dans un autre lieu des devoirs supérieurs à ceux qui viennent d'être indiqués. Lorsqu'un représentant est retenu loin de son siège par l'effet d'une citation, les 40,000 personnes qu'il représente perdent leur voix dans la discussion et dans le vote, tout comme, si leur représentant s'était volontairement absenté; lorsqu'un sénateur est retenu loin de son siège par une assignation, l'État qu'il représente perd la moitié de sa voix, etc. L'énorme disproportion des maux ne soutient pas la comparaison“. Это — едва ли не единственное теоретическое обоснованіе иммунитета во всей американской литературѣ.

4) Mohl, loc. cit.; v. Holst, op. cit., 57: „Die Immunität ist nicht auf die Reden und Debatten beschränkt, sondern erstreckt sich auch auf die Abstimmungen, die Berichte und überhaupt jede offizielle Handlung als Mitglied eines der beiden Häuser“.

зываетъ своихъ членовъ за дурное поведеніе (disordely behaviour) и исключаетъ членовъ постановленіями, принимаемыми большинствомъ $\frac{2}{3}$ голосовъ¹⁾.

У конгресса, такимъ образомъ, рядомъ съ дисциплинарной властью, направленною на поддержаніе порядка въ засѣданіяхъ, имѣются еще довольно далеко идущія карательныя полномочія въ случаѣ „дурного поведенія“ его членовъ. Что подразумѣвается подъ этимъ терминомъ, законъ ближайшимъ образомъ не опредѣляетъ, и палатамъ въ этомъ отношеніи предоставлена полная свобода. Такъ, въ 1797 г. нѣкій Blount былъ исключенъ изъ сената за совершенное имъ уголовное преступленіе. Но практика вовсе не требуетъ, для примѣненія этой мѣры, чтобы дѣяніе было предусмтрѣно уголовнымъ кодексомъ: достаточно, чтобы оно не было совмѣстимо съ достоинствомъ и званіемъ народнаго представителя, причемъ безразличны какъ время, такъ и мѣсто совершенія дѣянія²⁾.

Что же касается чисто дисциплинарныхъ мѣръ, принимаемыхъ во время засѣданія, что таковыя опредѣляются для сената 19-ымъ, а для палаты депутатовъ 14-ымъ правиломъ соотвѣтственныхъ наказовъ³⁾.

§ 50. Согласно ст. I секц. 5 акта 17 сентября 1787 г., каждая палата ведетъ протоколы своихъ засѣданій и отъ времени до времени ихъ публикуетъ, за исключеніемъ тѣхъ частей, которыя она признаетъ не подлежащими оглашенію; въ протоколъ заносятся, буде того пожелаетъ $\frac{1}{5}$ присутствующихъ членовъ, голосованія по всѣмъ дѣламъ⁴⁾. На

1) О томъ, какъ должны исчислиться эти $\frac{2}{3}$ см. Mohl, loc. cit., и Weigel, op. cit., 16; Reynaert, op. cit., I, 370.

2) „A high misdemeanor, entirely inconsistent with his public trust and duty as a senator“. Story, op. cit., § 838.

3) Текстъ дѣйствующихъ наказовъ см.: для сената — Senate Manual containing the standing rules and orders of the U. S. senate, Wash. 1903; для палаты депутатовъ: A Digest and Manual of the rules and practice of the H. of R., prepared by Asher C. Huids, Wash. 1903. Французскій переводъ у Moreau et Delpech, op. cit., Par. 1907, t. II, p. 101—178. Тѣ свѣдѣнія, которыя сообщаются у Schleiden'a, Die Disziplinar- und Strafgewalt parlamentarischer Versammlungen über ihre Mitglieder, Berl. 1879, Heft I, S. 24 ff. (ему слѣдуетъ Weigel, op. cit. § 4) теперь уже значительно устарѣли. Ср. Reynaert, op. cit., I, 338 et suiv.

4) „Each House shall keep a Journal of its Proceedings, and from

самомъ же дѣлѣ всѣ произносимыя рѣчи немедленно записываются стенографистами и воспроизводятся въ „Congressional Records“. При этомъ, весьма часто ораторы довольствуются произнесениемъ въ палатѣ лишь незначительной части заранее написанныхъ ими рѣчей, а рукопись *in extenso* съ разрѣшенія конгресса отсылаютъ въ редакцію „Records“¹⁾.

Относительно публичности засѣданій, конституція никакихъ постановленій въ себѣ не содержитъ. На практикѣ, засѣданія палатъ посѣщаются многочисленными посѣтителями, и въ зданіи конгресса отведены особыя галереи для зрителей²⁾. Но иначе обстоитъ дѣло въ комитетахъ: засѣданія ихъ обставлены абсолютной тайной, и члены ихъ не въправѣ, даже въ палатахъ, упоминать объ имѣвшихъ въ нихъ мѣсто сужденіяхъ³⁾.

Печатаемые конгрессомъ отчеты или „Records“, какъ носящіе оффиціальныя характеръ, само собою разумѣется покрыты иммунитетомъ. Распространяется ли привилегія и на отдѣльныя рѣчи, отпечатанныя членами конгресса и розданныя ихъ избирателямъ — вопросъ до сихъ поръ окончательно не рѣшенный. Практика, повидимому, склоняется въ сторону положительнаго разрѣшенія вопроса, хотя, по свидѣтельству Holst'a, имѣются судебныя рѣшенія, относящіеся къ болѣе раннему времени, которыя стоятъ на противоположной точкѣ зрѣнія⁴⁾.

---

time to time publish the same, excepting such parts as may in their judgment require secrecy, and the yeas and nays of the members of either House on any question shall, at the desire of one-fifth of those present, be entered on the Journal“. Объ исторіи этой статьи см. Story, *op. cit.*, § 840.

1) Bryce, *op. cit.*, I, 213; Woodrow Wilson, *Le gouvernement congressionnel*, Par. 1900, p. 101.

2) Какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ Johannes Müller, *Die Immunität der parlamentarischen Berichterstattung*, S. 6, американское право, принципиально, въ данномъ отношеніи разнится отъ англійскаго: фактическое допущеніе постороннихъ не противорѣчитъ никакимъ правовымъ принципамъ, и создавшійся обычай установился не *contra*, а *praeter legem*. Публичность засѣданій предусмотрена наказомъ палаты депутатовъ. См. правило 35-ое (Moreau et Delpech, *op. cit.*, II, 173).

3) Wilson, *op. cit.*, 93, 94.

4) *Op. cit.*, 57.

Раздѣль второй.

Законодательство Франціи и Бельгіи.

Глава пятая.

Начало революции и конституція 1791 г.

I.

Политическая доктрина революціи.

§ 51. Ликвидация стараго порядка и возведеніе новаго государственнаго зданія Франціи совершились, какъ извѣстно, подъ вліяніемъ двухъ ученій, имѣвшихъ рѣшающее значеніе для всего дальнѣйшаго развитія политической доктрины. Мы говоримъ о теоріи раздѣленія властей и о принципѣ народнаго суверенитета. Едва ли, однако, можно сомнѣваться въ томъ, что оба ученія стояли въ рѣзкомъ противорѣчій другъ съ другомъ и другъ друга отрицали, поскольку, по крайней мѣрѣ, рѣчь шла объ основныхъ началахъ. На самомъ дѣлѣ, теорія „Общественнаго договора“ приводила къ отрицанію самой идеи представительства и неотчуждаемыхъ личныхъ правъ; „Духъ законовъ“, напротивъ того, высшимъ началомъ государственности признавалъ осуществленіе личной свободы, а представительный строй лучшимъ способомъ достиженія этого идеала.

Въ одномъ, однако, обѣ доктрины сходились: это въ томъ, что ни изъ той, ни изъ другой нельзя было, по крайней мѣрѣ непосредственно, сдѣлать какіе бы то ни было выводы относительно необходимости поставленія депутатовъ въ особое, привилегированное положеніе.

На самомъ дѣлѣ, доктрина Монтескье сводилась, въ конечномъ анализѣ, къ взаимоограниченію властей, къ созданію системы сдержекъ, имѣющихъ своей задачей преду-

прежде не деспотизма и охранение свободы граждан¹⁾. Власть исполнительная и судебная не должны вторгаться въ область, отмежеванную законодателью; — но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы лица, осуществляющія законодательную функцію, должны были быть поставлены въ какое либо особое, привилегированное положеніе. Напротивъ того, надѣленіе членовъ представительныхъ учреждений правами, не присущими ни судьямъ, ни прочимъ должностнымъ лицамъ, стояло бы въ противорѣчій съ принципомъ равновѣсія властей, ибо въ этомъ случаѣ власти законодательной нетрудно было бы перетянуть вѣсы въ свою сторону. Въ лучшемъ случаѣ, изъ теоріи раздѣленія властей можно было вывести неподсудность членовъ законодательныхъ собраний обыкновеннымъ инстанціямъ. Но этого вывода Монтескье не сдѣлалъ, какъ не коснулся онъ ни однимъ словомъ въ своихъ опубликованныхъ²⁾ сочиненіяхъ привилегированнаго положенія народныхъ представителей.

Теорія народного суверенитета, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, въ какомъ она развита была Руссо, не болѣе ученія о раздѣленіи властей оправдывала необходимость свободы слова и неприкосновенности членовъ законодательныхъ собраний. По ученію женевского философа суверенитетъ не можетъ быть представленъ, по той самой причинѣ, по которой онъ не можетъ быть отчужденъ: онъ, по существу своему, заключается въ общей волѣ — воля же не можетъ быть представляема. Отсюда слѣдуетъ, что депутатъ не является представителемъ народа, а лишь его повѣреннымъ, не могущимъ рѣшить никакихъ дѣлъ окончательно, безъ утвержденія со стороны народа³⁾.

1) „Il faut que par la disposition des choses, le pouvoir arrête le pouvoir“, *Esprit des lois*, liv. XI, ch. VI. Cp. Barckhausen, Montesquieu, ses idées, ses oeuvres d'après les papiers de la Brède, Par. 1907, p. 95: „L'expression admise et brutale de séparation des pouvoirs exagère, trahit sa pensée. C'est plutôt la non-confusion qu'il serait exact de dire; car c'est d'elle seule qu'il s'inquiétait vraiment“.

2) По крайней мѣрѣ до сихъ поръ (1911 г.).

3) Du contrat social, liv. III, ch. XV: „La souveraineté ne peut être représentée... Les députés du peuple ne sont donc ni ne peuvent être des représentants, ils ne sont que des commissaires; ils ne peuvent rien conclure définitivement“.

Представительное правленіе, съ этой точки зрѣнія, есть non-sens¹⁾; присвоеніе же „коммисарамъ“ народа какихъ либо особыхъ преимуществъ, не предоставленныхъ другимъ гражданамъ, не находитъ себѣ никакихъ оправданій. По мнѣнію Руссо, полнота власти находится въ рукахъ народа, который обладаетъ всѣми атрибутами верховенства, присвоенными традиціонной доктриной абсолютнымъ властителямъ²⁾. Народная — суверенная — власть „абсолютна“, „священна“ „неприкосновенна“³⁾. Какъ только народъ законно собранъ, личность послѣдняго гражданина становится столь же священной и неприкосновенной, какъ личность перваго сановника въ государствѣ, ибо тамъ, гдѣ есть представляемый, нѣтъ уже болѣе представителя⁴⁾. Отсюда логически вытекаетъ, что неприкосновенностью могутъ пользоваться участники народныхъ собраній, но не члены представительныхъ учреждений⁵⁾ ⁶⁾.

Такимъ образомъ, ни догматъ раздѣленія властей, ни

1) Cp. Joseph Fabre, Les pères de la Révolution, Par. 1910, p. 397.

2) Cp. D'Eichthal, Souveraineté du peuple et gouvernement, Par. 1895, p. 75 et suiv.; Duguit, Le droit social, le droit individuel et la transformation de l'État, Par. 1908, p. 25 et suiv. Иного взгляда придерживается Rodet, Le contrat social et les idées politiques de J.-J. Rousseau, Par. 1909, p. 84 et suiv.

3) Contr. soc., liv. II, ch. IV.

4) Ibid., liv. III, ch. XIV.

5) На это вполне правильно и опредѣленно было указано уже Неггманн'омъ въ Archiv des Criminalrechts, N. F., 1863, S. 366: „Wie folgt, z. B., aus der Verantwortlichkeit des Volksganzen als Subjects der Legislative die Unverantwortlichkeit jedes einzelnen Abgeordneten und für seine gesamte ständische Funktion? Wie folgt aus dem Rechte, Gesetze zu machen, das Recht von den Anforderungen längst bestehender und gar nicht in Frage gestellter nicht getroffen zu werden? Schliesst nicht vielmehr die Behauptung, ein Gesetz machen zu dürfen, auch die eigene Anerkennung der Prädicate in sich, durch welchen ein Willensausdruck als Gesetz besteht“?

6) Слѣдуетъ, однако, отмѣтить, что въ своихъ „Considérations sur le gouvernement de la Pologne“ Руссо, проектируя для Польши учрежденіе сейма изъ представителей сословій, высказывается за предоставленіе депутатамъ свободы слова: „C'est un grand mal que les longues et vaines harangues qui font perdre un temps si précieux; mais c'en est un bien plus grand, qu'un bon citoyen n'ose parler quand il a des choses utiles à dire. Dès qu'il n'y aura dans les Diètes que certaines bouches qui s'ouvriront, et qu'il leur sera défendu de tout dire, elle ne diront bientôt plus que ce qui peut plaire aux puissants“. Ch. VII.

принципъ народнаго суверенитета — по крайней мѣрѣ въ ихъ первоначальной формулировкѣ — не представляли сколько нибудь подходящей почвы для теоретическаго обоснованія привилегированнаго положенія народныхъ представителей ¹⁾.

§ 52. И, тѣмъ не менѣе, обѣ эти идеи съ самого начала были положены въ основаніе ученія объ иммунитѣтѣ и не утратили своего значенія вплоть до настоящаго времени. Это — на первый взглядъ довольно странное — явленіе объясняется тѣмъ, что истинной доктриной революціи оказалось не ученіе Монтескье или Руссо въ чистомъ своемъ видѣ, а нѣкая средняя теорія, болѣе или менѣе удачно сочетающая „*séparation des pouvoirs*“ съ „*souveraineté du peuple*“ ²⁾. Это ученіе, пущенное въ оборотъ Сийесомъ и Маблі ³⁾ и развитое цѣлымъ рядомъ государственныхъ людей эпохи Учредительнаго Собранія и Конвента (Mounier, Hérault-de-Séchelles и др.), преслѣдовало, главнымъ образомъ, практическія цѣли. Оно ставило себѣ цѣлью снабдить идейнымъ содержаніемъ стремленія народа или, точнѣе, средняго сословія, сознавашаго свою силу и требовавшаго новыхъ формъ государственной и общественной жизни. Воззрѣнія Руссо и Монтескье давали превосходное орудіе для борьбы со старымъ порядкомъ: ими весьма искусно воспользовались для созданія новой политической идеологіи, нисколько при этомъ не заботясь о логической красотѣ и состоятельности самихъ построеній. Однимъ изъ лозунговъ, выдвинутыхъ публицистикой второй половины XVIII в., явилось какъ разъ ученіе о неприкосновенности депутатовъ.

Какъ только заговорили о созывѣ генеральныхъ штатовъ, повсюду стали раздаваться голоса, требовавшія, чтобы депутатамъ были предоставлены особыя гарантіи неприкосновенности

1) Другого мнѣнія держится Seidler, op. cit., 23. Ему слѣдуютъ Hubrich, op. cit., 47, и v. Muralt, Die parlamentarische Immunität in Deutschland und der Schweiz, Zür. 1902, S. 18.

2) См. интересныя замѣчанія П. И. Новгородцева, Кризисъ современнаго правосознанія, М. 1909, стр. 87.

3) О вліяніи Маблі см. Edme Champion, J. J. Rousseau et la révolution française, Par. 1909, p. 25: „Nous pourrions nous dispenser de dire qu'en 89 les écrits de Mably, très répandus et très lus, appelaient les Français à la liberté; qu'ils devinrent le „catéchisme national““.

и свободы. Опасались, что всемогущее правительство заглушить голосъ земли и лишить народныхъ представителей той самостоятельности и независимости, которая были необходимы для выработки конституціи и пересозданія Франціи. Въ общемъ, смотрѣли на дѣло такъ, что предстоитъ какъ бы заключеніе договора между націей и королемъ¹⁾, причемъ къ послѣднему относились съ крайнимъ недовѣріемъ. Недовѣрію къ исполнительной власти учила уже давно вся прогрессивная публицистика, находившая въ урокахъ прошлаго обильный матеріалъ для подобнаго настроенія. Мабли, напр., утверждалъ, что всякое законодательство должно исходить изъ того принципа, что исполнительная власть была, есть и вѣчно будетъ врагомъ власти законодательной. Такъ, говоритъ онъ, повелѣваютъ наши страсти, въ особенности скупость и честолюбіе²⁾. По справедливому замѣчанію проф. В. Герье „раздѣленіе власти нужно Мабли не столько какъ гарантія противъ захватовъ и увлеченій со стороны всѣхъ органовъ власти вообще, сколько какъ средство стѣснять исполнителей закона и удерживать ихъ на пути законности“³⁾. Согласно этому новому ученію о раздѣленіи властей — а оно-то и оказало вліяніе на революціонное законодательство — о равенствѣ властей въ государствѣ не можетъ быть и рѣчи: — на первомъ мѣстѣ должна стоять власть законодательная, исполнительная лишь ея органъ и слугитель. Аналогичныя мысли проповѣды-

1) Ср. Готфридъ Кохъ, Очерки по исторіи политическихъ идей и государственнаго управленія, русск. пер. изд. Скимунда, стр. 381.

2) Du gouvernement et des loix de la Pologne, въ Oeuvres complètes, Par. 1790, t. XIII, p. 64: „Tout législateur doit partir de ce principe que la puissance exécutive a été, est et sera éternellement l'ennemi de la puissance législative. Nos passions, et surtout l'avarice et l'ambition qui sont devenues l'âme du monde l'ordonnent ainsi, etc. Le plaisir que goûte le magistrat en jouissant de l'empire qu'il exerce sur les citoyens, l'invite à secouer le joug de la puissance législative, etc.“.

3) Политическія теоріи аббата Мабли, „Вѣстникъ Европы“ 1887, кн. 1, стр. 145. Ср. P. de Mellis, Le principe de la séparation des pouvoirs d'après l'abbé de Mably, Toul. 1907, p. 102: „La puissance législative (по ученію М.) sera toujours exposée à voir usurper son pouvoir, si elle ne se tient continuellement en garde contre l'ambition des magistrats qui sont naturellement portés à se mettre au dessus des lois. Le pouvoir exécutif, tel est l'ennemi le plus redoutable de la puissance législative“.

вались и Сіеесомъ. Въ своей брошюрѣ „*Délibérations à prendre dans les assemblées de bailliage*“ онъ ставитъ tiers-état двѣ цѣли, двѣ задачи: во первыхъ, онъ, совмѣстнó съ двумя другими сословіями, т. е. съ дворянствомъ и духовенствомъ, долженъ ограничить всѣ части исполнительной власти; во вторыхъ, оградивъ націю отъ возможныхъ злоупотребленій со стороны министерской власти, tiers-état долженъ защитить ее отъ привилегій¹⁾. Исполнительная власть разсматривается Сіеесомъ какъ общій врагъ всѣхъ трехъ сословій, т. е. власти законодательной²⁾, и въ этомъ горячій защитникъ правъ tiers-état вполнѣ сходится съ Мабли.

§ 53. Къ числу средствъ, способныхъ обезпечить законодательныя собранія отъ посягательствъ правительствъ, публицистика того времени относитъ, прежде всего, свободу слова, имѣющую быть предоставленною народнымъ представителямъ. Въ своихъ „*Vues sur les moyens d'exécution dont les représentants de la France pourront disposer en 1789*“³⁾ Сіеесъ подробно останавливается на вопросѣ о внутренней свободѣ собранія и предлагаетъ цѣлый проектъ „*statuts de police personnelle*“, т. е. наказа, регулирующаго внутреннюю дисциплину собранія. Согласно пункту первому этого наказа, „никакой депутатъ не будетъ привлекаться къ отвѣтственности внѣ собранія за все, что онъ скажетъ или сдѣлаетъ внутри его“. Какъ бы въ противовѣсъ такой привилегіи — которую, по крайней мѣрѣ на первое время, до выработки конституціи, предполагалось распространить на всѣ рѣчи и поступки депутатовъ, имѣющіе отношеніе къ государственнымъ дѣламъ (даже въ случаѣ произнесенія или совершенія ихъ внѣ собранія) — Сіеесъ предлагаетъ образовать особый комитетъ изъ 12 членовъ, взятыхъ изъ среды народныхъ представителей, для поддержанія порядка въ засѣданіяхъ и принятія репрессивныхъ мѣръ по отно-

1) Collection des écrits d'Emmanuel Sieyès, ed. revue et augmentée par l'auteur, t. I, Paris et Berlin (безъ года), p. 488.

2) Ibid., p. 489: „Il (le tiers-état) songera donc, d'abord, aux besoins publics d'un intérêt commun aux trois ordres. Tous ensemble commenceront par attaquer ce qu'ils peuvent appeler l'ennemi commun, c. à d. l'illimitation du pouvoir exécutif“.

3) Collection des écrits, p. 92 et suiv.

пенію къ провинившимся депутатамъ. То же, приблизительно, требованіе выставляется и въ упомянутыхъ нами выше „Délibérations“¹⁾.

Привилегія свободы слова депутатовъ не представлялась для Франціи второй половинѣ XVIII в. чѣмъ то безусловно новымъ и неслыханнымъ. Передъ глазами былъ примѣръ Англіи и Америки, гдѣ къ тому времени сказанная привилегія давно уже успѣла прочно утвердиться. Не подлежитъ сомнѣнію, что иностранные образцы оказали немаловажное вліяніе на выработку французскаго права вообще, и есть полное основаніе думать, что въ разсматриваемомъ нами вопросѣ знакомство съ „Комментаріями“ Блэкстона и съ „Англійской конституціей“ Делольма²⁾ принесло свои плоды. Существуетъ даже мнѣніе — виднѣйшимъ его представителемъ является Эсменъ³⁾ — будто въ данномъ случаѣ произошла своего рода безсознательная рецепція чужой нормы. Съ этимъ, однако, едва ли можно согласиться. Во Франціи, требованіе гарантіи свободы слова находилось, какъ мы видѣли, въ связи съ политическимъ міросозерцаніемъ революціонно-настроенной части общества; вліяніе иностраннаго, въ данномъ случаѣ англо-американскаго, права могло отразиться лишь на юридической формулировкѣ привилегіи. Но, какъ мы вполнѣ убѣдимся, это вліяніе оказалось далеко не столь плодотворнымъ, какъ этого можно было ожидать, и сущность и истинная природа

1) Loc. cit., p. 495 : „Arrêté: que les Députés nationaux ne seront point responsables au pouvoir exécutif d'aucunes paroles, écrits ou démarches relatifs aux affaires publiques; mais qu'il sera pourvu, dans l'Assemblée même, à une police personnelle, soit pour bon ordre intérieur, soit pour livrer à la justice ordinaire, après l'avoir exclus, tout membre qui aurait mérité d'y être traduit“. Буквально то же самое читаемъ въ „Инструкціи герцога Орлеанскаго лицамъ, снабженнымъ его довѣренностью для участія въ собраніяхъ балльажей, созванныхъ для выборовъ въ генеральные штаты“, Sieyes Politische Schriften, 1796, B. I, S. 362. О брошюрахъ Сійеса и ихъ вліяніи см. Шерэ, Паденіе стараго режима, пер. подъ ред. Е. Тарле, Спб. 1907, т. II, стр. 177 и слѣд.

2) Cp. Seidler, op. cit., 17; Кохъ, назв. соч., стр. 365 и слѣд.

3) Esmein, Éléments de droit constitutionnel, 4 éd., Par. 1906, p. 804: „Dès lors (послѣ изданія Bill of rights въ 1688 г.) cette immunité devint comme un axiôme du gouvernement représentatif. Elle fut proclamée en France par les États-Généraux, etc.“.

свободы слова довольно долгое время оставались для французского законодателя неясными и неопредѣленными.

§ 54. Второе изъ предлагавшихся средствъ для устраненія правительственнаго давленія на законодательныя собранія заключалось въ легализаціи „неприкосновенности“ депутатовъ. Еще Мабли, трактуя объ организаціи польскаго сейма, указывалъ на необходимость признанія личности депутатовъ священной и неприкосновенной: въ случаѣ обвиненія члена сейма въ какомъ либо преступленіи¹⁾, говоритъ онъ, жалоба должна быть принесена самому сейму, который оправдаетъ депутата, если онъ невиненъ и отошлетъ его домой, съ лишеніемъ депутатскаго званія, если онъ виновенъ. Если же депутатъ совершитъ проступокъ („quelque violence ou quelque injustice“), заслуживающій болѣе серьезнаго наказанія, онъ можетъ быть арестованъ для выдачи маршалу сейма, который за него и отвѣчаетъ. Если палата признаетъ его виновнымъ, то онъ подлежитъ лишенію званія депутата и передачѣ судебной власти для наказанія. — Здѣсь, какъ видно, неприкосновенность понимается въ двоякомъ смыслѣ: съ одной стороны, законодательное собраніе облекается правомъ судить и наказывать своихъ членовъ; съ другой, судебное преслѣдованіе депутата можетъ имѣть мѣсто только съ вѣдома и согласія самого сейма.

Мабли едва ли не единственный писатель данной эпохи, останавливающійся на вопросѣ сколько-нибудь обстоятельно. О „неприкосновенности“ народныхъ избранниковъ говорилось въ то время очень много; но яснымъ это понятіе никому не представлялось. Несомнѣнное вліяніе оказывала абсолютистическая идеологія: особа короля считалась священной и неприкосновенной, король былъ выше закона и никакого незаконнаго поступка совершить не могъ. Конституціонное ученіе того времени, почти цѣликомъ перенесшее съ народа какъ таковаго на его представителей атрибуты королевскаго суверенитета, не прочь было надѣлать депутатовъ традиционными свойствами верховной власти.

Съ другой стороны, на лицо имѣлись иностранные образцы, а именно англо-американское право. Извѣстно,

---

1) Мабли говоритъ о „*délit indigne de lui*“ (т. е. du nonce), *Gouvernement de la Pologne*, p. 25.

какъ въ концѣ XVIII в. во Франціи увлекались американизмомъ¹⁾ и какое вліяніе имѣли на выработку конституціонныхъ актовъ деклараціи правъ отдѣльныхъ штатовъ. Отразилось ли выработавшаяся на почвѣ англійскаго права конструкція иммунитета народныхъ представителей на постановку и разрѣшеніе вопроса во Франціи — вопросъ спорный и далеко еще невыясненный. Одни, какъ, напр., Гнейстъ, полагаютъ, что французское *inviolabilité* явилось послѣдствіемъ рецепціи неправильно понятаго англійскаго института *freedom from arrest*²⁾. Для другихъ — и они составляютъ большинство — институтъ имѣетъ чисто-французское происхожденіе и образовался совершенно самостоятельно³⁾. Внимательное изученіе историческаго матеріала приводитъ къ убѣжденію, что правы эти послѣдніе. Какъ мы сейчасъ увидимъ, французское *inviolabilité* выработалось постепенно, и законодатель долгое время шелъ ощупью, пока не натолкнулся на ту формулу, которая дала институту современный его обликъ. При этомъ, съ самаго начала неприкосновенность распространена была на уголовныя дѣянія, чего, какъ мы видѣли, въ Англіи никогда не было. Если англо-американское право и оказало какое-либо вліяніе, то

1) См. этюдъ М. Ковалевскаго, *Англоманія и Американофильство во Франціи XVIII в.*, „Вѣстникъ Европы“, 1892, кн. 11 и 12.

2) См. рѣчь его въ засѣданіи Рейхстага 17 декабря 1874 г., *Stenographische Berichte 1874/75*, B. II, S. 751: „Die Lage der Sache ist nämlich folgende, unseren Juristen ziemlich oft vorkommende. Man hat, als man unseren Art. 31 (конституція) aufnahm, geglaubt, einen bekannten Satz an den „Freiheiten des englischen Parlaments“ zu übertragen. Dieser angeblich bekannte Satz ging in die französische Charten, in die belgische Verfassung über, wurde aus der belgischen Verfassung frei übertragen in die preussische, aus der preussischen wörtlich übertragen in die deutsche Verfassung. Dabei ist uns aber etwas wiederfahren, was uns unzählige Male wiederfahren ist: wir haben Hunderte von fremden Rechtssätzen aufgenommen und haben uns dabei etwas völlig anders gedacht, als mit dem Originalsatz gemeint ist, den man zu übersetzen glaubte“. Послѣднее замѣчаніе, само по себѣ, совершенно вѣрно, но едва ли примѣнимо къ вопросу о неприкосновенности по французскому праву.

3) См., напр., Weismann, *Die strafprozessuale Privilegierung gesetzgebender Versammlungen*, въ *Zeitschrift f. d. gesammte Strafrechtswissenschaft*, B. IX, 1889, S. 380 und passim. Cp. Esmein, *Éléments*, p. 806 („ce n'est pas le droit anglais qui a fourni le modèle de cette immunité, telle qu'elle se présente dans notre droit constitutionnel“).

не въ данной области, а въ установленіи привилегіи свободы отъ ареста по долговымъ обязательствамъ: ибо французское право, на подобіе англійскаго, на первыхъ порахъ сочло нужнымъ узаконить и этотъ видъ привилегіи.

II.

Наказы 1789 г.

§ 55. Отъ словъ скоро пришлось перейти къ дѣлу. Уже въ концѣ 1787 г. вопросъ о созывѣ генеральныхъ штатовъ въ принципѣ былъ рѣшенъ, а 8-го августа 1788 г. срокомъ открытія сессіи назначено было 1-ое мая слѣдующаго года. Повсюду закипѣла работа по составленію наказовъ депутатамъ. Въ „*cahiers*“, какъ извѣстно, отразились все господствовавшія тогда во французскомъ обществѣ умственные теченія; по замѣчанію одного историка революціи, наказы являются „публичнымъ и вполне достовѣрнымъ хранилищемъ всехъ мнѣній и пожеланій цѣлой Франціи“¹⁾. Въ значительномъ ихъ числѣ вопросу о юридическомъ положеніи депутатовъ отводилось видное мѣсто. Какъ было констатировано графомъ Клермонъ-Тоннеромъ въ заведеніи Національнаго Собранія 27 іюля 1789 г., неприкосновенность особы народныхъ представителей была признана большинствомъ балльжеей и не оспаривалась ни однимъ изъ нихъ²⁾. Оно и вполне понятно. Наказы единодушно требовали облеченія генеральныхъ штатовъ не только законодательной, но и учредительною властью. Вполнѣ естественно при этомъ, что опасались противодѣйствія короля: — недаромъ Мабли и Сійесъ учили, что „*l'ennemi, c'est la puissance exécutive*“. Какъ замѣчаетъ Шерэ, „радость, которую произвелъ созывъ генеральныхъ штатовъ, не обошлась безъ примѣси недовѣрія и безпокойства. Спрашивали себя, какимъ образомъ достигнуть успѣха, сохранить независимость и дѣятельность штатовъ, въ виду тѣхъ нападеній,

1) Bertrand de Molleville, Histoire de la Révolution, IV, 179, Par. an IX, цит. у Шампіона, Франція наканунѣ революціи по наказамъ 1789 г., Спб. 1906, стр. 5.

2) Archives parlementaires, 1-re série, t. VIII, p. 284. (въ дальнѣйшемъ цит. А. Р.).

предметомъ которыхъ они должны были несомнѣнно сдѣлаться¹⁾. Неприкосновенность и свобода слова требуются поэтому въ видѣ средства защиты штатовъ отъ возможныхъ покушеній на нихъ. Самая же формулировка этихъ требованій, однако, отличается довольно большимъ разнообразіемъ и свидѣтельствуетъ о томъ, что юридическое существо привилегій представлялось не вполне яснымъ.

Одна группа „*sahiers*“, какъ, напр., наказъ провинціи Артуа, ограничивается простымъ указаніемъ на то, что депутаты будутъ признаны священными и неприкосновенными²⁾; иногда указывается при этомъ продолжительность срока привилегіи, какъ въ наказѣ дворянства Бокерскаго (Beaucaire) и Нимскаго сенешосса³⁾.

Ко второй группѣ относятся тѣ немногіе наказы, которые требуютъ одной только свободы слова; къ ихъ числу принадлежитъ, напр., инструкція магистратовъ и совѣтниковъ города Валансьена⁴⁾. Иногда, впрочемъ, понятія неприкосновенности и свободы слова считаются совпадающими: такъ, дворянство балльяжа Тройес требуетъ, чтобы „личность каждаго изъ членовъ генеральныхъ штатовъ была объявлена неприкосновенной, такъ чтобы (*de maniére*) никто изъ нихъ не могъ никогда быть привлеченъ къ отвѣтственности за все то, что онъ скажетъ или сдѣлаетъ на собраніи штатовъ, развѣ только передъ этими послѣдними“⁵⁾.

Третью группу составляютъ тѣ наказы, гдѣ объ привилегіи — свобода слова и неприкосновенность — трактуются

1) Назв. соч., II, 294. Ср. Chassin, *Le génie de la Révolution*, Par. 1865, t. I, p. 220 et suiv.

2) A. P., II, 79, art. 1: „*Les députés aux États-Généraux seront reconnus personnes sacrées et inviolables*“. Ср. наказъ tiers-état Либурнскаго сенешосса, Ibid., III, 507, 40 („*que la personne des députés aux É.-G. soit déclarée inviolable et placée sous la sauvegarde spéciale du Roi et de la nation*“).

3) Ibid., IV, 237, art. 3:—15 дней до начала и 15 дней послѣ закрытія генеральныхъ штатовъ. Ср. среднее сословіе Базаскаго (Bazas) сенешосса, Ibid., VI, 495, art. 12 (до отдачи отчета избирателямъ).

4) Ibid., VI, 99, art. 3: „*ils demanderont qu'aucun membre des États ne puisse être inquiété ni recherché pour ce qu'il aura dit ou soutenu dans les États-Généraux*“.

5) Ibid., VI, 75. Ср. наказъ дворянства балльяжа Реймса, Ibid., V, 526, art. 12.

отдѣльно и независимо другъ отъ друга. Такъ, среднее сословіе провинціи Руссильонъ высказываетъ пожеланіе, чтобы члены генеральныхъ штатовъ были признаны и объявлены неприкосновенными съ момента ихъ избранія депутатами и чтобы они ни въ коемъ случаѣ не были отвѣтственны за то, что совершать, предложить или скажутъ на генеральныхъ штатахъ, развѣ только передъ самими штатами¹⁾. Буквально тоже самое повторяется въ инструкціяхъ Триэльскаго прихода²⁾, духовенства провинціи Першъ³⁾, средняго сословія города Руана⁴⁾ и въ цѣломъ рядѣ другихъ наказовъ.

Четвертая группа „*sahiers*“ къ двумъ рассмотрѣннымъ требованіямъ присоединяетъ и третье, а именно, чтобы депутаты не подлежали преслѣдованію за частно-правовыя обязательства. Къ этой категоріи относятся наказы средняго сословія Версаля⁵⁾ и St.-Germain - en - Laye⁶⁾, дворянства Ліонскаго сенешоссэ⁷⁾, балльяжа Quesnoy⁸⁾ и нѣк. др.

§ 56. Въ качествѣ корректива къ неограниченной свободѣ слова многія инструкции требуютъ признанія за генеральными штатами дисциплинарной власти надъ своими членами. Такъ, духовенство балльяжа Дурданъ высказываетъ пожеланіе, чтобы само собраніе примѣняло нужныя мѣры, вплоть до исключенія изъ своей среды провинившихся членовъ⁹⁾. Наказъ дворянства балльяжа Монтаржи идетъ еще дальше и требуетъ созданія, въ средѣ собранія, особой „личной полиціи“ (*police personnelle*), которая слѣдила бы за порядкомъ и передавала бы въ руки судебной власти, по

1) Ibid., V, 374.

2) Ibid., V, 144.

3) Ibid., V, 319.

4) Ibid., V, 597.

5) Ibid., V, 181: „La personne des députés sera inviolable. Ils ne pourront être inquiétés pour aucune affaire civile pendant la durée de leur députation; ils ne seront comptables au pouvoir exécutif d'aucuns discours qu'ils auraient tenu dans l'assemblée“.

6) Ibid., V, 75.

7) Ibid., III, 603, col. 1.

8) Ibid., V, 504.

9) Ibid., III, 245, № 26: „que l'assemblée fera justice elle même de ceux qu'elle croirait coupables, jusqu'à les exclure de son sein, si elle le jugeait à propos“.

исключеніи ихъ изъ собранія, тѣхъ членовъ, которые того заслужать¹⁾.

Особо долженъ быть отмѣченъ наказъ средняго сословія прихода Монтлери: депутаты считаются священными и неприкосновенными, поскольку они не отступаютъ отъ должнаго уваженія къ королю и націи; въ противномъ случаѣ, они судятся генеральными штатами. Последнимъ, такимъ образомъ, присваиваются судебныя, а не дисциплинарныя только функціи по отношенію къ своимъ членамъ.

Иногда „*cahiers*“ заключаютъ въ себѣ изложеніе мотивовъ, по которымъ выставляется то или другое требованіе. По мнѣнію дворянства балльяжа Клермонъ-Бовуази, „такъ какъ уничтоженіе всѣхъ недостатковъ конституціи и злоупотребленій на ея почвѣ мыслимо только путемъ разоблаченія ихъ передъ генеральными штатами, то подобное разоблаченіе должно быть сдѣлано возможнымъ; этого не было бы, если бы депутаты могли во время сессіи генеральныхъ штатовъ быть обезпокоиваемы въ своихъ правахъ (*inquiétés dans leurs droits*) даже судами, и если бы боязнъ какихъ либо послѣдствій мѣшало имъ свободно высказываться по государственнымъ дѣламъ; отъ мудрости генеральныхъ штатовъ зависитъ установить особыя полицейскія постановленія, которыя сдерживали бы выраженія депутатовъ въ тѣхъ предѣлахъ, которые штаты найдутъ приличными“²⁾. Ту же мысль, но въ нѣсколько иной редакціи, высказываетъ дворянство балльяжа Блоа³⁾.

Ближайшее опредѣленіе существа привилегій, въ особенности неприкосновенности, встрѣчается довольно рѣдко. Въ нѣкоторыхъ наказахъ, какъ мы уже видѣли, неприкос-

1) Ibid.. IV, 21. Chap. I, art. 2 in fine.

2) Ibid., II, 751, col. 2.

3) Ibid., II, 385, col. 2: „considérant en outre qu'il n'existerait pas de véritable liberté aux États-Généraux, si le suffrage des députés pouvait être gêné par la crainte de dénonciations faites dans les tribunaux, ou par des actes émanés de l'autorité ministérielle, noblesse du bailliage de Blois demande que tous les députés aux États-Généraux soient mis sous la sauvegarde de la nation; qu'ils soient à l'abri de toute dénonciation, de tout décret, de tout acte d'autorité, et qu'ils ne puissent être recherchés dans aucun tems pour tout ce qui pourrait avoir été dit et avancé par eux dans l'assemblée de la nation, etc.“

новенность отождествляется или, по крайней мѣрѣ, сближается со свободой слова; но въ другихъ она упоминается особо, причемъ кое-гдѣ получаетъ и болѣе точное опредѣленіе. Такъ, напр., среднее сословіе Монпелье, высказываетъ пожеланіе, чтобы особа депутатовъ была признана неприкосновенною и чтобы судебное и предварительное слѣдствіе были отложены на время засѣданій генеральныхъ штатовъ, а также на мѣсяць до начала и на мѣсяць послѣ закрытія сессіи ¹⁾. Община Сіота требуетъ, чтобы члены генеральныхъ штатовъ ни въ коемъ случаѣ не подлежали аресту во время слѣдованія къ мѣсту ихъ собранія, пребыванія ихъ здѣсь и возвращенія домой ²⁾. Наконецъ, Орлеанское дворянство постановляетъ, что, въ случаѣ совершенія депутатомъ преступленія, одни только генеральные штаты будутъ имѣть право разслѣдовать дѣло и передать виновнаго въ руки правосудія ³⁾.

III.

Конституція 1791 г.

§ 57. Не успѣли генеральные штаты собраться, какъ возникъ конфликтъ съ правительствомъ по поводу повѣрки полномочій депутатовъ. Tiers-état требовалъ поголовной повѣрки, дворянство и духовенство стояли за повѣрку по сословіямъ. Пять недѣль длились переговоры, пока 17 іюня 1789 г. среднее сословіе не провозгласило себя Національнымъ Собраніемъ. Это, какъ извѣстно, послужило сигналомъ къ революціи. Правительство рѣшило не уступать, и 23 іюня король, явившись въ собраніе, произнесъ программную рѣчь полную угрозъ по адресу оппозиціи и приказалъ представителямъ сословій разойтись и приступить къ занятіямъ, каждому чину отдѣльно. Дворянство и духовенство повиновались, но tiers остался на своихъ мѣстахъ и, повинуясь гордому призыву Сійеса — „vous êtes aujourd'hui ce que vous étiez hier, délibérez“ — приступилъ къ работѣ. Первымъ дѣломъ было обезпеченіе неприкосновенности и свободы

1) Ibid., IV, 50.

2) Ibid., VI, 321, col. 2.

3) Ibid., IV, 274.

слова. По предложенію М и р а б о принята была безъ преній декларація слѣдующаго содержанія: „Собраніе заявляетъ, что особа каждаго депутата неприкосновенна; что всякое частное лицо, корпорація, судъ или коммисія, которыя осмѣлятся во время или послѣ текущей сессіи преслѣдовать, розыскивать, арестовать или распорядиться объ арестѣ, лишить свободы или распорядиться о лишеніи свободы депутата за сдѣланныя имъ на генеральныхъ штатахъ предложенія или высказанныя имъ сужденія, мнѣнія или произнесенныя рѣчи, равно какъ всѣ лица, которыя окажутъ содѣйствіе при совершеніи одного изъ этихъ посягательствъ, откуда бы оно ни исходило, признаются безчестными и измѣнниками по отношенію къ націи и виновными въ преступленіи, подлежащемъ уголовному наказанію. Національное Собраніе постановляетъ, что въ указанныхъ случаяхъ имъ будутъ приняты всѣ соотвѣтственныя мѣры для розыска, преслѣдованія и наказанія виновниковъ такихъ дѣяній, подстрекателей или исполнителей“¹⁾.

Содержаніе и объемъ неприкосновенности, какъ видно, не были опредѣлены²⁾ — предполагалось, вѣроятно, что тутъ все ясно и бесспорно. Вскорѣ, какъ мы сейчасъ увидимъ, пришлось въ этомъ разочароваться. Свобода слова зато въ деклараціи 23 іюня обставлена была всевозможными

1) A. P., t. VIII, p. 147: „L'Assemblée nationale déclare que la personne de chacun des députés est inviolable: que tous particuliers, toute corporation, tribunal, cour ou commission qui oseraient, pendant ou après la présente session, poursuivre, rechercher, arrêter ou faire arrêter, détenir ou faire détenir un député pour raison d'aucune proposition, avis, opinion ou discours fait par lui aux États-Généraux, de même que toutes personnes qui prêteraient leur ministère à aucun desdits attentats, de quelque part qu'il soit ordonné, sont infâmes et traitres envers la nation, et coupables de crime capital. L'Assemblée nationale arrête que dans les cas susdits, elle prendra toutes les mesures nécessaires pour faire rechercher, poursuivre et punir ceux qui en seront les auteurs, instigateurs ou exécuteurs“.

2) По одной версіи, впрочемъ, декларація заканчивалась слѣдующими словами: „Arrête pareillement que toutes poursuites civiles et criminelles contre lesdits députés seront interdites à toutes personnes, en quelque qualité qu'elles soient, et à tous tribunaux pendant la session si elles ne sont expressément autorisées par l'Assemblée nationale“, A. P., *ibid.* Однако, если бы такой пунктъ былъ принятъ собраніемъ, то трудно думать, что впослѣдствіи могли возникнуть тѣ споры, которые вызвало опредѣленіе понятія неприкосновенности (см. ниже).

гарантіями; сравнительно съ наказами, вопросъ разработанъ былъ весьма тщательно, и, что самое важное, за нарушеніе иммунитета депутата устанавливалось наказаніе. Собраніе ясно сознавало необходимость перенести все дѣло на практическую почву и не ограничилось одними принципиальными заявленіями. Это было тѣмъ болѣе желательно, что рѣчь шла о жизненномъ вопросѣ. Дворъ и правительство, крайне недовольные тѣмъ оборотомъ, который вообще принимали дѣла, болѣе чѣмъ недружелюбно были настроены по отношенію къ Національному Собранію. Послѣднему каждая минута грозилъ роспускъ, и болѣе независимыхъ и смѣлыхъ членовъ ея могла постигнуть весьма печальная участь: Бастилья, быть можетъ, не была уже столь грозна какъ прежде, но *lettres de cachet* все еще продолжали процвѣтать. При такихъ обстоятельствахъ необходимо было себя обезопасить отъ возможныхъ послѣдствій чрезмѣрной рѣзвости слова и неосторожной критики существующаго строя; нужно было обезпечить свободу сужденій ради тѣхъ цѣлей, для которыхъ, вообще говоря, были созваны народные представители.

Декларация 23 іюня преслѣдовала, такимъ образомъ, чисто практическія цѣли. Провозглашенные ею принципы отнюдь не вытекали, такъ думаютъ Зейдлеръ¹⁾ и Губрихъ²⁾, изъ какихъ либо теоретическихъ предпосылокъ представительнаго строя. Основная мысль была та, что депутатовъ слѣдуетъ обезпечить отъ возможныхъ преслѣдованій за неугодные правительству рѣчи и заявленія, причемъ предусматривалась и возможность жалобъ и исковъ со стороны частныхъ лицъ. Послѣднія, конечно, легко могли явиться послушнымъ орудіемъ въ рукахъ правящей партіи и царедворцевъ. Эта мысль была совершенно ясно подчеркнута Мирабо въ той краткой рѣчи, которую онъ предположилъ чтенію текста декларации. Признать депутатовъ неприкосновенными, говорилъ онъ, не значитъ обнаруживать страхъ — „*c'est agir avec prudence, c'est un frein contre les conseils violents qui assiègent le trône*“.

§ 58. Однако, неясность, которая заключалась въ понятіи *inviolabilité* не замедлила сказаться. На засѣданіи

1) Op. cit., 27.

2) Op. cit., 78 seq.

9 октября того же 1789 г. одинъ изъ ораторовъ заявилъ, что нападенія парижской черни на народныхъ представителей, которыя имѣли мѣсто за послѣдніе дни, предусмотрѣны декретомъ 23 іюня, и Мирабо вынужденъ былъ разъяснить, что неприкосновенность касается только уголовного и административнаго воздѣйствія. Вскорѣ пришлось путемъ декрета установить предѣлы и объемъ неприкосновенности. Поводомъ къ этому послужили дѣла депутатовъ виконта Мирабо (младшаго) и графа Toulouse-Lautrec. Первый былъ арестованъ въ Castelnau-dary. Въ засѣданіи Національнаго Собранія 19 іюня 1790 г. братъ его, Мирабо старшій, сославшись на декретъ 23 іюня, потребовалъ принятія резолюціи, въ которой собраніе напоминало муниципалитетамъ о провозглашенной имъ неприкосновенности его членовъ и предлагало Мирабо младшему немедленно явиться для представленія объясненій о своемъ поведеніи¹⁾. Черезъ нѣсколько дней (25 и 26 іюня) вниманіе собранія занято было инцидентомъ съ Тулузъ-Лотрекомъ. Этотъ послѣдній былъ арестованъ Тулузскимъ муниципалитетомъ по обвиненію въ заговорѣ и подстрекательствѣ къ возстанію. Но какъ только онъ заявилъ о своемъ званіи, муниципалитетъ тотчасъ же прекратилъ всѣ преслѣдованія и о случившемся представилъ Національному Собранію. Дѣло было передано въ Comité des Recherches, который, совершенно не понявъ смысла и значенія привилегіи, предложилъ собранію декретировать, что Тулузъ-Лотрекъ, какъ законно обвиняемый въ преступленіи, не долженъ пользоваться гарантіей неприкосновенности, и поручить предсѣдателю отправиться къ королю съ просьбой приказать возобновить начатое Тулузскимъ муниципалитетомъ предварительное слѣдствіе, а затѣмъ дѣло передать въ Châtelet²⁾.

Это предложеніе, однако, встрѣтило рѣзкій отпоръ со стороны Робеспьера, поставившаго вопросъ на принципиальную точку зрѣнія. „Нельзя, говорилъ онъ, не нарушая основъ хорошей конституціи, не опрокидывая зданія общественной свободы, предположить, чтобы какой либо судъ

1) А. Р., XVI, 364.

2) Ibid., 461.

могъ, безъ предварительнаго испрошенія мнѣнія о томъ народныхъ представителей, захватить и судить депутата. Что такое неприкосновенность? Это не привилегія, и вмѣстѣ съ тѣмъ это нѣчто большее, чѣмъ общее право другихъ гражданъ. Въ принципѣ никакая власть не можетъ стоять надъ представительнымъ собраніемъ націи, никакое учрежденіе не можетъ опредѣлять судьбу представителей. Но, скажутъ, если они виновны, они должны быть наказаны. Да, конечно: вопросъ сводится къ слѣдующему: возможно ли существованіе суда, который могъ бы признать виновными представителей націи? Если на этотъ вопросъ отвѣтить утвердительно, ясно, что подобный судъ окажется распорядителемъ ихъ судьбы. Если бы онъ и не оказался въ состояніи рѣшить ихъ участь безъ соблюденія должной процедуры, онъ сдѣлаетъ это съ соблюденіемъ всѣхъ формъ, при посредствѣ несправедливыхъ рѣшеній; разъ неприкосновенность будетъ уничтожена, исчезнетъ и независимость представителей. Чтобы народные представители пользовались неприкосновенностью, нужно чтобы никакая власть не могла на нихъ покушаться. Никакое рѣшеніе не можетъ ихъ коснуться, если оно не исходитъ отъ власти имъ равной. Но такой власти не существуетъ.“ Въ заключеніе, Робеспьеръ требовалъ, чтобы собраніемъ была принята резолюція, согласно которой никакой представитель націи не можетъ подвергнуться преслѣдованію со стороны судебной власти безъ предварительнаго постановленія законодательнаго корпуса о томъ, что дѣлу долженъ быть данъ надлежащій ходъ¹⁾.

Въ приведенной рѣчи Робеспьера впервые былъ поставленъ вопросъ о точномъ значеніи и смыслѣ депутатской неприкосновенности. Политическій принципъ превратился въ юридическую норму, и неприкосновенность получила характеръ формально-правовой, процессуальной привилегіи, направленной къ огражденію народныхъ представителей отъ несправедливыхъ и пристрастныхъ судебныхъ рѣшеній. Мотивы, которыми продиктована была такая конструкция иммунитета, принадлежали къ двумъ категоріямъ. Одни изъ нихъ были чисто доктринальнаго свойства и вытекали изъ общаго политическаго міросозерцанія Робес-

1) Ibid., 462.

пьера. Последнее сложилось, главнымъ образомъ подъ вліяніемъ воззрѣній Монтескье, Руссо, Мабли и американизма¹⁾ и представляло собой, какъ у большинства дѣятелей революціоннаго періода, пеструю смѣсь, въ составъ которой входили и теорія раздѣленія властей, и ученеіе о народномъ суверенитетѣ, и представленія, почерпнутыя изъ изученія англійскаго строя и американской конституціи. Сторонникъ представительнаго образа правленія, Робеспьеръ вмѣстѣ съ тѣмъ преклонялся и передъ догматомъ народнаго верховенства; въ своей политической дѣятельности онъ стремился примирить эти оба начала. Депутатскую неприкосновенность онъ выводилъ изъ ученія о равноправіи государственныхъ властей: народные представители не могутъ быть подсудны общимъ судамъ потому, что власть законодательная не подчинена власти судебной. Надъ законодателемъ стоитъ только народъ, и если бы надія могла собираться, она являлась бы естественнымъ судьей своихъ представителей²⁾. Но такъ какъ это невозможно, то послѣдніе могутъ быть переданы общимъ судамъ только съ ихъ собственнаго согласія.

Такова была идеологія. За ней, однако, скрывались мотивы чистаго практическаго свойства и для людей того времени гораздо болѣе убѣдительные. Это — недовѣріе къ тогдашнимъ судебнымъ инстанціямъ. Въ нихъ дѣятели революціи усматривали опасныхъ носителей реакціонныхъ тенденцій и всячески старались себя отъ нихъ оградить. Въ безпристрастіе судей не вѣрили: они слишкомъ долгое время были послушнымъ орудіемъ въ рукахъ правительства и королей.

Рѣчь Робеспьера повела къ тому, что вопросъ былъ переданъ въ комитеты „de Constitution“ и „des Recherches“ для составленія соотвѣтственнаго проекта декрета. На слѣдующій день (26 іюня) комитетъ представилъ текстъ резолюціи, который былъ принятъ безъ существенныхъ измѣ-

1) См. Deumes, Les doctrines politiques de Robespierre, Bord. 1907.

2) Ср. слѣдующій passus изъ рѣчи 25 іюня: „Il existe un pouvoir supérieur aux représentants de la nation, c'est la nation elle même, si elle pouvait se rassembler elle serait leur véritable juge.“ Нужно ли говорить о томъ, что представленіе о націи, какъ высшей сущности государства, цѣликомъ взято у Руссо?

неній. Декретъ этотъ, чрезвычайно характерный, гласилъ слѣдующее :

„Собраніе оставляетъ за собой право издать де-
„тальныя постановленія относительно конституціонныхъ
„способовъ обезпеченія независимости и свободы чле-
„новъ законодательнаго корпуса; заявляетъ, что до
„введенія суда присяжныхъ по уголовнымъ
„дѣламъ и верховнаго національнаго суда, депутаты
„могутъ, въ случаѣ, *если они будутъ застигнуты на*
„*мѣстѣ преступленія*, быть арестуемы, въ соотвѣтствіе
„съ прежними ордонансами; что можно даже, за ис-
„ключеніемъ случаевъ, указанныхъ въ декретѣ 23 іюня
„1789 г., принимать жалобы противъ нихъ и произво-
„дить дознаніе, но что никакой судъ не можетъ сдѣ-
„лать постановленіе (о явкѣ, приводѣ или заключеніи
„ихъ подъ стражу въ качествѣ обвиняемыхъ) прежде,
„чѣмъ Законодательный Корпусъ, по рассмотрѣніи ре-
„зультатовъ дознанія и доказательствъ, не рѣшитъ, что
„имѣется достаточно оснований для обвиненія. Вслѣд-
„ствіе сего, признавая декретъ 17-го текущаго мѣсяца
„относительно г. Тулуза-Лотрека — одного изъ
„своихъ членовъ — ничтожнымъ, предписываетъ ему
„явиться для отдачи отчета въ своихъ дѣйствіяхъ Со-
„бранію, которое, выслушавъ его и рассмотрѣвъ дан-
„ныя начатаго предварительнаго слѣдствія, каковое
„можетъ быть возобновлено, несмотря на возвращеніе
„свободы Т.-Л., опредѣлитъ, имѣется ли основаніе для
„обвиненія и, въ утвердительномъ случаѣ, укажетъ
„соотвѣтственный судъ“¹⁾.

Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, что декретъ былъ
изданъ на время — до введенія суда присяжныхъ по уго-

1) „L'A. N., se réservant de statuer en détail sur les moyens consti-
tutionnels d'assurer l'indépendance et la liberté des membres de la législature,
déclare que jusqu'à l'établissement des jurés en matière criminelle et d'une
haute cour nationale, les députés, dans le cas de flagrant délit, pourront
être arrêtés conformément aux anciennes ordonnances; qu'on peut même,
excepté dans les cas désignés par le décret du 23 juin, faire des informa-
tions et recevoir des plaintes contre eux, mais que néanmoins tout jugement
sera suspendu, jusqu'à ce que sur le vu de l'information et des pièces de
conviction, l'assemblée ait décidé qu'il y a lieu à accusation, etc.“

ловнымъ дѣламъ. Теоретическіе доводы Робеспьера, очевидно, не убѣдили собранія. Основная мысль декрета — не изъятіе преступныхъ дѣяній изъ компетенціи суда вообще во имя равенства властей въ государствѣ, а огражденіе депутатовъ отъ возможнаго пристрастія данныхъ, наличныхъ въ то время судовъ, способныхъ возбуждать преслѣдованіе противъ ни въ чемъ не повинныхъ лицъ изъ партійныхъ и политическихъ соображеній.

Второй пунктъ, обращающій на себя вниманіе, это то, что привилегія не ограничена никакимъ срокомъ. Депутатъ, не выданный судебной власти, никогда не можетъ подлежать преслѣдованію за данное дѣяніе. Этимъ декретъ 26 іюня отличается отъ позднѣйшаго права, установившаго въ качествѣ незыблемой нормы, что палатамъ предоставляется лишь право отсрочить судебное разбирательство до окончанія сессіи. Это объясняется тѣмъ же мотивомъ, который вызвалъ въ свѣтъ и самъ декретъ: если данные суды негодны, то отъ нихъ можно ждать и мести по отношенію къ бывшимъ депутатамъ. Естественно было поэтому оградить этихъ послѣднихъ и на будущее время отъ недобросовѣстныхъ преслѣдованій.

Что же касается клаузулы о *flagrant délit*, то она попала въ декретъ совершенно случайно¹⁾. Первоначальный проектъ ея не содержалъ, и лишь въ засѣданіи 26 іюня депутатъ Fréteau потребовалъ ея включенія. Мотивомъ для своей поправки Фрето привелъ то обстоятельство, что даже въ старину, когда существовали привилегированныя лица и корпораціи, поимка на мѣстѣ преступления уничтожала всякую исключительную подсудность²⁾.

Фрето былъ совершенно правъ. По старо-французскому каноническому праву, достигшему въ данномъ отношеніи своего кульминаціоннаго пункта въ XII ст., преступления, совершаемыя клириками, были подсудны духовному суду. „*In criminalibus causis*, говоритъ декретъ Григорія, *in*

1) Cp. Weissmann, loc. cit., 383, 384.

2) „Dans les temps même où des individus et des corps privilégiés se préparaient l'impunité après le crime le droit de main-mise était en vigueur. La fameuse déclaration de 1145 l'atteste assez, puisqu'elle porte que la main-mise aura lieu même à l'égard des ecclésiastiques, nonobstant leur dignité du moment où il y aura flagrant délit“. A. P., XVI, 467.

nullo casu possunt clerici ab aliquo quam ab ecclesiastico iudice condemnari, etiamsi consuetudo regia habeat ut fures a iudicibus secularibus judicentur“¹⁾. Эта привилегія охотно признавалась королями, но за исключеніемъ случая поимки на мѣстѣ преступленія: клирикъ, застигнутый *in flagrante*, подлежалъ свѣтской, а не духовой юрисдикціи. Это было подтверждено въ цѣломъ рядѣ актовъ²⁾.

Воспоминанія объ этихъ историческихъ фактахъ побудили Фрето внести свое предложеніе. Но нужно думать, что принимая его, собраніе руководилось болѣе вѣскими мотивами, чѣмъ крайне сомнительная аналогія съ институтомъ стараго каноническаго права. На самомъ дѣлѣ, клаузуля о *flagrant délit* вполне гармонировала съ общимъ духомъ декрета, всецѣло построеннаго на недовѣріи къ суду: тамъ, гдѣ виновность очевидна, такому недовѣрію нѣтъ мѣста³⁾. Вмѣшательство палаты, поэтому, допустимо лишь тогда, когда есть сомнѣніе.

Вскорѣ Національному Собранію пришлось самому истолковать свой декретъ и точнѣе установить его смыслъ. По свѣдѣніямъ, доставленнымъ мѣстными властями департамента Сень-и-Лоаръ, оказалось, что депутатъ Гуларъ, находившійся въ отпуску, занимается преступной пропагандой, прикрываясь своей неприкосновенностью. Это сообщеніе вызвало бурю негодованія и цѣлый рядъ предложеній. Такъ, Voidel заявилъ, что неприкосновенность не покрываетъ дѣйствій Гулара, совершенныхъ имъ въ качествѣ част-

1) Ср. Beaumanoir, Coutumes de Beauvoisis, ch. XI, № 30: „Ne s'en doit sainte Église meller, excepté les personnes privilégiés si come clercs, liquel demeurent en toz cas en li juridiction de sainte Église“. Цит. у Faustin Hélie, Traité de l'instruction criminelle, Brux. 1863, t. I, № 299.

2) См. указъ Филиппа-Августа отъ 1 мая 1210 г. у Hélie, loc. cit. Ср. R. G. Dove, De jurisdictionis ecclesiasticae apud germanos gallosque progressu, Berol. 1855, p. 180. Поимка на мѣстѣ преступленія играло большую роль и въ сеньеріальной юстиціи. По общему правилу, всякій сеньеръ судилъ своихъ вассаловъ, а также всѣхъ кто „souchoient et levaient“ на его земляхъ, т. е. всѣхъ пребывавшихъ на нихъ. Однако, лицо, пойманное *in flagrante* на чужой землѣ, здѣсь же и судилось. Впоследствии французскіе короли воспользовались этимъ правиломъ для расширенія своей юрисдикціи на счетъ феодальной, см. Esmein, Histoire de la procédure criminelle en France, Par. 1882, p. 4, 5, 33.

3) Это вѣрно подмѣчено Зейдлеромъ, назв. соч., 38.

наго лица, и что поэтому противъ него должно быть начато судебное преслѣдованіе. Ргіеуг сталъ доказывать, что привилегія не касается преступленій противъ общественнаго порядка (*ordre social*), совершенныхъ депутатами не при исполненіи ими своихъ обязанностей. Другіе ораторы, однако, напомнили собранію, что хотя преступления народныхъ представителей и подсудны общимъ судамъ, тѣмъ не менѣ послѣдніе могутъ лишь производить дознанія, результаты которыхъ должны быть представлены собранію. Самое же преданіе суду можетъ послѣдовать лишь съ согласія Законодательнаго Корпуса. Въ этомъ смыслѣ и былъ вотированъ 22 марта 1791 г. особый декретъ, въ разъясненіе постановленія 26 іюня¹⁾.

§ 59. Между тѣмъ, начавшіяся еще въ 1789 году работы по составленію конституціи шли своимъ чередомъ. 21 мая 1791 г. Турэ представилъ собранію проектъ декрета объ организаціи Законодательнаго Корпуса²⁾. Вопросу о юридическомъ положеніи депутатовъ посвящены были четыре статьи (44—47). Первая изъ нихъ устанавливала, въ качествѣ общаго правила, начало неприкосновенности представителей отъ момента провозглашенія ихъ избранія до окончанія той легислатуры, членами которой они состоятъ, а также во время необходимаго для ихъ возвращенія домой срока. Вторая касалась неприкосновенности въ отношеніи дѣяній, совершаемыхъ депутатами во время исполненія ими своихъ обязанностей (т. е. свободы слова), третья (46) постановляла, что представители могутъ быть, за преступления, совершаемыя ими не при исполненіи своихъ обязанностей, арестуемы на мѣстѣ преступленія или въ силу приказа о задержаніи; продолженіе преслѣдованія, однако, разрѣшалось только въ томъ случаѣ, если Законодательный Корпусъ признавалъ, что есть основаніе для обвиненія. Статьи

1) A. P., XXIV, 289: „Considérant que l'inviolabilité des représentants de la nation, relativement aux délits commis hors de leurs fonctions n'empêche point les tribunaux d'informer sur ces mêmes délits suivant les formes ordinaires, cette inviolabilité les obligeant seulement de soumettre, avant le décret, les informations au Corps législatif, qui seul a le droit de déclarer qu'il y a lieu à accusation contre un de ses membres, l'Assemblée passe à l'ordre du jour“.

2) Ibid., XXVI, 267.

эти были приняты безъ преній и составили (съ незначительными измѣненіями)¹⁾ ст. 51—53 декрета 13 іюня 1791 г.²⁾.

5 августа Турэ, отъ имени комитетовъ „de Constitution“ и „de Revision“ представилъ собранію проектъ конституціи³⁾. Статьи 7 и 8 секціи V, гл. I, тит. III, касавшіяся привилегіи депутатовъ, были приняты безъ преній; онѣ почти совпадали съ соотвѣтственными постановленіями закона 13 іюня и безъ всякихъ измѣненій вошли въ конституцію ³/₁₄ сентября 1791 г.⁴⁾. Отпало лишь опредѣленіе срока, въ теченіе котораго депутаты пользуются неприкосновенностью. Правила конституціи ³/₁₄ сентября носили уже не временный, а постоянный характеръ. Къ тому времени Учредительное Собраніе успѣло разсмотрѣть законъ о присяжныхъ засѣдателяхъ и установить два вида жюри: jury d'accusation и jury de jugement. Тѣмъ не менѣе, привилегія неприкосновенности была сохранена, конечно потому, что судебная власть продолжала внушать опасенія и подозрѣваться въ реакціонныхъ тенденціяхъ. При этомъ иммунитету придана была своеобразная конструкція: запрещенъ былъ не арестъ депутатовъ, не лишеніе ихъ свободы безъ разрѣшенія законодательнаго собранія, а самое разсмотрѣніе дѣла по существу. Позднѣйшее право, какъ мы увидимъ, перенесло вопросъ на совершенно другую почву.

Въ тѣсной связи съ уголовной неприкосновенностью представителей стоитъ вопросъ о свободѣ ихъ отъ ареста по гражданскимъ взысканіямъ. Нѣкоторые наказы, какъ мы выше видѣли, находясь подъ несомнѣннымъ вліяніемъ ан-

1) По ст. 51 привилегіи длятся въ теченіе мѣсяца послѣ окончанія легислатуры.

2) A. P. XXVII, 154.

3) Ibid., XXIX, 207.

4) Art. 8, sect. 5, tit. III., chap. I. „Ils pourront pour faits criminels être saisis en flagrant délit, ou en vertu d'un mandat d'arrêt, mais il en sera donné avis sans délai au Corps législatif et la poursuite ne pourra être continuée qu'après que le Corps législatif aura décidé qu'il y a lieu à l'accusation“. Seidler, op. cit., 40, подозрѣваетъ здѣсь вліяніе англійскаго права; насколько это такъ, трудно сказать при наличномъ состояніи матеріаловъ. Дебаты свѣта на вопросъ не проливаютъ.

гліійскаго права, требовали чтобы депутаты не могли быть подвергаемы лишенію свободы за долги.

Однако, уже 7 іюля 1790 г. Національное Собраніе высказалось въ томъ смыслѣ, что по гражданскимъ дѣламъ задержаніе депутатовъ вполне возможно, а проектъ декрета объ организаціи Законодательнаго Корпуса заключалъ въ себѣ статью (47) разрѣшавшую обращать взысканіе какъ на самаго депутата, такъ и на его имущество. По этому поводу, впрочемъ, въ собраніи возникъ споръ¹⁾. Нѣкоторые члены (Дюпоръ, Мужень-де-Рокфоръ, Ле Шапелъе и др.) доказывали, что задержаніе депутата ни въ коемъ случаѣ не допустимо. Имъ возражалъ докладчикъ Турэ. Статья, съ небольшимъ редакціоннымъ измѣненіемъ, принята была собраніемъ²⁾. Въ конституціи 1791 г., однако, соотвѣтственное постановленіе было опущено, какъ само собою разумѣющееся.

§ 60. Что касается другой привилегіи, а именно свободы слова, то, какъ мы выше видѣли, декларация 23 іюня 1789 г. весьма тщательно регламентировала вопросъ и устанавливала даже строгія кары за всякое покушеніе на иммунитетъ. Принятый собраніемъ 29 іюля того же года наказъ вручилъ дисциплинарную власть надъ его членами председателю. Затѣмъ, закономъ 13 іюня 1791 г., твердо установлено было правило, что народные представители отвѣчаютъ за дѣйствія, совершаемыя ими при исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей, только передъ Законодательнымъ Корпусомъ. Постановленіе это принято было почти безъ преній³⁾. Конституція ³/₁₄ сентября ограничилась его повтореніемъ. Согласно ст. 7 секціи V гл. I тит. III этого акта „представители народа неприкосновенны; они не будутъ подлежать ни преслѣдованію, ни обвиненію, ни суду за то, что скажутъ, напишутъ или сдѣлаютъ при исполненіи ими своихъ обязанностей (fonctions) представителей“. Какъ видно, статья эта шла дальше декларации 23 іюня, такъ

1) А. Р., XXVI, 267, 268.

2) „En matière civile, toute contrainte légale et même la contrainte personnelle, tant qu'elle aura lieu, pourra être poursuivie et exécutée contre la personne d'un représentant ou sur ses biens, comme contre les autres citoyens“.

3) Ibid., XXVI, 267; XXVII, 154.

какъ предусматривала не только мнѣнія и рѣчи депутатовъ но и ихъ голосованія: подѣ выраженіемъ „сдѣлають“ могутъ быть подведены только вотумы.

Одновременно съ конституціей издано было (25-го сентября 1791 г.) и уголовное уложеніе, въ которомъ спеціально предусматрѣно было лихоимство со стороны народныхъ представителей¹⁾. За это преступленіе уложеніе грозило смертной казнью, причемъ, само собою разумѣется, преданіе виновника суду могло послѣдовать только съ разрѣшенія Законодательнаго Корпуса. Здѣсь по совершенно справедливому замѣчанію Зейдлера²⁾, не заключалось никакого отсупленія отъ выраженнаго въ конституціи принципа свободы слова; преступнымъ признавалось самое принятіе дара или денегъ, но не тѣ или другія мнѣнія или голосованія депутата, явившіяся послѣдствіями подкупа. Такимъ образомъ, преслѣдованію могъ подвергнуться депутатъ, не успѣвшій даже еще высказаться или учинить какія-либо дѣйствія во исполненіе даннаго обѣщанія.

---

1) Part. II, tit. I, sect. 5, art. 7.: „Tout membre de la législature qui sera convaincu d'avoir moyennant argent, présent ou promesse, trafiqué de son opinion sera puni de mort“. Дебаты см. А. Р., XXVII, 297 et suiv.

2) Op. cit., 29.

Глава шестая.

Эпоха Конвента.

I.

Конституція 1793 г.

§ 61. Конституція 3 сентября 1791 г., какъ извѣстно, оказалась весьма недолговѣчной. 21 сентября слѣдующаго года собрался Конвентъ, а на другой день провозглашена была республика. Было рѣшено немедленно приступить къ выработкѣ новой конституціи; для этой цѣли избрана была (11 октября) коммисія, въ составъ которой вошли, главнымъ образомъ, жирондисты. Труды этой коммисіи до насъ не дошли¹⁾; извѣстно лишь, что докладчикомъ своимъ она избрала Кондорсе, идеи котораго получили весьма яркое отраженіе въ представленномъ коммисіей проектѣ конституціи²⁾. Ст. 13 и 14 секц. I тит. VII проекта посвящены были юридическому положенію депутатовъ. Первая изъ этихъ статей, касавшаяся свободы слова, почти буквально повторяла соотвѣтственное постановленіе конституціи 1791 г.; вторая, говорившая о неприкосновенности, возвращалась къ системѣ декрета 26 іюня 1790 г. и предусматривала только *flagrant délit*: депутатъ могъ въ этомъ случаѣ подвергнуться аресту, но дальнѣйшее преслѣдованіе ставилось въ зависимость отъ согласія палаты. Точно также въ привилегированное поло-

---

1) Оларъ, Политическая исторія французской революціи, переводъ Н. Кончевской, изд. 2-ое, стр. 312.

2) Текстъ этого проекта отпечатанъ у Duguit et Monnier, *Les constitutions et les principales lois politiques de la France*, 2-me éd., Par. 1908, p. 36, et suiv.

женіе ставились члены національнаго конвента, который по проекту, имѣлъ быть созываемъ для пересмотра или измѣненія конституціи. Ст. 14 тит. IX гарантировала имъ свободу слова, а преданіе суду ихъ во всѣхъ случаяхъ, не исключая поимки на мѣстѣ преступленія, было поставлено въ зависимость отъ согласія самаго конвента.

Жирондистскій проектъ, какъ извѣстно, Конвентомъ принять не былъ. Обсужденіе его было прервано возстаніемъ Парижской коммуны, и въ началѣ іюня 1793 г. Комитету Общественнаго Спасенія было поручено составить новый проектъ конституціи. 10 іюня работа была готова, и *Négault de Séchelles* выступилъ въ качествѣ докладчика: 24 іюня новая конституція была вотирована собраніемъ.

Но и до изданія этого акта Конвенту не разъ пришлось заняться вопросомъ о привилегіяхъ народныхъ представителей. Собравшись 21 сентября 1792 г., 4 декабря того же года онъ уже, по предложенію Бюзона, издалъ декретъ, согласно которому смертной казни подлежалъ всякій, кто предложитъ или попытается возстановить во Франціи монархію или какую бы то ни было власть, органичивающую суверенитетъ народа¹⁾. Изъ рѣчи Бюзона и вызванныхъ ей преній видно, что имѣлись въ виду также и предложенія, исходящія отъ депутатовъ²⁾.

Между тѣмъ, партійная рознь и политическія страсти разгорались съ необычайной силой. Подъ вліяніемъ военныхъ неудачъ и грозившей со стороны коалиціи опасности, броженіе во французскомъ обществѣ достигло крайнихъ предѣловъ. Засѣданія Конвента приняли чрезвычайно бурный характеръ, и въ пылу страстей вотированъ былъ цѣлый рядъ постановленій относительно неприкосновенности депутатовъ, шедшихъ въ разрѣзъ съ принципами, ранѣе его установленными. Такъ, прежде всего, въ засѣданіи 1 апрѣля 1793 г., послѣ того какъ Ласурсъ бросилъ Дантону въ лицо обвиненіе въ участіи въ заговорѣ, по предложенію Марата и Бирото, поддержанныхъ жирондистами, принятъ былъ слѣдующій декретъ:

1) *Moniteur*, 2-me période, éd. Milan 1804, t. IX, p. 104.

2) „On dit qu'il y a ici des partisans de la royauté. Avant d'entrer dans le fond de la question, je demande, etc.“. *Ibid.*, p. 97.

„Національний Конвентъ, принимая во вниманіе, что народное благо есть высшій законъ, постановляетъ, что, не взирая на неприкосновенность представителей французскаго народа, онъ предасть суду того или тѣхъ изъ своихъ членовъ, противъ которыхъ будутъ основательныя подозрѣнія въ томъ, что они дѣйствуютъ за одно съ врагами свободы, равенства и республиканскаго правленія, если эти подозрѣнія будутъ вытекать изъ донесеній или письменныхъ доказательствъ, представленныхъ Комитету Общественной Обороны, на коего возложены доклады по обвинительнымъ приказамъ Конвента“¹⁾.

Декретъ носилъ временный характеръ и въ глазахъ Конвента вызванъ былъ исключительными обстоятельствами — это явствовало изъ рѣчей обоихъ инициаторовъ предложенія²⁾. Тотъ же самый характеръ присущъ и декрету 23-го же апрѣля, принятому по инициативѣ Робеспьера и согласно которому всякія предложенія вступить въ сношеніе съ враждебными державами, безъ предварительнаго съ ихъ стороны признанія независимости французской націи, суверенитета, недѣлимости и единства республики, основанной на свободѣ и равенствѣ, наказывалось смертной казнью³⁾.

§ 62. Черезъ два мѣсяца послѣ изданія этихъ регулятивовъ Конвенту пришлось приступить къ выработкѣ новой конституціи. Послѣдняя, конечно, была рассчитана на мирное время и нормальныя отношенія. Само собою разумѣется, что она не могла санкціонировать какихъ либо временныхъ постановленій и боевыхъ мѣръ, вродѣ только что приведенныхъ декретовъ. И на самомъ дѣлѣ, ст. 43 и 44 акта 24 іюня 1793 г. возстановляютъ какъ свободу слова депу-

1) Buchez et Roux, Histoire parlementaire de la Révolution française, t. XXV, p. 235.

2) Marat: „Lorsque le feu de la sédition est allumé dans plusieurs parties de la République, lorsque les ennemis extérieurs nous pressent . . . nous n'avons besoin que de lois révolutionnaires. Frappons les traitres, quelque part qu'ils se trouvent“.

Biroteau . . . „Dans un moment où la liberté est menacée de tout côté, toute espèce d'inviolabilité cesse; le peuple ne doit pas laisser sa confiance à un député contre lequel sont portées de nombreuses accusations“.

3) Buchez et Roux, XXV, 445.

татовъ, какъ и ихъ неприкосновенность, и притомъ въ формѣ, весьма близко подходящей къ жирондистскому проекту¹⁾.

Тѣмъ не менѣе, событія послѣднихъ лѣтъ не прошли безслѣдно. Якобинцы и „Гора“ были проникнуты духомъ недовѣрія ко всѣмъ тѣмъ, которыхъ они считали стоящими правѣ себя, и стремились во что бы то ни стало оградить народное представительство отъ ихъ вліянія, хотя бы цѣной нарушенія депутатскаго иммунитета. Съ другой стороны, привилегированное положеніе извѣстной категоріи гражданъ не мирилось съ принципомъ абсолютнаго равенства, который былъ положенъ во главу угла конституціи, какъ не соответствовало оно, строго говоря, началу народнаго суверенитета, по крайней мѣрѣ въ чистомъ его видѣ²⁾. И на самомъ дѣлѣ, ст. 31 деклараціи правъ человѣка и гражданина, приложенной къ акту 1793 г., категорически заявляла, что „преступленія повѣренныхъ (mandataires) народа и его агентовъ (agents) никогда не должны оставаться безнаказанными. Никто не имѣетъ права считать себя болѣе неприкосновеннымъ, чѣмъ прочіе граждане“. Статья эта, по существу своему діаметрально противоположная статьямъ 43 и 44, устанавливала лишь принципъ, но не юридическую норму. Она въ Конвентѣ прошла совершенно незамѣченной и, какъ вообще вся декларація, не вызвала никакихъ преній. Но, строго говоря, она гораздо болѣе соответствовала, общему духу демократическаго радикализма, позаимствованному у Руссо, чѣмъ вышеуказанныя постановленія, касавшіяся иммунитета. Да и самое юридическое положеніе этихъ послѣднихъ носило двойственный

1) Art. 43: Les député ne peuvent être recherchés, accusés ni jugés en aucun temps pour les opinions qu'ils ont énoncées dans le sein du Corps législatif.

Art. 44: Ils peuvent, pour fait criminel, être saisis en flagrant délit; mais le mandat d'arrêt ni le mandat d'amener ne peuvent être décernés contre eux qu'avec l'autorisation du Corps législatif.

2) Cp. Lechevallier, La constitution de 1793 et la science sociale, Caen 1898, p. 109: „De la même idée de délégation de pouvoir, de mandat, résultent encore d'autres conséquences; telles sont: la responsabilité de tous les fonctionnaires et des représentants du peuple, la publicité des séances de tous les corps délibérants et la courte durée des fonctions publiques. Tous les fonctionnaires et les représentants n'étant, en effet, que des mandataires du peuple, il est juste qu'ils soient responsables“.

характеръ. Въ глазахъ составителей конституціи депутаты являлись истинными представителями — *représentants* — лишь поскольку они совершали административные акты и издавали декреты¹⁾. Въ области законодательства они являлись только повѣренными, агентами народа, которому они только предлагали на утверждение законопроекты²⁾. Неприкосновенностью же пользоваться могли только представители — распространять эту привилегію на простыхъ мандатаріевъ было, до извѣстной степени, нелогично. Но, съ другой стороны, расчленивъ функціи депутатовъ и покрыть иммунитетомъ лишь одну ихъ категорію было, конечно, совершенно невозможно.

Наконецъ, слѣдуетъ замѣтить, что тѣ практическія соображенія, которыя лежали въ основаніи требованій авторовъ наказовъ 1789 г. и конституціи 1791 г., теперь, въ значительной степени, утратили свое значеніе. Королевская власть была сломлена, и опасаться гнета исполнительной власти не было основаній, тѣмъ болѣе, что по конституціи монтаньяровъ Исполнительный Совѣтъ (*Conseil exécutif*) избирался самимъ Законодательнымъ Корпусомъ изъ списка, составляемаго избирательными собраніями департаментовъ, и былъ ему вполнѣ подчиненъ. Согласно ст. 65-ой на его обязанности лежало лишь исполненіе законовъ и декретовъ собранія. Полнота власти, такимъ образомъ, сосредоточивалась въ народѣ и его главнѣйшемъ органѣ — Законодательномъ Корпусѣ. При такихъ обстоятельствахъ, власть исполнительная не была страшна.

Всѣ указанныя вліянія и направленія своеобразно преломились въ проектѣ конституціи, представленномъ Конвенту Эро-де-Сешеллемъ. Глава VIII заключала въ себѣ двѣ статьи — V и VI —, посвященныя иммунитету: онѣ буквально воспроизводили соотвѣтственныя постановленія жирондистской конституціи. Можно думать, что эти статьи попали въ проектъ какъ бы по инерціи: съ одной стороны, коммисія имѣла въ своемъ распоряженіи чрезвы-

1) Предметы вѣдѣнія Законодательнаго Корпуса, подлежавшіе регулированію посредствомъ декретовъ, были перечислены въ ст. 55.

2) Ст. 53: *Le corps législatif propose des lois, et rend des décrets.* Ср. Новгородцевъ, назв. соч., 82 и слѣд.

чайно мало времени, съ другой, она по своему политическому міровоззрѣнію мало чѣмъ отличалась отъ авторовъ потерпѣвшаго крушеніе проекта. На самомъ дѣлѣ, конституція монтаньяровъ исходила изъ тѣхъ же самыхъ принциповъ, что жирондистская, и не менѣе ея стремилась къ демократизаціи государственнаго строя Франціи. Разногласіе между Кондорсе и его друзьями, съ одной стороны, и Горой — съ другой, носили гораздо болѣе партійный, чѣмъ принципиальный характеръ¹⁾.

Статья V, говорившая о свободѣ слова, принята была собраніемъ лишь послѣ довольно жаркихъ преній. Рюлемъ (Rulh) предложена была поправка, смыслъ которой заключался въ томъ, что иммунитетъ не долженъ распространяться на мнѣнія, клонящіяся къ возстановленію монархіи. Тюріо предложилъ распространить это правило на сужденія, разрушающія единство и недѣлимость республики. Раффонъ же категорически высказался противъ всей статьи, какъ представляющей собой патентъ на безнаказанность для дурныхъ гражданъ, предающихъ интересы націи. Рѣчь свою онъ закончилъ требованіемъ, чтобы всѣ депутаты, которые проявятъ устно или письменно въ засѣданіяхъ палаты „des sentiments inciviques“ были самимъ собраніемъ преданы суду національнаго жюри²⁾. Ораторамъ возражалъ Робеспьеръ. Вѣрный той точкѣ зрѣнія, которую онъ развивалъ передъ учредительнымъ собраніемъ 28 іюня 1790 г., онъ сталъ доказывать, что хотя въ принципѣ и было бы крайне желательно, чтобы депутаты привлекались къ отвѣтственности за преступныя предложенія и рѣчи, однако, такой власти или инстанціи, которая могла бы судить депутата, безъ нарушенія свободы мнѣній и свободы народа не существуетъ. Единственное, что было бы возможно — это, чтобы по окончаніи легислатуры каждый представитель давалъ отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ народу, который, не присуждая его ни къ какимъ наказаніямъ, высказывался бы относительно характера поведенія депутата и заявлялъ бы: такой то исполнилъ мои намѣренія, а такой то обманулъ мои ожиданія.

1) О ларъ, назв. соч., 338 и слѣд.; 429 и слѣд.

2) Объ этомъ жюри см. ниже, стр. 195.

Противъ подобной постановки вопроса, однако, рѣзко выступилъ Тиріонъ, который сталъ доказывать, что единственнымъ судьей народныхъ представителей является общественное мнѣніе ¹⁾.

Статьи V и VI приняты были безъ всякихъ измѣненій и составили ст. 43 и 44 конституціи 1793 г. ²⁾

§ 63. Какъ выше упомянуто, одновременно съ конституціей вотированъ былъ актъ, въ которомъ заключалось постановление, по существу своему діаметрально противоположное приведеннымъ статьямъ. Мы имѣемъ въ виду декларацію правъ, служащую введеніемъ къ конституціи 1793 г. Ст. 32 категорически устанавливала, что преступления „повѣренныхъ“ (mandataires) народа и его агентовъ никогда не должны оставаться безнаказанными. Никто, продолжала статья, не вправе считать себя болѣе неприкосновеннымъ, чѣмъ другіе граждане. — Проектъ монтаньяровъ въ этомъ отношеніи шелъ еще дальше. Въ немъ содержалась глава (15-ая), озаглавленная: „Du grand juré (sic) national“. Жюри этотъ учреждался въ цѣляхъ огражденія гражданъ отъ притѣсненій со стороны Законодательнаго Корпуса и Исполнительнаго Совѣта; къ нему имѣлъ также право прибѣгнуть всякій гражданинъ, притѣсняемый другимъ частнымъ лицомъ. Въ составъ его входили лица, выбираемые на первичныхъ собраніяхъ по одному на каждый департаментъ; на его обязанности лежала передача виновныхъ правосудію, самъ же онъ никакихъ наказаній назначать не могъ.

Проектъ этотъ былъ рассмотрѣнъ въ засѣданіи 16 іюня и встрѣтилъ сильную оппозицію со стороны Тиріона и

1) Moniteur, XXXI, 306 et suiv. Слова эти здѣсь приписаны Тюріо, но это явная опечатка. Ср. рѣчь Тиріона въ засѣданіи 16 іюля (см. ниже, стр. 196).

2) 43 ст. говорила только объ „opinions“. Существуетъ мнѣніе, будто конституція сузила привилегію, сравнительно съ актомъ 1791 („se qu'ils auront dit, écrit ou fait“). По справедливому замѣчанію Hubrich'a, op. cit., 93, нѣтъ никакихъ данныхъ предполагать, чтобы составители радикальной конституціи имѣли въ виду ограничить иммунитетъ только „мнѣніями“ и исключить изъ него, напр., голосованія и сообщеніе тѣхъ или другихъ свѣдѣній. Споръ, впрочемъ, возникъ въ Германіи, во Франціи, сколько намъ извѣстно, никто никогда не сомнѣвался въ истинномъ значеніи термина „opinions“.

Тюріо. Первый находилъ, что подобный жюри могъ бы оказаться опаснымъ для свободы сужденій членовъ законодательнаго собранія. Второй доказывалъ всю принципиальную несостоятельность проекта, стремившагося создать рядомъ и надъ суверенной палатой контролирующую ее высшую инстанцію.

Подъ вліяніемъ этихъ рѣчей и согласно предложенію Робеспьера рѣшено было, отвергнувъ мысль о жюри, приступить къ изысканію средствъ для огражденія народа отъ насилія со стороны Законодательнаго Корпуса. 24 іюня Эро представилъ новый проектъ¹⁾, согласно которому каждому избирательному собранію предоставлялось право судить о поведеніи своего представителя по окончаніи легислатуры, съ тѣмъ, чтобы депутатъ могъ быть переизбранъ лишь въ случаѣ одобренія его дѣйствій со стороны собранія. При обсужденіи этого предложенія, однако, однимъ изъ ораторовъ было указано на принципиальную недопустимость такой постановки вопроса: депутатъ, говорилъ Тюріо, представляетъ народъ въ его цѣломъ; поэтому часть націи, которая осудила бы члена Законодательнаго Корпуса, присвоила бы себѣ непринадлежащее ей право. Пусть, закончилъ ораторъ, общественное мнѣніе судить о людяхъ — не будемъ декретомъ нашимъ вызывать рѣшеній, пагубныхъ для добродѣтелей.

Несмотря на защиту Раффрона и нѣкоторыхъ другихъ, проектъ Эро былъ отвергнутъ собраніемъ²⁾.

II.

Законъ 22 преріаля и декретъ 8 брюмера II года.

§ 64. Тѣмъ временемъ, однако, декретъ 1 апрѣля продолжалъ усердно примѣняться. Введеніе въ дѣйствіе конституціи было отсрочено на неопредѣленное время, и декретомъ 10 октября было учреждено, впредь до заключенія мира, временное революціонное правительство. Политическія стра-

1) Проектъ носилъ заглавіе: „de la censure du peuple contre ses députés et de la garantie contre l'oppression du Corps législatif“.

2) Moniteur, XXXII, 313 et suiv.

сти разгорѣлись съ невиданной до того силой; 9 марта 1793 г. въ Парижѣ вспыхнулъ мятежъ, а на слѣдующій день учрежденъ былъ по предложенію Дантона особый чрезвычайный уголовный судъ, получившій въ послѣдствіи названіе революціоннаго трибунала, для разбора всѣхъ анти-революціонныхъ замысловъ и посягательствъ противъ свободы, равенства, единства, нераздѣльности республики и т. п. Это учрежденіе вскорѣ сдѣлалось орудіемъ личной мести, и Робеспьеръ имъ воспользовался для осужденія на смерть своихъ противниковъ — гебертистовъ и дантонистовъ. Принципъ депутатской неприкосновенности былъ совершенно забытъ, и членамъ Конвента пришлось на себѣ испытать послѣдствія равенства передъ гильотиной.

Впрочемъ, на короткій срокъ — а именно на два дня — собраніе вспомнило объ иммунитѣ: 20 брюмера II года (10 ноября 1793 г.) оно издало декретъ, согласно которому никакой представитель народа не могъ подвергнуться задержанію, если онъ предварительно не былъ выслушанъ Конвентомъ. 12 ноября, однако, этотъ декретъ былъ отмѣненъ, какъ противорѣчащій принципу равенства¹⁾.

Закономъ 22 преріаля того же года (10 іюня 1794 г.) революціонный трибуналъ былъ преобразованъ. Конвенту, Комитетамъ Общественнаго Спасенія и Общественной Безопасности, коммисарамъ Конвента и прокурору суда было предоставлено привлекать къ отвѣтственности всякаго „врага народа“. 23 того же преріаля Бурдономъ поднятъ былъ въ Конвентѣ вопросъ о томъ, требуется ли, въ случаѣ обвиненія народнаго представителя, предварительное постановленіе собранія. Послѣ обмѣна мнѣній, вынесена была резолюція въ положительномъ смыслѣ. Такъ какъ, говорилось здѣсь, исключительное право народнаго представительства предавать своихъ членовъ суду есть право неотчуждаемое, то декретомъ 22 преріаля Конвентъ не имѣлъ въ виду отступить отъ законовъ, которые запрещаютъ предавать революціон-

---

1) „La Convention Nationale, considérant que l'intérêt national, la justice due au peuple et le principe sacré de l'égalité ne sauraient permettre que dans la recherche des coupables et dans la punition des crimes il soit établi une distinction injuste entre un représentant du peuple et tout autre citoyen, rapporte le décret du 20 brumaire“.

ному трибуналу депутатовъ безъ предварительнаго согласія палаты ¹⁾).

На слѣдующій день, однако, Кутонъ, отъ имени Комитета Общественнаго Спасенія, выразилъ въ засѣданіи Конвента протестъ противъ этого декрета. Здѣсь, говорилъ Кутонъ, намекая на рѣчь Бурдона, утверждалось, что Комитетъ имѣлъ въ виду уничтожить конституціонное начало и нарушить наиболѣе священные принципы. Это клевета. Комитетъ жаждетъ только одного — упражненія власти самимъ народомъ; онъ отнюдь не желаетъ посягнуть на права Конвента, т. е. народного представительства. Поэтому мотивы, приведенные въ постановленіи 23 преріала, должны были быть, по мнѣнію Кутона, вычеркнуты изъ декрета какъ излишніе, съ одной стороны, и оскорбительные для Комитета Общественнаго Спасенія — съ другой. По тому же поводу произнесена была длинная рѣчь Робеспьеромъ, и собраніе, невзирая на протестъ нѣкоторыхъ его членовъ, постановило вычеркнуть „*considérants*“, столь взволновавшие всесильный Комитетъ ²⁾).

Имѣлъ ли въ виду Робеспьеръ, предлагая законъ 22 преріала, создать такое орудіе власти, при помощи котораго онъ могъ бы безъ труда очистить Конвентъ отъ враждебныхъ ему элементовъ; или же онъ преслѣдовалъ только цѣль наказанія нѣкоторыхъ лицъ, являвшихся въ его глазахъ особенно преступными и опасными для дѣла революціи — вопросъ спорный ³⁾. Несомнѣнно, однако, что Бурдонъ и его друзья держались перваго изъ этихъ взглядовъ и въ молчаніи закона усматривали опасную для враговъ Робеспьера заднюю мысль. Насколько же Кутонъ былъ искрененъ въ своей рѣчи — вопросъ, который на основаніи имѣющагося матеріала рѣшить трудно.

§ 65. Между тѣмъ наступили термидорскіе дни, Робеспьеръ и его ближайшіе сподвижники пали, и власть перешла въ руки болѣе умѣренныхъ элементовъ: значительная

1) Buchez et Roux, XXXIII, 205 et suiv.

2) Ibid.

3) См., съ одной стороны, Buchez et Roux, XXXIII, 183, съ другой — Louis Blanc, Histoire de la révolution française, t. X., Par. 1858, p. 482 et suiv.

часть революціонныхъ законовъ была отмѣнена¹⁾, якобинскій клубъ закрытъ, началась реакція и связанный съ ней бѣлый терроръ. Одинъ за другимъ стали поступать въ Конвентъ доносы на дѣйствія его комиссаровъ въ провинціяхъ, разоблачая безчеловѣческую дѣятельность Каррьэ, Колло-д'Эрбуа, Лебона и цѣлаго ряда другихъ лицъ. Конвентъ вынужденъ былъ уступить бушевавшему общественному мнѣнію и принять крутыя мѣры противъ наиболѣе ненавистныхъ дѣятелей террора. Въ первую голову арестованы были Лебонъ и Давидъ; та же участь грозила постичь и другихъ депутатовъ: въ средѣ собранія неоднократно раздавались обвиненія противъ Билльо-Варена, Колло-д'Эрбуа, Баррера и Вадьэ²⁾. Все это сильно обезпокоило термидорцевъ лѣваго крыла, которые стали опасаться за свою собственную судьбу. Поэтому Талліеномъ внесено было предложеніе урегулировать процедуру преданія суду народныхъ представителей. Въ засѣданіи 2 брюмера Мерленъ (изъ Дуэ) внесъ, отъ имени Комитетовъ Общественнаго Спасенія, Общественной Безопасности и Законодательства, проектъ декрета, согласно которому всякій доносъ на депутата имѣлъ быть переданъ названнымъ Комитетамъ, отъ коихъ должно было зависѣть признать доносъ заслуживающимъ уваженія или нѣтъ. Въ первомъ случаѣ, Комитеты представляли объ этомъ Конвенту, который назначалъ комиссію изъ 11 членовъ для разсмотрѣнія обвиненія; по выслушаніи обвиняемаго и доклада комиссіи, Конвентъ постановлялъ о преданіи депутата суду.

Проектъ этотъ вызвалъ возраженія со стороны Переса, который произнесъ по этому поводу длинную и довольно характерную рѣчь. „Утверждаютъ, говорилъ ораторъ, что депутатъ ничѣмъ не отличается отъ обыкновеннаго гражданина и что, когда онъ виновенъ, онъ долженъ судиться на общемъ основаніи. Я далекъ отъ всякой мысли о неприкосновенности — но все же народъ говоритъ устами своихъ представителей, и нація стоитъ за ними. Поэтому

1) Въ томъ числѣ и законы 1 апрѣля и 22 преріаля.

2) Декретомъ 12 жерминаля III г. эти четыре лица были приговорены къ ссылкѣ. Это былъ первый случай наложенія наказанія самимъ Конвентомъ.

они должны быть поставлены въ особыя условія и судиться судомъ равныхъ“. Исходя изъ этихъ соображеній, Пересъ предлагалъ, чтобы всякій доносъ на депутата представлялся непосредственно Конвенту, который, по истребованіи заключенія Комитетовъ, самостоятельно долженъ былъ не только рѣшать вопросъ о преданіи суду обвиняемаго, но также и играть роль судебной инстанціи по отношенію къ нему¹⁾.

Оба проекта послужили предметомъ чрезвычайно бурныхъ преній. Противъ предложенія Переса особенно рѣзко выступилъ, въ засѣданіи 6 брюмера, Мерленъ, который доказывалъ, что, въ случаѣ принятія этого предложенія, конвенту придется одновременно играть роль *jury d'accusation* и *jury de jugement*. Для всѣхъ гражданъ вообще обѣ инстанціи раздѣлены: тоже должно имѣть мѣсто и для народныхъ представителей, такъ какъ нѣтъ никакого основанія предоставлять имъ меньшія гарантіи, чѣмъ простымъ смертнымъ.

Мнѣніе Мерлена взяло перевѣсъ, и 8 брюмера вотиrowанъ былъ регулятивъ, главнѣйшія постановленія котораго заключались въ слѣдующемъ²⁾.

Всякій доносъ противъ народнаго представителя имѣлъ быть доставленъ или пересланъ въ Комитеты Общественнаго Спасенія, Общественной Безопасности и Законодательства, до сообщенія о немъ Конвенту. Если всѣ три Комитета признавали, что дѣлу долженъ быть данъ ходъ, они обязаны были, не мотивируя, однако, своего мнѣнія, представить о семъ Конвенту. Составленіе доклада по дѣлу поручалось комисіи изъ 21 члена, назначенныхъ по жребію, ка-

---

1) См. *Moniteur* (оригин. изд.) отъ 3, 8 и 9 брюмера. *Levasseur* въ своихъ мемуарахъ (t. IV, Par. 1831, p. 53—55) совершенно неправильно описываетъ засѣданія Конвента по данному вопросу. Проекты Мерлена и Переса онъ считаетъ декретами, принятыми собраніемъ, причемъ расточаетъ Конвенту большія похвалы за эти мѣропріятія. На стр. 111, однако, онъ обрушивается на декретъ 8 брюмера (см. ниже), совершенно сходный съ предложеніемъ Мерлена, и называетъ его порожденіемъ реакціоннаго духа. *Левассеръ* ввелъ въ заблужденіе многихъ изслѣдователей, не обращающихся къ первоисточникамъ.

2) Полный текстъ, помимо *Moniteur'a*, можно найти у *Buchez et Roux*, XXXIV, 132.

ждый разъ особо, изъ среды Конвента. Предварительно представленія доклада, комиссія должна была выслушать обвиняемаго, которому имѣли быть сообщены всѣ документы. По выслушаніи доклада, Конвентъ рѣшалъ вопросъ о предварительномъ задержаніи подсудимаго. Самое же постановленіе о преданіи суду должно было быть принято не иначе, какъ путемъ поименнаго голосованія. Въ случаѣ вынесенія Конвентомъ такого постановленія, комиссія имѣла на слѣдующій же день представить обвинительный актъ, въ которомъ должны были заключаться тѣ именно факты, по поводу которыхъ обвиняемый былъ выслушанъ въ Конвентѣ и которые должны были служить основаніемъ для предварительнаго слѣдствія. Наконецъ, судебная инстанція, которой поручалось разсмотрѣніе дѣла, могла касаться только фактовъ, упомянутыхъ въ обвинительномъ актѣ.

Декретъ этотъ, какъ видно, былъ, главнымъ образомъ, направленъ противъ всемогущихъ Комитетовъ, деспотизмъ которыхъ сталъ невыносимъ для умѣренныхъ элементовъ Конвента. Понятно, что т. наз. „партія Комитетовъ“ была крайне недовольна новой мѣрой¹⁾ и всячески старалась ей противодействовать. Ей ясно было, что благодаря отводи-мой Конвенту роли, многимъ изъ ея членовъ грозятъ преслѣдованія, отъ которыхъ Комитетамъ уже не будетъ возможности ихъ укрыть²⁾. Когда же вопросъ объ изданіи декрета оказался рѣшеннымъ въ принципѣ, лѣвое крыло употребило всѣ усилія къ тому, чтобы какъ можно больше осложнить процедуру разсмотрѣнія доносовъ и обставить обвиняемыхъ депутатовъ наибольшими гарантіями. Противная же сторона, напротивъ того, стремилась по возможности все упростить, дабы легче и скорѣе посадить на скамью

1) Когда въ засѣданіи 29 вандемьера Талліенъ впервые предложилъ образовать въ средѣ Конвента особую комиссію для разсмотрѣнія жалобъ на представителей, его предложеніе встрѣтило чрезвычайно рѣзкій отпоръ со стороны нѣкоторыхъ изъ присутствовавшихъ. Леженъ обвинялъ его даже въ желаніи создать новыя *chambres ardentes*. См. *Moniteur* отъ 3 брюмера.

2) Она не ошибалась, такъ какъ 8-го же брюмера вечеромъ была избрана комиссія для сужденія по дѣлу Каррѣ. Вскорѣ затѣмъ послѣдовалъ цѣлый рядъ процессовъ противъ бывшихъ комиссаровъ.

подсудимыхъ нѣкоторыхъ изъ комиссаровъ Конвента, особенно сильно возбудившихъ противъ себя общественное мнѣніе.

Самъ по себѣ, декретъ едва ли можетъ быть причисленъ къ числу реакціонныхъ мѣръ. Онъ былъ естественнымъ протестомъ противъ того порядка вещей, который установился благодаря правленію Комитетовъ и, во всякомъ случаѣ, давалъ обвиняемымъ весьма серьезныя гарантіи. Правда, примѣненіе его мало что измѣняло въ революціонномъ хаосѣ того времени, и положеніе народныхъ представителей оставалось по прежнему болѣе чѣмъ прекарнымъ. Но причина крылась, конечно, не въ декретѣ 8 брюмера, а въ общемъ характерѣ событій этой смутной эпохи.

III.

Конституція III года.

§ 66. Для большинства членовъ Конвента съ самаго начала было совершенно ясно, что о примѣненіи конституціи 1793 г. не можетъ быть и рѣчи. Просвѣщенные круги общества успѣли извѣриться во всемогущество радикально-демократическихъ началъ, а воцарившаяся анархія отрезвляющимъ образомъ подѣйствовала на тѣхъ, которые въ принципахъ 93 года склонны были видѣть палладіумъ свободы и незыблемыхъ правъ человѣка. Но настроеніе законодателей не соотвѣтствовало настроенію народа ¹⁾. Для большихъ массъ конституція 23 іюня продолжала служить непревзойденнымъ идеаломъ. Никто, поэтому, на первыхъ порахъ и не рѣшался открыто выступить съ критикой конституціи ²⁾.

14 жерминаля III года Конвентомъ избрана была особая коммисія для выработки органическихъ законовъ, необходимыхъ для приведенія въ дѣйствіе акта 23 іюня. Черезъ двѣ недѣли Камбасересъ представилъ отъ имени этой

1) Zweig, Die Lehre vom Pouvoir Constituant, Tüb. 1909, S. 404, совершенно справедливо замѣчаетъ, что „die Entstehungsgeschichte der Direktorialverfassung ist die Geschichte eines Verfassungs-Konflikts zwischen Volk und Volksvertretung“.

2) Оларъ, назв. соч., 599.

коммисіи докладъ, въ которомъ онъ, не предлагая измѣнить конституцію, ограничивался изложеніемъ плана выработки органическихъ статей. Какъ говоритъ Оларъ, коммисія какъ бы признавала свое безсиліе или свою робость и требовала, чтобы возложенная на нее работа была передана въ другія руки¹⁾. Конвентъ уступилъ этому желанію и избралъ новую коммисію изъ одиннадцати членовъ. Весьма скоро, однако, эта коммисія пришла къ убѣжденію о непригодности конституціи 1793 г. и о необходимости приступить къ выработкѣ новаго фундаментальнаго закона²⁾. Послѣ преріальскихъ дней, когда Конвентъ, окруженный повстанцами, едва не сдѣлался жертвой народнаго гнѣва, отрицательное отношеніе къ демократическому радикализму вылилось въ совершенно опредѣленную форму. Умѣренная идеологія владѣющихъ классовъ одержала полную побѣду, и коммисія, открыто порвавъ съ якобинскимъ міровоззрѣніемъ, начертала проектъ конституціоннаго закона, который она представила Конвенту 5 мессидора III года. 5 фруктидора того же года (22 августа 1795) проектъ этотъ былъ утвержденъ собраніемъ.

Новая конституція представляла во многихъ отношеніяхъ возвратъ къ акту 1791 г. Она была чрезвычайно тщательно редактирована — по мнѣнію Эсмена лучше всѣхъ конституцій, которыя когда либо имѣла Франція³⁾ — и по вопросу о положеніи народныхъ представителей содержала въ себѣ цѣлый рядъ статей, точно опредѣлявшихъ объемъ ихъ привилегій. Хотя не сохранилось ни журналовъ засѣданій, ни какихъ либо слѣдовъ преній коммисіи одиннадцати⁴⁾, однако не трудно догадаться, какими соображеніями она руководствовалась при составленіи упомянутыхъ статей — принятыхъ, кстати замѣтить, Конвентомъ безъ всякихъ дебатовъ. Пере-

1) Назв. соч., стр. 601.

2) См. Larevellière-Lépeaux, *Mémoires*, t. I, Par. 1895, p. 229: „Dès le premier jour de notre réunion, nous convinmes, à la presque unanimité, qu'il ne devait être question entre nous ni de lois organiques, ni de constitution de 93, mais de préparer le plan d'une constitution raisonnable, aussi promptement qu'il serait possible, sans nuire à la perfection que nous étions capables de lui donner“. Ср. Оларъ, назв. соч., 603 и слѣд.; Zweig, *op. cit.*, 405.

3) Esmein, *Précis élémentaire de l'histoire du droit français de 1789 à 1814*, Par. 1908, p. 50.

4) Оларъ, назв. соч., 602.

житое смутное время показало, къ чему могутъ повести отступленія отъ начала парламентской неприкосновенности. Провозгласивъ терроръ, Конвентъ вскорѣ самъ сдѣлался его жертвой. Отсутствіе свободы слова повлекло за собой принятіе такихъ мѣръ и декретовъ, которые явно претили правосознанію большинства собранія ¹⁾).

Съ другой стороны, политическій опытъ показалъ, что народному представительству можетъ грозить опасность не только отъ исполнительной власти. Послѣдняя за все время существованія Конвента была всецѣло въ его рукахъ — и тѣмъ не менѣе забвеніе принципа неприкосновенности привело къ самымъ тяжелымъ послѣдствіямъ. Безконечныя преслѣдованія и казни депутатовъ были дѣломъ не постороннихъ силъ, а самого Конвента. Поэтому, при выработкѣ новой конституціи, страхъ передъ исполнительной властью, которымъ продиктованы были многія постановленія предыдущихъ конституцій, уступилъ мѣсто стремленію организовать ее на началахъ независимости отъ власти законодательной.

„Независимость исполнительной власти, говорилъ докладчикъ комиссіи одиннадцати — Боасси d'Англа — въ засѣданіи Конвента 5 мессидора III г. (23 іюля 1795 г.), не должна вамъ внушать никакого недовѣрія, забудьте впечатлѣніе, которое на васъ производили бывшія наименованія, нынѣ совершенно измѣнившія свой смыслъ. Прежде, исполнительная власть была опорой престола, теперь она станетъ опорой республики. Вы напали на нее и ее ослабили, потому что хотѣли разрушить угрожавшій вамъ престолъ; теперь вы должны ее укрѣпить, такъ какъ ваша цѣль уже больше не заключается въ уничтоженіи, а въ сохраненіи правительства; вы должны окружить его властью, уваженіемъ и блескомъ; вы должны устранить все, что могло бы его притѣснить или унижить, ибо оно также является носителемъ значительной части народнаго достоянія ²⁾.“ Статьи консти-

1) Въ доносѣ, представленномъ Конвенту вскорѣ послѣ термидорскихъ событій Lecoindre на нѣкоторыхъ изъ членовъ Комитетовъ Общественнаго Спасенія и Общественной Безопасности, прямо указывалось на то, что эти лица „de concert avec Robespierre, (ont) anéanti la liberté des opinions dans la Convention, en ne permettant point la discussion des projets de loi“. Barante, Histoire de la Cónvention, t. V, p. 45.

2) Barante, op. cit., t. VI, p. 150 et suiv.

туции, опредѣлявшія юридическое положеніе депутатовъ, такимъ образомъ, едвали были продиктованы недовѣріемъ къ правительству. Чѣмъ руководились составители конституции при редактированіи этихъ статей (110—123, подъ общимъ заглавіемъ „de la garantie des membres du Corps législatif“), изъ опубликованныхъ до сихъ поръ матеріаловъ въ точности неизвѣстно¹⁾. Но можно предположить, что принципъ неприкосновенности получилъ въ глазахъ коммисіи особую цѣнность, благодаря тѣмъ ужаснымъ для самого Конвента послѣдствіямъ, которыя вызвало отступление отъ него за предшествовавшіе три года²⁾. Для нея уже было ясно, что народное представительство должно быть гарантировано не только отъ правительственнаго произвола, но и отъ всякихъ, вообще, попытокъ воздѣйствія на него, откуда бы эти попытки ни исходили. Это стремленіе ясно сказывается въ тѣхъ статьяхъ, которыя касаются жалобъ на депутатовъ, приносимыхъ Законодательному Корпусу.

Да и вообще необходимо замѣтить, что къ тому времени общественное мнѣніе уже успѣло признать въ т. наз. привилегіяхъ народныхъ представителей существенную гарантию свободы и необходимую принадлежность предста-

1) Какъ выше упомянуто, протоколы засѣданій коммисіи одиннадцати до сихъ поръ не найдены. Мемуары же современниковъ, касающіеся вообще исторіи составленія конституции III года (ThibaudEAU, *Mémoires sur la Convention et le Directoire*, Par. 1824, t. I, ch. XV; Durand de Maillane, *Histoire de la Convention Nationale*, Par. 1875; Larevellière-Léreaux, *Mémoires*, t. I, ch. XI), вопроса о привилегіяхъ депутатовъ не затрагиваютъ.

2) Louis Blanc, въ своей *Histoire de la révolution française*, t. XII, Par. 1862, p. 523, возмущается ст. 110: „Un article, dans la constitution de l'an III, говоритъ онъ, mérite qu'on s'y arrête: c'est celui qui met les membres du corps législatif à l'abri de toute recherche pour ce qu'ils auraient dit ou écrit dans l'exercice de leurs fonctions. Comment les réacteurs purent-ils voter un pareil article sans que le rouge leur montât au front? Comment purent-ils oublier à ce point que c'était en s'armant contre leurs adversaires de ce que ceux-ci „auraient dit ou écrit dans l'exercice de leurs fonctions“, qu'ils étaient parvenus à mettre, selon le langage des temps, la proscription à l'ordre du jour? Il était un peu tard pour s'apercevoir que la liberté de la tribune est une condition sans laquelle il n'est pas d'assemblée délibérante possible!“ Лучше поздно, чѣмъ никогда, можно на это отвѣтить. И составители конституции лучше, чѣмъ кто бы то ни было, знали, къ чему привели декреты II года.

вительнаго строя. Всѣ конституціонные проекты, которые были представлены въ Конвентъ¹⁾, всѣ брошюры публицистическаго содержанія, которыя появились одновременно съ актомъ 5 фруктидора, признають неприкосновенность депутатовъ незыблемой основой новаго строя. При этомъ авторы даже рѣдко даютъ себѣ трудъ привести какія либо разсужденія въ доказательство необходимости привилегіи: эта необходимость какъ бы подразумѣвается сама собою²⁾.

§ 67. Обратимся теперь къ анализу соотвѣтственныхъ постановленій конституціи III года.

Ст. 110, санкціонировавшая привилегію безотвѣтственности, близко подходила къ аналогичной статьѣ конституціи 1791 г. „Граждане, говорилось въ ней, которые состоятъ или были членами Законодательнаго Корпуса, не могутъ быть преслѣдуемы, обвиняемы или судимы за сказанное или написанное ими во время исполненія ихъ обязанностей“. О „дѣйствіяхъ“ (faits) депутатовъ, совершенныхъ ex officio, здѣсь, въ противоположность акту 1791 г., не говорится, но едва ли изъ этого умолчанія можно вывести заключеніе, что ст. 110 не покрываетъ голосованій. Слѣдуетъ также отмѣтить, что безотвѣтственность впервые здѣсь не приведена въ связь съ неприкосновенностью — *inviolabilité*. Этотъ послѣдній терминъ отнынѣ сталъ употребляться исключительно для обозначенія права депутатовъ подвергаться судебному преслѣдованію лишь съ разрѣшенія законодательнаго собранія.

Ст. 111—114 касались именно этой второй привилегіи. На основаніи ихъ, члены Законодательнаго Корпуса (т. е. какъ Совѣта Пятисотъ, такъ и Совѣта Старѣйшинъ), съ мо-

1) См., напр., *Réflexions sur les bases d'une Constitution*, par le cit. *** et présentées par Bresson, député à la convention nationale, Paris, prairial, l'an III, p. 63 et 64.

2) См. напр., *Adrien Lezay*, Qu'est ce que la constitution de 95? Par. an III, p. 29: „Ainsi la pluralité, l'amovibilité, l'inviolabilité des Représentants, l'intégrité de la Représentation, tels sont les principes du gouvernement représentatif“. По мнѣнію этого публициста „la Représentation prend tous les caractères du peuple qu'elle représente“: такъ какъ народъ не можетъ грѣшить (pécher) по отношенію къ самому себѣ, то и представители не могутъ этого дѣлать; потому они неприкосновенны. Ср. *Opinion du général Miranda sur la situation actuelle de la France*, Par. an III, p. 9 (неприкосновенность есть послѣдствіе свободы).

мента ихъ назначенія до истеченія 30 дней со времени окончанія ихъ полномочій, могли быть преданы суду лишь съ соблюденіемъ особыхъ формальностей. Аресту за преступныя дѣянія они подлежали только въ случаѣ *flagrant délit*; но немедленно объ этомъ должно было быть доведено до свѣдѣнія Законодательнаго Корпуса, и преслѣдованіе могло продолжаться лишь послѣ состоявшаго со стороны Совѣта Пятисотъ предложенія о преданіи суду и утвержденія такового предложенія Совѣтомъ Старѣйшинъ. Внѣ указанного случая, члены Законодательнаго Корпуса не могли ни быть приведены къ полицейскимъ чинамъ, ни подвергнуты аресту прежде, чѣмъ Совѣтъ Пятисотъ не предложитъ предать ихъ суду, а Совѣтъ Старѣйшинъ не вынесетъ соотвѣтственнаго постановленія¹⁾. Компетентнымъ судомъ для разбора такого рода дѣлъ былъ признанъ исключительно Верховный Судъ, организація котораго была опредѣлена статьями 265—273 конституціи.

Тому же суду депутаты объявлены были подсудными за измѣну, расхищеніе государственнаго достоянія, дѣйствія, направленныя къ уничтоженію конституціи и посягательства противъ внѣшней безопасности республики (ст. 115). Никакой доносъ на члена Законодательнаго Корпуса не могъ дать основаніе къ возбужденію преслѣдованія, если онъ не былъ изложенъ въ письменной формѣ, подписанъ и адресованъ въ Совѣтъ Пятисотъ (ст. 116). Совѣтъ, по обсужденіи доноса въ порядкѣ, установленномъ ст. 77²⁾, отвергалъ или принималъ его (ст. 117). Въ послѣднемъ случаѣ,

1) Art. 111. Les membres du Corps législatif depuis le moment de leur nomination jusqu'au trentième jour après l'expiration de leurs fonctions, ne peuvent être mis en jugement que dans les formes prescrites par les articles qui suivent.

Art. 112. Ils peuvent, pour faits criminels, être saisis en flagrant délit: mais il en est donné avis, sans délai, au Corps législatif et la pour suite ne pourra être continuée qu'après que le Conseil des Cinq-Cents aura proposé la mise en jugement et que le Conseil des Anciens l'aura décrétée.

Art. 113. Hors le cas du flagrant délit, les membres du Corps législatif ne peuvent être amenés devant les officiers de police, ni mis en état d'arrestation, avant que le Conseil des Cinq-Cents ait proposé la mise en jugement et que le Conseil des Anciens l'ait décrétée.

2) Эта статья устанавливала систему трехъ чтеній, съ промежутками не короче 10 дней между каждымъ изъ нихъ.

обвиняемаго вызывали въ Совѣтъ для дачи показаній въ трехдневный срокъ (ст. 118). По истеченіи этого срока, Совѣтъ, независимо отъ того, явился ли обвиняемый или нѣтъ, постановлялъ о томъ, подлежитъ ли поведеніе обвиняемаго обсужденію или не подлежитъ (ст. 119). Въ утвердительномъ случаѣ, обвиняемый вызывался въ двухдневный срокъ, причемъ, въ случаѣ явки, ему предоставлялось право дать показанія въ залѣ засѣданій Совѣта (ст. 120). Но и въ томъ случаѣ, когда обвиняемый уклонялся, Совѣтъ, по истеченіи срока и по обсужденіи дѣла въ порядкѣ ст. 91¹⁾, постановлялъ, въ подлежащихъ случаяхъ, объ обвиненіи и предавалъ депутата Верховному Суду, который обязанъ былъ немедленно приступить къ разсмотрѣнію дѣла (ст. 122).

Наконецъ, ст. 348 регулировала положеніе членовъ тѣхъ собраній, которыя созывались для пересмотра конституціи. Имъ гарантирована была безотвѣтственность въ предѣлахъ ст. 110, а судебному преслѣдованію они подвергались только съ разрѣшенія самого собранія.

Какъ видно изъ этихъ постановленій, вопросъ о парламентскомъ иммунитетѣ былъ чрезвычайно тщательно разработанъ въ конституціи III года. Свобода слова была обезпечена абсолютная; всякое же вмѣшательство судебной власти, въ случаѣ совершенія депутатомъ преступленія или проступка, было поставлено въ зависимость отъ согласія Законодательнаго Корпуса. Исключеніе сдѣлано было лишь для *flagrant délit*, при которомъ арестъ виновнаго могъ имѣть мѣсто. Но и тутъ всякое дальнѣйшее судебное дѣйствіе зависѣло отъ разрѣшенія Совѣта Старѣйшинъ.

Послѣ провозглашенія конституціи 5 фруктидора Конвенту, казалось, оставалось только разойтись и уступить мѣсто вновь созданному Законодательному Корпусу. Однако, реакціонныя партіи успѣли къ тому времени настолько окрѣпнуть, что роялисты, только что привлечшіе на свою сторону генерала Richelieu и нѣкоторыя секціи парижской національной гвардіи, твердо надѣялись получить большинство на предстоящихъ выборахъ въ Совѣты Пятисотъ и Старѣйшинъ. Чтобы этого не допустить, Конвентъ, 5 фруктидора IV года, издалъ декретъ (дополненный 13 того же мѣсяца), по кото-

1) Статья устанавливала три чтенія, съ промежуткомъ въ 5 дней.

рому избирательныя собранія должны были послать въ Законодательный Корпусъ не менѣ двухъ третей наличныхъ членовъ Конвента, причемъ къ числу таковыхъ не причислялись депутаты, преданные суду или арестованные¹⁾. Этотъ законъ вызвалъ взрывъ негодованія и привелъ къ возстанію 13 вандемьера (5 октября 1795 г.), которое было подавлено благодаря энергичнымъ мѣрамъ Наполеона Бонапарта. Черезъ три недѣли Конвентъ, признавъ свою миссію оконченною, разошелся, но наканунѣ роспуска (3 брюмера IV г.) успѣлъ вотировать декретъ, согласно которому родственникамъ эмигрантовъ, а также лицамъ, которыя взяли на себя инициативу мѣръ, противныхъ законамъ, или подписали таковыя, запрещалось, вплоть до заключенія общаго мира, нести какія бы то ни было обязанности въ законодательныхъ, муниципальных и судебныхъ учрежденіяхъ, а также быть присяжными засѣдателями при Верховномъ Судѣ и иныхъ судебныхъ инстанціяхъ²⁾. Цѣль этого закона, предложеннаго и проведеннаго наиболѣе революціоннымъ крыломъ собранія, заключалась въ томъ, чтобы устранить отъ участія въ государственныхъ дѣлахъ роялистовъ и умѣренныхъ. Встрѣченный негодованіемъ, какъ возстановлявшій революціонный режимъ, актъ 3 брюмера незамедлилъ повести къ крупнымъ столкновеніямъ въ самой средѣ Законодательнаго Корпуса, открывшаго свои засѣданія въ томъ же мѣсяцѣ. Первое изъ нихъ возникло изъ за нѣкоего Эмэ (Aumé), подписавшаго протестъ противъ декретовъ 5 и 13 фруктидора³⁾. Коммисія, назначенная для повѣрки полномочій депутатовъ, потребовала исключенія его изъ числа членовъ Совѣта Пятисотъ. Умѣренная партія вступилась за Эмэ, доказывая, во первыхъ, что выборы, состоявшіеся до 3 брюмера, ни въ коемъ случаѣ не подпадаютъ подъ дѣйствіе новаго закона и, во вторыхъ, что самый декретъ былъ изданъ незаконно и противорѣчитъ конституціи. Однако, собраніе не убѣдилось этими доводами, 14 и 18 нивоза оба Совѣта признали, что декретъ имѣетъ обратную силу, и Эмэ, а за нимъ 8

1) См. Barante, op. cit., t. XI, 239 et suiv.

2) Текстъ декрета см. у Buchez et Roux, XXXVII, 85.

3) Thibaudeau, op. cit., t. II, 62 et suiv.; Sciout, Le Directoire, t. I, Par. 1895, p. 507 et suiv.

другихъ представителей, лишились своихъ мандатовъ¹⁾. Во время преній неоднократно возникалъ вопросъ о депутатскомъ иммунитѣ. Такъ, въ засѣданіи Совѣта Пятисотъ 13 нивоза, Пасторетомъ дана ему была совершенно правильная характеристика: гарантія народныхъ представителей, говорилъ онъ, покоится на общественной пользѣ, а не на индивидуальномъ интересѣ депутата²⁾. Въ Совѣтъ Старѣйшинъ, 17-го того же мѣсяца, Ренъе, останавливаясь на резолюціи нижней палаты, приостановившей мандатъ Эмэ, высказалъ, что по мнѣнію нѣкоторыхъ депутатовъ эта резолюція заключаетъ въ себѣ косвенныя нарушенія гарантіи неприкосновенности. Если это такъ, то резолюція должна быть безусловно отвергнута; „я — продолжалъ ораторъ — всегда буду преклоняться передъ священнымъ догматомъ гарантіи членовъ Законодательнаго Корпуса и всегда буду помнить печальныя времена тиранніи Робеспьера; я никогда не забуду, что это чудовище смогло осуществить свои отвратительныя замыслы лишь послѣ того, какъ оно уничтожило гарантію и, подъ самыми негодными предлогами, обезсилило Конвентъ“³⁾.

Въ томъ же смыслѣ высказался цѣлый рядъ другихъ ораторовъ. Это не помѣшало, однако, Старѣйшинамъ одобрить резолюцію. Но въ данномъ случаѣ важенъ не столько результатъ дебатовъ, сколько высказанныя во время ихъ воззрѣнія. Не прошло двухъ лѣтъ со дня изданія закона 8 брюмера, какъ отношеніе къ иммунитету совершенно измѣнилось: неприкосновенность признается теперь существенной гарантіей свободы и неотъемлемою принадлежностью конституціоннаго строя⁴⁾.

Вскорѣ произошелъ инцидентъ, едва не имѣвшій серьезныхъ послѣдствій. Послѣ того какъ былъ раскрытъ заговоръ Бабёфа, начались усиленныя преслѣдованія анархистовъ. 21 преріаля полиціей данъ былъ приказъ объ арестѣ

1) Декретъ былъ отмѣненъ только въ флореалѣ V года.

2) *Moniteur* (Milan 1805), 3-me période, VII, 149.

3) *Ibid.*, 270.

4) Ср. заявленіе Тіаппъ 16 брюмера IV г.: „l'article le plus sacré (de la constitution), celui de la liberté, de la sûreté des membres du Corps législatif“ (*Ibid.*, I, 155); — Мадіэ, 4 нивоза: „le palladium de la liberté, le plus ferme appui de la constitution“ (*Ibid.*, VI, 124).

четырехъ членовъ Законодательнаго Корпуса. Эта мѣра вызвала цѣлую бурю въ Совѣтъ Пятисотъ, причемъ Талліенъ выступилъ съ рѣчью, въ которой онъ обвинялъ правительство въ заговорѣ противъ народнаго представительства. Однако, по наведеніи справокъ оказалось, что приказы были даны полиціей по ошибкѣ¹⁾.

Между тѣмъ, положеніе Директоріи становилось все болѣе и болѣе критическимъ. Правда, она безъ особаго труда справилась съ лѣвыми революціонными партіями, но зато оказалась безсильной въ дѣлѣ возстановленія порядка и, въ особенности, финансовъ страны. Выборы V года обезпечили роялистамъ большинство въ обоихъ Совѣтахъ, и реставрація Бурбоновъ казалась неизбѣжной. Директорія рѣшилась, для предотвращенія готовившагося переворота, сама устроить *coup d'état*. 18 фруктидора Augereau, во главѣ 12-ти тысячной арміи, окружилъ мѣсто засѣданій Совѣтовъ и, несмотря на ихъ протестъ, арестовалъ цѣлый рядъ депутатовъ, принадлежащихъ къ большинству^{2) 3)}. Восторжествовавшее меньшинство незамедлило воспользоваться своей побѣдой. Тотчасъ же были кассированы всѣ выборы въ 49 департаментахъ, и 53 депутата были сосланы безъ всякаго суда, простымъ декретомъ Законодательнаго Корпуса⁴⁾. Начались порядки, весьма напоминавшіе режимъ террора, причемъ роль Комитета Общественнаго Спасенія выпала на долю Директоріи, проявившей чисто диктаторскія наклонности. Вскорѣ, однако, среди республиканцевъ образовались двѣ партіи — правая, поддерживавшая Директорію, и лѣвая, ей враждебная. На выборахъ VI года перевѣсъ получила послѣдняя. Тогда Директорія рѣшила повторить переворотъ 18 фруктидора, и 13 флореаля обратилась къ Законодательному Корпусу съ предложеніемъ принять столь же дѣйстви-

1) Подробно объ этомъ инцидентѣ см. у А. Борового, *Исторія личной свободы во Франціи*, М. 1910, т. I, ч. II, стр. 201 и слѣд.

2) Sciout, *op. cit.*, II, 643 et suiv.

3) Барбэ-Марбуа рассказываетъ, что когда онъ спросилъ, на основаніи какого закона его арестуютъ, одинъ офицеръ отвѣтилъ ему: законъ этотъ — сабля (*la loi, c'est le sabre*). *Journal d'un déporté*, I, 34 (цит. у Taine, *La Révolution*, III, 588).

4) Декретъ одобренъ былъ Старѣйшинами не безъ нѣкотораго колебанія, см. Sciout, *op. cit.*, II, 653.

тельные мѣры, какъ въ прошломъ году ¹⁾. 19-го того же мѣсяца Совѣтъ Пятисотъ вотировалъ декретъ (утвержденный Старѣйшинами 22-го), на основаніи котораго въ 7 департаментахъ выборы были совершенно уничтожены, а въ остальныхъ департаментахъ утверждены были лишь выборы угодныхъ Директоріи лицъ.

Несмотря, однако, на эти мѣры, Директорія все болѣе и болѣе теряла подъ собою почву. Вновь избранная въ VII году треть депутатовъ ²⁾ была уже ей явно враждебна, и 30 преріала Совѣтъ Пятисотъ потребовалъ отставки двухъ виднѣйшихъ членовъ Директоріи — Мерлена и Ларевельера-Лепо — и вотировалъ резолюцію, согласно которой, всякая власть, всякое лицо, которое посягнуло бы на безопасность и свободу Законодательнаго Корпуса или тѣхъ или другихъ изъ его членовъ, путемъ отдачи соотвѣтственнаго приказанія или исполненія его, объявлялось внѣ закона ³⁾.

Ничто, однако, не могло измѣнить положеніе вещей. Анархія продолжалась, и 18 брюмера Бонапарту не трудно было произвести переворотъ, положившій конецъ директоріальному режиму.

---

1) Оларъ, назв. соч., 750, 650, 651.

2) Согласно конституціи (ст. 53—55), оба Совѣта возобновлялись ежегодно по третямъ.

3) Buchez et Roux, XXXVIII, 68.

Глава седьмая.

Законодательство Наполеона I и эпохи реставрации.

I.

Консульство и Имперія.

§ 68. На основаніи декрета, изданнаго 19 брюмера, исполнительная власть была временно передана особой Консульской Коммисіи, въ составъ которой вошли Сійесъ, Роже-Дюко и Бонапартъ. Засѣданія Законодательнаго Корпуса были отсрочены до 1 вантоза, причемъ каждому Совѣту было предложено делегировать свои полномочія избранной изъ его среды коммисіи изъ 25 членовъ. На коммисіи возложенъ былъ и пересмотръ тѣхъ постановленій дѣйствующей конституціи, которыя, при примѣненіи на практикѣ, оказались неудовлетворительными. Но работа коммисіи не привела ни къ какимъ положительнымъ результатамъ. 22 фримера VIII года была провозглашена новая конституція, составленная лично Наполеономъ и построенная на совершенно иныхъ принципахъ, чѣмъ ея предшественницы¹⁾.

Законодательная власть, прежде всего, оказалась раздѣленной между тремя органами: Государственнымъ Совѣ-

---

1) На конституціи VIII года отразились, до извѣстной степени, идеи Сійеса. Послѣднимъ были представлены два проекта, цѣликомъ, впрочемъ, до насъ не дошедшіе (относительно перваго см. Mignet, Histoire de la Révolution française, t. II, ch. XIV и appendice, также Miot de Mérito, Mémoires, t. I, Par. 1858, p. 258 et suiv.; второй отпечатанъ въ извлеченіи у Boulay de la Meurthe, Théorie constitutionnelle de Sieyès, Par. 1836). Наполеонъ, однако, не одобрилъ ни того, ни другого, и самъ продиктовалъ свой проектъ. На этотъ послѣдній воззрѣнія Сійеса оказали нѣкоторое вліяніе. См. Buchez et Roux, XXXVIII, 279; Оларъ, назв. соч., 778.

томъ, Трибунатомъ и Законодательнымъ Корпусомъ. Инициатива законовъ была предоставлена одному только правительству, которое выработанные имъ законопроекты должно было представлять на предварительный просмотръ и обсужденіе Государственного Совѣта (ст. 44 и 53). Затѣмъ, законопроектъ переходилъ въ Трибунатъ, который, высказавшись за или противъ, назначалъ изъ своей среды трехъ ораторовъ для защиты принятаго рѣшенія передъ Законодательнымъ Корпусомъ (ст. 27 и 28). Послѣдній не обсуждалъ представленныхъ ему законопроектовъ, но, выслушавъ представителей правительства и Трибуната, постановлялъ свое рѣшеніе закрытой баллотировкой (ст. 34). Наконецъ, надзоръ за конституціонностью дѣйствій Трибуната и Законодательнаго Корпуса былъ порученъ Охранительному Сенату (*Sénat Conservateur*), который состоялъ изъ 80 пожизненныхъ членовъ и пополнялся путемъ кооптаціи изъ числа кандидатовъ, представляемыхъ, въ случаѣ открывшейся вакансіи, первымъ Консуломъ, Трибунатомъ и Законодательнымъ Корпусомъ (ст. 15, 16 и 21).

Что же касается состава Трибуната и Законодательнаго Корпуса, то оба эти учрежденія состояли изъ лицъ, избравшихся Сенатомъ въ количествѣ 100 для перваго и 300 для втораго изъ числа гражданъ, занесенныхъ въ національные списки (ст. 20, 27 и 31).

О народномъ представительствѣ въ истинномъ значеніи слова, какъ видно, и рѣчи быть не могло. Законодательному Корпусу отведена была безмолвная роль судьи надъ цѣлесообразностью предлагавшихся правительствомъ законопроектовъ, и вся полнота власти, фактически, сосредоточивалась въ рукахъ перваго Консула.

14 термидора X года Наполеонъ былъ провозглашенъ пожизненнымъ первымъ Консуломъ, и черезъ два дня

---

1) Согласно ст. 7—9 конституціи, граждане каждого коммунальнаго округа избирали изъ своей среды тѣхъ, кого они считали наиболѣе способными къ управленію общественными дѣлами. Эти лица, составлявшіе $\frac{1}{10}$ всего состава округа, заносились въ коммунальный списокъ. Въ свою очередь, они должны были избирать $\frac{1}{10}$ своего состава, и этимъ путемъ составлялся департаментный списокъ. Наконецъ, $\frac{1}{10}$ департаментскихъ списковъ составляла національный списокъ. Списки составлялись разъ на всегда.

изданъ былъ особый органическій сенатусъ-консультъ, измѣнившій многія изъ постановленій конституціи VIII года. Сенатъ былъ лишенъ всякой самостоятельности, число членовъ Трибуната было сокращено, и система списковъ подверглась значительнымъ измѣненіямъ: на каждую должность избиратели имѣли представлять по два кандидата, причемъ окончательный выборъ лежалъ на обязанности Сената или исполнительной власти, по принадлежности. Законодательный Корпусъ, и безъ того представлявшій, по выраженію самого Наполеона, собраніе глухо-нѣмыхъ¹⁾, утратилъ всякое значеніе, и отъ представительнаго строя остались одни жалкіе обломки. Съ провозглашеніемъ Имперіи и изданіемъ сенатусъ-консульта 28 флореала XII года (18 мая 1804) вся власть фактически сосредоточилась въ рукахъ монарха, а Законодательный Корпусъ пересталъ вовсе собираться и съ полнымъ равнодушіемъ смотрѣлъ на хронически повторявшіяся нарушенія его правъ и компетенціи. Въ 1807 г. Трибунатъ былъ вовсе уничтоженъ.

Юридическое положеніе членовъ квази-представительныхъ учреждений Наполеоновской эпохи регулировалось ст. 69 и 70 конституціи 22 фримэра VIII г. Содержаніе этихъ статей, входившихъ въ составъ VI титула, озаглавленнаго „объ отвѣтственности должностныхъ лицъ“ заключалось въ слѣдующемъ.

Обязанности членовъ Сената, Законодательнаго Корпуса, Трибуната и Государственнаго Совѣта, гласила ст. 69, не могутъ влечь за собой никакой отвѣтственности (*ne donnent lieu à aucune responsabilité*). Согласно же ст. 70, личныя преступленія, влекущія за собой болѣе тяжелыя уголовныя кары (*délits personnels emportant peine afflictive ou infamante*), въ случаѣ совершенія ихъ тѣми же лицами, подлежали преслѣдованію въ общихъ судебныхъ установленіяхъ, при условіи полученія соотвѣтственнаго разрѣшенія отъ того учрежденія, къ которому принадлежалъ обвиняемый. Постановленія эти, какъ видно, шли весьма далеко — они обезпечивали не только свободу слова, но и полную неприкосновенность, причемъ не дѣлалось исключенія даже для *flagrant*

1) Duvergier de Hauranne, Histoire du gouvernement parlementaire en France, 2-me éd., t. I, Par. 1870, p. 506.

délit. Отъ разрѣшенія соотвѣтственнаго учрежденія зависѣли не только арестъ обвиняемаго или, вообще принятіе мѣръ пресѣченія, но и самое возбужденіе судебного преслѣдованія. Интересно отмѣтить, что такія гарантіи были предоставлены совершенно безсильнымъ и лишеннымъ всякой независимости учрежденіямъ. Можно думать, что здѣсь сказалось вліяніе Сійеса, столь горячо отстаивавшаго въ свое время иммунитетъ народныхъ представителей.

§ 69. Послѣдняя изъ конституцій, изданныхъ Наполеономъ, возвращается къ прежней системѣ. „Дополнительный Актъ къ имперскимъ конституціямъ“ 1815 г., отредактированный, какъ извѣстно, Бенжаменомъ Констаномъ¹⁾, въ ст. 14 постановлялъ, что никто изъ членовъ той или другой палаты не можетъ быть арестованъ — за исключеніемъ *flagrant délit* —, ни преслѣдуемъ за преступленія, подсудныя уголовнымъ или исправительнымъ судамъ, иначе какъ по постановленію той палаты, въ составъ которой онъ входитъ. На редакцію этой статьи, несомнѣнно, повліяла хартія 1814 г. (см. ниже). Что же касается свободы слова, то „Дополнительный Актъ“ не содержалъ въ себѣ никакихъ указаній — также какъ и хартія 1814 г. Но можно думать, что этотъ пропускъ объясняется спѣшностью составленія текста конституціи, а не сознательнымъ желаніемъ лишить народныхъ представителей привилегіи безотвѣтственности. Что Наполеонъ, подъ давленіемъ обстоятельствъ, рѣшился вернуть Франціи свободу и представительный строй, это видно изъ разговора, который онъ имѣлъ съ Б. Констаномъ²⁾. Съ другой стороны, принципъ парламентской свободы рѣчи настолько уже успѣлъ пріобрѣсти всеобщее признаніе, что его можно было и не обезпечивать особой конституціонной нормой: его провозглашалъ, какъ мы выше видѣли, даже актъ 22 фримера VIII года, сводившій политическое значеніе народного представительства почти къ нулю³⁾.

1) Duvergier de Hauranne, op. cit., t. II, 492 et suiv.; Lajoux, Rapports du gouvernement et des chambres dans l'acte additionnel aux constitutions de l'Empire de 1815, Par. 1903, p. 9 et suiv.

2) B. Constant, Lettre sur les cent jours (цит. у Duvergier de Hauranne, loc. cit., 493).

3) Въ іюнѣ 1815 г. особой комиссіей, избранной палатой представителей, былъ составленъ проектъ конституціи, представленный палатѣ

II.

Реставрація.

§ 70. Немедленно послѣ капитуляціи Парижа, Сенатомъ назначено было временное правительство, и признана была реставрація Бурбонскаго дома. Въ три дня составленъ былъ проектъ конституціи, который въ апрѣлѣ 1814 г. былъ принятъ Сенатомъ, а на слѣдующій день Законодательнымъ Корпусомъ. Актъ этотъ, обыкновенно называемый „Сенаторіальной конституціей“ остался, какъ извѣстно, мертвой буквой. Онъ интересенъ лишь какъ памятникъ, свидѣтельствующій о господствовавшихъ въ то время настроеніяхъ въ извѣстной части французскаго общества. Конституція возстановляла монархію, и законодательную власть вручала Сенату, состоявшему изъ 150—200 несмѣняемыхъ и пожизненныхъ членовъ, и Законодательному Корпусу, избираемому населеніемъ. Юридическое положеніе представителей опредѣлялось ст. 13, въ которой постановлялось, что члены Сената и Законодательнаго Корпуса могли подлежать аресту лишь съ согласія той палаты, къ которой они принадлежали (о *flagrant délit* не упоминалось). При этомъ единственной компетентной инстанціей для суда надъ ними признавался Сенатъ. Неприкосновенность, такимъ образомъ, получала здѣсь особый характеръ: согласіе палаты требовалось только для лишенія свободы обвиняемаго, но не для возбужденія уголовного преслѣдованія. Что же касается свободы слова, то ст. 11 ограничивалась указаніемъ на то, что Законодательному Корпусу принадлежитъ право обсужденія (*droit de discussion*). Правда, ст. 25 постановляла, что „никакой французъ не можетъ подвергнуться преслѣдованію за высказанныя имъ мнѣнія или голосованія“, но здѣсь едва ли можно видѣть что нибудь похожее на парламентскую безотвѣтственность. Статья имѣла въ виду общій принципъ свободы мнѣній, но не безнаказанность за совершенныя депутатами словесные преступленія и проступки.

въ началѣ іюля. Разсмотрѣны, однако, были только 54 статьи (изъ 104, текстъ см. у Duguit et Monnier, *op. cit.*, 198). Также какъ и въ „Дополнительномъ Актѣ“, безотвѣтственность не была особо оговорена. Неприкосновенность же предусматривалась ст. 46 и 61.

Хартія 4 іюня 1814 г., какъ извѣстно, демократическому принципу, лежавшему въ основѣ революціоннаго законодательства, противопоставила принципъ монархическій ¹⁾. Порвавъ съ догматомъ народнаго суверинитета, она провозгласила себя добровольнымъ пожалованіемъ короля и полноту власти сосредоточила въ рукахъ послѣдняго.

Съ другой стороны, на ней весьма ярко отразилось вліяніе англійскаго права и англійскихъ политическихъ учений. Въ самомъ дѣлѣ, эпоха реставраціи знаменуетъ собой небывалое до сихъ поръ во Франціи увлеченіе великобританской конституціей. Англomanіей были заражены рѣшительно всѣ, отъ самаго короля до послѣдняго чиновника. Какъ говоритъ Vitrolles въ своихъ мемуарахъ, „тѣ, которые, изъ ненависти къ Наполеоновскому деспотизму, желали конституціи, находили таковую въ готовомъ видѣ: эта была конституція Англіи, единственная, которой не сокрушили ни время, ни испытанія послѣдней эпохи и которой приписывали процвѣтаніе этой страны. Она настолько всѣми была усвоена, что никто не могъ себя представить иной, начиная съ Россійскаго Императора, который со мной о ней бесѣдовалъ, и кончая послѣднимъ изъ служащихъ въ моей канцеляріи“ ²⁾.

При такихъ условіяхъ вполнѣ понятно, что законодательство эпохи отразило въ себѣ вліяніе англійскихъ образцовъ. Этому вліянію должна, въ значительной мѣрѣ, быть приписана усвоенная хартіей двупалатная система съ ин-

1) Во введеніи хартіи характеризуется какъ продуктъ исторической эволюціи („en recherchant ainsi à renouer la chaîne des temps, etc.“). Полнота власти (l'autorité tout entière) во Франціи находится въ рукахъ короля, предшественники же Людовика XVIII лишь видоизмѣняли осуществленіе ея, сообразуясь съ условіями времени. О монархическомъ принципѣ во Франціи см. Еллинекъ. Общее ученіе о государствѣ, изд. 2-ое, Спб. 1908, стр. 343; Erich Kaufmann, Studien zur Staatslehre des monarchischen Prinzip, Lpz. 1906, S. 36 ff.; А. С. Алексѣевъ, Къ вопросу о юридической природѣ власти монарха въ конституціонномъ государствѣ, Яр. 1910, стр. 1 и слѣд.; А. А. Алексѣевъ, Министерская власть въ конституціонномъ государствѣ, Х. 1910, стр. 56 и слѣд.

2) Цит. у Bon nefon, Le régime parlementaire sous la restauration, Par. 1905, p. 87 et suiv.; cp. Barthélemy, L'introduction du régime parlementaire en France, Par. 1904, p. 14 et suiv.

ститутомъ пожизненной и наслѣдственной пэріи; ему, точно также, Франція обязана введеніемъ парламентаризма.

§ 71. Что же касается иммунитета, то неприкосновенность была признана какъ за членами палаты пэровъ, такъ и за депутатами. Относительно первыхъ ст. 34 постановляла что они могутъ быть арестованы только съ разрѣшенія палаты и ею же судятся по уголовнымъ дѣламъ. Здѣсь, очевидно, сказалось вліяніе англійскаго права, послужившаго образцомъ при созданіи верхней палаты. Что же касается депутатовъ, то ст. 52 возвращалась къ прежней системѣ и постановляла, что, за исключеніемъ *flagrant délit*, народный представитель подлежитъ преслѣдованію или аресту по дѣламъ уголовнымъ лишь съ согласія палаты¹⁾. При этомъ впервые былъ указанъ срокъ привилегіи: послѣдняя распространялась только на время сессіи парламента²⁾. Ст. же 51 воспрещала, въ теченіе сессіи и шести недѣль до начала и шести недѣль послѣ ея окончанія, прибѣгать по отношенію къ депутату къ *contrainte par corps*, т. е. къ лишенію свободы³⁾.

Постановленія эти были буквально повторены въ хартіи 14 августа 1830 г. (ст. 29, 43, 44).

§ 72. Но если неприкосновенность была обставлена точно формулированными юридическими нормами, нельзя того-же сказать о свободѣ слова. Также какъ и сенаторіальная конституція, хартія 4 іюня не заключаетъ въ себѣ традиціоннаго постановленія о томъ, что за сказанное съ трибуны депутаты не подлежатъ уголовной отвѣтственности. Ст. 18 ограничивалась указаніемъ на то, что „всякій законъ

1) „Aucun membre de la chambre ne peut pendant la durée de la session, être poursuivi ni arrêté en matière criminelle, sauf le cas de flagrant délit, qu'après que la chambre a permis sa poursuite“.

2) Слѣдуетъ замѣтить, что конституціи 1791, 1793 и III гг. не знали періодическихъ сессій. Представительныя собранія засѣдали непрерывно въ теченіи всей легислатуры. — По конституціи VIII г. Трибуналь засѣдалъ непрерывно, Законодательный же Корпусъ имѣлъ каждый годъ лишь одну сессію, длившуюся 4 мѣсяца. Хартія 1814., слѣдуя англійскимъ образцамъ, впервые установила систему ежегодныхъ сессій для обѣихъ палатъ.

3) Въ виду имѣлось не только личное задержаніе за долги, но всякое вообще лишеніе свободы по гражданскимъ взысканіямъ. См. L a p - j u i n a i s, Constitution de la nation française, t. I, Par. 1819, № 302.

долженъ быть свободно обсужденъ и вотированъ большинствомъ обѣихъ палатъ“, изъ чего едва-ли можно было заключить, что ораторы покрыты безотвѣтственностью за свои рѣчи, независимо отъ ихъ содержанія. Далѣе, ст. 11 постановляла, что „всякое преслѣдованіе за мнѣнія или голосованія, имѣвшія мѣсто до реставраціи, запрещены. То же забвеніе предписывается судамъ и гражданамъ“. Статья эта имѣла въ виду прошлое, но принципъ, изъ котораго она проистекала, несомнѣнно, лежалъ въ одной плоскости съ началомъ безотвѣтственности. Справедливость требуетъ признать, что ст. 11 въ первые годы эпохи реставраціи систематически нарушалась. Бѣлый терроръ былъ, главнымъ образомъ, направленъ противъ политическихъ дѣятелей революціи и имперіи, и 12 января 1816 г. былъ изданъ актъ, стоявшій въ явномъ противорѣчій съ указанной статьей. Мы имѣемъ въ виду знаменитый законъ объ амнистіи, послужившій предметомъ оживленныхъ и продолжительныхъ дебатовъ въ палатѣ депутатовъ¹⁾; согласно ст. 7 этого регулятива, отъ амнистіи исключались тѣ изъ „цареубійцъ“ (подразумѣвались лица, голосовавшія въ Конвентѣ за преданіе Людвига XVI смертной казни), которые высказались въ свое время за „Дополнительный Актъ“ 1815 г. или приняли на себя тѣ или другія должности при вторичномъ воцареніи Наполеона. Эти лица подлежали вѣчному изгнанію изъ предѣловъ Франціи.

Законъ этотъ носилъ явный противо-конституціонный характеръ и въ литературѣ того времени встрѣтилъ, съ этой точки зрѣнія, должную оцѣнку²⁾.

Возвращаемся къ вопросу о свободѣ слова. — Былъ ли пропускъ соотвѣтственной статьи въ хартіи намѣренный или случайный — сказать трудно. Коммисія, выработавшая хартію, протоколовъ не вела, и все что намъ извѣстно о составленіи этого акта — это воспоминанія современниковъ (Бѣньо, Феррона и др.). На практикѣ, однако, привилегія признавалась, и депутаты за все время дѣйствія хартіи къ отвѣтственности не привлекались. Такъ, напр., въ надѣлавшее въ свое время много шума дѣло депутата Manuel'я судебныя

1) См. Duvergier de Hauranne, op. cit., III, 307 et suiv.

2) См. напр., Lanjuinais, op. cit., № 303.

власти не вмѣшались¹⁾. Во время преній, вызванныхъ въ палатѣ рѣчью Манюэля, нѣкоторые ораторы прямо указывали на то, что его поступокъ — восхваленіе царевубійства —, какъ подлежащій вѣдѣнію судебныхъ установленій, долженъ повлечь за собой высшую дисциплинарную кару²⁾. Противъ самой постановки вопроса никто не возражалъ, и всѣ дебаты вертѣлись вокругъ вопроса о мѣрѣ наказанія.

§ 73. Пробѣлъ, существовавшій въ хартіи, вскорѣ былъ отчасти заполненъ, по крайней мѣрѣ по отношенію къ опубликованнымъ рѣчамъ депутатовъ. Уже закономъ 21 октября 1814 г. о свободѣ прессы отъ предварительной цензуры изъяты были всѣ "opinions" членовъ обѣихъ палатъ (ст. 2, § 5). Пять лѣтъ спустя, а именно 17 мая 1819, былъ изданъ новый законъ о печати, точно установившій безответственность представителей за ихъ рѣчи съ трибуны. Согласно ст. 21, рѣчи, произнесенныя въ той или другой палатѣ, равно какъ доклады и всякаго рода документы, опубликованные по распоряженію парламента, не могли служить основаніемъ для вчиненія какого бы то ни было иска³⁾. Имѣлось въ виду воспрепятствованіе какъ публичнаго, такъ и частнаго обвиненія. Изданіе этого закона послужило поводомъ для весьма интересныхъ дебатовъ, въ которыхъ, при участіи многихъ выдающихся членовъ палаты, вопросъ подвергся подробному анализу, какъ съ принципіальной, такъ и съ техни-

1) Въ 1823 году Манюэль произнесъ въ палатѣ депутатовъ рѣчь, въ которой консервативное большинство усмотрѣло восхваленіе царевубійства. Въ нарушеніе наказа, Манюэль былъ исключенъ изъ палаты, согласно ея постановленію, и выведенъ изъ залы засѣданія *manu militari*. См. Viel-Castel, *Histoire de la Restauration*, t. XII, Par. 1877, p. 195 et suiv.

2) Такъ, напр., Де-ла-Бурдоннэ заявилъ, что „c'est par cela-même que cette inviolabilité des opinions le soustrait encore à la juridiction des tribunaux, qu'il doit exister quelque part une haute juridiction à laquelle soient soumis de pareils délits. C'est en vous qu'elle réside, messieurs, cette haute juridiction“. Viel-Castel, loc. cit., 215.

3) „Ne donneront ouverture à aucune action, les discours tenus dans le sein de l'une des deux Chambres, ainsi que les rapports ou toutes autres pièces imprimées par ordre de l'une des deux Chambres“. Статья эта вошла въ составъ нынѣ дѣйствующаго во Франціи закона о печати 29 іюня 1881 г. (ст. 41).

ческой стороны. Поводомъ къ этому послужило предложеніе Lainé распространить привилегію безотвѣтственности на тѣ рѣчи депутатовъ, которыя не были ими произнесены, но только написаны и напечатаны по распоряженію палаты. Противъ этой поправки рѣзко выступили министр юстиціи, Royer-Collard и другіе ораторы. Министръ произнесъ двѣ пространныя рѣчи, въ которыхъ подробно изложилъ теорію депутатской привилегіи. „Принципъ, говорилъ de Serre, согласно которому мнѣнія народныхъ представителей не подлежатъ юрисдикціи общихъ судовъ, заключается въ суверенномъ характерѣ осуществляемой палатой власти. Ея дебаты потеряли бы свою свободу и независимость, если бы они могли быть представлены на усмотрѣніе судьи, взятаго не изъ ея среды¹⁾. Нѣтъ свободы для націи, если она не принимаетъ никакого участія въ управленіи. Когда она въ немъ участвуетъ непосредственно, на лицо имѣется чистая демократія. При представительномъ образѣ правленія участіе народа выражается черезъ посредство особыхъ легальныхъ органовъ, функціи которыхъ сводятся къ совмѣстному обсужденію и голосованію законопроектовъ. Распространить привилегію на такія мнѣнія, которыя, не были высказаны въ палатѣ или не подвергались ея суду, было бы равносильно допущенію апелляціи со стороны депутатовъ къ самому народу и открыть легальную возможность прибѣгать безнаказанно къ революціоннымъ, по существу, средствамъ“.

Аналогичныя соображенія были высказаны и королевскимъ комиссаромъ Кювье. Неприкосновенность палатъ въ ихъ цѣломъ, аргументировалъ ораторъ, основаны на необходимости свободнаго ихъ участія въ составленіи законовъ. Безотвѣтственность отдѣльныхъ депутатовъ за произнесенныя ими рѣчи основывается отчасти на мотивахъ, совпадающихъ съ предыдущими — ибо результатъ дебатовъ зависитъ отъ участія и содѣйствія каждаго члена палаты — отчасти на соображеніяхъ иного рода; а именно, весьма возможно, что ораторъ, въ пылу спора, проронитъ такія слова, отъ которыхъ онъ воздержался бы, если бы онъ свое мнѣніе изложилъ письменно при полномъ спокойствіи. Но въ данномъ случаѣ имѣется спеціальная гарантія въ видѣ

1) См. *Moniteur* отъ 21 апрѣля 1819 г., № 111.

юрисдикціи палаты надъ своимъ членомъ. Если произнесенная съ трибуны рѣчь заключаетъ въ себѣ ложное изобличеніе третьихъ лицъ, то эти послѣднія могутъ отвѣтить и направить свой отвѣтъ въ палату, гдѣ онъ получитъ ту же самую гласность, что рѣчь депутата; этого не будетъ, если безотвѣтственность распространить на не произнесенныя, а лишь напечатанныя рѣчи народныхъ представителей¹⁾.

Несмотря на энергичную поддержку Манюэля, поправка Лэнэ была отвергнута палатой, и ст. 21 прошла въ вышеизложенной редакціи.

Приведенные нами дебаты интересны прежде всего въ томъ отношеніи, что въ нихъ весьма ярко отражается взглядъ официальной Франціи эпохи Людовика XVIII на существо одной изъ важнѣйшихъ парламентскихъ привилегій. Безотвѣтственность требуется представителями всѣхъ направлений, какъ послѣдствіе представительнаго строя. При этомъ та глубокая идейная пропасть, которая раздѣляла строгихъ конституціоналистовъ отъ сторонниковъ парламентаризма²⁾, по отношенію къ данному вопросу роли не играетъ. Необходимость иммунитета признается одинаково всѣми, споръ вызываетъ лишь его бѣльшій или меньшій объемъ.

Во французской литературѣ, однако, былъ высказанъ взглядъ, согласно которому съ изданіемъ хартіи 1814 г. характеръ депутатскихъ привилегій совершенно измѣнился. По мнѣнію Массунъ-де-Фонтэна³⁾, въ революціонную пору привилегія носила характеръ защиты меньшинства палаты отъ его большинства, тогда какъ, начиная съ эпохи реставраціи, она является институтомъ, оберегающимъ законодателя отъ посягательствъ исполнительной власти. Парламентскій иммунитетъ, говоритъ авторъ, мыслимъ только при кабинетномъ управленіи и составляетъ существенную принадлежность парламентаризма.

Воззрѣнія де-Фонтэна должны быть признаны

1) Ibid., № 111.

2) См. Barthélemy, op. cit., 18 et suiv., гдѣ дается характеристика боровшихся въ палатѣ партій.

3) Vicomte de Massougnés des Fontaines, De l'immunité parlementaire et des autorisations de poursuite, etc., Par. 1900, p. 6 et suiv.

яются неувѣрными, и притомъ въ двоякомъ отношеніи. Прежде всего, установленіе принциповъ неприкосновенности и безотвѣтственности въ 1789 г. имѣло какъ разъ въ виду освобожденіе парламента отъ возможныхъ посягательствъ правительства. На этомъ вопросѣ мы останавливались съ достаточной подробностью. Далѣе, слѣдуетъ замѣтить, что составители хартіи были весьма далеки отъ мысли ввести во Франціи парламентаризмъ¹⁾. Послѣдній возникъ случайно, какъ результатъ партійныхъ домогательствъ и на почвѣ стремленій ультра-роялистическаго большинства подчинить себѣ министерство. Съ другой стороны, поставленіе депутатовъ въ особое привилегированное положеніе ни въ коемъ случаѣ не стояло въ какой бы то ни было теоретической связи съ доктриной парламентаризма. Въ Англіи, какъ мы видѣли, привилегія свободы слова возникла тогда, когда о кабинетномъ управленіи не было и помину, а т. наз. неприкосновенность неизвѣстна и по сіе время. Во Франціи же необходимость иммунитета сознается какъ сторонниками, такъ и противниками парламентаризма, внѣ всякой зависимости отъ вопроса объ отношеніи палатъ къ исполнительной власти. Достаточно вспомнить о томъ, что, при обсужденіи закона 1819 года, за безотвѣтственность, въ принципѣ, высказывались какъ де Серръ и Ройэ-Колларъ, такъ и Манюэль и Лэнэ.

§ 74. Либеральныя вѣянія въ правительственныхъ сферахъ, вызвавшія въ жизнь законы о печати 1819 г., вскорѣ послѣ убійства герцога Беррійскаго (13 февраля 1820), внука Карла X, смѣнились весьма опредѣленнымъ реакціоннымъ теченіемъ. Правила 1819 г. были признаны недостаточными для обузданія печатнаго слова и, въ особенности, періодической прессы, и 25 марта 1822 г. изданъ былъ новый законъ, значительно увеличившій наказуемость дѣяній, направленныхъ противъ религіи, царствующей династіи, правительства, должностныхъ лицъ и т. п.²⁾ Согласно ст. 6, оскорбленіе, нанесенное публично одному или нѣсколькимъ членамъ той или другой палаты по поводу ихъ

1) См. Barthélemy, op. cit., 7 et suiv.; Bonnefon, op. cit., 65 et suiv.

2) Объ этомъ законѣ см. Hélie, Les Constitutions etc., 956 et suiv.

вахъ. Съ 65 рис. въ текстѣ и 8 таблицами. Варшава. Въ тип. Варш. Учебнаго Округа. 1910. — XVIII, 454. VII, 2.

X. 673. п. *Отд. Бот., вып. VII.*

205. **Сюзевъ, П. В.** Конспектъ флоры Урала въ предѣлахъ Пермской губерніи. Съ прилож. ботанико-географической карты Пермской губ. Москва. 1912. — 206. [*Матеріалы къ познанию фауны и флоры Россійской Имперіи.*]

X. 722. а. s. *Вып. 31. 40.*

206. **Анертъ, Э. Э.** Горно-геологическія изслѣдованія вдоль восточной половины линіи Амурской желѣзной дороги въ 1895 году. Спб., тип. М. Стасюлевича. 1910. — 1, 136, 1. Съ 3 табл. и 1 картой. (*Изслѣдованія, Геологическія, и развѣдочн. работы по линіи Сибирской жел. дор.*)

X. 724. е. 3. *Нов. сер., вып. 53. 40.*

207. **Соколовъ, В. и Л. Лутугинъ.** Горловскій районъ главнаго антиклинала Донецкаго бассейна. Съ 1 табл. и 1 картой. Спб. 1910. — 50. [*Труды Геологическаго Комитета.*]

X. 724. е. 3. *Нов. сер., вып. 54. 40.*

208. **Чернышевъ, О., М. Бронниковъ, В. Веберъ и А. Фаасъ.** Андижанское землетрясеніе 3/16 декабря 1902 года. Съ 6 табл. и 8 рис. въ текстѣ. Спб. 1910. — 1, 90, 4. [*Труды Геологическаго Комитета.*]

X. 724. е. 3. *Нов. сер., вып. 55. 40.*

209. **Наливкинъ, В.** Фауна Донецкой Юры. II. Brachiopoda. Съ 5 табл. Спб. 1910. — 2, 84, 5. [*Труды Геологическаго Комитета.*]

X. 724. е. 3. *Нов. сер., вып. 58. 40.*

210. **Огильви, А. Н.** Каптажъ Нарзана и его исторія. Съ 17 табл. и 1 картой. Спб. 1911. — 1, 234. [*Труды Геологическаго Комитета.*]

X. 724. е. 3. *Нов. сер., вып. 60. 40.*

211. **Меффертъ, Б.** О вывѣтриваніи минеральнаго угля. Съ 10 табл. Спб. 1910. — VI, 89, 1. [*Труды Геологическаго Комитета.*]

X. 724. е. 3. *Нов. сер., вып. 63. 40.*

212. **Веберъ, В. и К. Калицкій.** Челекенъ. Съ 25 табл. и геолог. картой. Спб. 1911. — VI, 180. [*Труды Геологическаго Комитета.*]

X. 724. е. 3. *Нов. сер., вып. 64. 40.*

213. **Кротовъ, П.** Западная часть Вятской губерніи въ предѣлахъ 89 листа. Съ 1 картой. Спб. 1912. — 1, 128. [*Труды Геологическаго Комитета.*]

X. 724. е. 3. *Нов. сер., вып. 65. 40.*

214. **Чарноцкій, С.** Геологическія изслѣдованія Кубанскаго нефтеноснаго района. Листы: Майкопскій и Пруско-Дагестанскій. Съ 2 картами. Спб. 1911. — IV, 80. [*Труды Геологическаго Комитета.*]

X. 724. е. 3. *Нов. сер., вып. 66. 40.*

215. **Яковлевъ, Н.** О происхожденіи характерныхъ особенностей Rugosa. Съ 1 табл. Спб. 1910. — 16, 2. [*Труды Геологическаго Комитета.*]

X. 724. е. 3. *Нов. сер., вып. 68. 40.*

216. **Залѣвскій, М. Д.** Изученіе анатоміи *Dadoxylon Tchibatcheffi Görpert sp.* Съ 4 табл. Спб. 1911. — 29, 4. [*Труды Геологическаго Комитета.*]

X. 724. е. 3. *Нов. сер., вып. 69. 40.*

217. **Герасимовъ, А. П.** Изверженные породы хребта Цива. Спб. 1911. — 5 [88—92]. [*Труды Геологическаго Комитета.*]

X. 724. е. 3. *Нов. сер., вып. 69. 40.*

218. **Рябининъ, А.** Къ изученію геологическаго строенія Кахетинскаго хребта. Съ прилож. статьи **А. П. Герасимова:** „Изверженные породы хребта Цива“. Съ 3 табл. и картой. Спб. 1911. — IV, 98. [*Труды Геологическаго Комитета.*]

X. 724. е. 3. *Нов. сер., вып. 75. 40.*

219. **Сьюордъ, А. Ч.** [Seward A. C.] Юрскія растенія изъ Китайской Джунгаріи, собранныя профессоромъ Обручевымъ. Съ 7 табл. Спб. 1911. —

61, 7. [*Труды* Геологического Комитета]. Русский и англ. тексты.

X. 744. b. e. *Вып. 6.*

220. **Котульский, В.** Маршрутные изслѣдованія въ Олекминскомъ горномъ округѣ, въ бассейнахъ правыхъ притоковъ рѣки Б. Патома и лѣвыхъ притоковъ рѣки Хомолхо въ 1908 г. Спб. 1910. — 1, 100; съ 1 картой. [Геологическія изслѣдованія въ золотоносн. областяхъ Сибири. *Ленскій* золотоносн. районъ.]

X. 744. b. f. *Вып. 10.*

221. **Эдельштейнъ, Я.** Предварительный отчетъ о геологич. изслѣдованіяхъ, произведенныхъ въ сѣв.-зап. части Минусинскаго уѣзда въ 1908 г. Спб. 1910. — 1, 146; съ 1 картой. [Геологич. изслѣдованія въ золотоносн. областяхъ Сибири. *Енисейскій* золотоносн. районъ.]

X. 744. b. f. *Вып. 12.*

222. **Эдельштейнъ, Я.** Геологическія изслѣдованія, произведенныя въ юго-вост. части Минусинскаго уѣзда въ 1910 г. Съ 1 картой. Спб. 1912. — 1, 60. [Геологич. изслѣдованія въ золотоносн. областяхъ Сибири. *Енисейскій* золотон. районъ.]

X. 744. b. g. *Вып. 12.*

223. **Малявкинъ, С. Ф.** Геологич. изслѣдованія въ Зейско-Депскомъ районѣ Амурской области. Спб. 1911. — 1, 79; съ 1 картой. [Геологич. изслѣдованія въ золотоносн. областяхъ Сибири. *Амурско-Приморскій* золотоносн. районъ.]

X. 744. b. n.

224. **Обручевъ, В. А.** Къ орографіи и геологіи Калбинскаго хребта. Съ картой. Томскъ. Тип. Дома Трудолюбія. 1912. — 20.

X. 885. b. r. 4°.

225. **Илькевичъ, К. Я.** Грибы-разрушители деревянныхъ частей строений. Т. I. Изд. автора. Москва, Ле-

венсонъ, 1912. — VI, 277, 4 листа рис., 5 тбл.

X. 894. d. b.

226. **Вуйницкій, Сигизмундъ.** О двигательныхъ приспособленіяхъ на цвѣточныхъ побѣгахъ у злаковъ. Варшава. Тип. Варш. Учебн. Округа. 1911. — 1, 198, 1.

X. 910. a. r. *Гидроиды.*

227. **Фауна** Россіи и сопредѣльныхъ странъ, преимущ. по коллекціямъ Зоолог. Музея И. Ак. Н. Подъ ред. Дир. Музея, Акад. Н. В. Насонова. Гидроиды (Hydroidea). Т. I. **А. К. Линко.** Haleciidae, Lafoëidae, Bonneviiellidae и Campranulariidae. (Съ 2 тбл. и 44 рис. въ текстѣ). Спб., тип. И. Ак. Н., 1911. — XLVIII, 250, 1.

X. 910. a. r. *Птицы.*

228. **Фауна** Россіи и сопредѣльныхъ странъ, преимущ. по коллекціямъ Зоол. Музея И. Ак. Н. подъ ред. Дир. Музея, Акад. Н. В. Насонова. Птицы (Aves). Т. I. **Біанки, В. Л.** Colymbiformes и Procellariiformes. Полутомъ I. (Съ 7 тбл.). Спб., тип. И. Ак. Н., 1911. — 384.

X. 969. s. *T. II, № 15.*

229. **Шрейнеръ, Я. О.** Яблонная моль и мѣры борьбы съ нею. Съ 30 рис. Изд. 5, доп. Спб. 1912. — 45, 1. [*Труды* Бюро по Энтомологіи.]

X. 969. s. *T. III, № 4.*

230. **Шрейнеръ, Я. О.** Мохнатая бронзовка или аленка (Tropinota [Epicometis] hirta Poda) въ южной Россіи по новѣйшимъ изслѣдованіямъ. Съ 5 рис. Изд. 3, доп. Спб. 1912. — 39, 1. [*Труды* Бюро по Энтомологіи.]

X. 969. s. *T. III, № 7.*

231. **Роскиковъ, К. Н.** Наставленіе къ приготовленію инсектицида швейнфуртской зелени для уничтоженія саранчевыхъ наѣдомыхъ. Изд. 2, доп. Спб. 1912. — 15. [*Труды* Бюро по Энтомологіи.]

X. 969. s. T. IV, № 6.

232. **Шрейнеръ, Я. О.** Долгоносики, вредящіе въ Россіи маку. Съ 7 рис. Изд. 4. Спб. 1912. — 16. [*Труды Бюро по Энтомологіи.*]

X. 969. s. T. IV, № 10.

233. **Демокидовъ, К. Э.** Гессенская муха и хлѣбный комарникъ (*Cesiodomyia* [Mayetiola] destructor Say). Образъ жизни и способы борьбы. Сост. по новѣйшимъ даннымъ. Съ 2 табл. рис. и 2 рис. въ текстѣ. Съ прилож. отчета агронома **Сохоцкаго** по борьбѣ съ гессенской мухой въ Лужскомъ уѣздѣ Петерб. губ. Изд. 3. Спб. 1912. — 45, 1. [*Труды Бюро по Энтомологіи.*]

X. 969. s. T. VII, № 5.

234. **Красильщикъ, И. М.** Новые споровики, вызывающіе болѣзни и смертность у насѣкомыхъ. Съ 6 табл. рис. и 17 рис. зъ текстѣ. Спб. 1908. — 1, 128. [*Труды Бюро по Энтомологіи.*]

X. 969. s. T. IX, № 9.

235. **Порчинскій, І. А.** Рябина (*Sorbus aucuparia*) и яблоня въ садахъ средней и сѣверной Россіи въ связи съ живущими на нихъ вредными насѣкомыми. Сельскохоз. монографія. Съ 18 рис. въ текстѣ. Спб. 1912. — 62, 1. [*Труды Бюро по Энтомологіи.*]

X. 969 s. T. IX, № 10.

236. **Порчинскій, І. А.** Простѣйшій способъ борьбы съ яблоннымъ долгоносикомъ (*Anthonomus pomorum* L.) при содѣйствіи его паразитовъ. Спб. 1912. — 12. [*Труды Бюро по Энтомологіи.*]

X. 1000. a. s.

237. **Сварчевскій, В.** Хромидальныя образованія у Protozoa въ связи съ вопросомъ о двойственности ядернаго вещества. Кіевъ, 1912. — 176, 1, 6 табл. (Зап. Кіевск. Общ. Естествоисп. Т. XXII).

XI. 5. e.

238. **Промышленность** и техника. **Энциклопедія** промышленныхъ знаній.

Полный пер., съ значит. дополненіями, съ IX нѣм. изд. Т. I: Исторія и современ. техника строительнаго искусства. Пер. В. Эвальда. Т. V: Горное дѣло и металлургія В. Борхерса, Ф. Вюста и Е. Трептова. Пер. подъ ред. И. Мушкетова и В. Баумана. Т. VIII: Обработка волокнистыхъ веществъ. Пер. подъ ред. Д. Коновалова. Т. IX: Пути сообщенія Л. Троске, К. Меркеля и др. Пер. подъ ред. Н. и А. Митинскихъ. Т. X: Мировыя сношенія и ихъ средства. А. Шмида и др. Пер. подъ ред. Н. Гезехуса. Спб. 1903; 1901; 6. г. [тт. VIII—X]. Книгоизд. Т-во „Прогрессъ“.

XI. 17. f.

239. **Фростъ, Д.** Изслѣдованія по теоріи изысканія магнитныхъ рудъ. Отт. изъ Изв. Варш. Политехн. Инст. Варшава, тип. „Рус. Общ.“, 1912. — 129.

XI. 53. e.

240. **Энциклопедія**, Полная, русскаго сельскаго хозяйства и соприкасающихся съ нимъ наукъ. Дополнительный томъ (XII-ый): Автомобили въ сел. хоз. — Яблочныя вино и водка. Спб., изд. А. Ф. Девріена, 1912. — III, 1494.

XI. 82. a.

241. **Указатель** книгъ, журн. и газетн. статей по сельскому хозяйству за 1904, 1909 г. Сост. **А. Д. Педашенко**. Изд. Гл. Упр. З. и З., Отдѣла Сельской Экономіи и Сельскохоз. Статистики. Спб., тип. В. О. Киршбаума. 1911. — X, 364; XIV, 533.

XI. 90, 4.

242. **Бершъ, В.** Руководство по культурѣ болотъ. Переводъ съ нѣм. языка бар. Г. В. Розена, А. В. Соколовскаго и Ю. П. Краснокутскаго подъ общ. ред. В. Н. Штейна. Съ 45 рисунками. (Изд. Г. У. З. и З., Деп. Земледѣлія). Спб., тип. В. О. Киршбаума. 1912. — 3, VIII, 290, 2, XI, 1.

XI. 103. d. o.

243. **Труды** 1-го и 2-го Съѣздовъ

дѣятелей по сельскому хозяйству Туркестанскаго края (1909 и 1911 г.г.). Изд. Туркест. Сельскохоз. Общества. Ташкентъ. Тип. при Канц. Туркест. Ген.-Губ. 1912. — 1, IV, 326.

XI. 116. а. g.

244. **Краинскій, А. В.** Обогащеніе почвъ азотомъ въ связи съ жизнедѣятельностью аэробныхъ микроорганизмовъ, ассимилирующихъ свободный азотъ. Кіевъ, Корчакъ - Новицкій, 1911. — 180, 11.

XI. 116. а. h.

245. **Благонравовъ, Ал. Арк.** О соотношеніи между гумусомъ и минеральной частью въ темноцвѣтныхъ почвахъ. Владиміръ на Клязьмѣ. Типолит Губ. Земской Управы. 1912. — 13.

XI. 235. h.

246. **Таратыновъ, Н. П.** Краткое наставленіе къ разведенію американскаго хлопчатника въ Закавказьѣ. Изд. Гл. Упр. Землеустройства и Земледѣлія. Изд. 2-е. Тифлисъ. Тип. К. П. Козловскаго. 1912. — V, 32.

XI. 235. i.

247. **Тимоосевъ, С. Н.** Культура чайнаго куста и производство чая въ западномъ Закавказьѣ. Съ картой распространения красноземовъ въ частяхъ Кутаисской губ. и Батумской обл. Тифлисъ. Тип. К. П. Козловскаго. 1912. — 1, 37. [Изд. Гл. Упр. Землеустр. и Земледѣлія.]

XI. 296. z.

248. **Генри, В. А.** Корма и кормленіе. Руководство для учащихся и животноводовъ. Переводъ съ X изд., пересм. и перераб. авторомъ. (Прилож. къ журн. „Сельское Хоз. и Лѣсоводство“ за 1911 г.). Спб. 1911.

XI. 308. z. *Вып. 7.*

249. **Бѣгишевъ, В. Н.** Матеріалы по скотоводству въ Лорійской степи, Борчалинскаго уѣзда, Тифлисской губ. Съ 6 табл. рис. Спб. 1912. — 74 (34—107). [Труды Бюро по Зоотехніи.]

XI. 356. m. № 13.

250. **Гильзень, К.** Матеріалы по изслѣдованію грунта прудовъ Никольскаго рыбоводнаго завода въ Новгородской губ., Демянскаго уѣзда. Съ 5 рис. въ текстѣ. Спб. 1911. — 27 (39—65). („Изъ Никольскаго рыбоводнаго завода“).

XI. 356. m. № 13.

251. **Лихачевъ, И. О.** О зоопланктонѣ оз. Пестово Новгородской губ. за 1905—1906 г. Спб. 1911. — 38. („Изъ Никольскаго рыбоводнаго завода“).

XI. 405. а. b. 1.

252. **Содержаніе** отдѣльныхъ выпусковъ Сборника Института Инженеровъ Путей Сообщенія Императора Александра I. [Приложеніе къ LXXX вып. Сборника.] Спб., 1911.

XI. 405. а. g.

253. **Промыслы**, Кустарные, Уфимской губерніи. Изданіе Уфимской Губернскаго Управы. Уфа. Электр. тип. Т-ва „Печать“. 1912. — 3, 30, 198, 193. (Съ 1 картограммой и съ 7 диаграммами).

XI. 563. y.

254. **Петрашень, И.** Маринская Система 1810—1910. Часть I — Историч. очеркъ Маринской Системы. Ч. II — Современное ея состояніе. Ч. III — Стоимость содержанія Системы, ея значеніе и необход. работы по улучш. ея судоходн. качествъ. Спб., книгопечатня Шмидтъ. 1910. — 2, 216, 1. Съ илл. въ текстѣ; съ 25 цинкогр. на отд. листахъ и съ 25 листами плановъ, картъ, графиковъ и т. п.

XI. 600. с.

255. **Глаголевъ, Н.** Къ звѣздамъ. Исторія воздухоплаванія. Книга I. Спб. Тип. Т-ва „Нашъ Вѣкъ“. 1912. — 117, 2.

XI. 614. с. 2. *Прил. къ № 4. 1912 г.*

256. **Трубы**, Переговорныя. (Отчетъ комиссіи при Бостонскомъ адмиралтействѣ въ Соединенныхъ Штатахъ).

Переводъ съ англійскаго Д. Сафонова. Спб. 1912. — 111. Съ 13 табл. рисунковъ. [Морской Сборникъ].

XI. 614. с. 2. Прил. къ № 12. 1912 г.

257. **Пашкевичъ, В. А.** Опре-
дѣленіе колебательнаго движенія стѣны
цилиндра, подвергнувшагося удару по-
роховыхъ газовъ постоянного напряже-
нія. Численныя примѣненія къ артил-
лерійскимъ орудіямъ. Съ чертежами.
Спб. 1912. — 41. [Морской Сборникъ.]

XI. 617. d.

258. **Самуйленко, Е.** Кинемато-
графъ и его просвѣтительная роль.
Сост. по нѣм. источникамъ. Со статьею
о кинематографѣ въ Россіи **Л. Н. Ни-**
конова. (Прилож. къ № 50 газ. „Шк.
и Жизнь“ 1911 г.) Спб. 1912.

XI. 672. а. г.

259. **Троицкій, В. П.** Торговля
на общественныхъ началахъ при содѣй-
ствіи государства. Харьковъ. Тип. Губ.
Правл. 1908. — 42, 2.

XI. 681. m.

260. **Музей** товаровѣдѣнія при Киев-
скомъ Коммерческомъ Институтѣ. Вып.
3-й, изданія 1911 г. Киевъ. 1911. —
3, 133, 1.

XI. 693. i.

261. **Бауэръ, О. О.** Мемуары къ
исторіи бухгалтеріи и памятники свя-
щенной старины. Москва, тип. С. П.
Яковлева, 1911. — X, 340, 18 лист. рис.

XII. 95. h. i.

262. **Коркинъ, А. Н.** Сочиненія.
Изд. Физ.-мат. факультета Имп. Спб.
Унив. Т. I. (Съ портр. А. Н. Коркина
и Е. И. Золотарева). Спб. 1911.

XII. 208. а. i.

263. **Вельминъ, В. П.** Къ теоріи
вычетовъ восьмой степени въ алгебраи-
ческихъ областяхъ. Варшава, тип.
Варш. Учебн. Окр., 1912. — XXI, 228, 1.

XII. 290. а. l.

264. **Вржесневскій, Окт.** Борьба
за 5-ый постулатъ. Факты, переписка

и повторное доказательство („ядро“) въ
болѣе точныхъ выраженіяхъ. Изданіе
авторское. Москва. 1912. — 22.

XII. 324. е. е.

265. **Мордухай - Болтовской, Д.**
Отзывъ о магистерской диссертациі
В. И. Романовскаго. („Къ теоріи ин-
тегрированія дифференціальныхъ урав-
неній съ частными производными 2 и
3-го порядковъ“). Варшава, 1912. — 21.

XII. 324. е. g.

266. **Адамовъ, А.** Сборникъ за-
дачъ по высшей математикѣ. Спб., тип.
А. С. Суворина. 1911. — 2, 223, 1.

XII. 324. е. h.

267. **Парфентьевъ, Н.** Изслѣдо-
ванія по теоріи роста функций. (Дисс.
на ст. маг.). Казань. Типо-лит. Имп.
Унив. 1910. — V, 1, 192, 1.

XII. 324. е. i.

268. **Рошинъ, П.** Записки по
дифференціальному и интегральному
исчисленіямъ. I часть: Дифференціаль-
ное исчисленіе. (Съ предварительными
статьями и прибавленіемъ). II часть:
Интегральное исчисленіе. Спб., тип.
Имп. Ак. Наукъ. 1912. — 730, IV;
508, II.

XII. 337. h. l.

269. **Сборникъ** задачъ по высшей
математикѣ преподавателей Института
Инженеровъ Путей Сообщенія А. А.
Адамова, А. П. Вилижанина, Н. М.
Гюнтера, А. Н. Захарова, В. М. Меліо-
ранскаго, В. Θ. Точискаго и Я. В.
Успенскаго. — Изданіе Инст. Инж.
Пут. Сообщ. Императора Александра I.
Спб., 1912.

XII. 414. u.

270. **Некрасовъ, П. А.** Общій
основной методъ производящихъ функ-
цій въ приложеніи къ исчисленію вѣ-
роятностей и къ законамъ массовыхъ
явленій. (Четвертый отвѣтъ академику
А. А. Маркову). Москва, тип. И. Моск.
Унив., 1912. — 112.

ХП. 439. а.

271. **Бунтъ, Я. Я.** Нивеллировка между Юрьевомъ и Йёесу [Jöesuu.] Юрьевъ. Тип. К. Маттисена. (1912). — 13 (103—115). [Отд. отд. изъ „Проток. Общ. Естествоисп. при Имп. Ю. Ун.“ т. XXI.]

ХП. 448. о.

272. **Руководство** для чтенія русскихъ и англійскихъ морскихъ картъ. Изданіе Главн. Гидрограф. Управленія. Спб., тип. Морского М-ва. 1908. — 1, 11, 28. Съ 12 таблицами.

ХП. 574. а. i.

273. **Аррениусъ, Сванте.** Образование міровъ. Пер. съ нѣм. подъ ред. проф. К. Д. Покровскаго. Изд. Mathesis, 2-е. Одесса, „Вѣстн. Винодѣлія“, 1912. — ХП, 213, 14.

ХП. 574. а. k.

274. **Покровскій, К. Д.** Курсъ космографіи для среднихъ учебныхъ заведеній. Съ дополнительной статьей „Практическія упражненія по космографіи“, тремя стереоскопич. таблицами, двумя картами — звѣзднаго неба и эклиптическихъ созвѣздій — и 212 рис. въ текстѣ. 4-е, значит. доп. и испр. изд. Кіевъ, изд. Пироговскаго Т-ва, 1912. — XI, 212.

ХП. 602. k.

275. **Каталогъ,** Систематическій, книгъ по астрономіи и геодезіи, принадлежащихъ Имп. Каз. Унив. Часть II. (1 янв. 1890 г. — 1 янв. 1910 г.). Казань. Тип. Имп. Унив. 1911. — VI, 275.

ХП. 646. v.

276. **Долгоруковъ, Н.** кн. Неравенства лунныхъ мѣсяцевъ. Изслѣдованіе. Спб., тип. Ю. Н. Эрлихъ, 1912. — 1, IV, 76, XVI, 2 тбл.

ХП. 713 г.

277. **Покровскій, К. Д.** Инструкція къ наблюденіямъ падающихъ звѣздъ. Изд. Русск. Общ. Любителей Міровъ-

дѣній. Спб., тип. Н. П. Зандмана. 1913. — 12.

ХП. 744. z.

278. **Календарь,** Русскій астрономическій (ежегодникъ) на 1912 годъ. Переменная часть. — Постоянная часть. 3 изд. — На 1913 годъ. Переменная часть. — Изд. Нижегородскаго Кружка Любителей Физики и Астрономіи. Подъ ред. чл. Кружка В. В. Татаринова. Нижний-Новгородъ. 1912; 1913. — VII, 152 съ 8 табл. [Перем. часть на 1913 г.].

ХП. а. 43. п. Отд. Об. геогр., т. 39, в. 2.

279. **Мушкетовъ, И. В.** Собраніе сочиненій, вып. 2: Путешествіе на Алай и Памиръ въ 1877 году. Спб. 1912. — VI, 99; съ 43 рис. въ текстѣ. [Записки Имп. Русск. Геогр. Общ.].

ХП. а. 43. п. Отд. Этногр., т. 35.

280. **Пѣсни** русскихъ сектантовъ-мистиковъ. Съ 22 табл. рис. и 2 табл. нотъ. Сборникъ, составл. **Т. С. Рождественскимъ** и **М. И. Успенскимъ**. Спб. 1912. — LV, 852. [Записки Имп. Русск. Геогр. Общ.].

ХП. а. 43. п. 16. Т. VIII, вып. 1.

281. **Гильзень, К.** Грунтъ Аральскаго моря. Спб., типо-лит. М. П. Фроловой. 1911. — 50. (Извѣстія Туркест. Отд. И. Р. Г. О. Научные результаты Аральской Экспед. вып. X).

ХП. а. 43. п. 16. Т. VIII, вып. 1.

282. **Сидоренко, М.** Петрографическое описаніе образцовъ осадковъ со дна Аральскаго моря. Спб., типо-лит. М. П. Фроловой. — 1911. — (14). (Извѣстія Туркест. Отд. Имп. Р. Г. О. Общ., Научные результаты Аральской Экспедиціи, вып. X).

ХП. а. 43. п. 19. Вып. VII.

283. **Головачевъ, Д. М.** Населеніе Агинской степи. Чита. Паровая Тип. Заб. Т-ва печ. дѣла. 1911. — 94. (Труды Агинской Экспедиціи).

ХП. а. 43. п. 19. Вып. VII.

284. **Солдатовъ, В. В.** Хозяйственный бытъ инородцевъ Агинской

степи. Чита. Паровая Тип. Заб. Т-ва печ. дѣла. 1911. — 272 (95—366). (*Труды Агинской Экспедиции*).

XIII. а. 335. а. в.

285. **Воблый, К. Г.** Статистика. (Пособіе къ лекціямъ). Изд. 3-е, пересм. и доп. Съ 13 діаграммами и картограммой. Кіевъ, Изд. кн. маг. В. Просиянченко, 1912. — 1, 396, VII.

XIII. а. 357. а. п.

286. **Каллиниковъ, Н. О.** Нашъ крайній Сѣверо-востокъ. Съ рис. въ текстѣ и съ 2 картами. Спб., тип. Морск. Мин. 1912. — 1, II, 240. [Особое прилож. къ в. 34 „Зап. по Гидрографіи“].

XIII. а. 369. с. I. 4^о.

287. **Свѣдѣнія** объ уровнѣ воды на внутреннихъ водныхъ путяхъ Россіи по наблюденіямъ на водомѣрныхъ постахъ съ 1891 по 1900 г. Томъ VI. Бассейны Чернаго и Азовскаго морей. Изданіе Мин-ва Путей Сообщенія, Упр. Внутр. Водн. Путей и Шосс. Дор. Текстъ и таблицы. Спб., тип. М-ва Пут. Сообщ. 1910. — 1, LXXI, 387. — Атласъ. Москва. Типо-Лит. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и Ко. 1910. — 3, карта, профиль и 98 графиковъ.

XIII. а. 369. с. п. *Вып.* 27.

288. **Родевичъ, Вс. М.** Абаканъ. Краткое описаніе рѣки и ея бассейна. Съ 2 картами и 11 снимками. Спб. 1911. (*Матеріалы* для описанія русскихъ рѣкъ и ист. улучшенія ихъ судоходн. условій).

XIII. а. 369. с. п. *Вып.* 28.

289. **Петрашень, И.** Рѣка Сухона (описаніе и изслѣдованіе). [Съ 1 картой, 11 снимками, 1 планомъ и 3 графиками]. Спб. 1911. (*Матеріалы* для описанія русскихъ рѣкъ и ист. улучш. ихъ судоходн. условій).

XIII. а. 369. с. п. *Вып.* 29.

290. **Палицынъ, Е. А.** Озеро Ильмень и рѣка Волховъ, въ связи съ проектомъ шлюзованія и использованія

энергіи паденія воды. Спб. 1912. — VIII, 370. (Съ 6 приложеніями). (*Матеріалы* для описанія русскихъ рѣкъ и исторіи улучшенія ихъ судоходныхъ условій).

XIII. а. 369. с. п. *Вып.* 30.

291. **Отчетъ** по изслѣдованіямъ рѣкъ и изысканіямъ соединительныхъ водныхъ путей, произведеннымъ партіями Управленія Внутреннихъ Водныхъ Путей и Шоссейныхъ Дорогъ и Округами Путей Сообщенія въ 1911 году. Съ 14 картами и 39 снимками. Издано подъ ред. Бюро Изысканій Управленія В. В. П. и Ш. Д. Спб. 1912. — X, 188, 1. (*Матеріалы* для описанія русскихъ рѣкъ и ист. улучш. ихъ судоходн. условій).

XIII. а. 369. с. п. *Вып.* 32.

292. **Старицкій, А. К.** Отчетъ по изслѣдованію въ 1910 году нижней части рѣки Вычегды. Съ 2 картами, 1 листомъ чертежей и 50 снимками. Спб. 1912. — 1, 103. [*Матеріалы* для описанія русскихъ рѣкъ и ист. улучш. ихъ судоходн. условій].

XIII. а. 369. с. п. *Вып.* 35.

293. **Пузыревскій, Н. П.** Водное соединеніе рѣкъ Волги и Дона. Историческія, экономическія и техническія свѣдѣнія, изысканія 1910 года и проектъ соединительнаго канала въ мѣстѣ наибольшаго сближенія названныхъ рѣкъ. Отчетъ начальника партіи Н. П. Пузыревскаго. Съ 55 рис. въ текстѣ, съ двумя картами и тремя листами профилей. Спб. 1912. — XXVII, 393, 1. [*Матеріалы* для описанія русскихъ рѣкъ...]

XIII. а. 369. с. п. *Вып.* 38.

294. **Проектъ** шлюзованія Днѣпровскихъ пороговъ въ связи съ утилизаціей энергіи ихъ паденія. (Вариантъ Кіевского Округа Путей Сообщенія). Текстъ. — Фототипія (20) и чертежи (18). Спб. 1912. — II, 127, 23, 33, 110; 2, съ 20 фототип. и 18 чертежами. [*Матеріалы* для описанія рус-

скихъ рѣкъ и ист. улучш. ихъ судоходн. условій].

XIII. а. 369. с. п. *Вып. 39.*

295. **Данныя**, Техническія, экономическія и другія, по вопросу объ улучшеніи судоходныхъ условій р. Дона. Спб. 1912. — IX, 527 съ 8 табл. и 2 картами. [*Матеріалы* для описанія русскихъ рѣкъ и ист. улучш. ихъ судоходн. условій].

XIII. а. 369. с. q.

296. **Каталогъ** атласовъ, картъ, плановъ, видовъ, альбомовъ флаговъ, руководствъ для плаванія и проч. Исправленъ по 1-ое января 1912 года. Изд. Гл. Гидрограф. Управл. Морского Мин-ства. Спб., тип. Морск. М-ства. 1912. — IV, 144. Съ прил. 12 сборныхъ листовъ картамъ и планамъ...

XIII. а. 369. с. v. 8⁰ и Fol.

297. **Жерве, Б. П.** Рѣчныя гавани въ Западной Европѣ. Ч. II. Румынскія и австрійскія гавани. Текстъ и Чертежи. Спб. 1908. 1909. — Типы набережныхъ. Текстъ и Чертежи. Спб. 1909.

XIII. а. 369. с. w.

298. **Войткевичъ, М.** Лѣсныя гавани на прусской Вислѣ. Изд. Упр. Внутр. Водн. Путей. Спб., Кушнеревъ и Ко., 1912. — VI, 68, 2 пл.

XIII. а. 369. с. x.

299. Второе Прибавленіе къ Почтовому **Дорожнику** Россійской Имперіи. Изданія 1911 года. Съ картой желѣзныхъ и почтовыхъ дорогъ Финляндіи. Спб., тип. Мин. Пут. Сообщ. 1912. — 46, 73, 13, 6.

XIII. а. 411. с. у. *Вып. 42.*

300. **Востриковъ, П.** Музыка и пѣсня у азербейджанскихъ татаръ. Тифлисъ. 1912. — 39. [*Сборникъ* мат. для опис. мѣстностей и племенъ Кавказа].

XIII. а. 411. с. у. *Вып. 42.*

301. **Востриковъ, П.** Сказки, записанныя въ Елисаветпольской губерніи. Тифлисъ. 1912. — 169. [*Сбор-*

никъ мат. для опис. мѣстностей и племенъ Кавказа].

XIII. а. 411. с. у. *Вып. 42.*

302. **Дирръ, А. М.** Рутульскій языкъ. Тифлисъ. 1912. — XV, 204. [*Сборникъ* мат. для опис. мѣстностей и племенъ Кавказа].

XIII. а. 411. с. у. *Вып. 42.*

303. **Карауловъ, Н. А.** Краткій очеркъ грамматики языка „болкаръ“. Тифлисъ. 1912. — 60. [*Сборникъ* мат. для опис. мѣстностей и племенъ Кавказа].

XIII. а. 411. с. у. *Вып. 42.*

304. **Такайшвили, Е. С.** Описание рукописей библіотеки „Общества распространенія грамотности среди грузинскаго населенія“. Тифлисъ. 1912. — 64. [*Сборникъ* матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа].

XIII. а. 411. с. у. *Вып. 42.*

305. **Харламовъ, М. А.** Нѣкоторыя особенности живого говора города Майкопа Кубанской области. Тифлисъ. 1912. — 92. [*Сборникъ* мат. для опис. мѣстностей и племенъ Кавказа].

XIII. а. 411. d. p. Fol.

306. **Атласъ**, Статистическій, города Москвы. Территорія, составъ населенія, грамотность и занятія. Составленъ Статист. отдѣломъ Моск. Гор. Управы. Изданіе 1911 года. Москва. Гор. Тип. 1911. — 4, столбцовъ 66; 36 листовъ картъ.

XIII. а. 411. h. c. *Прилож. 1.*

307. **Открытіе** Архангельскаго Общества изученія Русскаго Сѣвера. Составъ Правленія. Списокъ членовъ. Архангельскъ. Губ. Тип. 1909. — 34, 1. (*Извѣстія* Арх. Общ. изуч. Рус. Сѣв.)

XIII. а. 411. h. c. *Прилож. 2.*

308. **Докладъ** Правленія Общему Собранію Членовъ Архангельскаго Общества изученія Русскаго Сѣвера 25-го января 1909 года. — (Архангельскъ.

1909.) 9. (*Извѣстія* Арх. Общ. изуч. Рус. Сѣв.)

XIII. а. 411. h. с. *Прилож. З.*

309. **Отчетъ** Архангельскаго Общества изученія Русскаго Сѣвера за 1910 и 1911 гг. Съ прил. **Указателя** содержанія „Извѣстій Арх. Общ. изуч. Русск. Сѣв.“ за 1911 г. Архангельскъ. Губ. Тип. 1912. — 83, 1. [*Извѣстія* Арх. Общ. изуч. Русск. Сѣв.].

XIII. а. 411. h. е. *Т. V.*

310. **Кравченко, В. Гр.** Этнографическіе матеріалы, собранные въ Волынской и сосѣднихъ съ ней губ. (*Труды* Общ. Исслѣдователей Волыни).

XIII. а. 411. h. n.

311. **Николай Михайловичъ, Вел. Кн.** Петербургскій Некрополь. Т. I—III (A—P), Спб., тип. М. М. Стасюлевича. 1912. — XX, 715; 1, 726, 1; 1, 649.

XIII. а. 411. h. t. *Т. II, вып. 2.*

312. **Юрганова, К. В.** Отъ Улалы до Отхан-Хаирхана. (Путевой дневникъ). Томскъ. 1912. — 1, 38. [*Труды* Томскаго Общ. изученія Сибири].

XIII. а. 522. а. 1.

313. **Боборыкинъ, П.** Столицы міра. (Тридцать лѣтъ воспоминаній). К-во „Сфинксъ“. (Съ портр. П. Боборыкина). Москва. Тип. А. Л. Будю. 1911. — 516, 3.

XIII. b. 4, 73.

314. **Лалошъ, М.** Сравнительный календарь древнихъ и новыхъ народовъ съ изложеніемъ времясчисления и календарей: китайскаго, японскаго, халдейскаго, египетскаго, древне-греческаго, македонскаго, сирійскаго, еврейскаго, римскаго, древне-персидскаго, магометанскаго, юліанскаго и григоріанскаго, — и съ особенно-подробнымъ объясненіемъ русскаго лѣтосчисленія съ приложеніемъ таблицъ и съ показаніемъ примѣненія ихъ къ повѣркѣ русскихъ лѣтописей. Изд. 3-е. Спб., тип. А. М. Котомина, 1869. — 8, XIV, 320, 1.

XIII. b. 7, 80.

315. **Церетели, Г.** Сокращенія въ греческихъ рукописяхъ преимущественно по датированнымъ рукописямъ С.-Петербурга и Москвы. Съ 30 таблицами. Спб., тип. Имп. Ак. Наукъ. 1896. — 4, XLIII, 2, 226, 33.

XIII. b. 16, 75.

316. **Книга** для чтенія по исторіи новаго времени. Изд. Т-ва И. Д. Сытина и „Сотрудника школь“ А. К. Залѣтской. Тт. I. II. III. Москва. Тип. Т-ва И. Д. Сытина. 1910. 1911. 1912. — IV, 627, 2; IV, 748, VII; II, 796.

XIII. b. 20, 332.

317. **Рись-Дэвидсъ, Т. В.** Буддизмъ. Пер. съ англ. О. П. Семеновъ подъ ред. проф. С. Ф. Ольденбурга. [„Образовательная библіотека“. Сер. 2. (1898 г.) № 8]. Изд. О. Н. Поповой. Спб., 1899.

XIII. b. 20, 333.

318. **Нидерле, Люборъ.** Человѣчество въ доисторическія времена. Доисторическая археологія Европы и въ частности славянскихъ земель. Переводъ съ чешскаго Ѳ. К. Волкова, подъ ред. Д. Н. Анучина. Съ 459 рисунками и картою. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. Спб., тип. и лит. В. А. Тиханова. 1898. — VII, XXVII, 655.

XIII. b. 20, 334.

319. **Шурцъ, Г.** Исторія первобытной культуры. Пер. съ нѣм. проф. Каз. ун. И. Н. Смирнова, подъ ред., съ предисловіемъ и дополненіями зав. этногр. отд. Музея Императора Александра III Д. А. Клеменца. 434 рис. въ текстѣ. 8 хромолит., 15 грав. и автотипій и 1 карта. Спб., тип. Книгоизд. Т-ва „Просвѣщеніе“. 1907. — XX, 688.

XIII. b. 21, 111.

320. **Финдель, Г.** Исторія франк-масонства отъ возникновенія его до настоящаго времени. Нѣм. изд. Т. I. II. III. Глифова. Спб., 1872.

XIII. b. 22, 39.

321. **Остроумовъ, Н. П.** Исламовѣдѣніе. 3. Коранъ. Религіозно-законодательный кодексъ мусульманъ. Часть первая. Изд. по постановленію Сыръ-Дарьинскаго Областного Статистическаго Комитета. Ташкентъ. Тип. при Канц. Турк. Ген.-Губ. 1912. — 160; съ илл. въ текстѣ.

XIII. b. 28, 74.

322. **Фричъ, Теодоръ.** Справочная (Настольная) книга по еврейскому вопросу, (Handbuch der Judenfrage) въ сокращенномъ изложеніи. Изданіе Кіевскаго Патріотическаго Общества Молодежи „Двуглавый Орелъ“. Кіевъ. Печатня Ив. Ив. Васильченко. 1912. — II, 44, 1; съ портр. Т. Фрича.

XIII. b. 44, 134.

323. **Бузескулъ, В.** Краткое введеніе въ исторію Греціи. Лекціи. Харьковъ, Сергѣевъ, 1910. — 264.

XIII. b. 45, 17. 40.

324. **Анучинъ, Д.** Трудъ профессора В. И. Модестова: „Введеніе въ римскую исторію. Вопросы до-исторической этнологіи и культурныхъ вліяній въ до-римскую эпоху въ Италиі и начало Рима. Спб. 1902—1904“. Москва, 1909. — 28. Изд. И. Моск. Археол. Общ.

XIII. b. 48, 257.

325. **Кулаковскій, Юліанъ.** Исторія Византіи. Т. I (395—518). Т. II. (518—602). Кіевъ, 1910. 1912.

XIII. b. 48, 259.

326. **Черноусовъ, Е. А.** Очерки по исторіи Римской имперіи 180—235 гг. Подготовка смуты III вѣка. Харьковъ, типо-лит. М. Сергѣева и К. Гальченка, 1911. — 272, 1, XXXVIII, 1.

XIII. b. 48, 260.

327. **Васильевъ, А. А.** Путешествіе византійскаго императора Мануила II Палеолога по Западной Европѣ (1399—1403 г.). Спб., Сенатская тип., 1912. — 84. (Извлечено изъ „Журн. Мин. Нар. Пр.“ за 1912 г.).

XIII. b. 56, 75. 40.

328. **Ильинскій, Г. А.** Грамоты болгарскихъ царей. Съ прил. 7 фототип. снимковъ. Москва, Синод. Тип., 1911. — 160, 2. — (Древности. Труды Слав. Комиссіи Имп. Моск. Археол. Общ., т. V).

XIII. b. 56, 76.

329. **Лукьяненко, А. М.** Политическая и литературная дѣятельность братьевъ Зринскихъ и Франца Франкопана. (Изъ ист. политич. и экономич. жизни хорватовъ XVII в. и изъ ист. развитія у хорв. литературы и выработки литерат. языка). Томъ I. Политич. дѣят. братьевъ Зринскихъ и Франца Франкопана. Кіевъ. 1911. — I, X, 861. Съ двумя портретами.

XIII. b. 56, 77.

330. **Штуръ, Людевитъ.** Славянство и міръ будущаго. Посланіе славянамъ съ береговъ Дуная Людевита Штура. Пер. неизданной нѣмецкой рукописи, съ примѣчаніями В. И. Ламанскаго. Изданіе Общ. Ревнителей Русск. Историч. Просвѣщенія въ память Императора Александра III. Второе изданіе съ біографіей Л. Штура и дополнительными примѣчаніями проф. **Т. Д. Флоринскаго** и портретомъ автора подъ редакціей К. Я. Грота и Т. Д. Флоринскаго. Спб., тип. М-ства Путей Сообщенія. 1909. — XLVII, 176.

XIII. b. 56, 78.

331. **Заболотскій, П. А.** Возрожденіе идеи славянской взаимности и новыя изученія славянства. Нѣжинъ, Меленевскій, 1912. — 31.

XIII. b. 56, 79.

332. **Милетичъ, Л. и Агура, Д. Д.** Дако-ромѣнитѣ и тѣхната славянска письменость. Съ прилож. на 84 влахо-молдавски славянски грамоти и фототип. снимки. (I). (Отд. отп. отъ „Сб. за народни умотв., наука и книжн., кн. IX). София, държ. печ., 1893. — 180, 3 фототип.

XIII. b. 56, 80.

333. **Милетичъ, Л.** Дако-ромънитѣ и тѣхната славянска писменость. II. Нови влахо-български грамоти отъ Брашовъ. (Отд. отп. отъ „Сб. за народни умотв., наука и книжн.“, кн. XIII). София, държ. печ. 1896. — 152.

XIII. b. 56, 81.

334. **Милетичъ, Л. и Агура, Д. Д.** Бѣлѣжки отъ едно научно пѣтуванье въ Ромъния. (Отд. отп. отъ „Сб. за народни умотв., наука и книжн.“, кн. IX). София, държ. печ., 1893. — 50.

XIII. b. 56, 82.

335. **Милетичъ, Л.** Седмиградскитѣ българя. (Отд. отп. отъ „Сб. за народни умотвор., наука и книжн.“, кн. XIII). София, държ. печ., 1896. — 104.

XIII. b. 56, 83.

336. **Милетичъ, Л.** Заселението на католицизирани българя въ Седмиградско и Банатъ. (Отд. отп. отъ „Сб. за народни умотв., наука и книжн.“, кн. XIV). София, държ. печ., 1897. — 262.

XIII. b. 59, 67. *Вып. 31.*

337. **Погодинъ, А. Л.** Исторія Сербіи. Спб., изд. „Брокгаузъ-Ефронъ“, 1910. — 164, 1. (*Исторія Европы по эп. и стр. въ средн. в. и нов. вр. Изд. подъ ред. Н. И. Карѣва и И. В. Лучицкаго*).

XIII. b. 59, 67. *Вып. 32.*

338. **Дживелеговъ, А. К.** Исторія современной Германіи. Ч. II. (1862—1910). Спб., изд. „Брокгаузъ-Ефронъ“, 1910. — 1,210. (*Исторія Европы по эп. и стр. въ средн. в. и нов. вр. Изд. подъ ред. Н. И. Карѣва и И. В. Лучицкаго*).

XIII. b. 59, 67. *Вып. 33.*

339. **Погодинъ, А. Л.** Исторія Болгаріи. Спб., изд. „Брокгаузъ-Ефронъ“, 1910. — 224, 1. (*Исторія Европы по эп. и стр. въ средн. в. и нов. вр. Изд. подъ ред. Н. И. Карѣва и И. В. Лучицкаго*).

XIII. b. 59, 67. *Вып. 35.*

340. **Кулишеръ, I. M.** Промышленность и рабочий классъ на Западѣ въ XVI—XVIII ст. Изд. „Брокгаузъ-Ефронъ“. Спб., 1911. — 168. (*Исторія Европы по эп. и стр. въ средн. в. и нов. вр. Изд. подъ ред. Н. И. Карѣва и И. В. Лучицкаго*).

XIII. b. 62, 73.

341. **Голицынъ, Н. Н.** кн. Указатель именъ личныхъ, упоминаемыхъ въ Дворцовыхъ Разрядахъ. Изд. Имп. Археогр. Коммисіи. Спб., Сенатск. Тип. 1912. — 2, 322, 1.

XIII. b. 62, 100. n.

342. **Спицынъ, А.** Археологическія развѣдки. Съ 110 рис. въ текстѣ. Изд. Имп. Археолог. Коммисіи. Спб., тип. Гл. Упр. Удѣловъ. 1908. — 96.

XIII. b. 62, 108. *Вып. 24.*

343. **Барсковъ, Я. Л.** Памятники первыхъ лѣтъ Русскаго Старообрядчества. Съ 11 табл. Спб. 1912. — XVI, 424, 2. [*Лѣтопись Занятій Имп. Археогр. Коммисіи*].

XIII. b. 62, 108. *Вып. 24.*

344. **Грековъ, Б. Д.** Опись Торговой стороны въ Писцовой книгѣ по Новгороду Великому XVI вѣка. Спб. 1912. — IX, 88, 1. [*Лѣтопись Занятій Имп. Археогр. Коммисіи*].

XIII. b. 62, 108. *Вып. 24.*

345. **Егоровъ, В. А.** Отрывки изъ Новгородскихъ кабальныхъ книгъ 7108 года. Спб. 1912. — 35. [*Лѣтопись Занятій Имп. Археогр. Коммисіи*].

XIII. b. 62, 108. *Вып. 24.*

346. **Майковъ, В. В.** Книга Писцовая по Новгороду Великому конца XVI в. съ 4 табл. снимковъ. Спб. 1911. — XLVIII, 307. [*Лѣтопись Занятій Имп. Археогр. Коммисіи*].

XIII. b. 62, 279.

347. **Письма и бумаги Императора Петра Великаго.** Томъ VI (іюль-декабрь 1707). Подъ ред. И. А. Быч-

кова. Спб., Гос. Тип. 1912. — XXVII, 634, LXXXII, 1.

XIII. b. 62, 287. *Вып. XXVI.*

348. **Кастанье, I. A.** Надгробныя сооруженія киргизскихъ степей. 28 табл. 77 рис. Оренбургъ. Тип. Тургайскаго Обл. Правленія. 1911. — 102, 1, VIII. [*Труды* Оренб. Учен. Арх. Комиссіи]. Текстъ на русск. и франц. яз.

XIII. b. 62, 287. а. 4°.

349. **Шукшинцевъ, И. С.** Десятилѣтіе Оренбургской Ученой Архивной Комиссіи (9 дек. 1887—1897 г.). Оренбургъ. Типо-лит. И. И. Евфимовскаго-Мировицкаго. 1898. [Отд. отт. изъ „Оренб. Листка“].

XIII. b. 62, 319. *Вып. 4.*

350. **Памятники** исторіи Смутнаго времени. Подъ ред. А. И. Яковлева. Изд. Н. Н. Ключкова. Москва, 1909. — 101, 3. (*Памятники* рус. ист., изд. подъ ред. препод. рус. ист. въ Моск. Унив.).

XIII. b. 62, 319. *Вып. 7.*

351. **Памятники** законодательства Петра Великаго. Подъ ред. М. М. Богословскаго. Изд. Н. Н. Ключкова. Москва, 1910. — 117, 1. (*Памятники* рус. ист., изд. подъ ред. препод. рус. ист. въ Моск. Унив.)

XIII. b. 62, 321.

352. **Архивъ** Раевскихъ. Т. III. IV. Изд. П. М. Раевского. Ред. и примѣч. Б. Л. Модзалевскаго. Спб., тип. М. А. Александрова, 1910. 1912. — XVII, 717, 4 лист. прилож.; XXIII, 725, 10 лист. прилож.

XIII. b. 62, 331.

353. **Каллашъ, В. В.** Двѣнадцатый годъ въ воспоминаніяхъ и перепискѣ современниковъ. Съ иллюстраціями. К-во Т-ва И. Д. Сытина. Москва. 1912.

XIII. b. 62, 333.

354. **Минцловъ, С. Р.** Обзоръ записокъ, дневниковъ, воспоминаній, пи-

семь и путешествій, относящихся къ исторіи Россіи и напечатанныхъ на русскомъ языкѣ. Вып. I (до врем. Императора Павла I); вып. II и III: Времена Императоровъ Александра I и Николая I; вып. IV и V: Времена Императоровъ Александра II, Александра III и Николая II. Новгородъ. Губ. Типографія. 1911. 1912. — 171: 198; 115.

XIII. b. 62, 336.

355. **Дельвигъ, А. И.** баронъ. Мои воспоминанія. Т. I. 1813—1842. Изд. Моск. Публ. и Румянц. Музеевъ. Москва, 1912. — II, 374, IV.

XIII. b. 63, 145.

356. **Русская исторія** въ очеркахъ и статьяхъ. Сост. при участіи профессоровъ и преподавателей подъ ред. проф. М. В. Довнаръ-Запольскаго. Т. III. Изд. кн. маг. Н. Я. Оглоблина. Кіевъ, тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и Ко., 1912. — 1, 754.

XIII. b. 63, 147.

357. **Ковалевскій, П. И.** Исторія Россіи съ національной точки зрѣнія. Національно-историч. очеркъ. Спб., Акинфиевъ, 1912. — 180.

XIII. b. 63, 148.

358. **Борниловъ, А.** Курсъ исторіи Россіи XIX вѣка. Ч. I, II. Москва. Издательство М. и С. Сабашниковыхъ. Типо-лит. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и Ко. 1912. — 2, 283; 272.

XIII. b. 64, 146. *Т. XXVIII.*

359. **Книги**, Приходо-расходныя, Московскихъ приказовъ. Кн. I. Москва. Синодальная Тип. 1912. — IV, 1012 столбц., 2. [Русск. Историч. Библиотека, издав. Имп. Археогр. Коммиссіею.]

XIII. b. 64, 223.

360. **Указатель**, Систематическій, журнала „Кіевская Старина“ (1882—1906 г.). Составленъ Членами Комиссіи: И. Ф. Павловскимъ, В. А. Щепотьевымъ, А. А. Явойскимъ и студентомъ Кіевск. Унив. В. Д. Чичринце-

вымъ. Полтава. Электр. тип. Г. И. Маркевича. 1911. — 3, 219.

XIII. b. 64, 301. 4°.

361. **Правила** шестнадцатаго Археологическаго Съѣзда въ Псковѣ въ 1914 г. и протоколы засѣданій Предварительнаго Комитета 2—6 января 1912 г. Москва. Тип. В. И. Воронова. 1912. — 31. (Изд. Имп. Моск. Археол. Общ.).

XIII. b. 64, 321.

362. **Алексѣевъ, В. А.** Плюшкинскій музей. Спб., тип. А. С. Суворина, 1911. — 9.

XIII. b. 64, 322.

363. **Ключевскій, В.** Опыты и изслѣдованія. Первый сборникъ статей. Москва, тип. Моск. Городск. Арнольд-Третьяк. Училища Глухон. и П. П. Рябушинскаго, 1912. — 2, 551, XXIV.

XIII. b. 64, 323.

364. **Яценко, А. С.** Роль Россіи въ сближеніи Востока и Запада. Докладъ, прочитанный на Всемирномъ Конгрессѣ Расъ въ Лондонѣ 26 іюля 1911 года. Казань. Центр. Тип. 1912. — 25. [Отд. отт. изъ журн. „Правосл. Собесѣдникъ“ за 1912 годъ.]

XIII. b. 64, 324.

365. **Матеріалы** по вопросу о сохраненіи древнихъ памятниковъ, собранные Имп. Моск. Археолог. Обществомъ. Москва. Тип. О-ва распр. полезн. книгъ. 1911. — 62.

XIII. b. 64, 326.

366. **Тургеневъ, Н.** Отвѣтъ „Острожской лѣтописи“. Réponse à la Chronique d'Ostrog par N. Tourgueneff. Лейпцигъ. F. A. Brockhaus. 1869. — 11.

XIII. b. 64, 328.

367. **Крыловъ, Л. И.**, свящ. Церковно-археологическіе курсы въ городѣ Твери (28 мая — 8 іюня 1912 г.). Изд. Тверской Уч. Арх. Комиссіи. Тверь. 1912. — 2, 88, VI.

XIII. b. 64, 329.

368. **Крыловъ, Л. И.**, свящ. Семейный архивъ дворянъ Бѣловыхъ Осташковскаго уѣзда Тверской губерніи. Изд. Тверск. Учен. Архивн. Комиссіи. Тверь. 1912. — 54, съ прил. снимка съ рукописи.

XIII. b. 65, 292. а. 4°.

369. **Обзоръ** дѣятельности Государственной Думы третьяго созыва. 1907—1912 гг. Часть I: Общія свѣдѣнія. Ч. II: Законодательная дѣятельность. Ч. III: Разсмотрѣніе государств. росписей. — Составленъ Канцелярією Государственной Думы. Спб., Госуд. Тип. 1912. — XIV, 515; IV, 708; VIII, 106, 108, 920, 1, 15.

XIII. b. 65, 292. а, b. 4°.

370. **Обзоръ** дѣятельности Государственной Думы III созыва 1907—1912 гг. Составленъ Канцелярією Гос. Думы. Часть I: Общія свѣдѣнія. Часть II: Законодательная дѣятельность. Часть III: Разсмотрѣніе государственныхъ росписей. Спб., Гос. Тип. 1912. — XIV, 515; IV, 708; VIII, 106, 108, 920, 1, 15.

XIII. b. 65, 333. а.

371. **Акты** Угличской Провинціальной Канцеляріи (1719—1726 гг.), изд. И. А. Вахромѣевымъ и его наслѣдниками подъ ред. проф. О. В. Тарановскаго. Тт. I, II. Москва. Печатня А. И. Снегиревой. 1908. 1909. — LXIV, 444; XXXIX, 418, 1 съ портр. И. А. Вахромѣева. (Труды Яросл. Губ. Уч. Арх. Комиссіи, кн. 5 и 6).

XIII. b. 65, 353.

372. **Тукалевскій, Вл.** Исканія русскихъ масоновъ. Изъ исторіи философскихъ направленій въ русскомъ обществѣ XVIII вѣка. Спб. 1911.

XIII. b. 65, 354.

373. **Тихомировъ, Л.** Къ реформѣ обновленной Россіи. (Статьи 1909, 1910, 1911 гг.). Москва, 1912.

XIII. b. 65, 355.

374. **Пестель, П. И.** Русская Правда. Наказъ Временному Верховному Правленію. К-во „Культура“ Спб., 1906. — XIV, 1, 244, 1.

XIII. b. 65, 357.

375. **Васильевъ, Н. П.** Наши социалисты. Спб., тип. „Мирый Трудъ“. 1912. — 72.

XIII. b. 65, 358.

376. **Васильевъ, Н. П.** Правда о кадетлахъ. Нов., дополн. и перераб. изданіе. Спб., тип. „Мирный Трудъ“. 1912. — 95.

XIII. b. 65, 359.

377. **Веретенниковъ, В. И.** Изъ исторіи Тайной Канцеляріи 1731—1762 г. Очерки. Харьковъ. Типолит. М. Зильбербергъ и С-вья. 1911. — 1, 120.

XIII. b. 65, 360.

378. **Полежаевъ, Петръ.** Зашесть лѣтъ (1906—1912 гг.). Спб., тин. А. С. Суворина. 1912. — 175.

XIII. b. 65, 363.

379. **Хлѣбниковъ, Н.** Общество и государство въ до-монгольскій періодъ русской исторіи. Спб., тип. А. М. Котомина, 1872. — 4, XXII, 512, 5.

XIII. b. 65, 364.

380. **Дьяконовъ, М.** Очерки общественного и государственнаго строя древней Руси. Т. I. Изд. 4-е, испр. и доп. Спб., изд. юрид. кн. кл. „Право“, 1912. — XV, 1, 489.

XIII. b. 65, 365.

381. **Васильевъ, Ао.** Объ исконныхъ творческихъ началахъ и бытовыхъ особенностяхъ русскаго народа. Изд. 2-е. Петроградъ, печ. М. П. С., 1904. — II, 8. (Русское міросозерцаніе. 2).

XIII. b. 65, 366.

382. **Васильевъ, Ао.** Задачи и стремленія славянофильства. Петро-

градъ, печ. М. П. С., 1904. — 34. (Русское міросозерцаніе. 3).

XIII. b. 66, 338.

383. **Валишевскій, К.** Вокругъ трона. Екатерина II, Императрица Всероссийская, ея любимые сотрудники, друзья, фавориты, интимная жизнь. Полный переводъ съ франц. А. Ф. Гретманъ. Москва. Кн-ство „Сфинксъ“. Тип. Т-го Дома М. В. Балдинъ и Ко. 2-е изданіе. [Полное собр. сочиненій. т. I.] 1911. — 488. (Съ портр. Екат. II).

XIII. b. 66, 339.

384. **Валишевскій, К.** Дочь Петра Великаго. Елизавета I, Императрица Всероссийская. По нов., частью неизд. документамъ, заимств. изъ Архива М-ва Иностр. Дѣлъ во Франціи, изъ тайныхъ архивовъ въ Берлинѣ и Вѣнѣ, изъ разныхъ другихъ хранилищъ и изъ новѣйшихъ русскихъ и иностранныхъ изданій. Съ 72 илл. въ текстѣ и 41 на отд. листахъ — изъ картинныхъ галерей Императорскихъ Дворцовъ, Императорскаго Эрмитажа, Акад. Художествъ и проч. Изданіе А. С. Суворина. Спб., тип. А. С. Суворина. [1911]. — XXX, 562.

XIII. b. 66, 340.

385. **Валишевскій, К.** Преемники Петра. Переводъ съ франц. Н. Васина. К-ство „Современныя проблемы“. Москва. Тип. Торг. Дома „Моск. Изд. Копѣйка“. 1912. — VII, 354, 1; съ 6 портретами. (Происхожденіе современной Россіи. Томъ V).

XIII. b. 66, 341.

386. **Гершензонъ, М. О.** Эпоха Николая I. Подъ ред. М. О. Гершензона. Съ рисунками (4 портр. и 3 снимка съ картинъ). Моск. Книгоизд. Т-во „Образованіе“. Москва. Тип. Русск. Т-ва. 1910. — VIII, 187, II.

XIII. b. 66, 342.

387. **Война,** Отечественная, и русское общество. Юбилейное изданіе. 1812—1912. Историч. Комиссія Учебн.

Отд. О. Р. Т. З. Ред. А. К. Дживелегова, С. П. Мельгунова, В. И. Пичета. Изд. Т-ва И. Д. Сытина. Т. I—VII. Москва, 1912. — VIII, 232, 2, 38 лист. рис.; 1, 270, 2, 25 л. р.; 2, 227, 30 л. р.; 2, 266, 2, 41 л. р.; 2, 236, 36 л. р.; 2, 208, 32 л. р.; 2, 331, 36 л. р.

XIII. б. 66, 343. 4^о.

388. **Годы**, Юбилейные, 1611—1613, 1711—1715 и 1806—1814: Изд. Унив. св. Владимира. Киевъ, Кульженко, 1911. — 255, 6 лист. рис.

XIII. б. 66, 344.

389. **Строевъ, В.** Бироновщина и Кабинетъ министровъ. Очеркъ внутр. политики Императрицы Анны. Историч. изслѣдованіе. Часть I (1730—1735 г.) Москва. Тип. Имп. Моск. Ун., 1909. — 205, 1.

XIII. б. 66, 345.

390. **Николай Михайловичъ, Вел. Кн.** Императоръ Александръ I. Опытъ историческаго изслѣдованія. Т. I. II. Текстъ и приложенія. Спб., Экспедиція Заготовленія Госуд. бумагъ, 1912. — XIII, 580, 19 лист. рис.; 745.

XIII. б. 66, 346.

391. **Вороновскій, В. М.** Отечественная война 1812 г. въ предѣлахъ Смоленской губерніи. Юбилейное изданіе Смоленскаго Губ. Земства. (Съ прил. 64 отд. листовъ съ иллюстраціями.) Спб., тип. А. С. Суворина. 1912. — VIII, 428.

XIII. б. 66, 348.

392. **Ляховъ, Арс.** Основные черты социальныхъ и экономическихъ отношеній въ Россіи въ эпоху Императора Александра I. (Опытъ опредѣленія общаго абриса народно-хозяйственнаго цѣлаго). Москва, тип. Т-го Дома М. В. Балдинъ и Ко., 1912. — 169.

XIII. б. 66, 349.

393. **Аванасьевъ, Г. Е.** Наполеонъ и Александръ. Причины войны 1812 года. (Публичная лекція). Изд. Киевск. Общ. Искусства и Литературы. Киевъ,

тип. 1-й Киевск. Арт. Печ. Дѣла, 1912. — 61.

XIII. б. 66, 350.

394. **Глинскій, Б. Б.** Революціонный періодъ русской исторіи (1861—1881 гг.). Историческіе очерки. Ч. I. II. Изд. Т-ва А. С. Суворина „Нов. Время“. Спб. 1913. — XII, 528, 40 портр. и иллюстр.; 554, 59 портр. и илл.

XIII. б. 66, 352.

395. **Шмидтъ, Гансъ.** Виновники пожара Москвы въ 1812 г. Изданіе Н. Киммеля. Рига. 1912. — 3, 100.

XIII. б. 66, 353. 4^о.

396. **Дмитріевы-Мамоновы, А. И. и В. А.** Дмитріевы-Мамоновы. Спб., изд. авторовъ, 1912. — 7, 67, 19, 4, 18, 32 тбл.

XIII. б. 66, 354.

397. **Милуковъ, П.** Годъ борьбы. Публицистическая хроника 1905—1906. Спб., тип. т-ва „Общественная Польза“. 1907. — XVII, 550.

XIII. б. 67, 99. Т. XI.

398. **Памятники** исторіи нижегородскаго движенія въ эпоху смуты и земскаго ополченія 1611—1612 гг. Спб., типо-лит. Акц. Общ. „Самообразование“. [1912]. — XXIII, 570. Съ илл. (*Дѣйствія* Нижегородской Губ. Уч. Арх. Коммиссіи, Сборникъ.)

XIII. б. 67, 115. Кн. III, вып. 3.

399. **Нарышкина, Н. Ѳ.**, рожд. граф. Ростопчина. Пребываніе въ г. Ярославль семьи графа Ѳ. В. Ростопчина, осенью 1812 г. Ярославль. 1912. — 23. [*Труды* Яросл. Губ. Уч. Арх. Коммиссіи.]

XIII. б. 67, 115. Кн. IV, вып. 2.

400. **Розовъ, Ив. Ст.** Историческій очеркъ угличской „Царевской“, что на крови, церкви. Съ 9 листк. рис. Ярославль. 1905. — 170, III. [*Труды* Яросл. Губ. Уч. Арх. Коммиссіи.]

XIII. в. 67, 115. *Кн. VI, вып. 2.*

401. **Ширяевъ, В. Н.** Ярославскій Губ. Комитетъ 1858—1859 гг. и составленный имъ проектъ положенія объ устройствѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ. (По архивнымъ матерьяламъ.) Ярославль. 1912. — 56. [*Труды Яросл. Губ. Уч. Архивной Комиссии.*]

XIII. в. 67, 115. а.

402. **Вяземскій, П. А.** кн. Письмо кн. П. А. Вяземскаго къ графинѣ Эмили Карловнѣ Мусиной-Пушкиной, рожд. баронессѣ Шернваль-Валленъ 16, 17 февр. 1837 года. Ярославль. 1899. — 8 (21—28); франц. текстъ съ русск. переводомъ. (Ярославская Губернская Ученая Архивная Комиссія.)

XIII. в. 67, 115. а.

403. **Комиссія,** Ярославская Губернская Ученая Архивная. Засѣданіе 14 ноября 1899 года, въ день завершившагося десятилѣтія дѣятельности Комиссіи. Ярославль. Тип. Губ. Правленія. 1899. — 28.

XIII. в. 67, 203. *Кн. XIV. 4°.*

404. **Суздаль** и его достопамятности. Съ 46 рис. въ текстѣ и 8 на отд. листахъ. Москва. 1912. — 74. [*Труды Владим. Учен. Арх. Комиссии.*]

XIII. в. 67, 238. *Кн. V.*

405. **Акты** и документы архива Виленскаго, Ковенскаго и Гродненскаго Генераль-Губернаторскаго Управленія, относящіеся къ исторіи 1812—1813 гг. Часть первая. Переписка по военной части. Съ двумя портр., одной фототипіей и 3 картами. Вильна. Тип. 1912. — VII, 285. [Виле. *Временникъ.*]

XIII. в. 67, 247.

406. **Хованскій, Н. Ф.** *Восстание в Саратовской губерніи въ Отечественную войну 1812 г.* Изданіе Саратов. Архивной Комиссии. Саратовъ. Союза Печатнаго Дѣла. 1912. — 296; Съ илл. въ текстѣ.

XIII. в. 67, 251.

407. **Триета** лѣтъ тому назадъ въ

г. Ярославль. Ко дню 24 мая 1912 года. Для общедоступнаго чтенія. Изд. Яросл. Уч. Арх. Комиссии. Ярославль. Тип. Губ. Правл. 1912. — 16.

XIII. в. 68, 156.

408. **Сивицкій, С. Н.** Отечественная война въ Прибалтійскомъ краѣ. 1812—1912. Съ историч. очеркомъ Прибалтійскаго края въ XVIII столѣтіи. Съ прилож. 17 портр. и 4 картъ и плановъ. Изд. Рижск. Педагогич. Общ. Рига, тип. Шнакенбургъ, 1912. — 224.

XIII. в. 69, 253.

409. **Списокъ** лицъ, имѣющихъ право участія въ выборахъ въ Государственную Думу (четвертаго созыва): а) по I Юрьевскому Городскому съѣзду избирателей, б) по II Юрьевскому Городскому съѣзду избирателей. Юрьевъ. Тип. К. Маттисена. 1912. — 16; 24. [Прилож. къ Лифл. Губ. Вѣдомостямъ.]

XIII. в. 69, 261.

410. **Змигородскій, Г. Г.** Городъ Юрьевъ Лифляндской губерніи и Высочайшій манифестъ 14 декабря 1766 года. [Отт. изъ „Сборн. Уч. Лит. Общ. при И. Ю. У.“ тт. XII, XIII и XIV.] Юрьевъ. 1907—1909.

XIII. в. 72, 38.

411. **Тризна, Д. С.** Финляндія за 100 лѣтъ въ составѣ Россіи. (1809—1909). Спб., Киришбаумъ, 1911. — V, 73. (Безпл. прилож. къ газ. „Окраины Россіи“.)

XIII. в. 72, 39.

Алексѣевъ, В. А. Панфинскій походъ финляндевъ на православную Карелію. Спб., Госуд. Типографія. 1910. — 105. [Безпл. прил. къ № 12 газ. „Окраины Россіи“.]

XIII. в. 78, 137.

Бречкевичъ, М. В. Первый походъ короля Оттона I въ Италію. Юрьевъ. Тип. К. Маттисена. 1912. — 25. [Отд. отт. изъ „Уч. Зап. Имп. Юрьевск. Ун.“]

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ЮРЬЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

выходить съ 1893 г. въ неопредѣленные сроки, не менѣе 4 разъ въ теченіе года.

Ученыя Записки распадается на два отдѣла: официальный и научный.

Въ официальномъ отдѣлѣ помѣщается годовой отчетъ Университета, актовыя рѣчи, отзывы о диссертацияхъ, обзорѣніе лекцій и т. п.

Въ научномъ отдѣлѣ помѣщаются работы преподавателей Университета; изъ студенческихъ же работъ печатаются (по возможности въ извлеченіи) лишь сочиненія, удостоенныя золотой медалію.

Научныя статьи **Ученыхъ Записокъ** печатаются какъ на русскомъ языкѣ, такъ и на одномъ изъ болѣе распространенныхъ западно-европейскихъ языковъ, а также на латинскомъ, по выбору автора.

Подписка принимается Правленіемъ Императорскаго Юрьевскаго Университета.

Подписная цѣна 6 руб. въ годъ.

Редакторъ **Д. Бударевскій.**
